

9
С-97

Славянский
СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

I

ОБРАЗОВАНИЕ СЕРБСКОГО, ПОЛЬСКОГО
И ЧЕШСКОГО ГОСУДАРСТВ

II

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛАВЯН

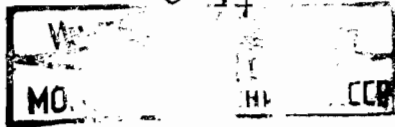

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1947

9
C-47

4364

ПРЕДИСЛОВИЕ

великой освободительной борьбе против немецких захватчиков выросло и окрепло содружество славянских народов.

Освобождённые Красной Армией от немецко-фашистского ига славянские народы создали свои демократические правительства.

Советский Союз, сыгравший решающую роль в победоносном завершении борьбы славянских народов за своё существование и независимость, заключил договоры о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Чехословакией, Польшей и Югославией. Совершенно естественен поэтому интерес советской общественности к истории и культуре братских славянских народов.

Предлагаемый вниманию читателя «Славянский сборник» ставит своей целью удовлетворить в некоторой степени насущный интерес советского читателя к прошлому славянских народов.

В сборнике помещены статьи, посвящённые истории образования государств славянских народов и истории политических, культурных и дипломатических связей русского народа с южными славянами. В сборнике нет статьи, посвящённой образованию Болгарского государства. Это объясняется тем, что в специальной монографии «История Болгарии», т. I, академика Н. С. Державина эта проблема рассмотрена всесторонне.

Большой интерес представляет статья известного чешского учёного Э. Р. Неедлы, но редакция считает необходимым отметить, что она не разделяет точку зрения

автора относительно эволюции поселения от одиночного двора как местожительства рода к деревне как форме сожительства рода, так как в таком толковании смешивается семья и род.

Точно так же редакции представляется спорным ряд вопросов в интересной и насыщенной фактическим материалом статье покойного академика Ю. В. Готье.

Сборник завершается приложением, в котором дана статья архивно-справочного порядка «Государственный исторический архив Ленинградской области».

В. Пичета.

Академик Ю. В. Готье

ОБРАЗОВАНИЕ СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА

I. СЕРБЫ В VII—XII ВЕКАХ

Несконные земли сербов, хорватов и словенцев лежали между Адриатическим морем, Истрией, реками Дравой и Дунаем, течением реки Моравы, горным массивом Шар-планины (к северо-западу от Скопья), верхним течением реки Белый Дрин и местностью к югу от устья той же реки, примерно до Драча. К востоку от этой территории шли земли, которые являлись предметом непрерывных споров между Болгарией и Сербией. Важнейшими центрами спорной полосы были города Скопье, Ниш и долина реки Тимока. Среди сербского населения сохранились остатки прежних романизированных туземцев — влахов. На морском побережье при постоянных сношениях с Италией романский элемент держался особенно устойчиво. К югу от Диоклии сосредоточились остатки наименее подвергшихся римскому влиянию балканских туземцев — современные албанцы. В местностях со сплошным славянским населением о прежней романизации напоминают почти одни топографические названия, вроде названия вершин Черногорских Альп — Дурмитор и Визитор.

Сербские племена не подверглись завоеваниям иноплемеников, как это случилось с их восточными соседями, вынужденными признать власть болгар-тюрков; поэтому среди них дольше и устойчивее держались первоначальные формы родо-племенного строя.

Славянское население оседало преимущественно по рекам, так же как оно рассеялось, колонизируя восточные области Руси, только на Балканском полуострове одну группу насельников от другой разделяли не дремучие

леса, а столь же трудно проходимые горные хребты. Течение маленькой речки, замкнутое горами, составляло волюсть, или, по местному названию, «жупу». Жупа с выборным или наследственным жупаном во главе — основное местное территориальное деление. Деление на жупы существовало наряду с родовыми соединениями, которые могли иногда совпадать с жупами. Основной формой родовой группировки было племя, делившееся на братства, которые в свою очередь распадались на отдельные семьи. Такой строй, называвшийся «инокоштина», сохранился в гористых местностях Диоклии. У восточносербских племён, далее от моря, получила особенное распространение более древняя ступень родовых объединений — домашняя община, разросшаяся семья, не делившаяся в хозяйственных целях. Она носила название «куки», «кучи», «великой кучи» или «задруги». «Задруга... явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира... Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (домачина), который представляет ее перед внешним миром, имеет право отчуждать мелкие предметы, ведет кассу и несет ответственность как за нее, так и за правильный ход всего хозяйства. Он избирается и отнюдь не обязательно должен быть старейшим. Женщины и их работы подчинены руководству домохозяйки (домачицы), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она также играет важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть в общине сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, чинит суд над членами, выносит постановления о более значительных покупках и продажах, а именно земли и т. п.»¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 41—42.

Первоначально все члены жупы и более мелких родовых соединений были свободны и равны между собой; лишь постепенно происходило социальное расслоение. Военные предводители положили начало высшему, привилегированному сословию. Пленники обращались в рабов, которых в VIII—X вв. было, повидимому, довольно много; по крайней мере уже в эту эпоху приморские адриатические города вели значительную торговлю рабами местного происхождения. Свободные люди собирались для обсуждения общих дел на собрания, соответствовавшие русскому вечу. Назывались они обычно сбором или собором. Веча-сборы долгое время служили противовесом росту единоличной власти; последняя выступает ранее всего в виде главы жупы наследственного или выборного, но власть его имеет всегда военное происхождение. Греки обычно называли жупанов архонтами или топархами; по-латыни их называют *duces*; туземное же их название — «кнез», т. е. князь.

Довольно рано среди различных балкано-славянских племён начинаются попытки князей расширить круг своих владений, подчинить своей власти соседние племена. Князья действуют так или для защиты страны от внешних врагов, или же стремясь к расширению своей территории.

Уже в IX в. упоминаются жупан (или князь) Бела в Травунии, князь Пётр в Диоклии и князь Властимир в собственно Сербии, или Рашке. Однако и объединение сербских племён долго оставалось в зачаточном состоянии. Очень рано сербские земли стали испытывать на себе влияние трёх больших соседних политических объединений, соперничавших между собой, — Византии, монархии Карла Великого и Болгарии. Византийское влияние опиралось главным образом на приморские адриатические города с Драчем во главе. Зависимость сербских земель от Византийской империи выражалась различно, часто становясь почти номинальной. Приморские города и области платили дань, поставляли матросов для византийского флота. В местностях, лежавших в глубине страны, дань собиралась нерегулярно, а империя для поддержания своей власти должна была с своей стороны тратить на субсидии славянским князьям.

Общая слабость Византии при последних императорах-иконоборцах и при Ирине отозвалась на положении Византии в Адриатике. К концу VIII в. власть империи была там сведена почти на-нет. Наоборот, на северо-западе в это время создавалась могущественная монархия Карла Великого. Германцы неоднократно вторгались в южные славянские земли. Власть нового западного императора вынуждены были признать хорваты (около 800 г.), словенцы и северные далматинцы, населявшие территорию до города Задра (805 г.).

Влияние первого Болгарского царства распространялось главным образом на восточные племена сербов и мешало непосредственным сношениям Византии с сербами по суше. Болгарские цари Борис и Симеон распространили свою власть до течения реки Моравы. Белград был резиденцией болгарского наместника. Болгарские дружины ходили даже в Хорватскую землю, хотя эти далёкие походы и не всегда были удачны. Власть болгарских царей признавали и сербские земли между Моравой и Адриатическим морем. Усобицы между местными сербскими князьями, искусно используемые Симеоном, способствовали этому; Симеон даже посылал в Сербию своих ставленников, например некоего князя Чеслава. Византия пользовалась недовольством сербов против болгар и старалась, соперничая с Болгарией, натравливать на своих врагов их сербских соседей. Так случилось, например, в царствование преемника Симеона Петра. Ставленник Симеона Чеслав восстал против Болгарии и при материальной поддержке Византии оторвал от царства Симеона его северо-западный угол ещё ранее, чем восстание Шишмана создало Западно-Болгарское царство. Царь Самуил должен был всё своё время посвящать борьбе с Византией. Это обстоятельство создало дружелюбные отношения между ним и современными ему значительными сербскими князьями Яном-Владимиром Диоклийским и Драгомиром Травунским. Брачный союз между Владимиром и дочерью Самуила скрепил эти отношения.

Победы византийского императора Василия II и покорение им Болгарии существенно отозвались на состоянии сербских земель. Под властью Византии в этот момент

оказались земли от Белграда до Адриатического побережья. Империя заявляла претензии даже на Хорватию и Венгрию. Собственно сербские земли очутились в тисках и должны были добровольно признать зависимость от Византии.

В XI в. в сербских землях намечаются два центра, существовавшие почти до настоящего времени: один в Диоклии — на западе, другой — далее к востоку — в собственно Сербии. Сначала возвышаются диоклийские князья Стефан Войислав, его сын Михаил и внук Бодин. Они отбивают нападения византийских войск и пытаются поднять восстание среди покорённых болгар. Бодин, предводитель болгарского восстания 70-х годов XI в., взятый в плен и отправленный в ссылку в Азию, бежал оттуда, вернулся домой и продолжал вести борьбу с Византией. Он, как и его отец Михаил, уже носит королевский титул, полученный от папы. Однако Диоклийское царство, столица которого была в Скадре, уже в начале XII в. при преемниках Бодина обнаруживает признаки полного упадка и погибает от феодальных раздоров.

К началу XII в. усилившаяся Венгрия захватывает Хорватию и Боснию. Византия, оправившаяся и вновь усилившаяся при Алексее Комnene, начинает теснить сербов с юга. Первый крестовый поход, прошедший через сербские земли от Белграда на юг, был народным бедствием, похожим на нашествие Батыя на Русь. В это самое время сербский народ находит новых вождей в лице жупанов или великих жупанов собственно Сербии. Первым крупным лицом был Влкан, или Вукан (90-е годы XI в. — первые годы XII в.); его преемниками были Урош I (до половины XII в.) и Урош II, правивший сербами в годы войны Византии с Венгрией. В конце царствования византийского императора Мануила Комнена, власть которого продолжали признавать сербские князья, великим жупаном делается Стефан Неманя, с именем которого связано начало новой эпохи в средневековой истории Сербии.

II. СЕРБИЯ ПРИ НЕМАНИЧАХ

Скудность источников по истории Сербии XII—XIV вв. не даёт возможности полностью восстановить всю историю этого периода. Неясны первые события, сопутствующие правлению великого жупана Стефана Немани. Оно началось вскоре после похода императора Мануила Комнена, организованного в 1168 г. для усмирения восставших славянских племён. В это время сербскими землями владели несколько братьев. Они, повидимому, происходили из рода великого жупана Вукана. Великий жупан Тихомир сидел в Рашке; Стефан Неманя владел восточной окраиной сербских земель, по рекам Топлице в Иbare; Мирослав правил Хумом и Захлумьем; Срацимир владел землями, расположенными по Западной Мораве. Стефан в первый момент выступает сторонником Византии и соперником своего брата великого жупана; затем между Стефаном и Тихомиром завязывается открытая вражда. Стефан сначала попадает в плен к Тихомиру, а затем в конце 60-х годов XII в. занимает место великого жупана, но это не прекращает феодальных усобиц между братьями.

После прихода к власти Неманя вынужден был вступить в борьбу с более сильными соседями. Борьба с Византией диктовалась тем, что при смене Тихомира Неманей византийский император оставил в своём непосредственном владении две пограничные сербские жупы. В открытой борьбе с империей, выдвинувшей против Немани находившегося в плену в Константинополе низложенного Тихомира, Неманя оказался победителем. В битве при Ситнице на Косовом поле Тихомир погиб (около 1170 г.), и Неманя избавился, таким образом, от опасного соперника. Вслед за тем Неманя подчинил себе Диоклию и Адриатическое побережье. В 1173 г. последовал ответный удар Мануила. Разбитый Стефан принуждён был вновь признать верховную власть императора и уступить Византии часть своих земель; зато и император, идя на уступки, признал за Неманей права на Диоклию или Зету и часть морского берега. После этого мир до смерти Мануила (1180 г.) уже не нарушался.

Кончина Мануила Комнена, за которой последовал упадок империи, сделала возможным дальнейшее развитие Сербского государства. В борьбе против Византии в 80-х годах XII в. Неманя приобрёл Ниш и земли до Средца (Софии). Чтобы противостоять Византийской империи, великому жупану необходимы были союзники. Сначала он опирался на Венгрию, которая сама испытывала завоевательный нажим Мануила Комнена, но при преемнике Мануила, Исааке Ангеле, Венгрия, опираясь на брак императора с венгерской принцессой, заявила свои притязания на страны к югу от Дуная. Венгерские притязания распространялись отчасти и на сербские земли и, таким образом, нарушали дружеские отношения Немани к северному соседу. Неманя пытался найти поддержку и у германского императора Фридриха Барбароссы во время его похода через Балканский полуостров в Иерусалим. Он предлагал Фридриху свои услуги для борьбы с Византией, прося взамен этого признания независимости Сербии и её прав на Далматинское побережье. На Балканах болгарские правители братья Асени были прочными союзниками Немани и отстаивали независимость своих владений от новых притязаний Венгрии и Византии. В частности, Неманя и Асени вместе старались пользоваться для своих местных целей раздорами Барбароссы с Византией. Но в 1190 г. Барбаросса умер, а крестоносцы ушли в Малую Азию. Походы Исаака Ангела, направленные главным образом против болгар, имели также целью положить предел стремлениям Стефана Немани к объединению славянских земель. В Сербии Исаак не имел успеха. По договору 1190 г. он должен был признать независимость великого жупана Сербии. С преемником Исаака Алексеем III Неманя жил в мире и дружбе и даже был в родстве: одна из дочерей Алексея III, ещё до воцарения его, была выдана за сына Немани, будущего краля Стефана Первовенчанного. Важнейшим результатом эпохи правления Стефана Немани было создание самостоятельной Сербии, включившей в свой состав Диоклию, Рашку, Захлумье, Адриатическое побережье и области к востоку от Рашки. В 1196 г. Неманя добровольно отказался от правления и удалился в монастырь под именем Симеона.

Большим местом в ранней истории Сербии являлся вопрос о престолонаследии. Отдельные части страны были слабо связаны между собой. Это вызывало разделение Сербии на самостоятельные феодальные владения разросшейся династии Неманичей. Сербская династия владела землёю как общим достоянием. Ни родовое старшинство, ни право первородства не имели особого значения. Порядок владения напоминал вотчину, которую владелец делил между сыновьями, считаясь лишь со своими личными симпатиями. Усобицы из-за наследства начались сейчас же после отречения Немани. Отрекаясь от великого жупанства, Стефан передал свой сан не старшему сыну Волку, или Вукану, а второму — Стефану, зятю Алексея III. Между Вуканом и Стефаном разгорелась усобица: сначала первый сверг младшего брата, затем Стефан снова сел на его место. Усобица отразилась на внешнем положении страны. Венгрия теперь предъявляла свои притязания уже на все сербские земли, а болгарский царь Калоян пытался захватить спорные пограничные области.

Род Неманичей дал немало талантливых государей. Сын Немани Стефан Первовенчаный (1196—1222) около 1220 г. провозгласил себя краем сербским. За год до того брат Стефана Савва был возведён в сербские архиепископы. Благодаря этой важной уступке со стороны греческой иерархии была создана сербская национальная церковь, что было равносильно признанию политической независимости страны. Сын Стефана Первовенчаного Урош Великий (1243—1276), заложивший основы всебалканской политики Сербии, посадив на болгарский престол своего двоюродного брата Константина (1258—1277), начинает мечтать о первенстве среди соседей и даже подумывает о константинопольском наследстве. При сыне Уроша Стефане Милутине и внуке Стефане Уроше Дечанском положение Сербии продолжает крепнуть. Однако успехи даются сербским государям нелегко: их политика заключалась в лавировании между сильными соседями: Болгарией, усилившейся при Иоанне Асене II, Венгрией, не оставляющей своих притязаний, Византией, стремившейся поддержать своё влияние, а также римским престолом, желавшим утвердить в Сербии господство западной церк-

ви. Во второй половине XIII в. сербским государям приходится принимать во внимание также и стремления Карла Анжуйского, владевшего Сицилийским королевством, к господству на восточном берегу Адриатики.

История Сербии в этот период наполнена династическими распрями внутри рода Неманичей. Оба старших сына Стефана Первовенчанного были один за другим свергнуты с престола, а последние годы царствования младшего сына Уроша Великого прошли в борьбе с его сыном Стефаном Драгутиным, которому отец не желал оставлять престол. Урош умер, не окончив борьбы. Драгутин владел престолом очень недолго (1276—1282), но, вынужденный уступить престол брату Стефану Урошу Милутину, он заключил с ним договор, по которому Милутину должен был наследовать сын Драгутина — Владислав. Этот договор, в свою очередь, послужил поводом к новым усобицам в конце царствования Милутина, когда на сербскую корону было сразу три претендента: Владислав — сын Драгутина и два сына Милутина — Стефан Урош (уже успевший рассориться с отцом и восстать против него) и Константин, которому отец желал оставить престол. Владислав и Константин погибли в борьбе, но царствование Стефана Уроша, получившего прозвище Дечанского, в свою очередь было ознаменовано восстанием его сына, знаменитого Стефана Душана.

Распри в царствующей семье находили поддержку в феодальной знати. Сербские феодалы в XIII и XIV вв. особенно выдвигаются в моменты слабости королевской власти; так, сербская знать, недовольная царицей-гречанкой, женой краля Радослава, покровительствовавшей феодалам-грекам, выдвинула против Радослава его брата Владислава. Борьба Драгутина с отцом точно так же протекала не без участия феодалов. Наконец, краля Милутин был выдвинут феодалами против Драгутина.

Так намечались слабые стороны нового Сербского царства: неустойчивость и непрочность границ, недостаток внутреннего объединения отдельных областей, борьба между отдельными феодальными группировками. Однако в течение всего XIII и в начале XIV в. Сербия сохраняла свою силу. Этому способствовала сравнительная слабость

могучих когда-то соседей: ни Византия, ни Венгрия, пострадавшая от нашествия татар, ни Болгария, не выходящая из состояния упадка после Иоанна Асеня II, не мешали росту Сербского государства, и крали Урош Великий, Милутин и Стефан Дечанский уже могли мечтать о господстве Сербии на Балканском полуострове. Наиболее полно эти стремления выразил знаменитейший из сербских феодальных государей — Стефан Душан.

III. СТЕФАН ДУШАН

Сравнительное богатство памятников этой эпохи позволяет изучить внутреннюю жизнь царства Душана несколько подробнее, чем это было возможно для более раннего времени. В начале 30-х годов XIV в. повторились явления, уже не раз имевшие место в истории Неманичей. Король Урош, обеспокоенный возрастающей популярностью своего старшего сына, стремился выдвинуть в качестве наследника престола своего младшего сына Симеона.

Военные действия начались весной 1331 г. В августе 1331 г. Душан выступил с войском из Скадра и в результате внезапного нападения захватил отца в замке Неродимле. В сентябре Душан венчался на царство, а два месяца спустя его отец внезапно умер в Звечанском замке.

Стефан Душан сделался королём в такой момент, когда в стране были накоплены значительные силы. До половины XIII в. Сербия была феодально раздробленной страной, части которой экономически ещё были мало связаны друг с другом. Вечные войны южных славян с Византией, татарское нашествие, беспокойное положение на среднем течении Дуная — всё это привело к тому, что Болгарское царство как транзитная дорога Балканского полуострова стало гложуть.

При болгарском царе Иоанне Асене II и сербских кралях Уроше Великом и Милутине в качестве одной из главных гаваней полуострова выдвигается Дубровник. Для Неманичей отношения к Дубровнику составляли один из коренных вопросов их политики: вывозя скот, лес, мёд на Адриатическое побережье для отправки в другие страны, дубровницкие купцы доставляли свои товары во внут-

ренные области. Успешное развитие торговли оживляет сербские земли и обогащает Сербию и её кралей.

В Сербии в это время развивается металлургическая промышленность, заглошшая со времён римского владычества. Разрабатываются медные, серебро-свинцовые, оловянные и даже золотые руды в Копаонике (на границе старой Сербии, Ново-Базарского санджака и прежнего Сербского королевства), Руднике, Новом Брде и других местах. При преемниках Уроша развивалась горная промышленность, и к воцарению Душана экономическое развитие Сербии достигло довольно высокого уровня.

В распоряжении Стефана Душана были, таким образом, значительные материальные силы. Его владения в момент воцарения обнимали сербские земли без Боснии и Мачвы (область по реке Саве к востоку от Боснии) и большую часть восточных земель со славянским населением, за которое шла борьба между сербскими кралами и болгарскими царями. Скопье — центр этих земель — более других городов заслуживает названия столицы очень подвижных и непоседливых сербских кралей. Владения непосредственных предшественников Душана заходили и далее на юго-восток, обнимая значительную часть территории прежнего Западно-Болгарского царства. Естественно, что стремление далее вниз по Вардару и Струме к Эгейскому морю, свободному выходу из Иллирийских и Македонских гор, намечалось само собой. Два обстоятельства толкали Душана в этом направлении. Болгария, ограниченная землями между Дунаем и Балканами, вошла в сферу политического влияния Сербии ещё при Стефане Уроше Дечанском и не могла задержать движение сербов к югу; положение Византии также складывалось в пользу Душана. Греки могли сладить с Латинской империей, но борьба с нею ослабила и без того убавившиеся силы Византии. Империя Палеологов в общем никогда не играла больше прежней роли Византии в международных отношениях, а во второй четверти XIV в. она была ещё более ослаблена междоусобной войной между императором Андроником II и его внуком Андроником III. Таким образом, ничто, казалось, не мешало Стефану Душану решить задачу захвата Византийской империи.

Большая часть усилий Душана была потрачена на осуществление этого плана. Сейчас же вслед за воцарением Душан занял всю Македонию до Солуни и Сереса, но в 1334 г. он был оттеснён Андроником III и принуждён отдать часть своих завоеваний. В последующие годы Душан захватил все земли до Пелопоннеса, а после смерти Андроника III снова предпринял наступление в сторону Солуни. Вначале его поддержал претендент на византийский престол Иоанн Кантакузин. Однако, вступив в переговоры с вдовой Андроника III, Душан поссорился с Кантакузином и был разбит им в 1344 г. Вместе с войском Кантакузина дрались его союзники турки — это было первое столкновение их со славянами. Поражение всё же не остановило Душана, и в следующем году он овладел всем побережьем Эгейского моря до устья Марицы. В руках греков остались только Салоники. 16 апреля 1346 г. в городе Скопье Душан короновался царём сербов и ромеев (в греческом переводе *basileus*, в латинском — *imperator*). Провозглашение его царём сопровождалось и возведением сербского архиепископа в сан патриарха. Старый титул «краль» был дарован наследнику престола, малолетнему Стефану Урошу. В 1348 г. владения Душана доходили на юге едва ли не до Коринфа. В направлении к Царьграду Душан старался продвигаться, вмешиваясь в распри между Иоанном Кантакузином и сыном Андроника III Иоанном Палеологом. В 1353 г. его войска вместе с войсками Палеолога вновь потерпели серьёзное поражение от Кантакузина на нижнем течении Марицы. Это помогло туркам утвердиться на Галлипольском полуострове: византийские распри открыли им дверь в Европу. В последние годы жизни Душана крупных военных столкновений на юге не происходило, но царь Стефан попрежнему обращал преимущественное внимание на византийские дела. В южной части Балканского полуострова застала его и неожиданная смерть: он скончался 20 декабря 1355 г., не дожив до 50 лет.

В 1355 г. владения Душана простирались от Дубровника до устья Марицы и от устья Тимока почти до Афин; его имя гремело по всему полуострову. Если судить по приросту территории и по славе, которой царь

достиг ещё при жизни, то успехи Душана, достигнутые за 25 лет царствования, были огромны, но они не были прочными. Этому мешали многие обстоятельства, вытекавшие как из внешней политики Душана, так и из внутреннего состояния царства. Прежде всего Стефан Душан, присоединяя земли и города с греческим населением, не сумел достигнуть полного объединения сербских земель: Босния, уже в XIII в. зависевшая от Венгрии и временно признававшая её власть, составляла в эпоху Душана независимое владение под властью своих «банов» — Стефана, потом Твртка. С Венгрией отношения Душана были особенно враждебны в начале его царствования. Воспользовавшись походом Душана на юг, венгерский король Карл-Роберт в 1335 г., перейдя Саву, вторгся в Сербию. Быстрыми переходами Душан перебросил свои войска на север, обратил венгров в бегство и вернул Мачву. С этого времени до половины 40-х годов XIV в. война между Душаном и Венгрией почти не прекращается. После сравнительно мирного периода (1346—1353) в последние годы царствования Душана война снова возобновилась. Причиной враждебных отношений к Венгрии были на этот раз не только давние стремления последней укрепиться на Балканском полуострове, но и постоянное соперничество во влиянии на боснийские дела. Душан, будучи представителем православия в западной части Балканского полуострова, где католичество имело много приверженцев, вмешивался в боснийские дела под предлогом защиты православия. Венгерский король, владевший католической Хорватией, был в глазах Рима естественным противовесом растущему могуществу православного сербского царя, и римская курия всячески поддерживала, а иногда даже натравливала Венгрию на Душана, политика которого угрожала господству феодальной католической церкви в Боснии.

Сербско-венгерские отношения осложнялись ещё отношениями обоих этих государств к Венеции. Морское могущество Венеции развивалось, и её распри с Венгрией Душан старался использовать в своих интересах. Наконец, Душан, овладев Албанией, Эпиром и Элладой, нарушил интересы сидевших там владетелей, по большей части

2 Славянский сборник

4364

родственников венгерских королей. Когда Душан умер, все сложные вопросы внешней политики на севере и западе Сербского царства оставались неразрешёнными. Увлечённый мечтой о сербско-ромейской империи, Душан удалялся от венгерского, боснийского и итальянского вопросов, уделяя им внимание только тогда, когда вынужден был их решать.

Расширяя при поддержке сербской феодальной знати территорию Сербского государства к югу, Душан мало заботился об укреплении её внутренних связей. Мало того, он сам способствовал их ослаблению. Имея рядом с собой сильную феодальную знать, не раз уже властно давившую на сербскую государственность, он укреплял значение её, раздавая своим родственникам и вельможам целые области в феодальное держание. Так, младшему брату своему Симеону он отдал Акарнанию и Этолию; большую часть Македонии — Вукашину; Старую Сербию — Вуку Бранковичу; Зету и нынешнюю Черногорию — Балше, и, когда сильная рука Душана перестала сдерживать желания всех этих лиц стать вполне самостоятельными государями, они оказались самыми энергичными разрушителями сербского единства. В условиях развития феодальных отношений, при отсутствии крупных городов и городского сословия, власть Душана была властью государя, полностью зависевшего от своих феодалов. Внешняя и внутренняя политика Душана, содействуя укреплению экономической и политической мощи феодалов, ослабляла его власть. В этом заключалась основная причина быстрого политического упадка созданного Душаном царства.

IV. БОСНИЯ ДО XV ВЕКА

История одной из самых значительных земель, населённых сербами, — Боснии, лежавшей к западу от Мачвы, к северо-западу от Рашки и к северу от Зеты и Захлумья, протекала обособленно. Боснийцы и географически и исторически являются переходной ступенью от сербов к хорватам, которые примкнули к римской церкви и со времени Карла Великого попали в сферу западного политического влияния.

Близость Боснии к Хорватии мешала ей теснее прикнуться к южным сербским землям. Находясь между двумя полюсами национальной жизни сербов, Босния как будто всегда находилась на распутьи. Большое значение имело для Боснии также и соседство с Венгрией, особенно после начала XIII в., когда произошло политическое объединение Венгрии и Хорватии. Стремясь укрепиться на Адриатическом побережье, Венгрия старалась расширить подступы к морю, а для этого в первую очередь надо было овладеть Боснией. Обособление этой страны от сербских земель и постоянная борьба между сербскими феодалами облегчали венграм их задачу. От XII до XV в. история отношений Боснии и Венгрии сводится к постоянным попыткам последней утвердить своё владычество в Боснии.

Особые обстоятельства способствовали отделению Боснии от южных сербских земель: в Боснии более, чем во всех остальных собственно сербских землях, удалённых от побережья, заметна борьба западной и восточной церквей. Католичество с очень раннего времени пустило прочные корни в этой стране. В средние века влияние католичества особенно чувствовалось в некоторых кругах боснийских феодалов. Другой особенностью культурной жизни Боснии было распространение в Боснии «богомиллов». Сюда хлынули приверженцы богомилства из южных сербских земель. Значительное распространение богомилства в землях Стефана Немани в известной степени было связано с установлением феодальных отношений в южной Сербии. Богомилство под внешней религиозной оболочкой, как всякая средневековая ересь, было движением противофеодальным, классовым. Отрицание богами всей православной церковной иерархии и догматов православной церкви, а также частной собственности было ответом на рост феодально-крепостнических отношений и стремления со стороны феодального землевладения закрепити сербскую общину. Социально-экономическое учение богомиллов, стремившееся к сохранению старых общинных порядков, естественно вызывало большую тревогу в православных церковных и светских феодальных кругах.

Церковные и светские феодалы вступили на путь жестокой борьбы с богомилами. В действительности эта борьба была вызвана противофеодальными настроениями сторонников богомильства. Обострение классовых отношений в Сербии толкало церковных и светских феодалов к объединению вокруг светской власти в лице Стефана Немани, который, выполняя решения церковных соборов, встал на путь жесточайших репрессий по отношению к богомилам. В борьбе с богомилами победили феодалы, и сторонники богомильства вынуждены были эмигрировать за пределы Сербии в Боснию. Приток сербских богомилов в Боснию, где они сначала пользовались известной долей религиозной и социальной свободы, экономически укреплял Боснию и вместе с тем содействовал и политическому её усилению. Боснийские феодалы-католики первоначально поддерживали богомильскую колонизацию, так как она ослабляла государство Неманичей и была орудием в борьбе римско-католической церкви против православной, стремившейся поддерживать и укреплять государство Неманичей. Но с ростом феодальных отношений в самой Боснии богомильство становилось опасным и для боснийских феодалов, вследствие чего они также становились на путь репрессий против богомилов.

На этот раз инициатива борьбы против богомилов принадлежала католической церкви во главе с папством, призвавшим на помощь венгерского короля, для которого этот призыв был поводом для вмешательства в боснийские дела. Но венгерцы-крестоносцы встретили сильное сопротивление со стороны боснийского населения, а также и самих богомилов. Венгерская агрессия не увенчалась успехом. В 1363 г. венгерское католическое войско было разбито боснийским баном Твртко и Босния была спасена от венгерской агрессии.

Босния сначала была особой жупой в составе сербских земель. В XII в. глава этой жупы принимает титул «бана», который и остаётся затем надолго за боснийскими владыками. Первым значительным баном был современник Стефана Немани — Кулин (умер в 1204 г.), положивший предел временному господству Венгрии. Правление бана Кулина отмечено в народной памяти как лучшее

время боснийской истории. В XIII в. боснийские баны всё время лавировали между Венгрией и Неманичами, но в общем удерживали свою фактическую независимость, и даже Душану не удалось подчинить себе эту страну. Очень характерна близость боснийских социальных и политических верхов к богомильству: известно, что самые знаменитые баны XII—XIII вв., например Кулин или Матвей Нинослав (вторая четверть XIII в.), были богомилами. Позднейшие баны официально считают себя католиками, но тайная близость их к богомилам существовала и в XIV в.

В лице богомилов боснийские баны и феодалы видели социальную силу, опираясь на которую можно было удачно вести борьбу за сохранение Боснией своей политической самостоятельности. Богомильские свободные общины становились основой, социальной базой для укрепления политической независимости Боснии.

Однако положение Твртко не было достаточно прочным. При отсутствии крупных городов и городского населения Твртко находился в полной зависимости от своих феодалов. К тому же ни папство, ни Венгрия не оставляли своих планов полного завоевания Боснии. Твртко в результате феодального восстания, возглавленного его братом, был свергнут с престола и был вынужден искать убежища в Венгрии. Однако при поддержке венгерского короля Твртко удалось разгромить своих противников. Его брат нашёл убежище в Дубровнике и пытался с помощью Рима захватить престол, но эти попытки не увенчались успехом. Естественным следствием борьбы феодалов против Твртко было политическое ослабление Боснии. Внешнеполитическое положение Боснии несколько окрепло в связи с тем, что политические устремления Людовика Венгерского были направлены к северу, в сторону Польши, с целью приобретения польской короны. Между тем Сербия после смерти царя Уроша (1371) вступила в период политического распада и упадка.

Твртко, ссылаясь на то, что он по женской линии был потомком Неманичей, выступил с планом объединения всех сербских земель под своей властью. В 1377 г. он венчался королевской короной и объявил себя королём

Боснии и Сербии. Так возникло Боснийское королевство. Став королём, Твртко расширил свою власть в сторону приморья. Это содействовало развитию торговли, общему оживлению экономической жизни в Боснии и привело к ещё большему усилению боснийских феодалов, принимавших активное участие в управлении королевством. Новый король был вынужден созывать соборы с участием духовных и светских феодалов. Вместе с тем окрепли феодально-крепостнические отношения. Сельское население (кметичи) находилось в феодальной зависимости и выплачивало своим землевладельцам феодальную ренту продуктами, обычно третью часть своего дохода. После смерти Людовика Венгерского Твртко захватил Котор (1385) и отнял у хорватов несколько городов. Все приморские города, за исключением Задра, оставшегося в венгерских руках, находились под властью Твртко. Босния достигла наибольшего территориального расширения, от рек Савы и Дрины до Котора и Адриатического моря. Она стала наиболее мощной державой на Балканском полуострове. После Коссовской битвы Твртко был единственным из сербских феодалов, который мог продолжать борьбу против турок. Умер он в 1391 г.

Боснийское королевство Твртко, как и Сербское царство Душана, было государством, скоро сколоченным, но слабо объединённым. Крупные феодалы держали в своих руках всё управление Боснией и стремились к ослаблению королевской власти. Децентралистические стремления боснийских феодалов способствовали политическому ослаблению Боснийского государства. Занятые своими внутренними распрями, они не обращали внимания на угрозу со стороны турок, которая нависла над сербским народом со дня поражения сербов на Коссовом поле.

V. ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА В XIII и XIV ВЕКАХ

Лучшим памятником для изучения внутреннего быта южных славян в средние века является «Законник благоверного царя Стефана», в своей первоначальной редакции утверждённый на соборе 1349 г. и затем дополнен-

ный новыми постановлениями в 1354 г. Законник имел силу для всех владений Душана. Это ясно видно из статьи, где сказано, что «греческие города, которые взял господин царь», должны управляться хрисовулами, т. е. жалованными грамотами, данными им Душаном. В сербских, так же как и в других южнославянских землях основой правовых отношений были юридически оформленные обычаи славян, которые положили начало феодальному законодательству. Соседство с Византией, где феодальные отношения развились полнее, чем в славянских странах, способствовало тому, что южнославянскими феодалами усваивалась греческая феодальная терминология, тем более что и собственно греческие земли входили в состав царства Душана. Но это заимствование терминологии не подтверждает мнений о феодальном строе южных славян как результате влияния Византии. Феодальный строй Сербии был итогом её внутреннего развития. Византийская феодальная терминология лишь оформляла уже сложившиеся феодальные отношения. Этот феодальный строй поддаётся изучению преимущественно через посредство Законника.

Ко времени издания Законника феодальный строй славянских государств Балканского полуострова успел пройти все предварительные стадии своего развития. По определению Ленина, основные черты феодализма заключаются в следующем: 1) господствует натуральное хозяйство; 2) средства производства находятся в руках непосредственного производителя, т. е. крестьянина; 3) крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца (степень крепостной зависимости и её формы могут быть различными); 4) техника хозяйства остаётся в низком рутинном состоянии¹. Законник показывает нам, что все эти черты имели место в народном хозяйстве Сербии.

Феодальные слои населения в Сербии носили название «властелей» и «властеличичей». Законник не признаёт за властями обязательной принадлежности к сербской национальности: властями могут быть не только сербы, но

¹ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. III, изд. 3-е, стр. 140—141.

и греки и даже изначальные враги сербов — немцы (статья 37, 175)¹. Властели из сербов — чаще всего потомки старинной родовой знати, мелкие местные князьки.

Различие между властелями и властеличичами было различием старших и младших: первые — советники, сподвижники и нередко соперники царя, вторые — рядовые служилые люди, но младшие не теряли надежды на достижение высшего ранга. Юридически оба разряда различаются почти только в вопросах личной чести: властель, который словесно оскорбит властеличича, платит 100 перперов, а властеличич за такой же проступок, кроме пени в 100 перперов, ещё бывает бит палками (статья 49).

Основная обязанность властелей и властеличичей — личная служба государю. Многочисленное служилое сословие было требовательным и беспокойным элементом.

Беспрестанные войны и походы, которыми полна сербская история того времени, заставляли государя постоянно пользоваться службой властелей. По Законнику, особенно ответственной была служба властелей «краишников», т. е. пограничных: они должны были следить за движениями соседей и отвечали своим достоянием в случае беспрепятственного прохода неприятельских войск через их владения (статья 48). Внешним отличием властеля Сербии была «свита велика бисерна» и золотой пояс, которые переходили от отца к сыну. Символом службы государю был конь «добрый» и оружие, т. е. всё воинское снаряжение, которое по смерти властеля переходило в руки царя, с тем, вероятно, чтобы вновь быть дарованным наследнику умершего (статья 47).

Личные преимущества властеля ясно видны из некоторых постановлений, касающихся суда: властель может быть вызван в суд только в определённое время дня (статья 55). Возвратившись домой с войны или из похода, он имеет право не являться на суд в течение целых трёх недель; судить властеля могут только равные ему (статья 60). Наконец, подобно государю, властель имеет право «приселицы», т. е. получать подводы от населения (статья 56).

¹ Цифры в скобках означают статьи Законника в русском издании *Зигеля*.

Признавая за властелями очень высокое положение, Законник старается, однакоже, ограничить их произвол и устанавливает кары за насилия, которые позволяли себе сильные люди: так, за злоупотребление правом приселницы отнималась «держава», т. е. управление данной областью или жупой (статья 56); за насильственное завладение селом или людьми Законник требует от виновного властеля или властеличича возмещения причинённых убытков и карает их конфискацией земельных владений (статья 143); за наведение воров или разбойников на царский двор властель или властеличич подвергался одинаковому с самим разбойником наказанию (статья 175).

Кроме военной помощи, государь нуждался и в помощи административной; помощников по управлению он также находил в среде властелей. Душан сам раздавал крупные области в своём царстве в управление своим родственникам и большим вельможам; такую отдачу земель в управление и надо разуметь под понятием «державы», об отнятии которой за злоупотребления говорит Законник (статья 56).

Раздача областей в кормление или державу, будучи административной необходимостью, была в то же время вознаграждением за службу. Вероятно, эту форму пожалования имеет в виду Законник, говоря о пожаловании целой жупы (статья 135). Однако державу могли получать только самые крупные и могущественные властели, «велии», как называет их Законник. Более распространённой формой вознаграждения за службу, которой пользовались все лица служилого сословия, были мелкие земельные дачи. Владение землёй было вместе с тем и той основой, на которую опиралась феодальная власть сербских властелей.

Сербское феодальное право знает те формы владения землёй, которые свойственны феодальному строю во всех странах. Западному аллоду, русской вотчине соответствует «баштина»; западному феоде или лену, литовской выслуге, московскому поместью соответствует балканская «прония». Развитие условного землевладения, известного под византийским термином «прония», было тесно связано с развитием феодальных отношений. Сербским феодалам

необходимо было увеличить количество военной силы, которой они могли распоряжаться и в которой они так нуждались в связи с многочисленными войнами. Раздача земли во временное владение с обязательством несения военной службы могла удовлетворить потребность в военной силе.

Баштина создавалась или из пожалований византийских императоров, или же из освоения родовых и племенных земель племенными вождями, князьками и вождями родовых групп.

Постановления Законника о прониі немногочисленны, но очень точны; в них исчерпывающим образом определяется юридическая природа условного владения землёй: пронию никто не волен ни продать, ни купить, ни отдать на помин души в церковь. Так поступать владелец земли имеет право только по отношению к баштине (статья 58). Законодательство о баштинах разработано гораздо шире. Баштина жалуетя царским хрисовулом, выдаваемым царским секретарём — «логофетом». В своём Законнике Душан подтверждает также хрисовулы своих предшественников, «первых правоверных царей», и свои собственные, изданные до собора 1349 г. (статьи 37, 38). Наряду с баштиной жалованной встречалась и так называемая «купленница» — благоприобретенное имущество, купленная вотчина. «Баштинники» вольны распоряжаться своими землями как собственностью — они могут их продавать, дарить, «отдавать на помин души». Ни «господин царь, ни краль, ни госпожа царица» не могут ни силою отнять у кого-нибудь баштину, ни купить, ни променять её против воли собственника (статьи 38, 41). Баштины состояли из селений, пахотных земель, угодий. Сербской вотчине не чужд вотчинный храм, «строение вотчинниково», столь хорошо знакомое русским писцовым книгам XVI и XVII вв. Вотчинные храмы находятся в зависимости только от баштинника; ни царь, ни патриарх не могут против воли собственника подчинить его «большой церкви», т. е. общей церковной иерархии (статья 43). Вотчинные земли освобождаются от всех податей и повинностей, за исключением «сока» — подати, которая падала на вотчинных крестьян. На самих вотчинниках лежала

лишь повинность службы с вотчинных земель: сербская баштина, подобная русской вотчине, «служила», т. е. её обладатель нес военную повинность, «ходил на войну по закону», как и «прониар», владелец пронии (статья 40). Наследование баштин определялось родовым правом. За неимением прямых нисходящих наследников право получить баштину принадлежало родичам баштинника по мужской линии «до третьего племянника», т. е. до правнука брата наследователя (статья 39). Гораздо труднее разрешить вопрос о том, какой из двух видов владения землёй был более распространён. Давность существования пронии и частые упоминания о ней показывают, что прония была явлением всем знакомым и понятным. Большая разработка законодательства о баштинах как будто указывает на большее значение вотчинного землевладения в царстве Душана. Земли в пронию, конечно, выдавались чаще всего из общего государственного фонда прониарам, обязанным службою центральному феодальному государю; однако пронии-поместья могли даваться и властями. Упоминаются прониары, состоящие не на прямой службе царя, а на службе крупных баштинников. Законник упоминает о «прониаревичах», служащих при дворах властельских (статья 106).

Пронии и баштины занимали немалое место в системе царских владений, но рядом с ними существовали и другие виды феодального землевладения, также хорошо известные и в западноевропейской и в русской истории, — я имею в виду земли, тянувшие к дворцу государя, и земли духовных учреждений.

О дворцовых землях в Законнике не говорится; в нём упоминаются только «царевы планины», т. е. царские горные пастбища, наряду с планинами монастырскими и властельскими (статья 81), но нам известны многочисленные замки и резиденции сербских государей, вроде Раса, Жичи, Неродимли, Эвечана. Царское хозяйство в Сербии нуждалось в продуктах, которые должны были поставляться принадлежавшими царю сёлами, подобно тому как господарские имения поставляли провиант литовскому великокняжескому дворцу, а сёла дворцовые — двору великого князя и царя московского.

Сербские государи жертвовали много земель духовным учреждениям. Постройка храмов и монастырей, вроде Дечанского или Призренского, должна была обеспечиваться крупными земельными дачами; жертвовали земли и частные люди. Законник знает большие монастырские вотчины — «метохии» (статья 18), которые иногда могли сдаваться в аренду. Земельные вклады были явлением общераспространённым: свобода отдавать земли «на помин души» не стеснялась до самого конца Сербского царства (статьи 38, 176). Совершенно неизвестны случаи ограничения роста монастырского землевладения. В пастушеской и землевладельческой стране, какой была Сербия в средние века, каждая церковь для содержания своего причта нуждалась в пахотной и пастбищной земле. Таким образом, настоятели церкви становились «попами баштинниками»; если же причт не имел своей баштины, то церкви давались три «нивы законные» для обработки и для выгона скота (статьи 29, 64).

Законник ни словом не упоминает о земельной собственности низших слоёв народа; нет сомнения, что в сербских жупах, на территориях, занятых родовыми соединениями, земли считались собственностью рода, жупы, племени и т. д. С развитием власти местных феодалов и затем в связи с дальнейшим процессом образования сербского феодального государства и крупной феодальной знати, вышедшей из предводителей тех же родовых и племенных групп, свободное пользование землёю со стороны свободных людей, которых Законник называет «себрами», подверглось значительному стеснению. Земли родовых и племенных союзов сохранялись дольше и устойчивее только в горных областях Черногории, Захлумья, Далмации. Статут далматинской общины Полицы, относящийся к 1400 г., рисует нам «вервь» как семейный союз древнего происхождения, члены которого владеют землёю верви на общем праве и называются «братьями вервными». Возможно, что сходные черты общественного быта господствовали долго и в местностях к югу от Полицы, вдоль славянского побережья Адриатики. В Законнике совсем не упоминается о явлениях, подобных вервям Русской Правды. Напротив, Законник как будто предполагает, что у каж-

дого села есть свой господин, «чье село» (статья 76). Это свидетельствует о том, что ко времени Законника свободные земли себров уже исчезли. Вообще Законник, отражая интересы феодалов, сознательно стесняет и политические права себров, отнимая у них их исконное право — собираться на веча, или соборы: «да не будет собора себрова»; если же кто-нибудь, несмотря на запрещение, будет созывать собор, то «да отрежутся ему уши и да выжгутся ему ресницы» (статья 68). Такое постановление наводит на мысль об угнетённом положении себров, заставляя думать, что государь и окружавшая его знать захватили и власть и владение землёй и что себр времени Душана быстро приближался к потере личной свободы.

Итак, можно думать, что в царстве Душана едва ли не большинство сельского населения было уже закрепощённым. Несвободное население разделялось на две категории — «меропхов», обязанных и не имевших права свободного передвижения крестьян, и «отроков», составлявших переходную ступень от крепостных к холопам. Меропх (морфология этого термина не ясна) — крестьянин, сидящий на церковной земле или земле светского владельца и несущий за это различные службы и повинности. Пастушеское население, состоявшее в значительной части из влахов, также оказывалось, видимо, в положении меропхов. Законник, по крайней мере в одном месте, отождествляет меропхов и влахов (статья 30). Повинности, которые меропхи отбывали за участок земли, находившийся в их пользовании, заключались в барщинной работе, «меропщине», на пашне, сенокосе, виноградниках (статья 32). В неделю меропхи должны были работать господину два дня в поле, а на сенокосе и на винограднике должны были безвозмездно обрабатывать по одному дню; кроме того, они платили денежные повинности господину в размере одного перпера в год (статья 67). Однако меропх рассматривался как подданный государя и член государства: «Меропхам в земле моего царства не волен господин ничего учинить сверх закона». Меропх обязан отбывать в пользу землевладельца только те повинности, которые признаны законом: «Если же (господин) учинит

ему беззаконие, то... всякий меропх волен судиться со своим господином...» И если меропх уличит господина, то судья отдаёт последнего на поруки в том, что он заплатит меропху всё к сроку. И потом «не волен тот господин чинить зло меропху» (статья 140). Законник оберегает и интересы землевладельцев, карая меропха за самовольный уход от господина: «Если меропх убежит куда-нибудь от своего господина в другую землю или в царскую, когда только найдет его господин, да заклемит его и да распорет ему нос и да отдаст его на поруки, дабы он был опять его (человеком)» (статья 205).

«Меропщина» — первая стадия закрепощения; второй было состояние отроков. Отроки считались баштиной, т. е. как бы собственностью господина; свободу они получали только от землевладельца (статья 44). Законник тщательно разделяет меропхов и отроков, живших в одном селе: это две близкие и сходные категории населения, которые, однако, никогда не смешиваются (статья 66). Юридическая разница в положении меропхов и отроков ясно сказывается в вопросе о подсудности: меропхи судятся царским судьёй; отроки судятся судами своих господ по всем делам, за исключением убийств, воровства, разбоя и укрывательства беглых (статья 103).

Отрок, однако, — не полный холоп: он находится только в очень тяжёлой крепостной зависимости. Еще ниже его стоят холопы, которых Законник называет «людьми» другого лица, не распространяясь подробно об их юридическом положении и запрещая только продажу «человека» в иноверную землю (статья 21). В Законнике ничего не говорится о холопстве; этот факт может быть объяснён двумя причинами: во-первых, на Балканском полуострове рабство регулировалось нормами византийско-римского права, рассматривавшего раба как вещь; во-вторых, надо думать, — незначительным числом рабов и малым весом их в хозяйстве, не позволяющими уловить в средневековых балканских государствах отголосков рабовладельческого строя, несмотря на то, что римско-византийское право оказало известное влияние на балкано-славянское.

Громадное большинство сельского населения в большинстве сербских земель, за исключением, вероятно, западно-

сербских горных областей, было несвободным и находилось в крепостном владении главным образом властелей и монастырей. Опираясь на владения землёй и на своё политическое преобладание, властели и духовенство были действительными владыками страны. Широкие круги населения — поселяне-земледельцы, бесправные и угнетённые, — мало видели пользы от силы и блеска своего царства. Своих идеалов они не отождествляли со стремлениями Душана, потому что их положение оставалось почти одинаковым, находились ли они под властью греческих императоров, болгарских царей, сербских кралей, угорских королей или боснийских банов. Оттого, быть может, и Сербское царство не имело внутренней крепости и силы.

Глухая классовая борьба непрерывно происходила в душановской Сербии, и суровые статьи Законника, направленные против еретиков, охраняли интересы не столько православной церкви, сколько духовных и светских феодалов, представляя собой попытку силой принудить сельское население примириться со своим положением.

Классовая борьба принимала широкий характер под религиозными лозунгами, прикрывавшими её социальное содержание. Скучность известий о жизни народных масс не позволяет привести конкретные примеры борьбы угнетённого народа против властителей — феодалов. Только быстрота турецкого завоевания и слабость сопротивления сербского народа служат доказательством социальных противоречий, раздиравших Сербию XIII—XIV вв.

Нижшее население несло на своих плечах повинности в пользу землевладельцев и государства. В чём они состояли, уже было сказано выше; в общем это были повинности натуральные; денежный элемент в соответствии со всем строем народного хозяйства занимал в них незначительное место. Подати в пользу царя, носившие в Сербии название «сока» и «харача», состояли из известного количества зернового хлеба, которое могло быть заменено денежным взносом в один перпер: «а срок тому жити, когда его ссыпать, на Димитриев день» (в октябре); другой срок на Рождество Христово. Если же властель (который отвечал, таким образом, за податную исправность своих крепостных) не доставит сока в эти сроки, то «да

свяжется такой властелин на царском дворе и да держат его, пока не заплатит вдвойне» (статья 200). Независимо от постоянной подати царь мог взимать экстренные налоги в особых случаях: «Когда господин царь будет сына женить или крестить и будет ему нужно строить двор и палаты, да помогает ему всякий, и малый и великий» (статья 129). За пользование пастбищами на планинах, считавшихся царской землёй, взималась «травнина». Если к этому мы прибавим доходы местных властей — «кефалий» (статья 62), пошлины торговые и пошлины судебные, то получим более или менее полную картину всех доходов, которыми располагала государственная власть средневековой Сербии.

Из натуральных повинностей в пользу государства, кроме повинности военной, следует отметить приселицу, т. е. повинность подводную или постоянную, и то, что на Руси звалось «городовым делом». Повинность «градозидания» Законник определяет так: «Где разрушится городское управление или башня, да поправят их его обыватели этого города» (статья 128).

Приведённые выше статьи Законника о меропщине на сельских земледельческих работах уже указывают на одно из главных занятий населения. Жители плодородных долин искони были земледельцами и виноделами, но жители Сербии до наших дней остаются, кроме того, скотоводами. Обилие горных пастбищ, перемежающихся с удобными для земледелия местами, сделало скотоводство как бы национальным промыслом жителей Балканского полуострова вообще, а в частности уцелевшего романского населения, название которого «влахи» стало почти нарицательным вместо слова «пастух». На значение скотоводства в стране указывают и такие подати, как травнина. Наконец, Законник содержит довольно много узаконений, касающихся пастбищ и скотоводства: он определяет места выгонов, принимает во внимание интересы рядом лежащих жуп, выгоняющих скот на смежные или даже на одни и те же пастбища, устанавливает пени за траву скотом полей, лугов и виноградников (статьи 73, 74, 75) и особо упоминает о планинах, служивших главной поддержкой скотоводству (статья 81).

Только на общем фоне земледельческих и пастушеских занятий населения выступают отдельные черты, рисующие состояние ремесла, торговли и промышленности в стране. Во внутренних сербских землях больших городов не было. При многочисленных городских поселениях, при феодальных замках — резиденциях феодалов-властелей и сербских кралей, а тем более в соседних местностях — центрах жуп, ремесло, конечно, было, но до конца существования средневековых славянских государств оно не перерастало патриархальных местных рамок. Впрочем, в отдельных случаях, в селениях городского типа и при монастырях, сербские грамоты — хрисовулы упоминают ремесленников. Выходцы из пограничных областей и из соседних стран были главными проводниками торговли во владениях Душана. Экономическое оживление балканских земель началось с XIII в. в связи с развитием металлургической промышленности Сербии при Неманичах. Законник обнаруживает большую заботливость об облегчении и упрочении торговых сношений во владениях царя Стефана: «Купцов, которые ходят по царской земле, да не волен никакой властелин или какой-либо человек задерживать насильно или разбивать (их) товар, а деньги навязывать им силой. Кто же будет уличен в насильственном разбитии или раскрытии товаров, да платит 500 перперов» (статья 119). Сборщик торговых пошлин — «цариник» — не должен притеснять и эксплуатировать купца: «Пусть всякий свободно проходит по торгам и пусть всякий свободно ходит со своим товаром» (статьи 121, 122). Особенно заботится Законник о свободном передвижении купцов, в которых, конечно, приходится видеть купцов не местного происхождения; за самовольную задержку купца и властель и цариник платят 300 перперов (статья 123). Старания законодателя об установлении безопасности на торговых дорогах страны стоят в тесной связи с его попечениями о приезжих купцах-иноземцах: жупы с их выборными властями в горах западной части Сербии, крупные землевладельцы с их вотчинами, царские кефалии и судьи должны расставлять стражу по всем дорогам и оберегать пути сообщения. За разбой и воровство по дорогам отвечают агенты царской власти: они

сами возмещают убытки ограбленным путникам, т. е. в большинстве случаев проезжим купцам, с правом потом взыскивать деньги с настоящих грабителей (статья 159). Особенно бдительной охраны требуют пустынные горы («брдо пусто»), отдалённые от селений: охрана длинных перегонов по планинам вверяется всем жителям окрестных селений (статья 162). Если владелец или управитель села не пустит купца на ночлег, вследствие чего тот понесёт убыток, то отвечают за это не пустившие купца на ночлег в безопасное место (статья 161). Царь разрешает ограбленным путешественникам приносить жалобы лично ему и угрожает взысканием кефалиям и властелям, обязанным охранять пути. Характерен конец этой статьи: одна стража должна передавать другой всякого передвижающегося гостя, а если и при этих условиях он что-либо утерчет, то клятва соприсяжников («порота») заменяет для него всякие доказательства того, что он действительно подвергся ограблению или воровству (статья 162).

Общему облику феодального государства, каким было царство Душана, соответствовал и политический строй этого царства. Происхождение власти сербских Неманичей нам известно. Характерен титул, который носили сербские феодальные государи. Так, Стефан Душан назвал себя «благоверным краем (после 1346 г. — царём. — Ю. Г.) и самодержцем сербам, грекам, поморью и западной стране». Власть его не ограничивалась каким-нибудь определённым законодательным актом. Душан выступает как повелитель своей страны, военный вождь и верховный судья; однако даже и ему приходится делить власть со своими вассалами — властелями и властеличичами. Владение страны покоится у Неманичей на родовом праве, и страна рассматривается как семейная и вотчинная собственность. Земельные владения Неманичей расхищались феодалами, в зависимости от которых находилась не только власть сербского государя, но зачастую и его судьба.

При отсутствии в Сербии крупных городов и городского населения, при заинтересованности всего класса сербских феодалов в ослаблении королевской власти сербские государи не имели той социальной базы, на которую они мог-

ли бы опереться и при поддержке которой они могли бы стать представителями порядка в феодальном беспорядке. Никем не сдерживаемый феодальный класс экономически и политически усиливался на базе крупного землевладения и закрепощения сельского населения, а государственная власть подвергалась всё больше и больше феодализации. На этой почве и происходила борьба между феодалами за центральную власть в государстве, что ослабляло последнюю и не допускало установления прочного порядка престолонаследия, как это было в тот же период в других, более развитых европейских странах.

Сербские государи, как уже приходилось говорить, подвижны, чаще всего их резиденции находятся в замках Жиче, Неродимле, Расе. Переезды царей занимают, видимо, важное место в их деятельности. Законник предписывает подданным: «Пусть всякий везет царя куда только он едет, всякий город до жупы и жупа до жупы, и опять жупа до города» (статья 59). Правители Диоклии — Зеты издавна обитали в Скадре, только позднее столица намечается в Скопье. Так же передвигаются по замкам своей страны и боснийские баны и крали.

Вполне понятно, что внешний облик сербских государей, внешняя обстановка их двора, обряд венчания и т. п. были по возможности точной копией соответственных церемоний византийского двора.

Рядом с царской властью стоят те органы высшего управления, через которые она действует. Царь есть прежде всего военачальник, и понятно, что органы военного управления играют очень видную роль при нём. В Сербии непосредственным помощником царя как военачальника был «воевода», который в отсутствие царя даже заменял его, пользуясь всеми его прерогативами. «Во всяком войске воеводы пусть имеют власть, равную царской», — говорит Законник (статья 130). Должность воеводы должна была получить особенное значение при Душане, когда войско набиралось не только из властелей и земского ополчения, но состояло также из наёмных отрядов, вооружённых по западноевропейскому образцу. Воеводе были подчинены «тысячники» и «сотники» — вероятно, начальники отдельных частей земских ополчений. В Боснии звание воеводы

очень рано сделалось наследственным. Его носили члены самых знатных родов, местной аристократии.

Царская канцелярия, которой поручалось исполнение важнейших внутренних распоряжений и на которую возлагались внешние сношения, находилась в заведывании логофета; под начальством этого сановника с греческим титулом работали чиновники, носившие столь знакомое русскому уху название «дьяков». Царская канцелярия должна была также изготовлять хрисовулы. Если хрисовул давался на село, то логофет, по Законнику, получал 30 золотых монет. Если же жаловалась целая жупа, то уплачивалось до 30 перперов за каждое пожалованное селение; дьяку же, писавшему грамоту, уплачивалось 6 перперов. Законник отводит очень важное место судебной деятельности царя, которая осуществлялась обычно особым судьёй при дворе «царства», «моего царского величества». Судья этот судил все преступления, совершённые при дворе; разбирал тяжбы лиц, всегда находившихся при дворе (статьи 177, 179, 183, 185, 188); к нему же восходили некоторые важнейшие дела, возникавшие между жителями царства, например дела об убийстве, приёме чужих крепостных и рабов, разбое и т. п. В особо важных случаях, «если окажется большое дело, а судьбы не в состоянии будут (сами) его рассудить и разрешить по его важности, то один из судей с обоими тяжущимися да предстанет перед мое царское величество». «Большими делами» были измена, убийство и похищение женщин знатного рода. Царская сокровищница находилась в заведывании «протовестиария»; в Сербии он назывался также туземными терминами «казнаца» и «коморника».

Кроме перечисленных главнейших государственных должностей, при дворе сербских царей упоминается очень много придворных должностей с греческими названиями. Браки с греческими принцессами и стремление взять в свои руки историческое наследие Византии заставляли Неманичей пересаживать на славянскую почву всю богатейшую придворную терминологию константинопольского двора: царские родственники, вассальные владельцы, знатнейшие вельможи получали титулы «деспотов», «протосебастов», «себастократоров» и т. д. Выше мы видели, что греческие

наименования заменили туземные также и для некоторых высших государственных должностей.

Очень разнообразны названия местных низших правителей. Среди них, по крайней мере в Сербии, можно различить две категории лиц: с одной стороны, представителей народного выборного или родового начала — это были жупаны, кнезы, «примикирии»; с другой — мелких чиновников, назначаемых правительством, — кефалий, или кепалий, «предстайников», «чельников». Законник даёт подробные сведения о местных судьях.

Высшим совещательным органом при феодальном сербском крале и царе было собрание крупнейших вассалов, которое собиралось по мере надобности и обычно носило греческое название «синклита». В особо важных случаях синклит превращался в более широкое собрание, с участием церковников и властеличичей. Оно носило название собора; такие соборы имели, например, место в 1349 и 1354 гг., когда проводился и утверждался Законник. Соборы выросли в связи с ростом феодальных отношений. Несмотря на громкий титул царя, сербский царь в сущности был первым между равными. Духовник и светские феодалы фактически ограничивали власть царя. Законник лишь юридически оформил те отношения феодалов-землевладельцев к своему государю-сюзерену, которые устанавливались в процессе развития феодализма.

VI. ЗАВОЕВАНИЕ СЕРБИИ ТУРКАМИ

В 1355 г. Душану наследовал его 19-летний сын, царь Стефан Урош, хилый и слабый волею юноша, — полная противоположность отцу. Новым положением вещей не замедлили воспользоваться назначенные Душаном феодальные правители областей, вассалы Душана. Правитель Фессалии и Эпира — брат Душана Симеон провозгласил себя независимым царём; Македония оказалась в руках двух братьев — Вукашина, провозгласившего себя кралем в Призрене, и Углеши, ставшего деспотом в Сересе и Мельнике. Самостоятельные правители сидели и в Албании. Зета досталась Балше. В северной Сербии, оставшейся во владении Уроша, наряду с царём упоминается князь

Лазарь. Частью нынешней Старой Сербии владел Вук Бранкович, также державший себя как вассальный государь и не всегда считавшийся с молодым и лишённым авторитета царём. Так, сейчас же после Душана его царство распалось на множество областей, почти самостоятельных и фактически не объединённых верховной властью.

Таково было положение Сербии, когда над ней нависла грозная туча турецкого нашествия.

После распада царства сельджуков в одной из областей обосновались турки-османы — небольшое турецкое племя, пришедшее из глубин Азии после сельджуков. Постепенно продвигаясь вперёд, они осели на самой границе византийских и мусульманских владений на северо-западе Малой Азии, в древних областях Галатии и Вифинии. При хане Османе (1288—1326) народ, который именно от него и получил своё имя, принял ислам, и с этого времени турки-османы стали во главе борьбы против неверных, т. е. против Византийской империи. Внутренняя слабость империи и бесконечные раздоры внутри её помогали туркам в такой же мере, как их религиозный фанатизм и воинственное воодушевление. В 1326 г. они завоевали Бруссу (близ берегов Мраморного моря), ставшую их столицей. Междоусобия между Андроником II и Андроником III способствовали дальнейшим успехам османов. К 30-м годам XIV в. в руках турок были Никомедия и Никея. События эти относятся уже к правлению хана, или эмира, Орхана, или Урхана, при котором к другим причинам военного перевеса турок прибавилась новая и, быть может, самая важная: турецкое войско получило правильное устройство и приобрело постоянный характер. Во главе войска в течение всего XIV в. стояли талантливые полководцы, из которых многие происходили из принявших магометанство греков. В 50-х годах XIV в., пользуясь усобицей между императорами Иоанном V Палеологом и Иоанном Кантакузином, оспаривавшими друг перед другом остатки империи, турки захватили город Галлиполи на европейском берегу Дарданелл и, несмотря на протесты Иоанна V Палеолога, удержали его как союзники Кантакузина. В 40-х и 50-х годах XIV в. турки появляются во Фракии и два раза наносят поражение войскам Душана.

Завоевания турок в Европе начались тотчас же по воцарении султана Мурада, сына и преемника Орхана. В первый же год правления его войска взяли Адрианополь, куда Мурад перенёс свою резиденцию. За Адрианополем почти тотчас же настала очередь Филиппополя и Загорья — страны у южного склона Балкан. Двигаясь на запад, вдоль морского побережья, турки тогда же, в 60-х годах XIV в., достигли границ Македонии. Столицу Византийской империи турки отрезали от её северных соседей-славян и подошли вплотную к коренным областям Сербского царства. Такое положение вещей заставило славян несколько одуматься и обратить внимание на близкую опасность. Со своей стороны византийский император уже давно искал в Европе помощи против турок. Более всего сочувствия он нашёл в Риме, именно от пап исходили попытки поднять против ислама крестовый поход. Оба течения слились воедино и в конце 60-х годов XIV в. образовали союз балканских государств (к которому прикнула на этот раз и Венгрия), направленный против Мурада I. Из балканских государств в состав этого союза вошли: македонско-сербские властители, король Вукашин и деспот Угleshа, боснийский король Твртко, болгарский царь Иоанн Шишман и валахский воевода Мирча; к ним присоединился король Венгрии Людовик Анжуйский. Битва, которая решила исход предприятия и судьбу всей коалиции, была прообразом многих последующих битв против турок. Большое христианское войско, хорошо снаряжённое, но плохо руководимое вследствие несогласий и раздоров вождей, отнеслось к хорошо организованному и храброму врагу с непростительным легкомыслием и вместо успеха, по соотношению сил вполне возможного, потерпело полное, непоправимое поражение. 26 сентября 1371 г. на верхнем течении Марицы турки врасплох напали на войско союзников, несмотря на то, что численно были гораздо слабее. Вукашин и Угleshа погибли в сече, остальные члены коалиции едва спаслись бегством.

Победа турок на Марице имела громадные последствия: она окончательно утвердила господство турок во Фракии и восточной части Македонии. Лишённый активной помощи, Иоанн V Палеолог должен был в 1373 г. признать себя

данником султана. Преемник Вукашина, воспетый в сербских легендах Марко Кралевич, признал себя вассалом турок. Та же участь постигла и соседние сербские области. В течение 70-х годов XIV в. турки заняли и подчинили себе значительную часть сербских областей. Почти тотчас же за битвой при Марице окончательно исчезло единство сербских земель. 2 декабря 1371 г. умер царь Урош, со смертью его угас род Неманичей. Остатки южных владений Душана частично признали своим краем Марко. В северной Сербии краем был признан князь Лазарь. В 1374 г. краля Лазарь должен был признать свою зависимость от турок и обязался платить им дань. Немного позднее та же участь постигла Иоанна Шишмана, зависимость которого от Мурада была отмечена тем, что его сестра Фамара, или Мара, была отдана в жёны султану.

Успехи турок вновь сплотили тех южнославянских правителей, которых ещё не смело турецкое нашествие. Лазарь и Твртко в 1387 г. нанесли туркам поражение на реке Топлице; по сказаниям современников, едва пятая часть турок спаслась от смерти. Однако место битвы близ южной границы Боснии уже показывает, как далеко заходили турки в глубь южнославянских земель. Непосредственно вслед за Топлицкой победой присоединился к победителям и Шишман. Таким образом, туркам вновь противостоял воскресший союз балканских государей, но и на этот раз он не имел успеха. Мурад не участвовал в походе 1387 г. — в это время он вёл борьбу с одним из сельджукских эмиров Малой Азии, всё ещё сохранявшим свою самостоятельность.

В 1389 г. Мурад лично повёл войска на Сербию. 15 июня, в день святого Вита («Видов день»), произошла битва на Коссовом поле. В рядах турок сражались и христиане во главе с краем южной Сербии Марко. Обстоятельства битвы известны. Утром перед началом битвы Мурад был убит в своей палатке сербом Милошем Обиличем, желавшим смыть с себя обвинение в измене. Принявший командование новый султан Баязид выиграл сражение и в отместку за убийство отца казнил взятого в плен краля Лазаря. Однако сыновья Лазаря Стефан и Вук были оставлены вассальными владельцами северной

Сербии, но уже с титулом не кралей, а деспотов, равно как и Вук Бранкович, владетель города Приштины и ближайших к полю битвы областей. Баязид, озабоченный тем, чтобы упрочиться на престоле, сейчас же после победы ушёл в Адрианополь, что даже дало повод современникам ошибочно считать Коссовскую битву успехом сербов.

Новое царствование не внесло изменений в балканскую политику турок. Баязид отличался большей энергией и стремительностью. С прочным подчинением Сербии его власть простиралась до границ Венгрии. В Европе назревает мысль о крестовом походе против турок. Поход был организован в Венгрии королём Сигизмундом. Войско двинулось в поход летом 1396 г. Видин был занят им потому, что Срацимир полудобровольно, полупринуждённо перешёл на сторону крестоносцев. Отсюда войско Сигизмунда двинулось далее вниз по Дунаю и осадило Никополь у подошвы Балкан. Здесь их встретил Баязид, и ещё раз повторилась история битвы при Марице. 26 сентября крестоносцы-французы, легкомысленно относясь к врагам, зарвались и были смяты турками. Валахи изменили и перешли на сторону мусульман. Перейдя в наступление, турки обратили в бегство остальные силы Сигизмунда. Сам король должен был бежать к Дунаю, где сел на вспомогательную венецианскую галеру, и вернулся в Венгрию кружным морским путём через Константинополь и Венецию.

То, чего не могли достигнуть европейские крестоносцы, было достигнуто иным, совершенно неожиданным путём. Нашествие Тамерлана ослабило силы турок. В 1402 г. Баязид проиграл битву при Ангоре и умер в плену у Тимура. Вслед за этим между его сыновьями наступили смуты и усобицы, закончившиеся только в 1413 г. победой султана Мохаммеда (1413—1421).

Сербы попытались воспользоваться последствиями Ангорской битвы. Стефан Лазаревич заключил договор с Византией, но его военные действия не отличались прочным успехом, несмотря на отдельные удачи: много вредило делу продолжавшиеся феодальные распри между сербскими властителями Стефаном и Вуком Лазаревичами и Юрием Бранковичем. В усобицах сыновей Баязида Стефан принял участие на стороне самого сильного из

претендентов на турецкий престол — Мохаммеда, от которого в благодарность получил все земли, которыми король Лазарь владел до Коссовской битвы.

Положение Стефана Лазаревича во многом напоминало положение первых Неманичей: слабый, он постоянно лавировал между сильными соседями — Турцией и Венгрией и достиг того, что при его жизни Сербия, казалось, крепла и оправлялась от пережитых бедствий. Однако внутренние распри не прекращались до самой его смерти. Положение деспота Стефана осложнялось ещё и тем, что он был последним в роде. Чтобы обеспечить стране спокойствие после своей смерти, Стефан, помирившись с давним своим врагом Юрием Бранковичем (сыном Вука), провозгласил его своим наследником. Положение Юрия Бранковича, последнего средневекового сербского государя (1427—1456), оказалось ещё более трудным, нежели положение Стефана. Всё его долголетнее правление было отчаянной борьбой на три фронта — против Турции, Венгрии и Боснии. В самом начале своего правления он должен был уступить туркам Ниш, а венграм Белград, после чего перенёс свою резиденцию в укреплённый замок Смедерево (к востоку от Белграда, близ впадения Моравы в Дунай). Можно сказать, что государь Сербии, хотя и в качестве вассала турок, существовал только в силу временного упадка Турции, ослабленной нашествием Тимура и усобицами сыновей Баязида. По мере того как Турция вновь оправлялась в царствование Мурада II, положение Бранковича в Сербии становилось всё тяжелее. Боясь усиления Сербии, венгерский король Сигизмунд доносил на Бранковича султану. В конце 30-х годов XV в. Мурад II предпринял поход на Сербию и опустошил её из конца в конец. В 40-х годах XV в. положение сербского государя временно стало легче благодаря новой попытке активной борьбы Венгрии с турками, но не надолго. Впрочем, Юрию Бранковичу турки дали умереть государем. Преемник Мурада султан Мохаммед II был слишком занят сначала константинопольским вопросом, а затем (после падения Царьграда 29 мая 1453 г.) устройством завоеванной столицы. Однако в 1456 г., в год смерти Бранковича, он предпринял поход на Сербию и осаждал Белград, хотя и неудачно. С 1456 по

1459 г. в Сербии шла отчаянная борьба между наследниками Бранковича. В 1459 г. войска Мохаммеда II овладели Смедеревом, и Сербия была отдана в управление турецких пашей. Символом сербской национальности и её былого единства осталась только уцелевшая Сербская патриархия.

Завоевание турками Балканского полуострова задевало торговые интересы Венеции и Генуи, потерявших свои колонии в Причерноморье, а также Польшу, Венгрию, Австрию, Римское папство, стремившихся под лозунгами освобождения христианских народов на Балканском полуострове от власти турок организовать против них крестовый поход, для того чтобы вернуть Константинополь и утерянные восточные рынки. Кроме того, все они хотели укрепиться на Балканах и защитить свои владения от власти турок.

К 40-м годам XV в. относится последняя крупная попытка со стороны Европы освободить гибнущие государства Балканского полуострова. Базой её была Венгрия, целью — облегчение участи Константинополя. В случае успеха от турецкого ига были бы освобождены и сербы, хотя, вероятнее всего, в этом случае иго турецкое было бы заменено венгерским.

При польском и венгерском короле Владиславе Ягеллончике (Варненчике) борьба с турками и оборона Венгрии от них велись главным образом усилиями трансильванского, или семиградского, воеводы Яна Гуниада, по происхождению валаха. В 1443 г. война приняла со стороны венгров наступательный характер. Гуниад вместе с молодым королём прошёл через Сербию и нанёс поражение самому Мураду близ Ниша; затем он перешёл Балканы и вновь разбил турок, в результате чего турки отказались от Валахии и Сербии; этим воспользовалась Венгрия. Однако мирный трактат, несмотря на все его выгоды, был расторгнут по настоянию папского легата, доказывавшего, что слово, данное неверным, не должно быть хранимо. Тогда Гуниад и Владислав предприняли в 1444 г. новый поход, на этот раз вниз по Дунаю, к берегу Чёрного моря, где должна была быть основана база для снабжения и помощи Константинополю. Небольшое войско, осадившее Варну, было

истреблено Мурадом, явившимся на выручку гарнизону Варны. В бою пал и сам Владислав.

Завоевание Константинополя Мохаммедом II дало новый толчок турецкому натиску на европейские страны. Как уже было сказано, в 1459 г. Сербия потеряла последние следы призрачной свободы, в которой она жила со времени Коссовской битвы. В 1463 г. турки вторглись в Боснию, изменой захватив последнего боснийского краля Стефана Томашевича. В 1467 г. они подчинили себе феодальных государей Хлума, Захлумья и Травунии — областей, которые стали известны под названием Герцоговины со времени получения местным правителем Стефаном Вучичем в 1448 г. титула герцога от императора Фридриха III. В 1483 г. Герцоговина была отдана под власть боснийского паши. Так под ударами турок пала феодальная Сербия. Умерли феодальные славянские государства, но остались славянские народы, позднее начавшие длительную борьбу за новое политическое и национальное освобождение от власти турок.

Академик В. И. Пичета

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Многочисленные польские племена, составлявшие одну из ветвей западного славянства, были исконными обитателями огромной низменности в бассейне рек Вислы, Одры и Варты.

Значительная часть этой территории, в особенности по берегам рек и озёр, была покрыта дремучими лесами, в которых водились разнообразные звери. Реки и многочисленные озёра, изобиловавшие рыбой, в условиях большой лесистости равнины имели важное значение и как пути сообщения. Реками Вислой и Одрой польские племена были связаны с Балтийским морем, а через реку Западный Буг, приток Вислы, и реку Припять — с бассейном среднего Днепра и Чёрным морем. Наконец, река Сан связывала вислинский водный бассейн с бассейном Днестра.

Через польскую равнину проходили большие дороги международного значения — от берегов Средиземного моря к берегам Балтийского: из Италии через Чехию, из греческих колоний на Чёрном море через Киевскую Русь, из Германии и Чехии через Польшу на восток, к арабскому рынку, к хазарам, на Волгу и в Крым.

Буржуазная польская историография много напутала при разрешении вопроса о появлении славян в Европе. Она выступала защитницей индо-европейского происхождения славян, миграции их из Азии и расселения по Восточной и Западной Европе. Правда, польские историки В. Богуславский и В. Кентжинский выступали в качестве сторонников

взгляда об автохтонности западных славян¹, но их теории не встретили сочувствия и поддержки в польской и русской историографии, быть может, потому, что их филологический метод не стоял на должной научной высоте. Основным недостатком доказательств польских защитников автохтонности западных славян заключался в том, что они игнорировали археологический материал, на основании которого только и возможно правильно разрешить эту проблему первостепенной важности. Конечно, признание автохтонности славянских элементов вообще, а, в частности, и западно-славянских, не исключает возможности отдельных передвижений славян, но теория общей миграции славян должна быть отброшена.

Многочисленные ляшские славянские племена до своего политического объединения географически и политически были обособлены одно от другого. Так, в бассейне Варты жили поляне, по обоим берегам средней Вислы обитали мазовшане (мазуры), слезане занимали бассейн верхней и средней Одры, а куявы — оба берега Вислы к западу от мазовшан. Область между нижним течением Вислы и Одрой была заселена поморянами — на западе и кашубами — на востоке².

О раннем, доисторическом быте польских славян можно составить известное представление только по вещественным остаткам, добытым в результате археологических раскопок. Уже в половине первого тысячелетия нашей эры польские племена занимались земледелием и были знакомы не только с мотыжным, но и с плужным земледелием. Археологические раскопки на территории польских племён навсегда разбили легенду об экономической отсталости поляков даже в доисторический период.

Поляки с давнего времени поддерживали торговые связи с соседями. В обмен на металлические изделия, шедшие

¹ См. *W. Boguslawski*, *Dzieje słowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII wieku*, Tomy I i II, Poznań 1887, 1889; *W. Ketrzyński*, *O słowianach, mieszkających niegdyś między Renem a Łabą, Sałą i czeska granicą*, Kraków 1899.

² См. *Ф. Успенский*, *Первые славянские монархи на северо-западе*, Спб. 1872, стр. 184—187.

с севера, они отдавали продукты своей сельскохозяйственной и промысловой деятельности. Наличие металла послужило громадным толчком к развитию сельского хозяйства. Польские племена уже на заре своей истории были знакомы с разными видами домашнего ремесла: гончарным, ткацким, плотничьим, кузнечным. Они умели гнать смолу и дёготь.

Ранняя история польских племён мало известна, так как в нашем распоряжении нет письменных источников. Легенды же, которыми окружена первоначальная история польских племён, очень тенденциозны и поэтому почти не имеют исторической ценности.

Можно с уверенностью утверждать, что у польских племён в IX—X вв. господствовал ещё родовой строй, впрочем уже разлагавшийся.

Появление патриархально-семейной общины было одним из неизбежных моментов в процессе разложения первобытно-общинного строя. Вот как Энгельс характеризует разновидность этой патриархально-семейной общины — югославянскую задругу: «Юго-славянская задруга представляет собою наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяйина (домачина)»¹.

Энгельс ещё в 1884 г. отмечал наличие такой семейной общины и в Польше: «Только около десяти лет тому назад было доказано существование таких больших семейных общин и в России; теперь все признают, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в «Правде» Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как в далматских законах; их можно также найти в польских и чешских исторических источниках»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 42.

² Там же.

Патриархально-семейная община, распадаясь, неизбежно перерастала в территориальную сельскую общину. Последняя сохранилась в Польше до XIII—XIV вв. и стала исчезать только в связи с развитием немецкой колонизации. Сосуществование в Польше патриархальной семейной общины и сельской общины — яркий показатель процесса медленного перерастания семейной общины в сельскую.

Патриархально-семейная община могла существовать только на известной стадии производства, когда было много свободной земли и поэтому исключались всякие споры из-за неё. С ростом населения и возникновением земельной тесноты условия производства должны были так измениться, «что... становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, они (общины. — В. П.) распались; находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими»¹.

Выход отдельных членов патриархально-семейной общины из её коллектива и организация ими индивидуально-семейного хозяйства на новом месте — «на сыром корени», т. е. на земельном участке, подлежавшем расчистке и культивировке, — были показателями начавшегося процесса разложения патриархально-семейной общины. Такой уход из семейной общины отдельных её членов был результатом увеличения населения общины, усовершенствования земледельческой техники и развития обмена. При этих условиях земля поступала в пользование отдельных лиц — индивидуальной патриархальной семьи.

С развитием земледельческой техники увеличивалось производство во всех отраслях хозяйства. «Вместе с тем, — писал Энгельс, — оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи»². Благодаря постоянным войнам появилась возможность привлечения новой рабочей силы: «военнопленных стали обращать в рабов. Первое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 118.

² Там же, стр. 137.

крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при всех данных исторических условиях, — писал Энгельс, — с необходимостью влекло за собою рабство»¹. Так общество начало разделяться «на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»².

Отдельные члены разлагавшейся родовой общины часто подсаживались к богатым семьям в качестве «подсосудков». Они увеличивали собой количество находившейся в распоряжении богатых семей рабочей силы и тем самым давали им возможность увеличить производительность своего хозяйства, а вместе с тем и поднять своё общественное значение.

В эпоху родового строя во главе отдельных родов стояли родовые старейшины. Роды объединялись в племена и возглавлялись жупанами, которым приходилось разрешать все спорные вопросы совместно с племенным вечем. Войны с соседями требовали единого руководства. Из среды жупанов выделялся князь. Он был сначала временным предводителем, но стремился удержать свою власть пожизненно. Такие племенные княжения были зародышем общественно-политической организации польских племён.

В связи с развитием производительных сил и накоплением материальных ценностей в руках отдельных членов рода создавалось имущественное неравенство, увеличивавшееся благодаря разделу добычи, получаемой в войнах с соседями. Так появилась знать (благородные — *nobiles*), уже тяготившаяся узамы, которые на неё накладывал родовой строй. Естественно, что эта знать стремилась выделиться из рода. Захватывая родовые земли, она укрепляла свою экономическую силу, в то же время расшатывая этим устой родового строя. Кроме того отдельные родовые общины находились не в одинаковом положении. Роды, расположенные на торговых путях, имели большие возможности для обогащения и политического усиления.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 137.

² Там же.

В польской легенде рассказывается о том, что один из родов племени полян — род Попелей жил у озера Гопло. Здесь возникло поселение Крушвица, через которое проходил торговый путь к Балтийскому морю, по которому за драгоценным янтарём ездили купцы из Италии. В окрестностях Крушвицы залежала соль — важный предмет международной торговли. Род Попелей, владея этими ценностями, стал богаче, а следовательно, и политически сильнее по сравнению с другими родами полян. Один из представителей этого рода построил на берегу озера замок для защиты своего богатства и для господства над сородичами. Он стал князем-родоначальником польских князей. Роду Попелей пришлось вступить в упорную борьбу с соседними родами. Один из Попелидов, отравив 12 представителей соседних родов, стал самостоятельно распоряжаться всей страной.

В свете учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о возникновении государства эта легенда выглядит довольно правдиво. «Государство, — писал Энгельс, — никоим образом не представляет из себя силы, извне связанной обществу»¹.

Легендарные члены династии Попелидов, являясь представителями нового класса эксплуататоров, использовали своё материальное могущество для закрепления своего господства. «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»².

Победа Попелидов над прочими полянскими родами не была окончательной. Нарождавшаяся знать, видимо, не примирилась с успехами Попелидов. В самом роде Попелидов происходила внутренняя борьба. Только ею можно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 145.

² Там же, стр. 147.

объяснить происхождение легенды о переходе власти к новой династии Пястов, представителей младшей линии Попелидов. Новая династия, возглавляемая по преданию Земовитом, сыном Пяста, оказалась достаточно сильной, для того чтобы удержать власть за собой. Так следует объяснить происхождение Польского государства.

Таким образом, Польское государство сформировалось как государство классовое; оно призвано было держать в подчинении зависимые классы с целью дальнейшего укрепления экономического и политического господства знати.

II

Соседями польских племён на западе и севере были близкие им по этническому происхождению полабские и прибалтийские славяне. На юге граница польских поселений доходила до территории, занятой чешскими племенами. В бассейне Западного Буга они сталкивались с ятвягами, а на северо-востоке — с пруссами и литовцами. На юго-востоке граница их подходила к Червенским городам. В начале X в. чехо-моравян и полабских славян постигло величайшее бедствие: пала Великоморавская держава, разгромленная уграми.

Ко второй половине X в. польское государственное объединение приняло более отчётливую форму. В это время уже можно говорить о польских князьях, возглавлявших образовавшееся Польское государство. О них имеются твёрдые известия в средневековых хрониках, авторы которых внимательно следили за тем, что происходило в молодом варварском Польском государстве.

Первым историческим князем нового государства был Мешко I (960—992). Вероятно, имя Мешко является сокращением имени Мечислав. Под властью польского князя находились почти все польские племена во главе с наиболее могущественным племенем — полянами.

Река Одра была границей Польского государства на западе; на юге его границы соприкасались с границами Чехии, а на востоке — с Русью. Соседями на севере были пруссы и поморяне. Все эти соседи молодого Польского государства не могли задержать его внешнеполитическое

усиление. Единственным опасным врагом Мешко I была Германская империя с её неуклонной экспансией на восток. Мешко I трудно было сдерживать натиск германского наступления. Германское феодальное войско в военно-техническом отношении стояло на большей высоте и было лучше организовано. Польское народное ополчение не могло оказать ему серьёзного сопротивления.

Расширяя свои завоевания на востоке, германский король Оттон I столкнулся с Мешко I. Маркграф Восточной марки Герон вышел победителем из борьбы с Мешко I (963). Последний был вынужден заключить с Героном мир и даже признать себя вассалом германского императора. Но грабительские набеги германских феодалов продолжались.

Восточный маркграф Герон, граф саксонский Вихман и маркграф Одон под предлогом обращения неверных в христианство продолжали опустошать польскую территорию. Попадавшее в руки германских феодалов польское население уводилось в качестве пленных в Германию и тысячами продавалось в рабство. Это доставляло немецким феодалам значительные материальные средства. Германское наступление заставило Мешко I предпринять целый ряд мер, важных в политико-культурном отношении.

Сознавая свою политическую и военную слабость Мешко I искал сближения с чехами. С этой целью он вступил в брак с дочерью чешского князя Болеслава I — Дубравкой. Благодаря этим родственным связям с чешским князем Мешко I обеспечивал неприкосновенность южных границ своего государства и вместе с тем приобретал в Болеславе I возможного союзника в борьбе с германцами. В целях нейтрализации германского натиска и укрепления молодого Польского государства Мешко I решился на такой важный в политико-культурном отношении акт, как принятие христианства по латинскому обряду (966). Вступив в брак с Дубравкой, Мешко I «вместе со всем народом принял святое крещение».

Принятие Мешко I христианства благотворно отразилось на внешнем положении Польского государства: Мешко I в известной степени добился спокойствия на западной границе.

После принятия польским князем и знатью христианства по латинскому обряду Польша стала объектом культурной германско-католической колонизации. Польская католическая церковь подчинялась немецкому влиянию. В Польше было учреждено епископство с резиденцией в Познани. Польский епископ был подчинён непосредственно папскому престолу.

Первыми польскими епископами были лица германского происхождения, с презрением относившиеся к польскому народу. Только с течением времени епископский пост стал замещаться представителями польской аристократии. Низшее духовенство Польши обычно вербовалось из чехов и цемцев. Наводнившие Польшу германские монахи стали основывать католические монастыри, братия которых пополнялась также германскими монахами. С постройкой католических церквей и организацией церковных приходов население начало облагаться десятиной, вызывавшей общий ропот. Католическая церковь, завладев крупными земельными участками, становилась крупным землевладельцем.

Население с крайней враждебностью относилось к новой вере и к иностранному духовенству. Оно отказывалось принимать христианство, а крестившиеся не посещали католических церквей. Но народная оппозиция против феодальной католической церкви не могла дать каких бы то ни было практических результатов, поскольку сам князь и феодальная знать поддерживали католическую церковь, содействовавшую укреплению феодальных отношений.

Польские князья пришли на помощь католической церкви со всем своим аппаратом принуждения и господства. Они «огнём и мечом» заставляли народ принимать христианство и соблюдать католический культ. В этом отношении действия польской княжеской власти мало чем отличались от методов «христианизации», применявшихся германскими маркграфами.

Принятие Мешко I христианства по католическому обряду от германского духовенства не было прогрессивным явлением. Оно не содействовало развитию ни польского языка, ни польской культуры. Германская феодальная

культура сама по себе была очень бедна и не могла действовать культурному развитию феодальной Польши. Монастыри становились центрами германо-латинской культуры. Употребление латинского языка в католическом культе не могло способствовать развитию письменности на польском языке. В церковных школах обучение велось также на латинском языке.

Находясь в сфере влияния Германской империи, Мешко I, как вассал германского императора, должен был, по его требованию, оказывать ему военную помощь. Вместе с германцами Мешко I совершал походы на полабских славян. Жестоко грабя и ослабляя своих славянских соседей, Мешко I усиливал позиции маркграфа в Польше¹. После смерти Дубравки Мешко I предпринял попытку расширить свои владения за счёт Чехии, но она не увенчалась успехом.

Несмотря на христианизацию Польши и протекторат германского императора, грабежи и наезды германцев не прекращались. Оставаясь верным католичеством, Мешко I, однако, мало считался с церковными канонами. Он вывез из монастыря дочь маркграфа Дитриха Оду и женился на ней. Путём брачных союзов польский князь старался поддерживать мир с соседями. Свою сестру Аделаиду, прозванную «белой княгиней», он выдал замуж за короля венгерского Гейзу. Дочь Мешко I Сигрида сначала вышла за короля шведского Эриха, вторично — за норвежского короля Олафа и, наконец, за датского — Свена. Старшего сына Болеслава он женил на дочери Гейзы. Все эти родственные связи не подняли авторитета польского князя в глазах германских императоров; он не имел права даже сидеть в присутствии маркграфа Одона. Мешко I ненавидел своих «друзей» и стремился ликвидировать свою зависимость от германского императора.

В борьбе Оттона II, сына Оттона I, с Генрихом Баварским Мешко I поддерживал последнего (972). Победа досталась Оттону II. Мешко I остался вассалом германского императора. В разгоревшейся новой войне Генриха Баварского с малолетним сыном Оттона II, Оттоном III,

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 190—191.

Мешко I вновь воюет на стороне Генриха (984). Оттон III вышел победителем из этой феодальной борьбы, и Мешко I снова должен был принести вассальную присягу германскому императору.

Так попытки Мешко I освободиться от вассальной зависимости от германского императора потерпели неудачу. В то же время Мешко I помогал Оттону III в его походах на восставших полабских славян, да и сам намеревался покорить сербов-лужичан, за обладание которыми боролась и Чехия.

В 986 г. Мешко I принял участие в походе саксонско-тиюрингского войска против Болеслава II чешского.

Первый поход Оттона III окончился неудачей, но после второго похода, ввиду неравенства сил, Болеслав II вынужден был отказаться от Мишенской марки, и германское господство между Лабой и Одрой было восстановлено. Однако, несмотря на неудачу, Болеслав II не отказывался от мысли укрепить своё положение среди полабских славян, превратить эту территорию в базу для борьбы против германского императора. Но силы враждующих сторон были далеко не равными, и намерение Болеслава II укрепиться в земле прибалтийского славянства потерпело полную неудачу¹.

Мешко I, воспользовавшись неудачами Болеслава II, попытался вернуть Краковскую землю как базу для наступления на Червенские города. Однако предприятие Мешко I не имело успеха, и Краковская земля осталась за Болеславом II².

Польский князь и его вассалы ради своего обогащения вступили на путь экспансии и грабежа на востоке, в Червенских городах. Мешко I удалось их захватить, что привело его в соприкосновение с славяно-русскими племенами, занимавшими территорию по соседству с Червенской землёй.

Источники не сохранили данных о захвате Мешко I Червенских городов и его политике в отношении Киевской Руси. Но Мешко I не мог создать себе прочную базу в землях по Бугу.

¹ См. *Ф. Успенский*, Указанное сочинение, стр. 157—158.

² См. *S. Zakrzewski*, *Boleslaw Chrabry wielki*, Kraków 1925, str. 74.

Мешко I недолго держал под своей властью Червенские города. По данным Начальной летописи, в 981 г. «иде Володимир к Ляхом и зая грады их, Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью»¹.

Польский князь Мешко I не хотел примириться с потерей богатых Червенских городов и, естественно, пытался их отвоевать. По словам Иоакимовской летописи, Владимир воевал с ляхами и ленчанами, и «воеводы Владимира двакрат победиша их», но Мешко I продолжал войну. Тогда Владимир вошёл с войсками в глубь Польши и разбил Мешко I. «Меш (Мешко I. — В. П.) все воинство погуби, едва сам спасеся, а преднии его мужи все пленены быша, и Владимир вся грады Ляцкия взят». В результате победы Владимира Мешко I был вынужден заключить с ним мир, отдав ему пять городов. Владимир же «дань погодну на Ляхи возложи»².

Польский анналист подтверждает факт столкновения Владимира и Мешко I из-за Червенских городов³. По его сообщению, Болеслав, сын Мешко I, не мог явиться в 992 г. лично на помощь Оттону, так как ему угрожала большая война с русскими. Поэтому он прислал Оттону только вспомогательный отряд. Наши древнейшие летописные своды не упоминают о том, чем окончилась борьба в 922 г. за Червенские города. Только в Тверской летописи прибавлено: «и победи я». Вероятно, так и было, ибо Червенские города до 1019 г. оставались за киевскими князьями⁴.

III

С объединением польских племён под властью Мешко I произошли изменения в социально-политическом строе Польской монархии. Военные походы вели к укреплению власти князя как предводителя. Не окрепшая ещё экономически и политически родовая знать, естественно, поддерживала своего князя в его внешнеполитической деятельно-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, стр. 35.

² И. Линниченко, Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIX века, Киев 1882, стр. 273—274.

³ См. «Monumenta Poloniae Historica», II, 760.

⁴ И. Линниченко, Указанное сочинение, стр. 274.

сти. Грабительские походы обогащали зарождающуюся феодальную знать. Для длительных военных экспедиций народное ополчение было непригодно. Оно неохотно бралось за оружие, не желая покидать свои родовые насиженные места. Да и в военно-техническом отношении такое ополчение стояло не на должной высоте и не представляло большой ценности.

Вокруг князя возникает дружина, состоявшая из его непосредственных вассалов. Она живёт за счёт грабежа и дани, собираемой с населения. Отдельные члены родовых союзов оставляли своих сородичей и становились княжескими дружинниками. Из них составлялись гарнизоны крепостей — «градов». Опираясь на дружину, Мешко I мог держать всю страну под своей властью. Вместе с тем родовая знать ещё была слишком слаба, чтобы помешать укрепить княжеской власти, тем более что последняя, защищая своё общественное положение, в то же время укрепляла и положение знати. Происшедшие в социальном строе Польского государства изменения были отмечены арабом Аль-Бекри со слов еврея Ибрагима, посетившего Польшу в конце X в. По словам Аль-Бекри, польский князь Мешко I «имеет 3 000 рыцарей, способных к бою, которых сотня равняется иным десяти сотням. Он дает им одежду, коней, оружие и все что нужно». Но этот феодализм без ленного пожалования не мог быть длительным. Содержать такую массу дружины было довольно трудно. Необходимо было изменить способ её обеспечения. В условиях господства натурального хозяйства, когда сельское хозяйство являлось основным источником занятий населения, единственной ценностью была земля. Польский князь, считая себя юридическим собственником всей земли, использовал земельный фонд в качестве нового источника содержания войска. Он стал раздавать земли своим дружинникам на феодальном праве, с которым было связано отправление военной службы и других повинностей военно-стратегического значения (постройка замков, дорог). Население, становясь зависимым от новых землевладельцев, в то же время продолжало уплачивать польскому князю натуральные дани и отправлять в его пользу разные натуральные повинности. Благодаря раздаче земель на феодальном

праве сельское население — «кмети» — теряло свою независимость. Оно поступало под патронат феодала и подлежало его юрисдикции. Кметы могли уйти от своего феодала, но всё же они оставались зависимыми от него.

Новое феодально-рыцарское землевладение сливалось с землевладением местной феодальной знати, оформившейся в процессе разложения рода. Так начинался процесс становления феодализма и формирования класса светских феодалов, которые вместе с церковными землевладельцами составили основную эксплуататорскую группу населения. От феодалов зависели рабы и кметы. Основным источником рабства была война. Рабы в условиях начинавшего развиваться феодального строя как производственная сила имели ничтожное значение. Феодалы продавали рабов, причём эта торговля рабами становилась важной статьёй их дохода. По мере развития производительных сил феодалу становилось выгоднее удержать раба в своём хозяйстве как рабочую силу, предоставив в его пользование небольшой земельный участок. Так начался процесс экономического сближения рабства с крепостничеством.

С развитием в Польше феодализма основная масса свободных общинников теряла свою экономическую свободу. Свободной оставалась незначительная часть сельского населения, считавшаяся зависимой только от князя, но и она, благодаря княжеским земельным пожалованиям, численно значительно уменьшалась.

Объединение польских племён под властью князя и усиление его политического значения в связи с разложением родового строя повлекли за собой исчезновение родоплеменного веча. Сохранились лишь сходки в сельских общинах, разбиравшие исключительно дела, связанные с жизнью общины.

Мешко I был достаточно силен, чтобы обходиться без совета и указания народных масс, но был вынужден считаться со своей дружиной, без согласия которой не мог предпринимать никаких походов. Ввиду этого Мешко I созывал совещания, на которые приглашал наиболее близких к себе дружинников. Так создавалась феодальная курия, председателем которой был князь. Вместе с тем иногда происходили более широкие совещания.

Все эти формировавшиеся феодальные элементы, получая вознаграждение за службу из собираемых князем доходов, экономически зависели от него. Не успев подчинить своему влиянию всё местное сельское население, крупные землевладельцы не представляли собой ещё той общественно-экономической силы, которая позволила бы им занять самостоятельное положение по отношению к князю. Естественно, они крепко держались за князя и укрепляли его власть. Князь, посадив по городам своих наместников, держал население в полной политической зависимости.

IV

После смерти князя Мешко I молодому Польскому государству угрожала опасность распада. Мешко I был женат два раза. От брака с Дубравкой он имел двух сыновей: Болеслава и Владивоя; от брака с Одой — трёх: Мешко, Болеслава и Святополка¹. Польское государство должно было разделиться на уделы, переходившие во владение каждого из братьев. Впрочем, этого не случилось. Старший в семье Болеслав, изгнав из страны мачеху Оду и её сыновей, объединил всю Польшу под своей властью².

Внешнее положение Польши требовало от Болеслава I большой осторожности во внешней политике. Лойяльная политика Болеслава в отношении германского короля и заключение мира с киевским князем Владимиром обеспечивали известную неприкосновенность границ Польского государства с запада и юго-востока.

Болеслав продолжал политику Мешко. Покорив поморья, он направил свой удар против пруссов, занимавших территорию между устьями Вислы и Немана. В качестве миссионера к пруссам был отправлен епископ Войтех (997). Однако пруссы, не желая подчиниться христианско-польским агрессорам, убили Войтеха. Тогда Болеслав отправился походом на пруссов и, опустошив их юго-западные волости до реки Осы, обложил население данью.

Закрепив за собою побережье Балтийского моря и обеспечив свой тыл со стороны германского императора,

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 197.

² См. там же, стр. 198.

Болеслав I обратил своё внимание на юг. Политическая обстановка вполне этому благоприятствовала. В Чехии в это время развернулась жестокая феодальная борьба, в значительной степени ослабившая княжескую власть. Чешский князь Болеслав III не пользовался поддержкой феодалов, стремившихся к усилению своей власти и желавших отделаться от сумасбродного и жестокого князя, поэтому чешские феодалы, в борьбе против ненавистного им Болеслава III, видели в польском князе своего союзника.

Воспользовавшись создавшимся положением, Болеслав польский в 999 г. овладел центром Белой Хорватии городом Краковом, а затем и Силезией. Чешский хронист Косма кратко отметил, что «князь польский Болеслав, которого не было коварнее на земле... посредством хитрости овладел городом Краковом, перебив всех Чехов, в нем находившихся»¹. Болеслав III не прислал чешскому отряду в Кракове никакой помощи. Поляки, по словам хрониста Далимила, захватили громадную добычу, а чехи потеряли все свои польские земли.

Внешние успехи дали Болеславу I значительные материальные средства и укрепили его положение в Польше. Эти успехи обратили на себя внимание Оттона III и римского папы. Папа канонизировал убитого пруссами Войтеха. Тело Войтеха было похоронено в Гнезно. «Христианнейший» князь, поддерживая тесные связи с Римом, ходатайствовал перед папой об учреждении новых епископств. Вместе с тем Болеслав польский, продолжая политику своего отца, стремился укрепить католическую церковь в Польше путём организации отдельного архиепископства. Римский папа Сильвестр II в принципе не возражал против планов Болеслава польского. Польша к этому времени уже полностью была вовлечена в сферу влияния католической церкви. В Польше основывались монастыри, становившиеся оплотом католичества в стране. В то же время Польша для папства была источником значительных денежных поступлений. Сам Болеслав видел в организации отдельного самостоятельного Польского архиепископства могучее средство для укрепления своего влияния в Поморье и в Чехии.

¹ Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 214.

Император Оттон III опасался сближения папства с Болеславом I, так как понимал, что это привело бы к усилению политического влияния римского престола. Ведя борьбу с папством и стремясь держать его в подчинении, Оттон III решил вырвать инициативу из рук папства и посредством организации отдельного Польского архиепископства укрепить своё положение в Польше. С этой целью Оттон III в марте 1000 г. отправился в Польшу, в город Гнезно, под видом поклонения телу святого Войтеха. Встреча в Гнезно Болеслава с Оттоном III была обставлена с большой торжественностью¹. Политические последствия свидания в Гнезно были весьма значительны.

Стремясь ослабить связи Болеслава с Римом и идя навстречу стремлениям польского князя, Оттон III дал согласие на основание самостоятельного архиепископства в Польше с кафедрой в Гнезно, с подчинением ему трёх ранее учреждённых епископств: Колобрежского на Поморье, Краковского в Белой Хорватии и Вроцлавского в Силезии. Болеславу было предоставлено право открывать и новые епископства как в завоёванных странах, так и в тех, которые ещё будут завоёваны. Свидание в Гнезно ещё более укрепило политическое положение Болеслава, но и для Оттона III оно имело не меньшее политическое значение. Болеслав до самой смерти Оттона III оставался его вассалом. В этом отношении Оттон III добился значительных результатов. Папе Сильвестру II ничего не оставалось, как одобрить все распоряжения Оттона III в отношении польской католической церкви².

V

В 1002 г. умер Оттон III. Германским императором был избран Генрих. Воспользовавшись междуцарствием в Германии, Болеслав польский предпринял поход в землю славянского племени лужичан и захватил Мишенскую марку, расположенную между Лабой и Салой. Это был удар по немецкому господству в бассейне Лабь³.

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 218—219.

² См. там же, стр. 219—222.

³ См. там же, стр. 224—225.

Новый германский император отказался признать за польским князем Мишенскую марку, но соглашался оставить за ним земли лужичан и мильчан.

Потерпев известную неудачу в своей политике, направленной против полабских славян, Болеслав обратил своё внимание в сторону Чехии, где создалась крайне напряжённая внутренняя политическая обстановка. Происходившая здесь феодальная борьба позволила Болеславу польскому вмешаться в чешские дела. Он отнял у Болеслава III Моравию и часть словацких земель, и даже Прага находилась некоторое время в руках Болеслава польского (1003).

Успехи Болеслава I в Чехии в значительной степени объясняются тем, что часть феодалов из рода Вршовичей, настроенных враждебно против Болеслава III, ориентировалась на Болеслава польского и оказывала ему полное содействие в его завоевательных планах.

Захватив Моравию и Словакию, Болеслав непосредственно столкнулся с венграми. В Венгрии в это время шла упорная борьба между венгерскими и славянскими феодалами. Она осложнялась религиозными противоречиями между феодалами, так как одни из них были сторонниками латинского обряда, а другие — греческого. Завоевания Болеслава польского в Венгрии ограничились несколькими областями.

В это время Болеслав III чешский вызвал в Чехии всеобщее возмущение своей жестокостью. Чешские феодалы, восставшие против своего князя, прогнали его. Часть феодалов, тайно сговорившись с Болеславом польским, пригласила на чешский престол его брата Владивоя, приходившегося по Дубравке двоюродным братом чешскому князю. Владивой принял предложение чешских феодалов и в 1002 г. занял чешский престол. Правда, княжение его было очень непродолжительным. В начале 1003 г. Владивой умер, и чешские феодалы поспешили призвать на престол братьев Болеслава III Яромира и Ольджиха. Но и Болеслав III, нашедший приют у лотарингского маркграфа Генриха, отнюдь не собирался отказываться от чешского престола. Он тайно вступил в соглашение с Болеславом польским, не желавшим потерять Чехию и поэтому ре-

шившим поддержать Болеслава чешского в его борьбе против братьев. Планы обоих Болеславов осуществились. Яромир и Ольджих были изгнаны из Праги, и Болеслав III снова занял чешский престол. Изгнанные братья нашли убежище при дворе германского императора Генриха II.

Поддержав Болеслава III в его борьбе за чешский престол, польский князь отнюдь не намеревался отказываться от подчинения Чехии Польше, однако он тщательно скрывал свои настоящие планы относительно Чехии и всячески старался показать своё расположение к чешскому князю. Автор жизнеописания Генриха II — Аделболд, подметив это, писал: «Между обоими Болеславами завязалась неискренняя приязнь, началась коварная общительность». В то же время Болеслав польский старался подкупками и обещаниями составить себе партию в Чехии¹.

Оставляя Чехию, Болеслав I для защиты чешского князя разместил в чешских городах военные отряды.

Болеслав III зимой 1003 г., вопреки принесённой присяге, пригласил к себе на пир знатнейших феодалов и убил их. Поведение Болеслава III вызвало большую тревогу среди чешских феодалов, которые отправили послов к Болеславу польскому с просьбой о защите от жестокостей чешского князя. Болеслав I с радостью принял посольство и отправил к чешскому князю гонца с предложением встречи для переговоров в одном из пограничных городов. Болеслав чешский прибыл на свидание с небольшой свитой и был хорошо принят, но в следующую ночь он был схвачен, ослеплён и увезен в глубь Польши, где содержался в одной из тюрем до самой смерти².

После расправы с чешским князем Болеслав польский поспешил в Прагу. Его политика «подкупов и хитрых обещаний» дала свои результаты. Чехи отворили перед ним городские ворота и, встретив его радостно как освободителя, провозгласили своим князем. «Прекрасная страна чешская стала провинцией княжества польского, веселая Прага столицей Болеслава», отметил биограф Генриха II — Аделболд³.

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 227—228.

² См. там же, стр. 228.

³ Там же.

Германский император Генрих II, узнав о событиях в Праге, отправил к Болеславу I послов с предложением стать к нему в вассальные отношения, предупреждая, что только при этом условии польский князь может спокойно владеть захваченной страной; в противном случае война будет неизбежна.

Поведение Генриха II определялось новой политической обстановкой. Император не хотел терять Чехию, находившуюся от него в вассальной зависимости, и был готов ради сохранения её под своим суверенитетом вступить в войну с Болеславом. Болеслав на предложение Генриха II о вассалитете ответил отказом. Началась первая германо-польская война (1003—1005). Болеслав, тщательно готовясь к ней, укрепил западную границу Чехии.

С приближением войск Генриха II население во многих городах Чехии восстало, так как среди чехов у Болеслава было немало противников. Польские гарнизоны в городах были перебиты. При таком отношении чешского населения к полякам, ввиду близости войск Генриха II и чешского князя Ольджиха, Болеслав в сентябре 1004 г. вынужден был уйти из Чехии¹.

Генрих II даже вторгся в пределы Польши, однако это вторжение было безрезультатным. Обе стороны, уставшие от трёхлетней феодальной войны, заключили мир в Познани в 1005 г., но в его прочность и длительность не верила ни одна из воюющих сторон².

Генрих II решил начать новую войну с Болеславом, и в 1007 г. началась вторая война. Болеславу удалось занять землю лужичан и Мишенскую марку. Попытки Генриха II остановить успехи Болеслава окончились неудачей. В мае 1013 г. было заключено перемирие в Межиборе. Лужичане и Мильчанская страна остались за Болеславом. Несмотря на заключённое перемирие, отношения Болеслава I и Генриха II не стали дружественными. Но внимание Генриха II было отвлечено от Польши его походом в Италию. Сам Болеслав был тоже занят восточными делами. Тем не менее он готовился к войне с Генрихом II и надеялся при-

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 229—233.

² См. там же, стр. 234—235.

влечь на свою сторону чешского князя Ольджиха¹, но планы Болеслава не увенчались успехом.

Генрих II воспользовался создавшимся политическим положением и в союзе с лютичами, чешским князем Ольджихом и баварцами в 1015 г. начал с Болеславом новую войну. Однако ход её был крайне неудачен для Генриха. Болеславу удалось нанести поражение войскам германского императора и даже перейти Лабу. Генрих II видел бесполезность дальнейшего ведения войны с Болеславом. Да и Болеслав стремился к миру. В феврале 1018 г. обе стороны в Будишине заключили мир. Лужичане и мильчане остались во власти Болеслава, за ним же оставалась и Моравия. Помимо этого Генрих II обязывался дать Болеславу вспомогательный отряд для его восточного похода на Киев².

Победа Болеслава I над Генрихом II укрепила внешнеполитическое положение Польского государства. Германская феодальная агрессия была ослаблена, Болеслав мог бы нанести ей ещё более сокрушительный удар и освободить земли полабско-прибалтийских славян от немецкой агрессии, если бы он, не без коварного воздействия Генриха II, не увлекался своими несбыточными восточными планами.

VI

В год своего вокняжения Болеслав I заключил мир с киевским князем Владимиром и уступил ему Червенские города. Стремясь поддерживать мирные отношения с киевским князем, он выдал свою дочь за Святополка Владимировича.

В 1013 г. Святополк восстал против своего отца Владимира, который за это заключил его вместе с женой в темницу. События в Киеве дали повод Болеславу I, в союзе с печенегами и при поддержке германского отряда, организовать поход на Русь. Но поход 1013 г. был неудачен³.

Между тем в Киеве вновь создавалась обстановка, благоприятная для организации нового похода на Русь. Со

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 236—244.

² См. там же, стр. 246—256.

³ См. там же, стр. 256—258.

смертью Владимира Святославича началась борьба между его сыновьями: Святополком, захватившим киевский престол, и Ярославом, сидевшим в Новгороде. Борьба окончилась не в пользу Святополка, который был вынужден «бежа в Ляхы»¹ (1016). Но так как Болеслав был занят войной с Генрихом II и не мог оказать активной помощи Святополку, то вступил в переговоры с Ярославом, выдвинув следующие условия: возвращение дочери и мир на время его дальнейшей войны с Генрихом II. Сестра Ярослава — Предслава должна была выйти замуж за Болеслава. Эти переговоры были вызваны тем, что Ярослав в ответ на набег печенегов на Киев, организованный при содействии Болеслава I, выступил против Польши и подошёл к её границам².

С окончанием войны с Генрихом II политическая обстановка резко изменилась. Благополучный её исход дал возможность Болеславу I сосредоточить всё своё внимание на восточной политике — с целью восстановления Святополка на киевском столе и укрепления польско-католического влияния на Руси.

Поход Болеслава I на Киев нашёл своё отражение в хронике Титмара Мерзебургского и Мартина Галла, а также в нашем древнейшем летописном своде — «Начальной летописи». Известия Титмара о походе Болеслава записаны им со слов участников похода, вероятно кое-что прибавивших в своих рассказах. Известия Мартина Галла — это эпико-поэтический рассказ, в котором историческая правда сочетается с поэтическим вымыслом. Остаются единственно точными данные нашего древнейшего летописного свода³. В походе Болеслава на Киев в 1018 г. принимал участие и немецкий отряд. Поход Святополка и Болеслава увенчался успехом. Ярослав был разбит на Буге, дорога в Киев открыта. Болеслав со Святополком вошли в Киев. Польские гарнизоны были расставлены по городам «на прокорм». Но вскоре против них началось восстание населения, в результате которого Болеслав должен был оставить Киев, по дороге заняв Червенские города. Начавшаяся борьба за

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 61.

² См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 258.

³ См. ПСРЛ, т. I, стр. 62—63.

киевский стол между Святополком и Ярославом могла лишь содействовать укреплению влияния польского князя в Червенских городах. В этом отношении Болеслав мог быть вполне доволен итогами своей восточной политики. Уступив Владимиру Святославичу Червенские города в начале своего княжения, Болеслав в конце своего правления вернул их обратно¹.

Воспользовавшись занятостью Болеслава I на востоке, чешский князь Ольджих в 1021 г. начал войну с польским князем за возвращение Моравии. На этот раз ход военных действий благоприятствовал Ольджиху, и Моравия была возвращена Чехии².

Итогом внешней политики Болеслава I было превращение Польши в территориально большое феодальное государство с выходом к морю. Внешним показателем этого роста был акт коронации Болеслава, совершённый местным архиепископом в 1025 г. в Гнезно без согласия папства и германского императора.

VII

При Болеславе I во внутренней организации Польши произошли значительные изменения. Феодальные отношения в Польше пустили глубокие корни уже при Мешко I. Феодализм варварского государства — «феодализм без ленного пожалования, или лены, состоявшие из даней», превращался уже в социально-экономический пережиток.

Вследствие количественного роста дружины (Болеслав I имел до 20 тысяч человек) прежний способ её содержания уже не отвечал своему назначению. Болеслав I, как и Мешко I, начал раздавать дружинникам земли, доходы от которых служили для них источником материального существования и за которые они были обязаны нести военную службу. Войны давали много добычи, поэтому и богатые землевладельцы поступали в княжеские дружины. Так формировался класс феодалов, сила которых была нужна как для подавления всяких движений внутри государства, так и для отражения нападений извне.

¹ См. Ф. Успенский, Указанное сочинение, стр. 259—261.

² См. S. Zakrzewski, op. cit., str. 311—316.

Развитие феодальных отношений при Болеславе I шло быстрыми темпами. Феодальная знать и католическая церковь сосредоточили в своих руках громадный земельный фонд, ставший основным источником их материального благополучия. Сосредоточение более значительных материальных богатств в одних руках влекло за собой выделение отдельных лиц из общей среды землевладельцев-феодалов — они становились знатью (*nobiles*), тогда как прочие феодалы были только рыцарями (*milites*). Так возникли прослойки в самом классе феодалов, объединявшихся в одном стремлении держать в подчинении зависимое от них население.

Рядом с крупной землевладельческой знатью, владевшей землёй на праве собственности, возникала феодальная прослойка, владевшая землёй на условном — рыцарском праве, «*jure militare*». Появление этой прослойки было неизбежно в условиях постоянных войн Болеслава I с соседями. Такие феодалы обязаны были отправлять военную службу и нести ряд повинностей в пользу князя, как, например, стража, доставка подвод для князя и его чиновников, устройство засек в лесах в случае нападения врагов, постройка «градов», мостов и т. д., а также платить дань натурой — скотом (*pagzar*), хлебом (*oser*), а иногда и деньгами¹. С течением времени такие условные земельные пожалования становились пожизненными и наследственными.

Феодальная крупная вотчина представляла собой хозяйственную организацию, обслуживаемую трудом и свободного и зависимого населения. В результате войн общее количество рабов значительно увеличилось, причём в основном рабы предназначались для продажи на внешнем рынке. Оставшиеся же в хозяйстве феодала служили ловчими (*lowcy*), стрельцами (*strzelcy*), сокольниками (*sokolnicy*), псарями (*psiarze*), конюхами (*kopiarze*), скотниками (*skotnicy*), поварами (*kucharze*), рыбаками (*gubaky*), пекарями (*pieckarze*) и т. д. Рабы, наконец, вместе с крестьяна-

¹ С. Кутшеба, Очерк по истории общественно-государственного строя Польши, Спб. 1907, стр. 10.

ми-кметями удовлетворяли потребности помещного хозяйства в ремесленных изделиях.

Развитие феодального землевладения изменило экономическое положение кметей. Вследствие земельных пожалований они превращались в зависимое от феодалов население. Местная родовая знать ставила в зависимость от себя целые сельские общины. Свободные были лишены возможности сохранить свою юридическую свободу. Уходившие члены сельских общин, сядясь на участок чужой земли, попадали в кабалу и закрепощались. Феодал располагал и вотчинной властью над населением, жившим в его поместье, но кмети ещё сохраняли право вольного ухода от своего феодала.

Аналогичным было положение кметей на церковных землях. Только здесь, кроме обычных обязанностей в отношении своего господина, кмети должны были ещё уплачивать церковную десятину и целый ряд других церковных налогов.

Феодальная знать и рыцари, сосредоточившие в своих руках значительный земельный фонд, поддерживали завоевательную политику Болеслава I, поскольку она была источником их обогащения. При таких условиях власть Болеслава I могла быть только единоличной. Это подтверждает и немецкий хронист Титмар, крайне враждебно относившийся к личности Болеслава I. Он отметил неограниченность и суровость власти польского короля по отношению к населению, с которым Болеслав I, по его словам, обращался как со скотом и подвергал его всякого рода наказаниям.

Власть, созданная для охраны интересов господствующего класса — феодалов, не могла обойтись без совета с ними. Так возникла «сигія», председателем которой был сам князь. Однако эта феодальная курия не связывала юридически воли князя. На совещания в курию приглашались и представители церковной знати.

Что касается рыцарей «*milites*», то, хотя они и составляли многочисленную феодальную прослойку, располагавшую достаточной силой, чтобы держать население в повиновении, тем не менее они не принимали прямого участия в управлении государством. Они только изредка являлись участниками заседаний курии.

Для укрепления княжеской власти в областях строились «грады» (*castellum*). Это были крепости, которые, с одной стороны, служили защитой от неприятеля, а с другой — были административно-политическими центрами, позволявшими феодальной власти держать в полном повиновении зависимое от неё население. Начальниками таких градов были каштеляны, которым была подчинена местная вооружённая сила. Каштеляны судили и управляли населением подведомственной им территории, собирали налоги с населения. В городах — Познани, Гнезно были расквартированы военные отряды. Помощниками каштелянов были жупаны, управлявшие «опольями», прилегавшими к тому или иному граду.

Местная феодальная знать стремилась захватить в свои руки всё управление государством. Её представители были каштелянами, воеводами, канцлерами, судьями. Кроме того феодалы ведали дворовым хозяйством польского князя, выполняя обязанности чашников, стольников, конюших, ловчих, скарбников.

Несмотря на значительное развитие феодального землевладения на правах собственности, оно пока не могло стать фактором, ослаблявшим королевскую власть. Крупные землевладельцы ещё были не в силах взять управление в свои руки и поставить князя в полную от себя зависимость, а польский князь располагал ещё достаточными силами и средствами, чтобы держать своих баронов в повиновении. В руках князя находился значительный земельный фонд, который хотя и раздавался в частные руки на условном рыцарском праве, но юридическим собственником его оставался пока князь. Да и рыцари, зависевшие непосредственно от князя, составляли его опору и социальную базу, давали ему возможность держать знать в повиновении и подчинении.

Опорой княжеской власти в Польше была также и католическая церковь, которая, канонически подчиняясь папству, юридически зависела от польского государя, за которым сохранялось право назначения на высшие церковные должности. Католическая церковь, становясь крупным землевладельцем, тем самым укрепляла развивавшиеся феодальные отношения. Болеслав I немало содействовал

основанию католических монастырей — центров латинской культуры, чуждой и непонятной народной массе, на столетия задержавшей развитие польского языка и польской культуры.

С образованием государства возникает и общественная власть, для содержания которой нужны налоги. Болеславу нужны были средства для содержания двора, чиновников, войска. За пользование рынками, дорогами, мостами, перевозами кмети платили пошлыны: торговую (*targowe*), дорожную (*drogowe*), мостовую (*mostowe*), перевозную (*przewozowe*). Даже девицы и вдовы, выходявшие замуж, должны были уплачивать «девичье» (*dziewicze*) и «вдовье» (*wdowie*).

VIII

При Болеславе I границы Польского государства простирались на севере до Балтийского моря, на западе — до Лабы, на востоке — до Буга и Днестра, на юге — до Дуная.

В то же время оно было слабо сколоченным. Каждая область жила своей собственной жизнью. Только организация господства и управления поддерживала единство Польского государства.

Блестящие победы Болеслава I не сломили его противников и не обессилили их. Они не отказывались от борьбы за возвращение отнятых у них земель и готовы были начать при первом удобном случае новую войну.

Ярослав Мудрый не мог отказаться от русских Червенских городов. Германский император Конрад II готовил планы нового захвата земель полабских славян. Датский король Канут Великий собирался захватить Поморье.

При такой сложной политической обстановке от преемников Болеслава I требовалось много дарования, силы и дипломатической ловкости, чтобы удержать государство в прежних границах. Между тем наследник Болеслава I Мешко II (1025—1034) далеко не обладал теми дарованиями, которые позволили бы ему выйти благополучно из создавшегося сложного внешнеполитического положения.

В самой королевской семье не было единства. Болеслав I передал польский престол не старшему сыну Бесприму, а среднему — Мешко. Бесприм и младший брат Отгон

начали борьбу против Мешко II, в неё втянулись все соседи, заинтересованные в ослаблении Польши. В результате борьбы с соседями Мешко II потерял все завоевания своего отца. «Лаврентьевская летопись» под 1031 г. сообщает о походе Ярослава и Мстислава «на Ляхы», в результате которого они «заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы Ляхы приведоста, и разделиста я»¹. Венгры завладели Закарпатской Словакией, датчане — Поморьем. Моравия была потеряна ещё при жизни Болеслава I. Конрад II при поддержке Канута Великого занял Лужицкую землю и землю мильчан².

Под натиском своего брата Бесприма Мешко II одно время должен был искать убежища за пределами Польши. Только после смерти Бесприма Мешко II вернулся на родину, где вскоре и умер (1034). На польский престол вступил малолетний сын Мешко II Казимир, опекушкой которого была его мать.

Начало правления Казимира совпало с восстанием крестьян и рабов, продолжавшимся шесть лет. Развитие феодализма и закрепощение кметей, принудительная христианизация, феодальная эксплуатация крайне обостряли классовые отношения в деревне. Последняя не могла спокойно относиться к своему закрепощению. В 1035 г. произошло большое восстание кметей и невольников. Это было движение противофеодальное и противощерковное. Восставшие уничтожали здания католического культа — костёлы, осаждали города, восстанавливали везде старый языческий культ. Феодалы были охвачены паникой.

Мать короля вместе с сыном бежала в Германию. При поддержке императора Генриха III удалось подавить народное восстание, но за ним последовало движение феодалов в Мазовии. Мазовшан поддержали пруссы и поморяне. Казимир обратился за помощью к Ярославу, который в 1041 г. отправил отряд против мазовшан («Иде Ярослав на Мазовшаны в лодьях») ³. Только в 1047 г. восставшие

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 64—65.

² См. В. Смоленский, История польского народа, Спб. 1900, стр. 17.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 66.

мазовшане были побеждены («Ярослав иде на Мазовшаны и победи я, и князя их уби Моислава, и покори я Казимиру») ¹.

Так с германской и русской помощью были восстановлены феодальные порядки, а непокорные феодалы приведены к повиновению.

Одновременно чешский князь Бржетислав, также стремившийся к объединению славянских народов, вторгся в Польшу, заняв Краков, Гнезно и Геч. Но продвижение Бржетислава внутрь Польши было остановлено Генрихом III, не желавшим допустить усиления чешского князя.

Польские феодалы, благодарные Казимиру за подавление крестьянского движения, прозвали его «обновителем» или «восстановителем» (*restaurator*). Феодалы забыли только о том, что «обновитель» должен был воспользоваться помощью злейшего врага Польши — германского императора.

¹ ПСРА, т. I, стр. 67.

Академик *З. Р. Неедлы*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕШСКОГО ГОСУДАРСТВА

Ропрос о возникновении Чешского государства до сих пор совершенно не разработан по той причине, что у буржуазных историков отсутствовало точное представление о государстве и процессе его возникновения. Государство согласно буржуазным теориям всегда существовало. Поэтому буржуазная историография ограничивалась констатацией факта существования государства и не ставила перед собой вопроса о его образовании.

Так обстояло дело и с вопросом о возникновении Чешского государства. Племенные и территориально-политические союзы, возникшие на просторах Чехии — государство Само, Великоморавское государство, затем Чешское княжество и, наконец, королевство, — рассматривались в одной плоскости, без надлежащего различия, хотя по существу они были глубоко различны. Однако в связи с развитием буржуазной исторической науки и для буржуазных историков становилось очевидным, что государство есть историческая категория, и возникновение его рассматривалось как следствие династической внешней политики. Так подошёл к вопросу о возникновении государства чешский историк и политический деятель Франтишек Палацкий¹, хотя он был более осторожен, чем позднейшие чешские историки. Даже те учёные, которые занимаются изучением внутренней истории Чехии, не сумели более

¹ См. *F. Palacký, Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě, Praha 1877—1878.*

глубоко коснуться этого вопроса. Мало того, исходя из представления о государстве как искони существовавшем факте, они в большинстве случаев совсем не касались его. Этот вопрос не был поставлен даже известным знатоком древних чешских социальных отношений профессором истории Юрьевского университета А. Н. Ясинским¹. Отсутствует он и у не менее выдающегося знатока социального строя Чешского государства немецкого историка Юлия Липперта². Не касается его даже автор специального труда «*Ceske státní právo*» чешский историк и правовед Иосиф Калоусек, который больше внимания уделял характеру Чешского государства, нежели его образованию.

Таким образом, из всей старой буржуазной чешской исторической литературы, кроме Палацкого, можно привести только два сочинения, касающиеся непосредственно нашей темы: профессора Новороссийского университета Ф. И. Успенского «Первые славянские монархии на северо-западе» (1872 г.) и профессора истории чешского права в чешском университете Яромира Челаковского «*Průšechné české dějiny právní*». Но и в этих работах мы не найдём настоящего ответа на наш вопрос. Труд Успенского был первой работой начинающего учёного, позднее выдающегося византолога. В этой работе он использует как источники подложные «Зеленогорскую» и «Краледворскую» рукописи. Его труд был написан в то время, когда ещё не было серьёзных работ по чешской социальной истории, а потому, естественно, ограничивался лишь объяснениями внешних событий, характерных для возникновения Чешского государства. Ввиду всего этого метод Успенского очень близок к методу Палацкого, хотя и более разработан в своих отдельных частях.

Что касается труда Челаковского, то возникновение государства и его характерные особенности Челаковский как юрист объясняет почти исключительно догматически, а не

¹ См. А. Н. Ясинский, Падение земского строя в Чешском государстве X—XIII вв., Киев 1895, и другие его сочинения об экономическом и социальном положении Чехии в древности.

² См. J. Lippert, Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit, Prag — Wien — Leipzig 1896, 1898.

исторически. Тем не менее тот же автор сознавал уже необходимость выяснения взаимоотношений общества и государства, но в методологическом смысле он поступал неправильно, выдвигая примат государства над обществом. Однако, обратившись к изучению истории социального развития Чехии, Челаковский сообщил ряд ценных сведений о классовой структуре Чехии.

Мы исходим из совершенно иной идеологии, чем идеология буржуазных историков (поскольку у них вообще имеется какая-либо идеология), — из идеологии, какую впервые ясно и полно выразил Энгельс, а развили Ленин и Сталин: «Государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»¹.

I. ПЕРВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ЧЕХИИ

По сообщениям «Баварского географа», чешского хрониста Косьмы Пражского, различных чешских грамот и на основании археологических находок на территории Чехии, можно довольно точно восстановить картину её заселения во второй половине первого тысячелетия нашей эры.

Близ северной границы Чехии (около нынешнего города Дечина) жили лемузы, которые на юг по реке Лабэ распространялись до города Литомержиц, а на запад — по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 145.

реке Огрже до города Билина; за ними, в том же западном направлении, в более поздней Мостецкой области, жили лучане; ещё дальше на запад, заняв позднейшую Локетскую область, расселились седличане; дальше всех жили хебане, занимавшие область, называемую Хебской, и распространившиеся оттуда за границы более поздней Чехии.

Другая часть племён занимала территорию по Лабе до впадения в неё реки Влтавы и далее к югу по Влтаве. Это были прежде всего пшоване, жившие при самом слиянии обеих рек, где находился их центр город Пшов (нынешний Мельник). Эта область во всей Чехии самая плодородная. Они заняли также богатый край на востоке и северо-востоке от их центра — Болеславскую область до Изерских и Лужицких гор (Ештед). Южнее пшован жили чехи. Они населяли самый центр страны, где теперь лежит Прага. Оттуда граница поселений чехов распространилась на восток — приблизительно до нынешнего Мохова, на запад — до Крживокладских лесов, на юг — за нынешнюю Эбраславь. Дальше на юг простирался недоступный дремучий лес подобный тому, какой был на границе Чехии. Этот лес тянулся в ширину по всей стране с востока (по реке Сазаве) до Влтавы и далее (по реке Мже) на запад до границы Чехии и разрезал Чехию на две почти между собой не связанные части — северную и южную.

Восток Чехии, т. е. территорию по правому берегу Лобы до гор и по левому — до Моравии, заняли хорваты. Это племя занимало самую большую область — всю восточную Чехию — и только самую западную часть восточной половины, область, лежащую на восток от Праги, занимало другое племя — зличане, хотя не исключено, что и это племя первоначально принадлежало к хорватам и только потом отделилось от главного племени.

В южной Чехии жило несколько славянских племён, из которых главными были дудлебы — племя, носившее то же наименование, что известное русское племя — дулебы. Дудлебы жили на восток и на запад от Влтавы до Дуная. Рядом с ними, дальше на запад, в юго-западной области Чехии, жили воляняне, а ещё дальше — петолицы. Наконец, на крайнем западе, на самых границах Чехии, где поныне стоит город Домажлице, жили домажлицы.

Все эти племена по своему происхождению были очень различны. Наши сведения о внутренней организации этих племён очень скудны. Прямых свидетельств мы совсем не имеем, а располагаем лишь народными повестями чехов, а повести — источник весьма ненадёжный. Однако они всё же могут дать некоторый исторический материал, если ими пользоваться с надлежащей осторожностью. Нам известны эти повести из очень отдалённого времени: записал их автор хроники Косьма уже в начале XII в. по рассказам «старцев» (Косьме в 1125 г. было более 80 лет; его «старцы» вполне могли быть людьми, жившими в X в.). Содержание этих повестей таково, что их не мог бы придумать человек более позднего поколения, так как они рисуют картину жизни, совершенно ему неизвестную.

При критическом отношении к переданным рассказам на основе народных преданий можно составить представление о степени социального развития чешских племён. В этих преданиях мы находим указания на существовавший вначале у чехов матриархат: женщины играют основную роль; они всюду первые и всем руководят. Чаще всего упоминаются три сестры — Каза, Тета и Любуша. Казача отличалась знанием природы и потому была главным врачом, а также и чародейкой племени. Тета была хорошо осведомлена о богах и возглавляла религиозный культ чехов. Наконец, Любуша отличалась своей мудростью и знанием законов племени, а потому была главным судьёй. Разумеется, что эти три сестры — не исторические лица, а плод народной фантазии. Но для того, чтобы они могли быть созданы, народ должен был знать о руководящем некогда положении женщины в жизни племени, а потому эти предания являются ценным свидетельством древней жизни чехов. Они же говорят и о переходе к патриархату. Начало патриархата отмечено в преданиях следующим образом. Один из мужчин, осуждённый Любушей, отказался от её суда как суда женщины. Любуша вынуждена была согласиться, чтобы отныне судил и управлял племенем мужчина. Она призвала к себе Пржемысла из племени лемузов и, став его женой, передала в его руки управление племенем. Предание рассказывает также, что после смерти Любуши женщины восстали и хотели вернуть своё прежнее

положение, причём дело дошло до войны между женщинами и мужчинами, так называемой «девичьей войны». Здесь в подробностях много вымышленного (предание передаёт и имена женщин-вождей), но основа предания всё же бесспорно историческая.

Патриархату соответствовало экономическое и социальное состояние этих племён, хотя предание об этом и не упоминает. На этой стадии развития они, повидимому, жили родовым строем, вели хозяйство на общей родовой земле, общим родовым коллективом. Во главе рода стоял старейшина, поддерживавший с помощью других членов рода порядок в жизни и работе рода, но он отнюдь не правитель и не государь.

Об этом ясно свидетельствуют предания чешского племени. По одному из них в эпоху материнского права первоначально выдвинулся Крок, якобы отец трёх сестер — Кази, Теты и Любуши (что безусловно является отзвуком уже более позднего понятия о семье с отцом во главе), но и он выделялся отнюдь не властью, а мудростью. За эту мудрость, точно так же как потом Любушу, его будто бы выбирали судьёй не только члены его рода, но и других родов. Однако ни Крок, ни Любуша (до выхода замуж) не именуется князьями. Только Пржемыслу как праотцу впоследствии правящего в Чехии княжеского рода приписывается этот титул. Но одновременно предание рассказывает о Пржемысле, что он был земледельцем, сельским хозяином. Когда к нему пришло посольство от Любуши, приглашая его стать её мужем и главою чехов, он пахал на паре быков своё поле около родового поселения Стадицы.

Все эти племена, как и другие, на этой стадии социального развития, следуя только родовым обычаям и правилам, управлялись совершенно самостоятельно. Отдельные племена находились в постоянных сношениях между собой, иногда дружественных, иногда враждебных. Предание рассказывает о большом кровавом бое, происшедшем между чехами и лучанами. Но при этом одно племя не завоёвывалось, по крайней мере в своём большинстве, другим.

В 845 г. упоминаются 14 «лехов», т. е. старейшин, или глав, этих славянских племён в Чехии. В 895 г. их также

ещё имеется значительное число, хотя и не указывается точно, сколько именно.

Моравия также была заселена несколькими племенами, хотя о них мы не имеем таких данных, как о племенах в Чехии. Мы располагаем сведениями только о племени голасицев, обитавших в нынешней Опавской области. Это тем более удивительно, что в Моравии ещё и в настоящее время находятся отличающиеся друг от друга ганаки, валахи, словаки, ляхи, в то время как в Чехии, наоборот, все племенные различия давно уже исчезли. Моравские племена, очевидно, более позднего происхождения — эпохи колонизации Моравии последующим населением.

II. ОБЪЕДИНЕНИЕ ПЛЕМЕН

Славяно-чешские племена жили самостоятельной и обособленной друг от друга жизнью, но тем не менее внешние обстоятельства заставляли их иногда вступать во временные племенные объединения — своего рода военные союзы племён. Угроза со стороны внешнего врага была стимулом к объединению, но обычно эти временные племенные союзы оказывались недостаточно прочными и быстро распались, лишь только исчезала причина, способствовавшая их возникновению. Разумеется, от враждебных действий со стороны соседей в первую очередь страдали пограничные племена, которым приходилось выдерживать основной натиск врага. Но и жившие вдали от пограничных местностей также могли подвергнуться неприятельскому вторжению. Естественно, что центральные племена поддерживали пограничные, не желая пустить врага внутрь страны. Всё это подтверждается на примере возникновения и распада союза чешско-моравских племён, связанных с именем Само.

Так называемое «государство Само» было прежде всего военным союзом племён, заключённым против авар. Этот союз, оправдав возложенные на него надежды, остался в силе и против другого врага — франков. Авторитет Само был так велик, что объединённые племена, а также и те, которых Само привлёк на свою сторону и убедил стать под его охрану, признавали его своим главой в течение

всей его жизни. Когда же Само умер, а опасность прошла, созданное им государство, естественно, распалось. Произошло это не от «славянского несогласия», а оттого, что союз этот образовался только с определёнными целями, по достижении которых надобность в нём отпала.

Второй раз, но лишь в несколько иной форме, повторилось всё это в эпоху Карла Великого. По крайней мере авторы франкских хроник, описывая походы Карла в Чехию, не различают отдельных племён, но говорят всегда только о битвах с «богемцами» как единым целым. И на этот раз, очевидно, дело дошло до объединения в целях общей борьбы чешских племён против врага. Однако и это объединение не имело определённой организации. Не было здесь ни общего вождя (автор поддельной «Краледворской рукописи», чтобы заполнить этот пробел, выдумал Забоя и Славоя), ни определённого плана. Неудачи Карла Великого в Чехии были вызваны прежде всего тем, что чешские племена не выставили против него значительного войска как единую военную силу, но нападали на него в отдельности, в своих лесах, ведя партизанскую борьбу. Зато в политическом отношении разобщённость племён дала отрицательные результаты. Некоторые племена сдавались Карлу порознь, не считаясь с другими племенами, причём обещали платить ему дань. Однако сдавались не все племена, на что указывают позднейшие походы Карла в Чехию. Вследствие всего этого племена в Чехии стали ещё менее объединёнными — одни из них держались дружественной по отношению к франкам ориентации, другие и в дальнейшем продолжали относиться к ним враждебно.

Третьей и самой крупной попыткой объединения племён на чешской территории была так называемая Великоморавская держава. Новый союз имел свой центр уже не в Чехии, а дальше на восток — в Моравии, притом этот союз был значительно более крепко организован, нежели чешский при Карле Великом. К сожалению, как уже было сказано выше, мы не имеем сведений об исконном племенном делении в Моравии. Первое, что мы знаем об этом союзе, — это нападение моравского князя Моймира на Нитру. Он изгнал оттуда князя Прибину, а Нитранскую область присоединил к Моравии. Моймир, первоначально тоже

старейшина одного из моравских племён, насилем принуждал другие племена вступать в этот союз — вероятно, по соображениям военного характера. В сущности история Великоморавского союза с самого его возникновения и до конца его существования была историей борьбы против франков. Поэтому Моймир, взяв в свои руки управление, уничтожил тех, кто шёл за франками. Таким был упомянутый Прибина, охраняемый франками. На западе также были некоторые чешские племена, находившиеся в зависимом от франков положении, но их Моймир пока оставил в покое. Первой его заботой было создать крепкий союз племён в Моравии.

Германские короли, однако, тоже не оставались в бездействии. Разделение Франкской империи на западную и восточную (германскую) ориентировало последнюю на восток. В 817 г. король Людовик Немецкий получил восточную часть: «славян, которые живут на восток от Баварии», однако пока только как возможную добычу в будущем. В первое время Каролинги даже не пытались подчинить себе эти племена. Междоусобия среди них самих, в особенности восстание Людовика Немецкого против отца — Людовика Благочестивого, принудили первого стремиться к дружбе со славянами. Мало того, через их страну в 840 г. он был вынужден спастись бегством от своего отца в Баварию.

После смерти Людовика Благочестивого, в 843 г., возникает уже особая Восточная Германская держава во главе с воинственным Людовиком Немецким, который немедленно начал осуществлять программу 817 г. Уже в 846 г. с помощью племянника Моймира Ростислава он устроил заговор против основателя Моравского военного союза и затем повёл решительное наступление на славян с целью их покорения.

В силу сложившихся обстоятельств Моравский союз стал постоянной организацией в противовес захватническим стремлениям Людовика Немецкого и его потомков. Моравский союз сохранил свою силу в течение всего IX в. Даже смена руководителей союза не могла разрушить его. После Моймира во главе союза стоял Ростислав (846—870), после Ростислава — Святополк (870—894). Равным

образом и цель союза оставалась прежней: оборона против германских королей. Германские короли использовали тщеславное стремление отдельных лиц стать во главе союза. Так, при поддержке Людовика Немецкого Ростислав стал главой союза, свергнув Моймира, а Святополк—свергнув Ростислава. Но это не вело ни к распаду союза, ни к перемене его политической линии. И Ростислав и Святополк проводили в нём политику, направленную против германских королей. Да они и не могли поступать иначе — это подсказывала самая цель союза. Союз, ориентированный на Германию, для участвовавших в нём племён потерял бы всякий смысл и немедленно распался.

В период существования Моравского союза произошло крещение объединённых в нём славян. Христианство в руках германских королей было одним из самых сильных орудий наступления: под видом крещения племён они посягали на их свободу. Поэтому необходимо было защитить племена союза. Единственным выходом было принятие христианства, тем более что отказ от него задержал бы культурное развитие самих славян, так как бесспорно христианство по сравнению с язычеством означало собой культурный прогресс. Ростислав выбрал этот путь и решил принять христианство, но так, чтобы принятие его не могло стать оружием для порабощения его племён. Это было возможно только в случае принятия христианства не от немецких королей, а от других народов, не угрожавших моравским племенам. Поэтому Ростислав обратился на восток, в Царьград, чтобы избежать немецких проповедников христианства. В Моравию были посланы братья Кирилл и Мефодий, люди славянского происхождения и греческой ориентации. Они не только проповедывали христианство, но создали также письменность, язык, книги, вообще новую славянскую церковную культуру. Это было обороной Моравского союза против врага.

Так укреплялся в IX в. Моравский союз от десятилетия к десятилетию, в постоянной борьбе с Каролингами, под руководством Ростислава, а после него — Святополка, во время управления которого в состав Моравского союза вошли также и чешские племена. В первое время существования Моравского союза эти племена были между собой

разделены. Некоторые из них, подчинившись Карлу Великому, тянулись к западу, другие оставались независимыми. Во время известных нам ссор между Каролингами все без исключения чешские племена в 840 г. разрешили Людовику Немецкому пройти по своей стране при условии получения от него больших даров. Когда же Людовик начал проводить свою захватническую политику, 14 лехов, т. е. старейшин племён, сами пришли к нему в Регенсбург и там 13 января 845 г. подчинились ему и приняли христианство. Другие же племена в 846 г., при возвращении Людовика через Чехию из похода против моравян, ударили на его войско и причинили ему значительный урон. В результате между этими племенами и франками началась длительная война.

В 847 г. войско Людовика вторглось в Чехию, а в 848 г. чехи в свою очередь проникли в его империю и причинили большой ущерб. За это сын Людовика был снова послан против чехов и принудил их просить о мире и дать заложников. В том же 848 г. был вновь организован поход против непокорных чехов. В этом походе участвовали имперские графы и аббаты во главе с графом Арнульфом, правителем Сербской марки, лежащей к северу от Чехии, и графом Эрнстом, правителем Чешской марки (в Баварии против Чехии), самым ближайшим и интимным другом Людовика. Графы враждовали между собой, этим воспользовались чехи и изгнали их войска из своей страны.

Только в 855 г. походом в Чехию графа Эрнста с прелатами и баварским войском борьба вновь возобновилась. Результат этого похода неизвестен, но едва ли он был особенно удачен, ибо через год сам Людовик вновь напал на Чехию и принудил некоторые племена подчиниться ему. По всей вероятности, он достиг этого после тяжёлых боёв, так как здесь пали граф Бардо, Эрпф и другие франкские вельможи. В 857 г. вновь вспыхнула война. На этот раз франки наступали против города Виторази, находящегося на самом юге Чехии и названного так по имени начальника племени, который ранее подчинился франкам. Сын его Славитаг восстал против франков и освободил от них своё племя. В происшедшем затем сражении с франками Славитаг был разбит и бежал в Моравию, к Ростиславу. После

этого до 869 г. упоминаний о чешских племенах в источниках нет, и только в этом году в них опять сообщается о новых битвах. Чехи вторгаются в Баварию, грабят и сжигают поселения, жителей берут в плен и увозят с собой на родину.

Так постоянно велись войны с Чехией. Но ввиду разделения племён на дружественные и враждебные по отношению к франкам здесь до образования союза дело не дошло.

Чешские племена, занимавшие южную часть территории Чехии, держались западной ориентации вследствие установившихся экономических связей с соседней Германией. Через Чехию проходил основной торговый путь с запада на восток — из Регенсбурга-на-Дунае, через Прагу, в Хазарию и Крым. Естественно, что родовые старейшины, втянувшиеся в торговые связи с франками, всячески избегая столкновений, стремились к дружественным с ними отношениям. Попав в орбиту экономического и политического влияния франков, родовая аристократия испытывала на себе и их культурное влияние. Показателем этого было распространение христианства среди чешской родовой аристократии. В то же время племена на севере Чехии, непосредственно связанные экономически с восточными соседями, были мало заинтересованы в развитии и поддержании экономических связей и дружественных отношений с франками. Они выступали противниками Карла Великого во время борьбы его с саксами.

Большие изменения наступили в 870 г. с переходом руководства Моравским союзом к Святополку. Он заботился о росте союза, стремясь также расширить его и в сторону чешских племён, видя в них особо важную опору против франков. У чешских племён, в племенном отношении родственных моравским, он встретил большое сочувствие этому стремлению. Уже в 871 г. дочь одного из чешских лехов была выдана замуж в Моравию. Лех, отец невесты, вероятно, был начальником очень выдающегося племени, ибо в свите невесты было не менее 644 хорошо вооружённых всадников. Это указывает и на то, что и жених был безусловно знаменит. Полагают, что им был сам Святополк. Это был первый шаг по пути присоединения к Моравскому союзу и чешских племён.

В то же время среди чешских племён происходил и процесс внутреннего объединения. Отдельные чешские племена выходили за пределы своих первоначальных поселений и передвигались по территории соседнего племени. Так, лучане, искони обитавшие в Мостецком крае, расширили свои поселения в пределах верхнего и среднего течения Огржи до верхнего течения Мжи. При Карле Великом или скорее после него это было особенно значительное племя. Одно время лучане стремились стать первыми среди чешских племён. Позднее, покоряя другие племена, жившие до самой юго-восточной границы Чехии, пытаются достигнуть столь же высокого положения зличане.

Чехи также стремились к расширению своей области и к первенству между племенами. Они достигли в этом большего успеха, причём все племена, расселившиеся по стране, в конце концов слились с чехами. Причины этих успехов вполне понятны. Уже в период славянской колонизации с севера чехи проникли дальше всех на юг. В самом центре чешской территории, около нынешней Праги, край не был плодороден. Ввиду этого чехам приходилось вести упорную борьбу с природой. Зато эта территория была выгодна в другом отношении: с незапамятных времён здесь, при впадении Мжи в Влтаву с запада и Сазавы с востока, был узел дорог, ведущих через Чехию с юга на север и с запада на восток. Она издавна была населена и постоянно притягивала к себе всё новые и новые племена. Чехи встретились здесь со старой культурой, которую и заимствовали у ранее обитавшего там населения. Это способствовало их культурному росту и ставило выше остальных племён, а также толкало к развитию торговли и покорению соседних племён, а иногда просто и к сближению с ними. Уже в наиболее старинных преданиях о Любуше и её муже старейшиной у чехов стал лемуз — Пржемысл из Стадицы, находившейся в Билинском крае. Позднее чех Борживой женится на пшованке Людмиле. Такие браки часто влекли за собой сближение, если не просто слияние (как было с лемузами) самих племён.

В своём стремлении к подчинению соседних племён чехи столкнулись с лучанами, пытавшимися также поставить в зависимость от себя ближайшие племена. Поэтому между

чехами, главою которых был тогда Неклан, и лучанами, управляемыми Властиславом, началась война. Эта война для чехов была решающей, а потому память о ней сохранилась и в преданиях. Согласно последним, во главе чешского войска стоял Честимир, лучанское войско вёл сам Властислав. Оба войска встретились на Турском поле. Происшедшее сражение было настолько ожесточённым, что в нём пали Честимир и Властислав, но чехи всё же оказались победителями. Захватив область лучан, они разрушили находившиеся там города, а вместо них в качестве центра края построили новый город Драгуш. Он находился на равнине и потому был менее приспособлен к обороне. Здесь воспитывали и маленького сына Властислава. Он был отдан на попечение одного полабского серба, который, как говорит предание, убил мальчика и голову его принёс Неклану, думая, что тот его за это отблагодарит. Но Неклан приказал убийце покончить с собой. Так народное предание сохранило память о победе чехов. С этих пор их господство во всей области Чехии от Праги по направлению на север к лемузам и оттуда через Луцкую область на запад надо считать бесспорным.

В некоторых рукописях, например в «*Annales Fuldenses*», под 872 г. говорится о пяти чешских лехах, или князьях: Zventislav (Святослав), Witislav (Витислав), Heriman (Гериман), Spaitimar (Спитимир), Moislav (Мойслав) с прибавлением также имени Горивей — по всей вероятности, искажённое имя Борживоя, князя чешского племени конца IX в. Он не называется среди остальных лехов, потому что стоит вне их и выше их. Борживой искал сближения с Моравским союзом, как с самым могущественным защитником славянских племён. Борживой — первый исторически известный чешский князь, принявший христианство в Моравии, при дворе Святополка. У Святополка же Борживой искал защиты, когда против него восстало его собственное племя. Сближение с Чехией дало Святополку возможность получить подтверждение своего суверенитета. Однако это вовсе не означало, что Чехия была завоёвана и король её уступил Святополку, — первое было излишне, а второе — невозможно, так как чехи не были подчинены королю. Дело лишь шло о признании фактического положения.

Вхождение Чехии в Моравский союз ускорило и процесс объединения племён внутри Чехии. Чехи, опираясь на Моравский союз, приобрели ещё большую силу и значение среди других чешских племён. В конечном итоге положение в Чехии в конце IX в. представляется в следующем виде. В 895 г. в Регенсбурге появляются старейшины всех чешских племён. О двух из них говорится, что они были начальниками других. Это были Спитигнев (безусловно чешский князь Спитигнев I), сын Борживоя, и Витизла (Witizla), о котором высказывалось предположение, что это был Вратислав, брат Спитигнева и второй сын Борживоя. Однако нам известно, что рядом с чехами над другой областью страны господствовали зличане. По всей вероятности, Витизла и был начальником этого второго господствующего племени. Таким образом, к концу IX в. процесс племенного объединения продвинулся так далеко, что в Чехии уже было только два господствующих племени; остальные же были или подчинены, или дружески с ними объединены.

· Всем этим было положено прочное основание к тесному слиянию отдельных племён в единый чешский народ и созданию прочной государственной организации.

III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

В начальную эпоху на территории Чехии племена жили родами. Земля принадлежала отдельным родам, на которой все члены этих родов совместно работали и добывали себе средства существования. Ввиду этого здесь не могло быть и власти. Основатель рода, а после его смерти самый старший как самый опытный и самый мудрый член рода — старейшина был главою рода. Но это вовсе не означало, что он владел родом или его имуществом. Его обязанностью было регулировать жизнь рода: определять, кто и какую задачу выполняет в общей работе, какова его обязанность, — и ничего больше. Не было эксплуатации, а потому не было и власти. То, что старейшина как глава рода приказывал, не было проявлением его личной власти

над другими. Это было волей всего рода, а старейшина был только исполнителем этой воли, уполномоченным рода.

Кроме управления хозяйством на старейшине лежали следующие обязанности:

1. *Оборона рода.* В случае, если роду угрожала опасность, старейшина должен был призвать воинов и стать во главе их для защиты рода и его имущества. В это время он не только мог, но и должен был приказывать, ибо иначе оборона стала бы невозможной. Но эти приказания рассматривались как коллективные, а не как индивидуальные распоряжения, — в них не усматривалась только личная воля старейшины.

2. *Суд* также являлся средством обороны рода, но только внутренней, так как нужно было защищать род, чтобы он не распался от внутренних раздоров. В роде должен был царить мир — это было необходимое условие работы и всего существования рода, и старейшина обязан был заботиться о мире. Поэтому старейшина выступал и как судья — функция, на этой ступени развития весьма важная. Отсюда и абсолютное уважение к судебному решению. Как рассудил старейшина, так и должно быть. Никто в роде не имел права брать под сомнение его решение, а тем более противиться ему, ибо это повело бы к распаду рода. Судебные права старейшины поэтому довольно близки уже к власти.

3. *Религиозные функции.* Старейшина был и жрецом рода. Богов, по языческим представлениям, можно было подкупить, умиротворить, склонить в свою пользу соответствующими жертвоприношениями. Старейшина и был обязан приносить богам эти жертвы или для того, чтобы умиротворить их, если они гневались на род (когда в роде были неудачи), или чтобы наперёд склонить их на свою сторону перед каким-нибудь новым начинанием, чтобы они помогли роду в его предприятии.

Классовой дифференциации в это время ещё не было, но родовой союз в силу своего роста и разделения труда подвергался разложению. Этот процесс происходил по ряду причин и шёл различными путями.

Род прежде всего увеличивается численно: растут новые и новые поколения. Первоначальный двор, в котором

жил род, уже недостаточен для того, чтобы вместить в себя всех его членов. Ввиду этого новые семьи строят новые жилища вне родового двора, но в связи с ним — обычно около него или рядом. Так возникает деревня — более высокая форма совместного сожительства рода. Является вопрос: какой была эта первая деревня чешских племён, какого типа? Ещё в настоящее время чешские деревни можно разделить на два в основном различающихся типа. Первый тип называется по-чешски «okrouhlíce» (закруглённые сёла): здесь дома составляют круг, располагаясь около так называемой «návsí» (деревенской площади). Другой тип сёл называется «дорожным»: деревенские избы составляют ряд и стоят одна возле другой, вдоль дороги, которая проходит через всё село, с одного конца до другого, так что в этих сёлах отсутствует деревенская площадь.

Деревень того и другого типа в Чехии равное количество, и существуют они во всех чешских областях. При этом нельзя сказать, чтобы какой-нибудь из этих типов позволял нам определять по нему ту или иную племенную область. Распределение обоих типов этих деревень зависело от характера местности, в которой они расположены. Там, где были или ещё теперь имеются лес, горы или холмы, преобладает первый тип села (закруглённый), а в равнине — другой тип (дорожный). Поэтому надо полагать, что причина той или другой формы сёл лежала не в племенном различии жителей, но в нём-то совершенно ином, а именно в обороне против врага. В лесах и в горах, откуда быстро и неожиданно враг мог сделать набег и, следовательно, опасность нападения была большей, избы строились кругом, так как в такой деревне легче было обороняться, к тому же и скот, согнанный на деревенскую площадь, находился сравнительно в большей безопасности. Наоборот, там, где было меньше опасности внезапного нападения врага, — в равнине, откуда было далеко кругом видно, — строили дома свободно, у дороги.

Переход от родового двора к деревне имеет для нас ещё и другое значение. В деревнях мог и дольше господствовать (и вначале безусловно господствовал) родовой строй с коллективной собственностью. Но уже самый факт по-

стройки отдельных домов для отдельных семей был весьма серьёзным стимулом к раздроблению родового имущества. Семьи, жившие отдельно, стремились выделить из родовой собственности средства, необходимые им для работы, а также использовать свою работу (если и не всю, то большую её часть) для нужд их самих. Поэтому отдельные семьи отграничивали свою работу, а вместе с тем и землю, на которой они работали. Так дело доходит до первого раздела земли. Но это ещё не было установлением частного владения землёй: земля по существу остаётся имуществом рода. Кроме того, не вся земля делится между семьями: им отводится столько земли, сколько они смогут обрабатывать; всё же остальное, что можно использовать только совместно всеми членами рода, остаётся в общем пользовании. Но уже и этот первый раздел был началом возникновения частной собственности.

Всё это оказало большое влияние и на положение старейшины. Если отдельные семьи рассматривали отданную им землю как своё имущество, то и старейшина также считал землю, оставшуюся в общем пользовании, своей, причём она была значительно большей, чем отдельные наделы семей. В связи с этим возникает теперь имущественная дифференциация между семьями по их величине и прибыли, которую они получают со своего надела, но в особенности между всеми остальными семьями и старейшиной. Последний уже не является одним из многих, а представляет собой нечто совсем иное: он богаче остальных.

Вместе с богатством меняется и его общественное положение. Он уже не только представитель рода. Теперь он уже и лично возвысился. И не только он сам как старейшина, но и его семья в связи со всем этим возвышается над другими семьями. Старейшинство становится принадлежностью только этой семьи как самой богатой. Иначе говоря, при этих условиях образуется классовое общество.

Другой причиной распада родового единства было разделение труда в роде.

Разделение труда среди чешских племён началось довольно рано. Чешские племена издавна занимались земледелием, скотоводством и охотой. Земледелие составляло

основное занятие населения. Только в гористых местностях, где были прекрасные пастбища, преобладало занятие скотоводством. Отдельные семьи отличались друг от друга количеством возрастающего рабочего скота и материальным достатком. Большие семьи имели возможность распашать больше земли. Такие семьи располагали и большим количеством продуктов для товарообмена. Они были богаче других и становились знатью (*nobiles*). Другие, менее обеспеченные семьи не могли равняться с богатыми. Они представляли собою только народ (*populus*), но оставались ещё свободными (*liberi*).

Аналогичный процесс выделения социальной верхушки происходил и в тех горных районах чешского населения, где преобладающим занятием было скотоводство: знатными, богатыми были те, кто владел значительным количеством скота.

Наконец, военная служба. У чешских племён, так же как и у других, под влиянием различного экономического положения членов рода развиваются два вида военной службы. Наиболее богатые, имевшие возможность приобрести лошадь, создали конницу, более бедные — пешее войско. Это было отражением классовой дифференциации: конница — высший класс, пехота — низший.

Так одновременно с разделением рода возникает некая родовая и имущественная аристократия.

В связи с происходившими глубокими социальными сдвигами внутри распадавшегося рода изменилось и положение старейшины. Он становился первым среди зарождавшейся аристократии и превращался в представителя и защитника её интересов. Растущие социальные противоречия в пределах распадавшегося рода способствовали сплочению аристократической верхушки вокруг старейшины, становившегося правителем рода и хранителем складывавшегося нового порядка. Объединившись вокруг старейшины и всячески укрепляя его авторитет, родовая знать сумела укрепить свои позиции в роде, заняв в нём руководящее положение.

Аналогичный процесс нарастания внутренних противоречий в роде происходил во всех родах одного племени. Сложность внутриплеменных отношений содействовала объе-

динению всей племенной аристократии, нуждавшейся в новой организации управления племенем для защиты своих интересов. Оставаясь в составе племени, но уже стоя над основной массой его членов, родовая верхушка выдвигает в качестве главы племени старейшину одного из родов для охраны её интересов. Этот старейшина с новыми функциями власти уже не был старейшиной в прямом смысле этого слова. Он становился князем — главой аристократической верхушки племени, хотя юридически считался главой всего племени. Мы не знаем, как назывался у чешских племён этот начальник. В латинских источниках (а других из этой эпохи не осталось) он именуется *dux* (вождь) или *regulus* (малый король). Но это второе обозначение не имеет реального значения: римские, а впоследствии и немецкие авторы хроник вообще так называли правителей варварских народов. *Dux* — не только военный вождь, но и наследственный герцог. Следовательно, и этот термин не применим к главе чешского племени и не позволяет составить отчётливого представления как о главе племени, так и о размерах его власти. Латинско-германские термины лишь указывают на происходившую территориальную консолидацию чешских племён, уже становившуюся в сущности политической. Поэтому, чтобы составить известное представление о характере происходивших изменений в организации управления чешскими племенами, необходимо рассмотреть, что в действительности представлял собой князь как глава племени.

Безусловно он не был монархом в современном значении этого слова. Для этого у начальника племени отсутствуют многие атрибуты. Племенная система остаётся ещё не разрушенной, так как продолжают существовать роды со своими старейшинами. Только над ними, как бы на положении высшего старейшины, стоит князь. Но теперь он уже стал чем-то более значительным, чем первоначально были родовые старейшины. Так же как и они, он происходит из семьи, возвышающейся над другими семьями, кроме того он богаче других и, наконец, обладает властью правителя, в особенности военной и судебной. Как глава над старейшинами он во всех этих отношениях превосходит старейшин рода. Поэтому-то он называется князем. Но в

некоторых других отношениях он остаётся всё же старейшиной, т. е. представителем племени, так же как старейшины были представителями родов. Правда, при наличии такой системы внешне сохранялась коллективность управления родом или племенем, но в действительности по своему содержанию это была новая форма управления, так как старейшины в совете князя уже не были представителями родовой организации как единого целого, а выступали как представители родовой аристократической верхушки. Следовательно, князь со старейшинами, управляя коллективно племенем, становился в действительности защитником интересов племени, поскольку интересы родовой верхушки сливались с его интересами. Такова была сущность княжеской власти. При такой организации родо-племенного управления князь был правителем, а не монархом в нашем понимании этого слова.

Можно полагать, что князья как представители управления в организации племени были у большинства племён, и только у самых небольших, которые ещё не созрели до этой более высокой организации, может быть, их не было. Первым, кого мы знаем по имени, но только на основании старого предания, был Пржемысл — князь чехов.

Не случайно, что народное предание сохранило известие о княжеской власти у чешского племени, которое, очевидно, выделялось среди других племён более быстрым развитием социальных противоречий внутри родо-племенной организации.

Момент появления княжеской власти у чехов на основании преданий, связанных с действительными фактами, нужно отнести приблизительно к началу VIII в. Сто лет спустя упоминается князь лучан — Властислав, а больше чем на столетие позже князем пшован называют Слагибора. Последний был отцом Людмилы, жены чешского князя Борживоя, а потому, по всей вероятности, князем того же племени. В X в. эличанами владеет род Славниковичей, подобно тому как чехами далее владеют Пржемысловцы. Наоборот, 14 лехов, принявших в 845 г. в Регенсбурге христианство, были скорее старейшинами родов, нежели князьями племён, так же как, вероятно, и виторазский Бистрах, упоминаемый в 857 г.

Организация племён при этих князьях в основе была следующая. В отличие от прежних отдельных родовых дворов племя имеет теперь свой центр — город (*hrad*). Там живёт князь; туда же сходятся старейшины рода для совещаний в том случае, если нужно решить вопрос, касающийся всех родов; там же устраиваются праздники и совершается народное богослужение; туда собираются члены племени в минуты опасности, пригоняя скот — главное своё богатство; там, наконец, племя организует оборону против неприятеля. Поэтому город с самого возникновения укрепляется валами, рвами и деревянными стенами. Около города основываются поселения, где живут дружина князя, ремесленники и другие люди, работающие на город. Если племя слишком разрасталось или захватывало слишком большую область и если для охраны его, в качестве центра, такой город был недостаточен, основывались и другие, меньшие города, в особенности на границах областей, занимаемых племенем. Тогда вся область племени разделялась на части, которые в чешских источниках называются просто краями (*regio*). У лемузов, например, было пять таких краёв. Во главе их стоял, вероятно, один из родовых старейшин той же области. При наличии нескольких городов главный город именовался Вышеград, Белеград и т. п.

Каковы же были функции князя? Как уже было указано выше, монархом в нынешнем значении этого слова его нельзя считать. Очень характерно предание о том, что первый чешский князь Пржемысл был выходцем из простого рода, и это должны были помнить его преемники. Потому-то в пражском княжеском дворе даже в историческое время, при подлинном владычестве чешских князей, хранилась как реликвия сельская обувь Пржемысла. Она постоянно должна была напоминать князьям, что они вышли из среды простого народа. Это, вероятно, было отголоском старого стремления родовых старейшин не допускать излишнего роста княжеского могущества. Только в XIII в. король Вацлав попытался уничтожить эту сельскую традицию своего рода и даже изгнал живших до тех пор чешских крестьян из села Стадицы, откуда происходил Пржемысл, стыдясь якобы их как своей деревенской родни.

В основном функции князя были те же, что и у старейшин: он выступал как предводитель войск, судья и жрец. В первую очередь — он предводитель войск. Далее, в руках князя находилась судебная власть. И здесь остаётся всё без изменения: как старейшины — для рода, так и князь остаётся высшим судьёй для целого племени. При этом иногда он позволяет замещать себя особым, знающим это дело судьёй.

Пока князья (и их племена) оставались язычниками, они являлись также высшими жрецами и первосвященниками племени. Когда же они приняли христианство, ритуальные обязанности стали выполнять христианские священники, а князь во время богослужения только представлял от своего племени. При этом интересно, что в чешском языке славянское слово «князь» (*knez*) обозначает христианского священника, в то время как для князя было создано другое слово, а именно уменьшительное от слова «князь» — *knize*. Если судить по терминологии, то значение христианского священника было даже больше, чем князя.

Для дальнейшего укрепления княжеской власти самым важным была экономическая мощь первых князей. В этом отношении князья придерживались принципа, выработанного родовыми старейшинами: земля, которая не была выделена определённым семьям, принадлежала князю. Благодаря этому князь становился самым богатым землевладельцем, что позволяло ему награждать тех, кто шёл за ним, и тем самым укреплять свою политическую силу. В то же время этот принцип был причиной споров между племенами. Старейшины рода не были особенно заинтересованы в лесах, окружавших землю рода, и рассматривали лес с точки зрения обороны рода. Князь же в соответствии с принципом, по которому вся не занятая родами земля принадлежала ему, считался владельцем этих лесов и поэтому был очень заинтересован, чтобы граница области, занимаемой племенем, была отодвинута возможно дальше, глубже в лес. Борьба между соседними племенами ввиду этого была часто борьбой князей за эту границу и велась именно потому, что победа содействовала ещё большему расширению княжеского владения.

Объединение племён безусловно поддерживалось развитием княжеской власти, так как князья были особенно заинтересованы в нём, — оно усиливало княжескую власть как в политическом, так и в экономическом отношении. Эта тенденция, естественно, имела место почти у всех племён, во главе которых стали князья. Но на этом процесс закрепления власти не остановился: одно дело — управлять только своим племенем, и совершенно другое — управлять чужими племенами. Благодаря всему этому изменился не только объём, но и характер власти. Возникает новая территориально-политическая организация — княжество в широком смысле этого слова и, наконец, государство.

IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАЖСКОГО КНЯЖЕСТВА

895 год в истории Чехии имеет очень большое значение. Начиная с этого времени мы окончательно уходим из области преданий, догадок или отражений в иноземных источниках и становимся на твёрдую почву надёжных местных источников, позволяющих нам нарисовать картину исторического развития, значительно более правильную и систематическую. И по своему историческому содержанию 895 год имеет исключительное значение. В этом году, как уже было упомянуто, над чешскими племенами, попрежнему управлявшимися своими князьями, возвысились два князя — Спитигнев и Витеслав (Витизла). Первый был безусловно князем племени чехов, или пражским князем, второй, вероятно, — князем зличан.

Таким образом, по всей вероятности, создалась тогда уже определённая организация чешских племён. В 894 г. умер Святополк, объединитель славянских племён, в том числе и чешских. В результате споров, возникших между его сыновьями, чешские племена выделались из Моравского союза и стали самостоятельными. Свидетельства об этом мы получаем начиная с 895 г.

Процесс объединения чешских племён показал, что из них только два племени оказались настолько сильными, чтобы присоединять к себе другие племена или подчинять их себе. Эти два племени были чехи и зличане, образовавшие впоследствии два союза чешских племён: один под

главенством чехов, другой — зличан. Только так мы можем понимать свидетельство, что во главе чешских князей стали два высших князя. Это не означает, конечно, что чешские князья выбрали двух великих князей из одного племени, ибо это совершенно не отвечало бы характеру племенной организации. Поэтому последующие исторические источники всегда и говорят о княжествах чехов и зличан как о двух равноценных. Известно также, какие области входили в каждое из них.

Чешское, или Пражское, княжество занимало прежде всего область самих чехов с главным городом Прагой, затем область к северу от неё, населённую пшованами, с центром в городе Мельнике (вместо старого Пшова), ещё дальше к северу, до самых границ страны, — область лемузлов с их городами Литомержицами, Депином и Билином, а к западу — область лучан с городом Жатцем. Как обстояло дело с седличанами и хебанами, обитавшими ещё дальше к западу, — прямых свидетельств мы не имеем, но, ввиду того что о них особо ничего не говорится, надо полагать, что и они входили в состав Пражского княжества.

Зличанское княжество с главным городом Либице, лежащим при слиянии реки Цидлины с Лабой (около теперешнего города Подебрады), включало в себя Зличанскую область до границ Пражского княжества, далее — область, лежащую на юго-запад от этого княжества, а от реки Мжи на юг, и весь юг, так же как юго-восток с городом Хиновым и юго-запад с городами и племенами дудлебов и петолицев; на востоке оно доходило до границ Моравии, где стоял их пограничный город Литомышьль, а на северо-востоке простиралось за пределы нынешней Чехии, к реке Нисе с городом Кладско.

Внутреннее устройство княжества выглядело следующим образом. После создания княжества не исчезли племенные князья. Неклан, победив Властислава, подчинил своей власти лучан, но не лишил малолетнего сына Властислава права наследия после отца, равно как и права лучан на дальнейшее существование их княжества.

Итак, в то время Пражское княжество было ещё союзом племён, а не только владением пражского князя. В этом

отношении оно было даже более свободным союзом, нежели Моравский союз племён, представители которого сразу, с самого его возникновения, стали изгонять из присоединённых племён и областей местных князей (Моймир I — нитранского Прибину).

Отсюда и политическая ориентация Пражского княжества. Этот союз, как и предыдущие, был явно создан для обороны, невзирая на то, присоединялись ли к этому союзу отдельные племена добровольно или принуждались к тому силой. Но эта оборона в данном случае была направлена на восток—против давления, которое оказывал на чешские племена Моравский союз, в особенности в то время, когда управление союзом принадлежало Святополку. Вследствие этого Пражское княжество политически ориентируется на запад. Король Арнульф направляет в то время все свои силы против Моравского союза, а потому чешские племена не находились под угрозой его нападения в такой степени, как раньше их предки со стороны Франкских королей. Мало того, они видели в нём охрану против более опасного, как им тогда казалось, врага—Моравского союза. Ввиду этого ещё в 895 г. в Регенсбурге они просят помощи у Арнульфа. Этим определялась и внутренняя церковная политика пражского князя Спитигнева I, особенно в вопросе христианизации чехов.

Больше всего свидетельств о крещении чехов мы находим в легендах об их святыях, в частности о Вацлаве и Людмиле. Но, как правило, легенды уделяют больше внимания прославлению святыих, нежели исторической правде. Поэтому действительность в них сильно искажена и приспособлена к целям прославления. К тому же ориентация сохранившихся латинских и старославянских легенд не одинакова, и события рассматриваются в них с точки зрения местных интересов.

Основа вопроса заключается в том, кто ввёл христианство у чехов — князь Борживой или Спитигнев I. Это имеет большое значение и для выяснения того, какое это было христианство. Если первым христианским князем был Борживой, то согласно свидетельств легенд и народной традиции он принял христианство в Моравии по восточному — славянскому обряду; если же Спитигнев, то это было

западным — латинским христианством. Речь идёт, разумеется, не о личности этих князей, а о культурной и политической ориентации чехов в то время. Ведь принятие христианства по тому или иному обряду знаменовало собой принадлежность к той или иной политической сфере. Ввиду того что христианство Спитигнева и его западная ориентация не вызывают никакого сомнения, — об этом согласно свидетельствуют и хроники и легенды, — спор касается только Борживоя, а именно: принял ли он христианство и принял ли его в Моравии.

Легенды рассказывают об этом довольно подробно. По этим рассказам, Святополк, когда его посетил Борживой, посадил последнего как язычника не за стол, а на пол. Это будто бы произвело на Борживоя такое сильное впечатление, что он немедленно крестился у Мефодия. Перед нами во всех отношениях неправдоподобное сообщение: и в рассказе о том, как вёл себя Святополк по отношению к гостю-князю, и ещё больше — в сообщении о том, как реагировал на это Борживой. Но для нас наиболее важным во всём этом является самый факт крещения.

У нас нет ни малейших свидетельств о том, что христианство распространилось в Чехии с 845 г., т. е. с момента посещения 14 чешскими лехами Регенсбурга. Наоборот, тот факт, что все свидетельства говорят только о конце IX в., как начале крещения Чехии, доказывает, что событие 845 г. было только небольшим эпизодом, одним из тех, когда отдельные лица в то время, так же как и в других странах, по разным соображениям принимали крещение. Всё же кое-что это указание нам даёт, а именно — что необходимо различать отдельные, до того времени мало объединённые племена. Конечно, более чем правдоподобно, что некоторые племена, в особенности западные, подчинились влиянию христианства раньше, а другие позднее.

Поэтому крещение Борживоя отнюдь не связано с общим крещением в Чехии, а лишь с крещением чешского племени. Но вопрос о крещении получал своё разрешение, как и в других местах в ту эпоху, больше по доводам политического характера, чем религиозного. Дело было не в тех или иных религиозных симпатиях, но в интересах и взаимоотношениях политических. Чехи в эпоху Святополка,

как мы знаем, входили в Моравский союз. Поэтому у нас нет причины сомневаться в том, что их князь принял крещение именно в Моравии, в центре союза, и что народная традиция сохранила его не без основания.

Этот факт поддерживается и другими свидетельствами. Все отмечают (в том числе и Косьма), что первым христианским храмом, основанным Борживоем, был храм святого Климента в Левом Градце (на севере от Праги), а ведь известно, что мощи святого Климента принесли в Моравию Кирилл и Мефодий. Точно так же сохранившиеся от той эпохи археологические находки доказывают, что тогда были сношения со славянским востоком и югом; в частности, на это указывают особые серьги, которые, по видимому, попали сюда от южных славян, а также богатые золотые и серебряные украшенные филигранью серьги, явно византийского происхождения. Наконец, последующая история славянского богослужения в Чехии ясно доказывает, что славянская церковная служба была здесь известна, хотя потом и уступила место латинской. Трудно дать этому более естественное объяснение, нежели то, что славянское богослужение появилось здесь в то же самое время, как и в соседней Моравии, и притом под влиянием или, по крайней мере, при участии тогдашнего князя чехов Борживоя.

Другой вопрос: когда вся Чехия (т. е. всё объединённое княжество) приняла христианство? Это, по видимому, произошло только уже при Спитигневе, одновременно с объединением чешских племён. Всё это вполне естественно, если принять во внимание различную до того времени ориентацию чешских племён. Трудно было племена с западной ориентацией объединить с племенами, ориентировавшимися на восток на основе восточного славянского христианства. Но, наоборот, вполне возможно было, после отпадения и тех и других племён от Моравского союза, объединить их всех на основе западного латинского христианства. И это сделал Спитигнев. Построенная Спитигневым церковь была храмом Девы Марии, стоявшим в самом центре Пражского княжества — в пражском кремле. Сюда Спитигнев призвал священников уже прямо с запада. Мало того, на запад от Праги, в Будче, при

построенном им храме святых Петра и Павла, он основал особую латинскую школу.

Это подтверждается и хронологией. Косьма сообщает, что Мефодий крестил Борживоя в 894 г., в год смерти Святополка, что было совершенно невозможно, ибо Мефодий умер в 885 г. Интересно, что декан и каноник пражской капитулы знает, когда умер Святополк, но не знает, когда умер первый архиепископ чешских областей Мефодий. Бросается, действительно, в глаза близость, даже больше того — почти тождество, у Косьмы 894 г., как года крещения чешского племени, с 895 г. — годом выступления в Регенсбурге. Косьма, повидимому, сознавал, что окончательный поворот Чехии к христианству (конечно, западному) находился в связи со смертью Святополка. Но, ввиду того что он считал первым христианским князем Борживоя, он обозначил его крещение как раз этим годом. Всё это также подтверждает, что только после 894 г. был сделан решительный поворот к христианству.

Это даёт нам новое подтверждение того, что создание Спитигневом Пражского княжества, которое со всем этим было тесно связано, происходило также в то самое время — в 894 и 895 гг. В 894 г., в год смерти Святополка, кончается его власть над Чехией. Спитигнев, хотя ему тогда было едва 20 лет, берёт в руки бразды правления (Борживой умер, повидимому, уже раньше), объединяет другие племена и в 895 г. выступает перед королём Арнульфом в Регенсбурге уже как великий князь этих племён.

Возвышение чешского князя до степени главы всего союза племён повлекло за собой совершенно иное представление о княжеской власти. Старый патриархальный строй отнюдь не был этим уничтожен, но всё же сильно ослаблен и ограничен. С этих пор князь выступает уже в значительно большей степени как властитель и в своём собственном племени. Мы видим это уже в самом крещении Чехии. Всё это совершилось вовсе не по желанию и при содействии всего племени. Народ, если здесь можно так выразиться, оставался и дальше языческим.

Через сто лет после крещения (в конце X в.) биограф святого Войтеха Канабарий пишет, что большая часть Чехии оставалась языческой, поклоняясь камням и де-

ревьям, и была христианской только по имени. Ещё в XI в. Бржетислав I запрещал языческое погребение мёртвых, но это запрещение не достигло своей цели, так как Бржетислав II в 1092 г. снова выступает против такого погребения. В то время народ хоронил ещё своих покойников не на кладбищах, а в лесах на перекрёстках дорог — там именно, где сходились три тропинки, и взывал к душам предков, сопровождая этот обряд плясками и буйным весельем, надевая при этом на себя маски. Равным образом в те времена народ продолжал верить в роши и колдцы, а также вместо священников прибегал к помощи чародеев и колдунов. Так чешский народ крепко и настойчиво держался своего изначального язычества. Поэтому обратить его в христианство было делом нелёгким, и едва ли он пошёл на это добровольно. Легенды рассказывают о Борживое, что он был изгнан чехами из страны, когда задумал принуждать их к принятию христианства. Вследствие этого, повидимому, он начал строить храм вне Праги, не решаясь соорудить его в центре племени. На это отважился лишь Спитигнев, который хотя и стремился принудить народ принять христианство, но не осмелился устранить из пражского кремля языческий жертвенник, который остался на своём месте рядом с храмом Девы Марии. Итак, уже самое христианство противопоставляло князя народу.

В рукописных источниках совсем не говорится или говорится только весьма поверхностно о классах в Пражском княжестве конца IX и начала X в. Но много об этом говорят археологические находки того времени, в особенности раскопки могил. Здесь бросается в глаза резкий контраст между князем и его двором, с одной стороны, и народом — с другой. В 1864 г. около города Колина была найдена могила, судя по её богатству, явно княжеская. Здесь был погребён мужчина с мечом и секирой, пояс которого был отделан прекрасными серебряными, частью позолоченными, коваными, позднекаролингской эпохи, украшениями, с большими медными посеребрёнными и украшенными филигранью шпорами, а также с амулетом (кусочком мощей, оправленным в золото) на шее. Так же пышно погребена там и женщина с богатым ожерельем, на

котором тоже был амулет (кусочки мощей здесь завернуты в шёлк), с серебряными позолоченными серьгами и с большими чеканной работы пуговицами из бронзы на груди. К этому же времени (начало X в.) относится найденная могила около Желенки (недалеко от Духцова). Похороненная здесь женщина имела на лбу серебряный крестик, в ушах — золотые серьги, на шее — тонкую золотую цепочку с золотым медальоном, в который была вставлена античная камея, затем серебряный пояс с пластинками, на которых вычеканен преследуемый олень с соколом на спине. Наряду с этой могилой были раскопаны и очень простые могилы того времени, почти без всяких даров покойному, и притом под небольшими низкими насыпями, — явно могилы представителей другого, не княжеского и не господствующего, класса.

Старый племенной строй под влиянием роста княжеской власти если и не был ещё совершенно разрушен, то всё же был сильно ослаблен. Это скоро выявилось и в самом княжеском роде, где дело дошло до тяжёлых раздоров. Спитигнев I умер молодым, приблизительно в 905 г., и пражским князем стал его брат Вратислав I, при котором разразились сильные бури в соседних странах. Венгры в это время разбили Моравский союз, а во Франкской империи, которой владел слабый, незрелый Людовик Дитя, всюду возникали серьёзные волнения. Вратислав I, несмотря на всё это, продолжая политику своего брата, укреплял свою власть в Пражском княжестве. Он даже построил новый храм святого Георгия в Праге — как раз на том самом месте, где раньше совершалось языческое богослужение. Вратислав I умер в 921 г., едва достигнув 33 лет. После него остались три малолетних сына — Вацлав, Болеслав и Спитигнев. Управление княжеством поэтому взяла в свои руки их мать, жена Вратислава — Драгомира. Она происходила из племени полабских стодоранов, ветви могущественного племени лютичей, которые наиболее противились принятию христианства. Но тогда ещё жила и мать Спитигнева I и Вратислава I — Людмила, всецело преданная западному христианству, которого придерживались её сыновья. Между этими женщинами дело дошло до борьбы, в которой Людмила погибла: Драгомира, энергич-

ная и смелая, послала в 921 г. своих людей в город Тетин с приказом задушить Людмилу. После этого Драгомира стала полновластно управлять княжеством.

Эти раздоры увеличились ещё больше, когда в 923 г. власть в свои руки взял молодой Вацлав. Своей бабушкой Людмилой и латинскими священниками в граде Будче он был воспитан в духе уважения к христианству и стал преданным слугой западной церкви. Он начал строить новый, для того времени великолепный, уже третий в Праге храм святого Вита, превосходивший все остальные пражские храмы. Он не только немедленно приказал (в 924 г.) перевезти тело Людмилы как святой мученицы в Прагу, но и сам жил почти как монах, всё время проводя в молитвах и прислуживая при богослужении священникам. Это даже возбудило у чехов недовольство. «Тот, кто должен быть нашим князем, испорчен священниками и является как бы монахом», говорили, по сообщению Космы, легенды.

Особенно недоволен был Вацлавом его младший брат Болеслав. Это был энергичный, непокорный, смелый юноша, мечтавший не о небесном царстве, а о княжеской власти на земле. Между ним и Вацлавом дело вскоре дошло до открытого разрыва, и когда Вацлав, не желая, чтобы его тревожили в проведении его церковной политики, отстранил от княжеского двора Драгомиру, заключив её в Будчу, то из Праги ушёл и Болеслав. Он потребовал, чтобы ему был предоставлен самостоятельный удел в стране пшован, которая досталась Пражскому княжеству вместе с Людмилой после её брака с князем Борживоем. Здесь Болеслав построил себе новый, свой град. И уже при этой постройке выяснились его цели. Выстроенный им град был значительно крепче и неприступнее, чем прежние города, — с высокими, построенными по римскому способу стенами. Назвал он этот град своим именем — Болеслав (нынешняя Старая Болеславь). В качестве рабочих он созвал для постройки града живущих кругом жителей, созвал старейшин местных родов и приказал им, чтобы они с помощью подчинённых им людей построили ему град. Когда же старейшины стали противиться этому и будто бы заявили: «Скорее голову дадим на отсечение под твой

меч, чем склоним голову под невыносимым игом рабства», разгневанный Болеслав им ответил: «Попробуйте, легче ли склонить шею под мечом, чем под игом рабства», и, схватив самого славного из старейшин, отрубил ему мечом голову. Видя это, остальные пали на колени и с плачем просили простить их. «И быстро построили град по римскому способу, с толстыми и высокими стенами, что и поныне можно видеть», — добавляет Косьма в своём описании, в котором безусловно много присочинено и прикрашено, особенно в речах Болеслава, хотя, с другой стороны, хорошо сохранена память о том, как тогда молодой Болеслав укрощал и покорял себе начальников родов. С таким представлением о княжеской власти Болеслав, конечно, возмущался монашеским смирением Вацлава.

Однако было ещё одно обстоятельство, до сих пор в чешской историографии не принятое во внимание. Заключалось оно в следующем. Для Пражского княжества представляла угрозу неуклонно возрастающая сила другого главного чешского княжества — Зличанского. В легендах рассказывается, что Вацлав был принуждён вступить лично в бой с зличанским князем Радславом. В легендах рассказывается о чуде, которое будто бы при этом случилось: на небе появился крест, и Радслав, видя его, упал на колени, вследствие чего битва не состоялась. В действительности было иначе. Ранее указанные границы Зличанского княжества, идущие не только глубоко на юг Чехии, но и далеко на запад, были стимулом к завоевательной экспансии этого княжества. Она была осуществлена приблизительно в эту эпоху, во время беспорядков, происходивших при правлении Драгомиры и Вацлава. Например, о дудлебах известный арабский историк Масуди заявляет, что их Королём является Vandz-slav. В то время ещё дудлебы принадлежали к Пражскому княжеству Вацлава. Но вскоре после этого они уже были захвачены Зличанским княжеством. Последнему придавало вес также и то обстоятельство, что зличанские князья, как это мы знаем из другого источника, были в прямом родстве с баварскими герцогами. Ввиду этого весьма правдоподобно, что поход герцога Арнульфа в Чехию в 922 г., ещё в правление Драгомиры, имел также целью поддержать

зличанских князей в тогдашнем их стремлении к расширению своего княжества в ущерб Пражскому. И, наконец, для дальнейшего выступления Болеслава было особенно важно, что в Зличанском княжестве никогда не слышали ни о каком ином князе, кроме главного. Это, видимо, было потому, что здесь внутренняя консолидация сил под сильнейшим влиянием Баварии и других западных стран шла успешнее и быстрее, нежели в Пражском княжестве, и тем самым делала Зличанское княжество более сильным и боевым.

Для Пражского княжества настала роковая минута. Вацлав, проводя всё время в молитвах, этого не понимал, но это вполне осознал Болеслав, который и решил действовать. Большим препятствием для осуществления его намерений был Вацлав, а потому его надо было устранить. Болеслав пригласил брата в свой град под предлогом празднования освящения храма. Он знал, что это соблазнит Вацлава, и тот действительно приехал. Вечером, во время пиршества, Болеслав со своими друзьями готовился убить Вацлава. Но осуществлено это было на другой день. 28 сентября 935 г. на Вацлава напали у дверей храма, куда он направлялся, и умертвили его. Так Болеслав расчистил путь для осуществления своих планов.

Став князем, Болеслав (Болеслав I) прежде всего очистил Пражское княжество от всех сторонников Вацлава. Он не щадил никого из тех, кто хотел или мог препятствовать проведению его планов. Поэтому и Драгомира, которая хотя политически и лично была близка к Болеславу I, сочла за лучшее с ним не сталкиваться и бежала к соседним хорватам.

Болеслав I начал перестраивать Пражское княжество, всё ещё державшееся на старых племенных и родовых принципах, и укреплять единоличную княжескую власть. Внутренние условия княжества способствовали этим планам. Внутри племён и между племенами накопилось множество противоречий, угрожавших распадом всего строя. Противоречия между первоначальным родом, представленным старейшиной, с одной стороны, и отделившимися семьями — с другой, теперь стали уже предметом постоянной борьбы между ними, борьбы за имущество и

административную и политическую власть в роде. Между племенами дело обстояло не лучше. Перевес и руководящее положение чехов было бесспорным, но далеко не бесспорным было положение пражского князя. Однако, только опираясь на сильную княжескую власть, можно было уничтожить остатки традиций родо-племенного строя в виде племенных князей и удержать в повиновении тех, кто продолжал крепко цепляться за них. Знати, вышедшей из недр родо-племенного строя, также нужен был смелый, энергичный князь, который не стеснялся бы в средствах для уничтожения остатков родо-племенного строя, препятствующего усилению родо-племенной верхушки и созданию нового территориально-политического объединения — государства.

Если к этому ещё присоединить сильное давление извне, как с запада, со стороны германцев, так и с востока, со стороны Зличанского княжества, которое особенно было опасно в деле удержания первенства в стране, то неизбежность укрепления княжеской власти на базе ликвидации остатков родо-племенного строя была очевидной.

Первым шагом Болеслава I в создании крепкого государства было устранение всех племенных князей в области Пражского княжества. Болеслав I впоследствии за борьбу против племенных князей получил прозвище «Жестокого». Мы уже знаем, как ещё раньше молодой Болеслав вёл себя по отношению к старейшинам родов. Так поступил он теперь и с племенными князьями. Он не только их устранил, но, повидимому, совершенно истребил, и не только их самих, но и все их роды. По крайней мере они потом уже не выступают в качестве дворянских родов. Даже Вршовцы — самый знаменитый и старейший род X и XI вв. — не принадлежали к оставшимся от прежнего времени княжеским родам, а были дворянским родом нового происхождения. Так систематически уничтожал Болеслав I этих племенных князей — конечно, только в области Пражского княжества.

Однако деление княжества на области соответственно с сохранившимися до того времени племенами, как и старое их племенное управление сразу не исчезли. Правда, эти области потеряли теперь своё первоначальное племен-

ное значение и стали административными единицами правовой центральной власти. Ввиду этого они подвергались изменению, как только этого требовали интересы управления. В том случае, если округ был слишком велик для управления, его делили на два, три и больше частей-округов (например, до тех пор существовавший край лучан как слишком большой был разделён на пять округов), и эти вновь образованные округа уже не имели ничего общего с племенным делением, но становились только административными областями или краями. Вместе с тем изменились и центры этих областей.

Центром края при новом административном устройстве попрежнему оставался город, но многие из них, бывших ранее центрами племенной области, потеряли своё значение административных центров. Если исконная племенная область была слишком мала и её город находился неподалёку от города более значительной племенной области, то центром управления обеих этих областей становился этот другой город, а город небольшой области или превращался в частновладельческий городок, или же пустел и совершенно исчезал, как на это указывают развалины старых городов, о которых упоминает Косьма. Таким образом, новое административное устройство укрепляло единство государственной территории и содействовало усилению княжеской власти.

Наконец, организация провинциального управления была построена также по-новому. Пражский князь не мог теперь управлять таким обширным княжеством единолично, как могли и действительно управляли своими небольшими княжествами племенные князья. В качестве новых управителей в краях выступали теперь княжеские наместники, бывшие представителями пражского князя и исполнителями его приказаний. Они жили в краевых городах как центрах, откуда управляли краем. Княжеский наместник, именуемый в латинских источниках граф (*comes*), прежде всего был начальником города, а вместе с тем и края. Начальник располагал всеми правами, принадлежавшими князю. Он следил за населением, чтобы оно соблюдало предписанный порядок, исполняя свои обязанности по отношению к стране и князю, судил спорящие стороны и распоряжался

войском (*hotovost*), собиравшимся в крае, когда князь призывал его к оружию.

Рядом с ним, также в X в., появляются и другие чиновники, выполнявшие некоторые из функций начальника самостоятельно, в качестве его заместителей. Это прежде всего был судья (*судар, iudex*), который, по всей вероятности, был и раньше заместителем князя по судебным делам. Он остался и теперь, но уже в качестве чиновника, как помощник начальника края. Чиновником князя был также «коморник» (*komornik, camerarius*). «Комора» обозначает кладовую, место для хранения запасов; в ней было сосредоточено заведывание княжеским имуществом. Поэтому коморник был специальным представителем экономических, главным образом финансовых, интересов князя в крае и в этом отношении был помощником начальника. «Владарж» (*vladar, villicus*) был управителем княжеских имений, ведал сельскохозяйственной частью, в то время как ловчий (*lovci, senator*) заведывал с помощью лесников и других служащих лесами. Такова была организация краевого управления.

Одновременно со всем этим происходило и дальнейшее укрепление княжеской мощи, а вместе с тем и мощи государства. Уничтожив племенных князей, Болеслав I захватил в свои руки не только их политическую власть, но и всё их имущество. Всё, что принадлежало племенным князьям, он объявил своей собственностью. Благодаря этому он невероятно разбогател: ему теперь принадлежали обширные имения по всей стране, по всем областям. Тем самым Болеслав I, а после него и его преемники становились владельцами огромного количества земли, бывшей вследствие сравнительно слабой заселённости большей частью свободной. В частности, все обширные леса на границах и внутри страны достались ему. В силу этого пражский князь владел такими значительными пространствами земли, что становился не только самым крупным чешским землевладельцем, но и более того — собственником княжества, с которым имения других лиц или родов не могли равняться.

Конечно, всё это ещё более усилило власть пражского князя. Болеслав I был уже настоящим владыкой — едино-

державным монархом. Правда, и теперь иногда собирались своего рода сеймы, именуемые в латинских источниках «colloquia», как они назывались ещё в период существования отдельных княжеств. Они тогда носили общенародный характер. При Болеславе I, в связи с укреплением его положения, сеймы в корне изменили свой характер. Они стали собранием княжеских наместников в краях и феодализирующейся аристократии, собранием класса землевладельцев во главе с самым крупным землевладельцем — пражским князем, представителем и защитником интересов этого класса. Крупные землевладельцы были опорой его власти и господства, и естественно, что при строительстве классового государства Болеслав I не мог обойтись без их советов и указаний. Болеслав I созывал их для того, чтобы посоветоваться с ними (отсюда название colloquium — разговор), или просто для того, чтобы они выслушали его волю. Второе происходило главным образом на так называемом «genegale colloquium» — собрании всех чехов (omnes Bohemi), где вообще ничего не говорилось, ничего не дебатировалось, но лишь провозглашалось решение князя. Такие совещания укрепляли положение княжеской власти, поскольку его политика отвечала интересам класса землевладельцев, и, разумеется, не стесняли волю и действия князя. Отношение князя к земельно-служилой знати не поддаётся практическому определению, но, конечно, князь не мог не считаться с мнением той социальной верхушки, которая уже отличалась богатством, знатностью и стремлением к укреплению своего политического положения. В этом отношении совпадали интересы князя, основанные на базе уничтожения родо-племенного строя, и земельной знати, вышедшей также из недр того же разлагавшегося строя.

Внутренняя консолидация Пражского княжества при Болеславе I в известной степени была связана с внешними действиями.

Серьёзная опасность угрожала политической самостоятельности Пражского княжества со стороны германского короля Оттона I, стремившегося к подчинению Чехии. Началась длительная война с германским королём, которая окончилась благополучно для Болеслава I. Мало того, на

Почве борьбы с кочующими тогда ещё венграми, нападавшими на Германию и другие западные области, происходит известное сближение между Оттоном I и Болеславом I, так как в случае успеха венгров Чехию ожидала судьба Моравии. Сближение с германским королём оправдало себя в 955 г., и в битве на реке Лехе венгры потерпели поражение. Болеслав I не участвовал в этой битве лично, но отправил на помощь Оттону вспомогательный чешский отряд, а сам стоял на охране границ Чехии, и когда венгерские войска попытались после поражения проникнуть в Чехию, то потерпели новое жестокое поражение. В результате разгрома венгров Моравия была освобождена от их власти, и на неё распространилась власть Болеслава I. Этот внешний успех имел громадное политическое значение, так как содействовал ещё большей внутренней консолидации Чешского государства Болеслава I, если не считать Зличанского княжества, которое ещё сохраняло тень своей самостоятельности.

Итак, после всех этих глубоких перемен Болеслав I стал во главе княжества с достаточно уже развитой и определённой государственной организацией, благодаря которой социальные верхи вполне освободились от остатков родоплеменного строя и могли укрепить своё социально-экономическое и политическое положение. Так на развалинах родо-племенного строя из недр военной демократии образовалось варварское государство, в котором окрепла основа феодального строя — крупное землевладение, освободившееся от всяких родовых пут.

Результаты всего этого не замедлили сказаться в самой жизни населения нового государства.

В X в. Чехия была сравнительно слабо заселена: Не только пограничная полоса, но и большая часть внутри страны всё ещё была покрыта лесами и болотами. Слабая заселённость Чехии задерживала развитие производительных сил. Всё-таки источники в своих сообщениях говорят, что Чехия того времени изобиловала хлебом. Следует признать, что в области земледелия, по сравнению с предшествующей эпохой, произошли большие изменения. То, что большая часть земли попала в распоряжение князя, содействовало прежде всего развитию сельского хозяйства

в княжеских доменах. Хозяйство велось уже не только на малых отрезках земли родовых общин или на выделенных семейных наделах, но и в более крупном масштабе — в больших княжеских дворах. Эти земли княжеские чиновники старались использовать по возможности интенсивнее, так как от этого получал выгоду не только князь, но и они сами. Поэтому прежде всего они увеличивали количество обрабатываемой земли. В это время в связи с развившейся колонизацией население Чехии значительно увеличилось, главным образом в районах, ещё почти не заселённых. Вместе с тем намечается и стремление повысить плодородность обрабатываемой земли.

С развитием княжеского хозяйства развивалось и ремесло. Княжеское хозяйство нуждалось в большом количестве ремесленных изделий. Отдельные группы населения, а иногда и целые сёла специализировались на каком-нибудь виде ремесла. Это видно из названий сёл, которые появились в Чехии, — больше всего в Пражской области, а также около больших княжеских дворов, например: Kovary (кузнецы), Vesvare (бочары, богдари), Mydlvary (мыловары), Medovary (медовары), Kosige (корзинщики), Kolomazice (дегтярники), Kladoruby (древорубы) и т. д. Арабский купец Ибрагим-ибн-Якуб, посетивший Прагу в 965 г., сообщает, что под кремлём были очень хорошие шорные мастерские, вырабатывавшие также узды и щиты и снабжавшие, повидимому, княжескую военную дружину необходимыми изделиями. Но и в провинции появляются деревни Stitavy (вырабатывающие щиты), а один раз встречаем и название Yedovary (ядовары), — последние, повидимому, приготавливали яд, которым войны отравляли свои стрелы.

Значительно развилась и торговля. Географическое положение Чехии в центре Европы содействовало тому, что здесь ещё в доисторические времена проходило множество дорог как с юга на север, так и с запада на восток. Эти дороги сохранили своё значение и в более позднее время. В княжение Болеслава торговля очень усилилась. Ибрагим-ибн-Якуб говорит, что Прага, где сходились все эти дороги, производила впечатление одного из самых богатых торговых городов. Торговали здесь самыми разнообразными товарами. Сюда импортировались дорогие материи,

коренья, рыба, различные металлы и минералы, в особенности же соль (её сюда привозили с юга, севера и юго-востока). Экспортировали отсюда меха, преимущественно бобровые, лес, хмель, мёд, зерно, свинец, серебро, лошадей, а главным образом рабов, которых, повидимому, после войн Болеслава I здесь было так много, что Прага стала даже одним из самых главных рынков торговли рабами.

Болеслав I, чтобы ещё больше поддержать торговлю, учредил внутри Праги особый центр заграничных торговцев, названный Тын (это место до сих пор существует и является одним из центральных в Праге), где они могли жить и вести торговлю под особой княжеской охраной, что для иностранцев было весьма важно, так как облегчало их пребывание в чужой стране. При этом Болеслав и себя не забывал, взимая с них за всё это значительные пошлины как при въезде их в страну, так и во время пребывания в Праге. Этим путём Болеслав I умножил свои богатства, а вместе с ним богатела и знать, получая немало прибыли. В связи с развитием торговли Болеслав I начал чеканить собственную монету. Значительно изменился и внешний вид Праги. Если Болеслав I уже в молодости строил город Болеслав «на римский лад», т. е., в отличие от старых деревянных славянских городов, из камня, то позднее, будучи князем, он так же перестроил и Прагу. Упомянутый Ибрагим-ибн-Якуб был поражён тем, что Прага (разумеется, кремль) была построена из камня и извести.

Глубокие сдвиги в народнохозяйственном развитии Чехии постепенно изменили общий характер варварского государства Болеслава I. Окрепшая экономическая знать, становившаяся крупным землевладельцем, уже феодализировалась. Она поставила в зависимость от себя свободные сельские общины и эксплуатировала их в свою пользу, облагая их феодальной рентой — продуктами — и заставляя работать на себя. При слабом развитии внутреннего рынка и господстве натурального хозяйства землевладельцы не нуждались в значительной запашке, так как все необходимые продукты питания им доставляло зависимое от них население. Возрождавшееся феодальное поместье не трогало и общины, ибо своевременная доставка феодальной ренты продуктами землевладельцу обеспечивалась наличием общины.

В усадьбе землевладельца в качестве рабочей силы находились и рабы. Это были ремесленники и дворовые люди, конюхи, скотники, выполнявшие ту или иную повинность в усадьбе. Лишние рабы продавались. Так поступал сам князь, располагавший наибольшим количеством рабов и сбывавший их на рынке. Рабы в хозяйстве князя имели большее значение, чем в имениях остальных землевладельцев. Жившее на землях князя свободное население, а также оседавшие на земле колонисты не могли удовлетворить всех потребностей князя.

Рабство в Чехии было старым и очень распространённым явлением. Основным его источником были войны. Чехи были известны тем, что, вторгаясь в чужую страну, не только её опустошали, но и уводили с собой в рабство множество местного населения. Другим источником рабства было собственное население: всякий совершивший преступление или же должник, который не в состоянии был заплатить свой долг, осуждался на рабство.

Хозяйственная жизнь в Чехии при Болеславе I сохранила свой натурально-потребительский характер. Развитие внешней торговли больше всего затрагивало интересы крупных землевладельцев, располагавших товарами, необходимыми для иностранных купцов, в частности рабами, продажа которых на рынке Праги давала средства для покупки предметов роскоши и драгоценных металлов. В руках князя и землевладельцев накопилось, таким образом, много материальных ценностей, служивших для личного потребления.

Одновременно появляется и другой вид работников, — правда, пока ещё только в самом зачатке — так называемые «гости» (*coloni*). Как указывает самое наименование, это были чужие люди, не всегда иностранцы (тогда иностранцев в Чехии было очень мало). «Чужой» в данном случае означало, что он не был местным жителем, т. е. выходцем из той же самой общины, из того же самого рода. Такой человек уже назывался гостем. Однако это не был и раб, ибо последний был имуществом господина, а потому не мог быть гостем. Были это люди по своему происхождению свободные, которые сами предлагали князю или его областным чиновникам свои услуги по

обработке части княжеской земли. Обычно им давалась такая земля, которая не входила в область того или другого двора, а потому и не обрабатывалась княжескими рабами. Гость, в свою очередь, давал князю или городскому наместнику часть полученных с земли продуктов натурой или же вносил определённую плату по договору. Большей частью такие колонисты поселялись около княжеских городов. Об этом говорят и более поздние источники, относящиеся к XI в.

V. ФЕОДАЛЬНАЯ ЧЕШСКАЯ МОНАРХИЯ ПРИ БОЛЕСЛАВЕ II

Возникшее Чешское государство уже было достаточно прочным организмом, полностью охранявшим интересы класса землевладельцев. В их интересах было дальнейшее его укрепление. В 967 г. Болеслав I умер, и князем стал его сын Болеслав II (967—999). Чешское государство отнюдь не было поколеблено; оно продолжало расти и крепнуть в том же направлении, которое наметил Болеслав I. В 973 г. было создано Пражское епископство. Болеслав I питал отвращение ко всякому «монашеству». Ввиду этого строительство государства он начал с того, что изгнал из страны всех иноземных священников и на этой отрицательной позиции по отношению к ним продолжал стоять и дальше, в течение всего своего правления. Мы не знаем ни одной церкви или даже монастыря, которые бы он построил. Но дальше так продолжаться не могло. Церковь была тогда слишком сильной, а христианство в стране — слишком важным элементом, чтобы Чехия могла оставаться без церковной организации, так как христианская церковь там находилась в подчинении регенбургского архиепископа. Поскольку Чехия при Болеславе I в территориальном отношении была объединена и государственное единство её было достаточно прочно, то сущность религиозной политики Болеслава II заключалась в том, чтобы освободить чешскую церковь от зависимости от регенбургского архиепископа и создать собственную епископию, которая бы представляла интересы чешской христианской церкви, а не находилась под

влиянием и властью не только чужого, но и враждебного германского архиепископа. Конечно, Регенсбургская архиепископия, лишавшаяся в таком случае значительных доходов, всячески препятствовала выделению чешской церкви в самостоятельное епископство. После долгой борьбы папа должен был дать своё согласие на учреждение Пражского епископства. Давая согласие, папа стремился привлечь на свою сторону Болеслава II в связи с той борьбой, которая происходила между империей и папством, в надежде, что новое епископство станет центром влияния папства в Чехии. Однако планы папы не осуществились.

Вновь основанное епископство было подчинено власти князя. Князь был основателем епископства, он же даровал ему имения, за счёт которых епископство содержалось, а потому и был его властителем. Именно он, а не кто другой назначал епископа. Он, правда, представлял кандидатуру в *generale colloquium*, но отнюдь не для того, чтобы это собрание избирало епископа, а лишь для того, чтобы оно приняло к сведению волю князя. Даже священники не имели ни права, ни возможности влиять как-либо на этот выбор. Им было только позволено присутствовать в *generale colloquium* в то время, когда этому собранию представляли нового епископа (в других случаях они доступа сюда не имели), но и тогда они были только слушателями и зрителями — не больше. Так был назначен Болеславом II первый епископ Дитмар. По происхождению саксонец, Дитмар был монахом и уже долгое время жил в Чехии. Он научился славянскому языку, снискал расположение Болеслава II и был придворным его капелланом. Его-то Болеслав II и сделал епископом. Точно так же назначались князем и его преемники.

Совершенно таким же образом разрешил Болеслав II и вопрос о монастырях. В обращённых в христианство странах они были главными рассадниками культуры и в то же время не в меньшей, а ещё в большей степени цитаделью церкви. В Чехии монастыри стали основываться только в княжение Болеслава II и тоже в своеобразной и произвольной форме. Первым монастырём, основанным здесь, был монастырь монахинь. Он был построен в Праге, в непосредственной близости, а потому и под личным надзором

князя. Во главе монастыря — игуменьей была поставлена сестра Болеслава II Млада. Таким образом, монастырь был учреждением больше княжеским, чем церковным. Церкви, монастыри были владением их светского основателя. Даже и священников в них назначал сам князь. Такая церковная политика чешского князя, удачно использовавшая при этом отношения папства и империи, также содействовала укреплению княжеской власти. Вместе с тем церковь, благодаря пожалованиям Болеслава II, становилась крупным землевладельцем.

Вторым актом Болеслава II — не менее, а безусловно ещё более важным в деле укрепления Чешского княжества, — было завершение объединения страны под главенством одного пражского князя. В княжение Болеслава I наряду с Пражским княжеством существовало и Зличанское княжество, внутренне и внешне усиливавшееся, в особенности в то время, когда князем стал Славник — племянник зличанского князя Радслава. Обладая после расширения своего княжества во времена прошедших беспорядков более чем половиной Чехии, Славник построил в своём городе Либице княжеский замок. Все свидетельства говорят о Либице как о замке, построенном с княжеским великолепием, в котором велась роскошная жизнь. Тон в этом задавал сам Славник, большой любитель роскоши. Болеслав I, не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы выступить против него, так же как он выступал против других племенных князей, старался добиться соглашения с ним и дружбой достигнуть того, чего не мог добиться насильем. Бросается в глаза, что за всё время княжения Болеслава I между обоими этими княжествами не было никаких раздоров. Содействовали этому и родственные связи между обоими княжескими родами: жена Славника Стржезислава, по всей вероятности, происходила из рода Пржемысловцев и была сестрою Вацлава и Болеслава. Но едва ли только одно это определяло отношения обоих княжеств. Мы не знаем ни одного случая, когда бы Славник выступил против Болеслава I или вообще в чём-нибудь ему препятствовал.

Когда в 982 г. умер епископ Дитмар, его преемником стал сын Славника Войтех. Таким образом, в Праге кня-

зем был Пржемысловец, а епископом — Славниковец. Это ещё лишний раз подчёркивает согласие и близость обоих княжеских родов и их княжеств. И всё же в это время начинается расхождение между ними. Войтех, сын богатого князя, получил исключительное для того времени воспитание и образование благодаря родственным связям с саксонским родом в Германии — в Магдебурге. Под влиянием окружавшей его церковно-феодалной среды Войтех отражал, с одной стороны, интересы монахов, а с другой — церковников-феодалов, которым были не чужды завоевательные стремления. Пользуясь властью епископа, он намеревался провести свои стремления в жизнь в Чехии, не только среди простого народа, но и среди знати, которая, вопреки его требованиям, жила совсем не аскетически. Вместе с тем он использовал власть и авторитет церкви против Болеслава II. В 993 г. он основал второй монастырь в Чехии, уже совершенно иного типа, чем первый. Прежде всего это был мужской монастырь Бенедиктинского ордена. Далее, построен он был не в Праге, а вне города, в селе Бржезнове, вне пределов непосредственной власти князя. Наконец, монахи сюда были привезены прямо из Рима. В результате всего этого постоянно происходили новые и новые споры и раздоры. Болеслав II тяжело переносил вмешательство Войтеха в светские дела. Поэтому, спустя некоторое время, недовольный Войтех уехал из Чехии и предпочёл жить в Риме. Когда же потом, по настоянию папы, он вернулся, то отношения между ним и князем ещё более обострились.

В 981 г. умер Славник; вскоре после него умерла Стржезислава, и наследниками стали их сыновья. Они не чувствовали себя связанными бывшей до того взаимной дружбой с Прагой. Правда, у нас нет сведений о прямом конфликте между ними и пражским князем, однако оправданием выступления Болеслава II против княжества Славника может служить тот факт, что в походе 995 г. Оттона III против бодричей перечисляются три войска из славянских государств: польское, которым командовал Болеслав Храбрый, чешское, которое вёл сын Болеслава II, тоже Болеслав (позднее князь Болеслав III), и третье, под командой старшего сына Славника —

Собебора. Сыновья Славника выступали здесь совершенно независимо от Пражского княжества.

Всё же два княжества не могли в течение продолжительного времени существовать независимо одно от другого. Сам Болеслав I, объединяя чешские племена под своей властью, не мог отказаться от наступления на княжество Славника. Он мог лишь отсрочить его. Тем старательнее должен был он, а после него и Болеслав II, искать случая подчинить себе и это княжество. С этой целью Болеслав II использовал участие либицкого князя в походе за границей и пребывание Войтеха в Риме. 27 сентября 996 г. сильное войско, которое вёл сам Болеслав II, возмущённый, вероятно, выступлением Собебора как самостоятельного князя, подступило к Либице. Был как раз канун праздника святого Вацлава — поэтому осаждённые просили о перемирии, но получили следующий ответ: «Нашим господином является не Вацлав, а Болеслав». Когда войско Болеслава II овладело городом, оставшиеся члены Славниковского рода были все перебиты. После падения Либице пало и всё Зличанское княжество: его города в большинстве сдавались без боя и были разрушены или превращены в областные города Пражского княжества. Так закончилось территориально-политическое объединение Чехии: теперь вся Чехия, все племена и все области были объединены в одно целое, в единое Чешское государство.

При Болеславе II Чехия простиралась от одного горного хребта, составлявшего его природные границы, до другого — это целая котловина, ограниченная Крушными, Лужицкими и Изерскими горами, Крконошами, Шумавой и Чешско-Моравским плоскогорьем.

На юге Чехии принадлежала Виторавская область — край, не отделённый от остальной страны горами. Зато на севере Чехии не принадлежали (позднее принадлежавшие ей) две небольшие области — Шлукновская и Фриндландская, так как они находились уже за пограничными, чешскими горами. Из областей, лежавших за горами, тогдашней Чехии принадлежали только так называемый Загост (страна за дремучими лесами), т. е. область, тянувшаяся от Ештеда до Изерских гор, и за Орлицкими горами —

Кладская область. Но в основе здесь была создана территория, известная впоследствии как Чешская страна. Во главе этого государства стояли князь, феодалы и церковь.

Основать высшую церковную иерархию значило в то же время наделить её имениями, которые бы её содержали. Ввиду этого Пражское епископство получило от князя имения, как впоследствии их получали и вновь основываемые монастыри. В более позднее время эти имения часто были весьма богатыми, так как основатели их буквально состязались друг перед другом в том, кто богаче наделил основанные им капитулы, монастыри, церкви. Таким образом, спустя некоторое время, церковная земельная собственность выступает вслед за княжеской. В княжение Болеслава II основателем земельной собственности духовенства был сам князь, который наделял землёю по собственному усмотрению с тем, чтобы в связи с возникновением иной власти не подвергать опасности княжескую. Но принцип уже был налицо: возникало крупное церковное землевладение со всеми его признаками — с трудом рабов и зависимого населения. Церковное крупное землевладение, несмотря на всю тогдашнюю зависимость церкви от князя, имело всё же некоторую самостоятельность.

Тогда же возникают и дворянские большие имения. Владельцами их отнюдь не является родовая аристократия. Её осталось очень мало. Кроме того, эта аристократия и в том случае, когда владела большей частью общего когда-то родового имущества, была (по крайней мере в экономическом отношении) сравнительно крупной аристократией, но, конечно, по богатству уступала князю.

Владельцем больших имений было новое служилое дворянство. Своим чиновникам, по крайней мере высшим, князь не платил никакого жалованья, но по окончании службы даровал им в награду имения. Эти имения были обычно очень значительными, так как для того, кто получал этот дар, они были не только наградой за прошлое, но и условием для дальнейшего ведения им хозяйства, теперь уже своего, тогда как раньше он вёл хозяйство в княжеском имении. Так возникают из нового источника большие имения.

Между старым родовым и этим новым служилым дворянством начинается взаимное соревнование, которое кончается тем, что родовое дворянство приспособляется к новому положению вещей. Из чувства самосохранения оно ищет путей к княжеским учреждениям. Наряду с этим новое служилое дворянство, как всякое новое дворянство, ищет сближения со старым родовым дворянством, т. е. воспринимает его быт, а часто и взгляды. Иначе говоря, оба эти слоя дворянства смешивались между собой, что имело большое значение для будущего развития крупных имений в Чехии.

Возникновение крупного дворянского землевладения, созданного из первоначального родового имения, разрушило родовой строй в такой степени, что привело к полному распаду родовых, а вскоре после этого и общинных коллективов. Прежде всего старейшина отделялся от первоначального коллектива, а вместе с ним и отдельные разбогатевшие члены общины. Они также овладевали землёй и, обрабатывая её, превращали в свою личную собственность. В связи с этим возникает совершенно новый слой крупных крестьян, называемых в Чехии «земаны» (владельцы земли). Те же, которые остались в коллективе (в родовой или местной общине) и продолжали обрабатывать общинную землю, назывались «дедицы» (*dedic* — наследник), т. е. наследники дедов, или «дединицы»; равным образом родовое или общинное село называлось «дедина». Но этим дело не ограничивается. Земаны как владельцы земли постепенно всё больше и больше усиливались, так что потом стали как бы низшим слоем дворянства. Дедицы же, наоборот, в связи с тем, что на них распространялась власть крупного землевладения, теряли свою самостоятельность.

Возникновение крупного землевладения в то время имело большое значение, несмотря на то, что результаты его проявлялись в дальнейшие эпохи. Возникновение больших имений, с одной стороны, разбило до сих пор существовавшую общественную и экономическую организацию массы населения, но, с другой стороны, было прочным основанием для установления феодальных отношений в Чехии.

В условиях возникновения Чешского государства и роста экономических связей между областями происходило и скрещивание племенных этнических элементов и формирование чешского языка на основе местных говоров. Так было положено начало формированию чешской народности. В более позднее время ещё можно было наблюдать остатки первоначальных местных диалектов, создавшихся в областях в период родо-племенного строя. Между ними было большое сходство, наблюдавшееся тогда и между всеми западнославянскими языками. Предпосылка для языкового объединения ввиду всего этого здесь была, а потому вместе с политическим объединением создаётся единый чешский язык. Возник он явно на основе диалекта исконного чешского племени как главного и господствующего, но с примесью некоторых элементов также и из других племенных наречий. Это лучше всего доказывается тем, что, чем дальше от центра страны, от первоначальной территории чехов, тем больше диалект живущего там населения отличается от нормального чешского языка (больше всего в бывшей области дудлебов), причём в наиболее отдалённых областях сохранились и наиболее старые формы. В центре — как во всей жизни, так и в языке — движение и развитие были, по всей вероятности, более быстрыми. Однако от всех этих различий в дальнейшем не было никакой угрозы единству чешского языка. Он остаётся с этих пор уже постоянной и неотделимой собственностью и признаком чешской народности.

В экономическом отношении также крепились связи между чешскими областями. Находясь под единой властью, вся страна была в одинаковых экономических условиях. Во всяком случае с этих пор мы не имеем никаких указаний на самостоятельную экономическую жизнь какой-либо из этих областей. Отныне все экономические и социальные перемены происходят на территории всей Чехии, всего государства, и в этом отношении население было прочно объединено.

Наконец, то же происходит и в области культурного объединения. Какой большой результат был достигнут в этой области, лучше всего показывает судьба преданий,

созданных отдельно существовавшими когда-то племенами. В XI в., т. е. почти полстолетия спустя после смерти Болеслава II, даже такой учёный и сведущий во всех этих делах муж, каким был Косьма, уже ничего не знает о преданиях иных племён, кроме чехов. Мало того, он даже не мыслит, чтобы подобные предания когда-либо могли существовать у других племён.

Всё население Чехии приняло эти предания чешского племени как свои, точно так же как и в настоящее время всё население Чехии, без различия областей, рассказывает эти предания. Ввиду этого исторические свидетельства о начале чешской истории объединяли население также и идеологически. Они вырабатывали сознание общего происхождения и общих исторических судеб. То же самое подкрепило и письмо: в княжение обоих Болеславов становится господствующим латинское письмо. Равным образом письменность на латинском языке была общечешской, поскольку она не признавала никаких местных отличий. Такой же характер имела и письменность на народном языке, поскольку об этом можно судить по самому древнему памятнику чешской словесности, по песне «Господине, помилуй ны».

Необходимо отметить ещё один момент, имевший для будущности Чешского государства большое значение. Уже в княжение Болеслава II появляются признаки феодальных отношений, в связи с чем Чешское государство типа древних варварских государств перерастало в средневековое феодальное государство.

Таким образом, возникло государство, которое затем стало быстро расти. Ещё в 1086 г. чешский князь стал королём, а с начала XIII в. Чешское королевство развилось в одно из самых могучих государств Средней Европы.

Член-корреспондент Академии наук СССР

М. Н. Тихомиров

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУССКОГО НАРОДА С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО ПОЛОВИНЫ XVII В.

Глава I

СЛАВЯНЕ И АНТЫ

Современная историческая наука считает предками славян многочисленный народ венетов, или венедов. Впервые о венетах говорит римский историк Тацит в своём сочинении о Германии, написанном в самом конце I в. нашей эры. Более подробно сообщает о них во второй половине II в. греческий физик и географ Птолемей, знавший даже Венедский залив Сарматского океана, т. е. Балтийского моря. Что позднейшие славяне действительно были потомками древних венедов, можно заключить из слов готского историка Иордана, писавшего в VI в.: «от истока р. Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склафинами и антами»¹.

Это свидетельство Иордана показывает, что в его время славянские народы были известны под тремя именами: венедов, склафин и антов. В другом месте своего сочинения Иордан прямо пишет: «они, как мы установили в начале изложения, именно в перечне народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени: т. е. венеды, анты и склавины»². Перед нами три ветви, положившие начало делению славянских народов на славян западных, южных и восточных.

¹ А. В. Мишулин, Материалы к истории древних славян, „Вестник древней истории“, 1941, № 1, стр. 232.

² Там же.

Под именем венедов были известны западные славяне. В средние века немцы называли славян вендами, или виндами, как они до сих пор называют этим именем словинцев Крайны, Хорутании и Штирии¹. Даже во второй половине XIX в. потомки славян, населявших Люнебург в северо-западной Германии, при переписях определяли свой язык, как вендский (wendische Sprache), хотя фактически говорили по-немецки.

Западная ветвь славянских народов, или венеды, отделилась от общего ствола славян раньше, чем произошло разделение на склавин и антов. Об общем происхождении последних помнили ещё византийские писатели VI в. Один из них, Прокопий, утверждает, что славяне (склавины) и анты — один и тот же народ, с одинаковыми обычаями и образом жизни, «можно сказать, у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы... некогда даже имя у славян и антов было одно и то же»².

В VI в. границей поселений антов и склавин считался Днестр. По определению Иордана, «склавины живут от города Новьетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра»³. Итак, анты занимали территорию между Днестром и Днепром. Где кончались поселения антов на севере, неизвестно, хотя Днепр едва ли служил точной границей для распространения антов на восток. В этом смысле интересны наблюдения, сделанные профессором Погодиным над эпиграфическими материалами, относящимися к римскому времени в северном Причерноморье. Он отмечает среди большого количества имён варварского происхождения на посвянительной таблице III в. в Керчи имя Антас Паппиу (Antas Pappiu), в котором можно видеть «славянина, уже огреченного, насколько это было возможно в эту пору в Керчи». Имена

¹ См. Н. В. Ястребов, *Лекции по истории западных славян*, изд. 11-е (литографированное), стр. 11—16.

² А. В. Мишулин, *Указанное сочинение*, стр. 237.

³ Там же, стр. 232.

«Ант» и «Онт» были распространены среди венгров, находившихся в теснейшей связи со славянами. Наконец, на Танаидской надписи II—III вв. читаем имя Хороатос, или Хоруатос, что сопоставляется Погодиным с названием славянского племени хорватов¹.

Основная масса антов, повидимому, жила, как показывает Иордан, между Днестром и Днепром. Впоследствии в этом районе находились два восточнославянских племени — уличей и тиверцев. Русский летописец ещё помнил, что уличи и тиверцы жили по Днестру и по Бугу, примыкая к Дунаю и к морю, «бе множество их, седяху бо по Днестру оли до моря»². Итак, позднейшая область уличей и тиверцев в основном совпадала с областью расселения антов, которые были их предшественниками и предками.

Анонимный автор перипла (маршрута) между Дунаем и Днестром, составленного в V в., называет пункты Антифилу и Кремниской³. Последнее название явно сближается со славянскими названиями — Кременец или Кременск, а первое с племенным названием антов. При более тщательных поисках могут обнаружиться другие топографические названия, сохранившие в своих корнях указания на существование антов.

В VI в. поселения славян и антов примыкали друг к другу и разделялись только Днестром. Память о том времени, когда славяне жили в непосредственном соседстве с Дунаем, ещё была свежа в Киевской Руси. По словам летописи, «по мнозех же временех» славяне расселились по Дунаю, где во времена летописца находились «Угорьска земля и Болгарьска»⁴. Дунай хорошо запомнился в русском песенном творчестве и даже в народной поговорке: «Дунай река вельми широка»⁵. За Днестром и Дунаем

¹ См. А. Поюдин, Эпиграфические следы славянства, „Русский филологический вестник“, т. XLVI, Варшава 1901, стр. 1—4.

² ПСРА, т. I, стр. 5.

³ См. Ф. Браун, Разыскания в области готско-славянских отношений, Спб. 1899, стр. 199.

⁴ ПСРА, т. I, стр. 3.

⁵ И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, М. 1848, стр. 105.

находились поселения склавинов (славян), заселивших Балканский полуостров. Родовое имя славян сохранилось у всех трёх ветвей многочисленного славянского народа, показывая его исконное происхождение. От него происходят названия словаков в Чехословакии и словинцев в Югославии. На севере Руси имя словен обозначало большое племя у берегов озера Ильменя; «словени же седоша около езера Илмеря, прозвашася своим именем»¹.

Если принять во внимание, что склавины были предками южных славян, в том числе болгар, сербов и хорватов, тогда как от антов пошли восточные славяне, то начало исторических связей русского народа с южными славянами надо отнести к очень отдалённым временам. Они коренятся в родственном происхождении этих народов, в общности их языка, нравов и обычаев, в общей борьбе с врагами уже на первых порах их политической жизни. Перед нами две разросшиеся ветви, которые отходят от одного могучего ствола. Воспоминание о единстве славянских народов с необыкновенной чёткостью было выражено летописью, неоднократно упоминающей, что некогда существовал единый народ, говоривший на славянском языке: «бе един язык Словенск», к нему принадлежали и славяне на Дунае, и мороване, и чехи, и поляки, и русские².

Византийские писатели VI—VII вв. неоднократно упоминают о врагах, угрожавших Византийской империи с севера. Многочисленные племена склавинов и антов непрерывно переправлялись через Дунай и заставляли империю напрягать последние силы в борьбе за Балканский полуостров. Борьба эта была для греков в известной мере безнадежна, так как с каждым годом число врагов увеличивалось, а силы империи ослабевали.

Первые бесспорные свидетельства о движении славянских племён за Дунай к Эгейскому морю восходят к началу VI в. К половине этого столетия славяне продвинулись уже до берегов Адриатического моря, а большой

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 3.

² Там же, стр. 11.

славянский отряд в 6 тысяч человек вторгся в северную Италию. К концу VI в. славяне появляются в Греции и оседают в Морее. «Так путем периодических частичных вторжений отдельных славянских орд Балканский полуостров ко второй половине VII в. был уже сплошь занят славянскими племенами, не объединенными пока еще в одно национальное политическое целое и жившими каждое в отдельности своими родами независимо друг от друга»¹, — говорит о славянском заселении Балканского полуострова филолог-славист, академик Н. С. Державин. Произошло великое историческое событие: самый большой полуостров Южной Европы сделался славянским. Не даром же византийский император Константин Багрянородный, живший в X в., вынужден был признать, что в его время весь Балканский полуостров «ославянился».

В войнах славян с Византийской империей анты принимали постоянное и деятельное участие. О мировом значении этих войн говорит в своей книге академик Б. Д. Греков. По его мнению, славяне участвовали в перекройке политической карты Европы и Азии, основав на развалинах древнего мира свои новые государства².

В этой великой перестройке принимали участие и предки восточных славян, анты, сыграв, таким образом, свою роль в крушении рабовладельческого древнего мира. Основное направление движущегося потока антов шло с севера на юг. В этом нас убеждают наблюдения, проведенные чешским славистом Первольфом, над именами племён у восточных и южных славян. На Балканском полуострове находим славянское племя смолян, живших по нижнему течению реки Места³, впадающей в Эгейское море. Племя драговитов (друговитов) жило поблизости от Салоник. Совершенно под тем же именем известны у Константина Багрянородного другие драговиты, жившие

¹ Н. С. Державин. Болгарско-сербские взаимоотношения и Македонский вопрос, Спб. 1914, стр. 24.

² См. Б. Д. Греков, Борьба Руси за создание своего государства, М. — Л. 1945, стр. 19.

³ См. В. Н. Златарски, История на първото българско царство, ч. 2, София 1927, стр. 328.

на Руси, т. е. дреговичи русской летописи. Наконец, северцы, или северяне, жили в районе Балканских гор¹, тогда как могущественное племя северян населяло на Руси бассейн Десны и Сейма.

Совпадение названий племён у восточных и южных славян — явление показательное для характеристики взаимности склавин и антов. Не менее показательна топонимика южных славян, которая порой до точности совпадает с русской: Белград сербский и Белгород под Киевом, Вышеград, взятый Василием II в Болгарии, и Вышгород под Киевом, село Дебрище в районе Прилепа и русский Дебрянск (Брянск), Моравск на реке Морава и Моравийск на Днепре и т. д. Все примеры взяты нами только из источников болгарской истории IX—X вв., количество их можно было бы удесятенить, но и без того ясно выступает необыкновенная близость южнославянской и русской топонимики. То же сходство находим в области прозвищ и имён южных славян и русских: Владимир — сын болгарского царя Бориса, Владислав (Иван — Владислав) — болгарский царь, Мирослава — дочь царя Самуила, Светослав — хорватский король и т. д. Из названных имён только Мирослава требует некоторого пояснения. Женское имя Мирослава на русской почве неизвестно, но мужское имя Мирослав упоминается в «Новгородской летописи».

Итак, исторические связи русского народа и южных славян восходят уже к начальным векам нашей эры, они являются отражением исконного родства одного и того же народа, разбившегося на две громадные ветви.

Последние упоминания об антах относятся к концу VI в., после чего имя их исчезает со страниц византийских источников. Повидимому, произошла какая-то большая катастрофа, которая уничтожила воспоминание об антах. Такой катастрофой, вероятно, было нашествие авар, пришедших из Азии и в половине VI в. утвердившихся в Паннонской низменности. Аварское владычество тяжело сказалось на славянах, и воспоминание об аварских нашествиях над славянами дошло до русского летописца,

¹ См. К. И. Иречек, История болгар, Одесса 1878, стр. 146—149.

вписавшего в свой труд такую характеристику авар — «быша бо Обьре телом велици и умом горди»¹.

Утверждение владычества авар произошло не без кровопролития. В этом смысле большой интерес имеют слова византийского писателя первой половины VII в. Феофилакта Симокатты. Он сообщает, что аварский «каган, получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском, с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян»². Неожиданный союз антов и греков обнаруживает наличие какой-то организации среди антов — союза племён, образовавшегося для отпора страшному врагу. Напомним здесь же, что зародыши подобной организации замечаются у антов ещё в IV в.; Иордан рассказывает, что готский вождь Винитар напал на антов, «распял вождя их, по имени Божа, с сыновьями и 70 старшими вельможами»³. Речь явно идёт о войне готов с объединённым племенем антов во главе с их вождём Божем.

Некоторые славянские племена подчинились аварам и вместе с ними совершали набеги на Византийскую империю, другие оказали ожесточённое сопротивление и были уничтожены или покинули прежние места жительства.

До прихода Аварской орды анты жили поблизости от Дуная. Имя антского вождя Божа можно связывать с названием реки Буг и племенем бужан, а существование двух рек с названием Буг, одна из которых течёт на север (Западный Буг), а другая на юг (Южный Буг), причём верховья этих рек почти сходятся, указывает на древний путь, шедший по этим рекам, которые казались как бы единой водной дорогой. Приход авар нарушил размещение антских племён, из которых самые воинственные не захотели подчиниться новым господам. Воспоминание об этом передвижении вятичей и их соседей — радимичей сохранилось в нашей летописи.

А. А. Шахматов считал, что передвижение вятичей и радимичей произошло после падения Аварской державы

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 5.

² А. В. Мишулин, Указанное сочинение, стр. 268.

³ Там же, стр. 233.

в конце VIII в., когда авары отступили в бассейн Вислы и заставили ляхские племена, в том числе радимичей и вятичей, двинуться на восток¹. Критикуя теорию Шахматова, академик Ю. В. Готье отмечает присутствие радимичей в районе Могилёва уже в половине VIII в., т. е. раньше разгрома Аварской державы Карлом Великим. Он же предлагает искать причины перемещения славянских племён в господстве гуннов, готов и авар, что заставило «некоторые энергичные и предприимчивые восточно-славянские, «антские» племена искать спокойствие на утрьом, но более безопасном севере»². С этим выводом надо согласиться.

Глава II

УЛИЧИ И ТИВЕРЦЫ И ПОХОДЫ РУСИ НА ЦАРЬГРАД

Можно предполагать, что далеко не все антские племена ушли на север. В непосредственной близости к Дунаю в VIII—X вв. летопись указывает племена уличей и тиверцев. По словам «Лаврентьевской летописи», «Улучи, Тиверьци сядяху по Днестру, присядяху к Дунаеви; бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь»³. Это известие дополняется «Ипатьевской летописью: «Оуличи» и тиверцы сидели «по Бугу и по Днепру и присядяху к Дунаеви, и бе множество их»⁴. Слова «Ипатьевской летописи» о поселениях уличей и тиверцев по Бугу и по Днепру находят подтверждение в Радзивилловском и Троицком списках. Поэтому надо думать, что «Лаврентьевская летопись» исправила текст самостоятельно, на основании каких-либо источников, так как о Днестре надлежало упомянуть, говоря о племенах, примыкавших к Дунаю.

Неясное место «Повести временных лет» разъясняется «Новгородской летописью», где читаем: «Игорь же сядяше,

¹ См. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, Пгр. 1919, стр. 37—39.

² Ю. В. Готье, Железный век в Восточной Европе, М. — Л. 1930, стр. 219.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 5.

⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 9.

в Киеве княжа, и воюя на Древяны и на Угличе. И бе у него воевода, именовъ Свеньделд, и примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свеньделду. И не вдадятся един град, именовъ Пересечен; и седе около его три лета, и едва взя. И беша седяще Улице по Днепру вьниз, и посем приидоша межи Бог и Днестр, и седоша тамо»¹. Если принять во внимание, что в основе «Новгородской летописи» лежал начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет», то показания её будут для нас особенно интересны. Тогда история улицей, или угличей, предстанет перед нами в таком виде: первоначально они жили в низовьях Днепра, а позже поселились между Бугом и Днестром.

На место поселения улицей указывает название их города Пересечена. Уже известный русский учёный Надеждин отметил существование в Бессарабии местечка Пересечино, на большой Кишинёвской дороге в 26 км от Оргеева. Правда, историк Барсов дополнительно называет другие селения со сходным именованием, Презичени и Пресычина к юго-западу от Бухареста на реке Аржис², но это мало убедительно, так как нет указаний на такое далёкое проникновение улицей на запад. Гораздо интереснее указание на распространение названия Пересечень в придунайских областях, так как оно несомненно взято из славянского языка.

О передаточной роли, которую играли в культурной жизни славян уличи и тиверцы, свидетельствует даже их прозвище — «толковины», что значит переводчики, толмачи. Летописец добавляет, что страна, населённая улицами и тиверцами, называлась у греков Великой Скифией. Между тем известно, что Малой Скифией у них же именовалась Добруджа, отчего и византийские писатели так охотно называют русских скифами или тавроскифами. Перед нами тот же район, который был населён, по словам Иордана, антами, — между Днестром и Днепром. Поэтому в уличах и тиверцах можно видеть прямых потомков

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, Спб. 1888, стр. 7—8.

² С. Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии, изд. 2-е, Варшава 1885, стр. 96—100.

антов. Само имя тиверцев может быть сопоставлено с греческим названием Днестра — Тирас.

Летописец писал на основании каких-то неизвестных нам источников, может быть, византийского происхождения, откуда он заимствовал название Великой Скифии, но об уличах и тиверцах знают также Константин Багрянородный и баварский анонимный географ X в. Показания Багрянородного особенно важны, так как он писал тогда, когда по русской летописи уличи и тиверцы были ещё сильными племенами. Уличи были ему известны под именем ултинов, подвластных Руси. Они жили в непосредственном соседстве с печенежским округом Явдиертим: «округ Явдиертим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с Ултинами, Дервленинами, Лензенинами и прочими Славянами»¹. Здесь любопытны слова о соседстве с древлянами и печенегами. Следовательно, древляне жили значительно южнее, а уличи севернее, чем это обычно показывается на наших исторических картах. Видимо, уличи непосредственно граничили с печенегами. Багрянородный отмечает существование на правой стороне Днестра остатков опустевших городов. Возможно, что речь идёт о тех же городах, остатки которых приписаны нашей летописью уличам и тиверцам — «суть гради их и до сего дни».

Что касается баварского анонима X в., то, по его сведениям, тиверцы имели 148 городов, а уличи, «народ многочисленный, городов 318»².

Само имя уличей, как мы видели, варьируется в разных известиях: улучи, уличи и угличи — в летописи, ултины — у Константина Багрянородного. Из этих имён А. А. Шахматов решительно выбирает имя угличей, следуя более ранним авторам.

В своё время болгарский славист М. С. Дринов отметил, что место, где, по византийским известиям, осела Болгарская орда во главе с Аспарухом, называлась Онглон (Oglum, Onglum) — «нет сомнения, что это та

¹ „Известия Государственной академии истории материальной культуры“ (ГАИМК), вып. 91, М. — Л. 1934, стр. 16.

² П. И. Шафарик, *Славянские древности*, т. II, кн. 1, М. 1848, стр. 216.

небольшая территория, что заключена между рр. Прут, Дунай и Черное море». Дринов сближает название Онглон со славянским угол (жгъль), что у древних славян должно было звучать близко к онгол. От слова угол получили своё имя угличи. Позже та же область называлась у татар «буджак, что также значит угол»¹. М. С. Дринов доказывает, что немногочисленность Болгарской орды, осевшей у берегов Дуная, объясняет её быстрое растворение в славянской среде.

Повидимому, Болгарская орда впитала большое количество славянских элементов уже во время пребывания на северном берегу Дуная. Этим объясняется быстрое подчинение болгарам славянских племён, живших к югу от Дуная.

В XI—XII вв., когда составлялась русская летопись, уличи и тиверцы уже сошли с исторической сцены. В X в. они уже живут между Днестром и Бугом и далее на запад до самого Дуная, а на юге «оли до моря». Однако это уже новые места их поселений, ранее они жили на низовьях Днепра. Что же их заставило переселиться на запад? Видимо, какой-то сильный толчок в виде надвигавшихся кочевых орд, шедших с востока. Едва ли этой ордой были авары, ибо память о переселении уличей и тиверцев была ещё свежа в X—XI вв. Вероятно, передвижение уличей и тиверцев с берегов Днепра на запад к Днестру и Дунаю произошло в связи с движением болгар. В VII в. болгары оказываются в непосредственном соседстве с Дунаем. По мнению Златарского, болгары поселились в дельте Дуная на современном Георгиевском острове, где их хан Аспарух устроил укреплённый лагерь. Однако против этого справедливые возражения делает Баласчев на основании слов Феофана, что болгары поселились к северу от реки Дуная. Он отвергает и представление Златарского о малочисленности Болгарской орды, перешедшей в 679 г. Дунай и осевшей в Мизии².

¹ Трудове на М. С. Дринова по Българска и Славянска история, Съчинения на М. С. Дринова, т. I, София 1909, стр. 45—46.

² Върху държавност и военно устройство на старобългарската държава, „Българо-Македонско Научно списание“, кн. 1, София 1909, стр. 112—116.

Появление болгар в Придунайских степях не могло пройти бесследно для славян; между болгарами и славянами должны были сложиться дружественные или враждебные отношения. Сохранившиеся известия об отношениях болгар и дунайских славян, каково бы ни было происхождение Болгарской орды, позволяют думать о возникновении союза болгар и славян, направленного как против авар, так и против греков. Во всяком случае болгары и славяне сражаются вместе против византийских войск. Например, в 680 г. византийский император совершает поход против славян и болгар, в 696 г. болгарский царь Тервелий направляет в поход «подвластные народы болгар и славян».

Создание Болгарского государства должно было отразиться на положении восточнославянских племён, соседивших с Дунаем, и имело важное значение для истории Русского государства.

Вопрос о начале Русского государства не входит в задачи нашего исследования, но нельзя не отметить тот факт, что все летописные и иностранные свидетельства связывают историю России X в. не столько с севером, сколько с югом.

Русские и болгарские историки одинаково игнорируют постановку вопроса о связи южных славян с русскими в эпоху, предшествующую известным походам Святослава. В действительности же и походы Святослава и более ранние походы Олега и Игоря на Царьград становятся понятными только в свете болгаро-русских связей IX—X вв., связей, которые неизменно шли через страну уличей и тиверцев.

Движение по великому водному пути «из Варяг в Греки», вообще говоря, было невозможно без согласия болгар, так как он проходил вдоль берегов их государства. Русские суда доходили до устья Дуная и оттуда шли к Месимврии, на западном берегу Чёрного моря, как об этом говорит Константин Багрянородный. «От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине, — все эти места находятся в Булгарии, — от Дичины достигают области

Месимврии»¹. В некоторых случаях болгары оповещали Византию о движении русской флотилии, как это было в 941 г.

Представляется весьма странным, что походы Олега на Царьград не нашли никакого отражения в южнославянских и греческих памятниках. Это тем более странно, что они по времени совпадают с царствованием болгарского царя Симеона, через владения которого должен был проходить со своим войском Олег, двигаясь к Царьграду.

Приведём несколько фактов в подтверждение того, что сношения Руси с Болгарией поддерживались уже в первой половине X в. В своём письме к болгарскому царю Симеону, написанном в конце 922 г., константинопольский патриарх Николай Мистик угрожает Симеону нашествием венгров, печенегов, аланов и русских: императоры «не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских, и другие скифские племена, пока последние не истребят болгарский народ совершенно»². Конечно, патриарх писал о вполне мыслимой возможности, иначе зачем было бы писать победоносному царю Симеону, стоявшему под стенами Царьграда, о возможном нападении русских?

В 941 г., по нашей летописи, во время похода Игоря на Царьград «послаша Болгаре весть ко царю, яко идути Русь на Царьград скедий 10 тысящ»³. В 944 г. болгары опять посылают весть в Царьград о движении русских в союзе с печенегами. Есть предположение, что летопись сообщает дважды об одном и том же походе Игоря на Царьград по двум различным источникам, но и в этом случае факт осведомлённости болгар о движении русских войск остаётся несомненным. Летописное известие о походе 941 г., по мнению А. А. Шахматова, было заимствовано из жития Василия Нового, в славянском переводе

¹ „Известия ГАИМК“, вып. 91, стр. 10.

² В. Н. Златарски, Писмета на патриарха Николая Мистика, „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. XII, стр. 150 и 155.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 18.

которого также говорилось, что весть о движении русских пришла «от болгар», тогда как в греческом тексте эта подробность отсутствовала.

На гораздо большее участие русских в болгарских делах, чем это принято думать, указывает одно место в хронике Феофана, до сих пор почему-то оставленное без комментариев историками. В 765 г., по словам Феофана, византийский император Константин Копроним «двинул флот, состоящий из двух тысяч судов, против Болгарии и сам, сев на русские суда, намеревался плыть к реке Дунаю, оставив при теснинах военачальников конных войск, чтобы они, пользуясь оплошностью болгар, вторглись в их землю»¹. Феофан умер в 818 г., ничто не указывает на позднейшую интерполяцию в тексте, но без особых изысканий не будем настаивать на том, что место о русских кораблях принадлежит самому автору, хотя в этом случае мы имели бы самое раннее упоминание о Руси. Одно несомненно, что русские суда-однодерёвки были хорошо известны в Византии и применялись для походов в Болгарию.

Походы Олега и Игоря стояли в определённой связи с событиями на Балканском полуострове, хотя нам ещё трудно установить характер этой связи.

Поблизости от села Нарышкой в 20 км от Салоник была открыта мраморная колонна, в верхней части которой имеется попорченная греческая надпись в 5 строк. Содержание надписи расшифровывается Ф. Успенским таким образом: «в лето от сотворения мира 6412 (т. е. 904 г. — М. Т.) индикта 7 граница Ромеев и Волгар при Симеоне в бога князе болгар, при Феодоре, Олгу таркане, при Дристру комите». Ф. Успенский читает четвёртую строчку «при Феодоре Олеге тракане», сближая названного в надписи Феодора с боярином Феодором, посланным царём Симеоном в Византию для переговоров о выкупе пленных. Особенно важен вывод названного исследователя об имени Олег: «Должно думать, что это было языческое имя и притом старославянское, ибо трудно

¹ А. В. Мишулин, Указанное сочинение, стр. 280.

предполагать присутствие норманнского элемента в тогдашней Болгарии»¹.

Существование таких имён, как Олег и Ольга, на юге Руси и на Балканском полуострове, вне их связи с норманнами, может представляться несообразным только таким историкам, которые не исследуют, а проводят в своих работах определённую тенденцию. Между тем известно, что наша Ольга значится на севере под именем Аллогии, а не Хельги (Helga), какое ей приписывается некоторыми исследователями. В лицевой рукописи Иоанна Скилицы, хранящейся в Мадриде, изображён приём Ольги императором, причём Ольга названа Ульгой² в соответствии с её летописным именем. В связи с этим некоторый интерес вызывает свидетельство одного русского летописца о происхождении Ольги из Болгарии. Напомним здесь летописную версию о происхождении Ольги из Пскова (Плескова) и одновременное существование города Плискова, т. е. того же Плескова, в Болгарии. С точки зрения исторической вероятности привод жены к Игорю из болгарского города Плискова понятнее, чем появление Ольги из Пскова, о котором более ничего неизвестно в X в., хотя всё высказанное нами выставляется только в порядке предположения.

Близость болгарских и русских обычаев в IX—X вв. подчёркивается и одинаковым способом клятвы у обоих народов. Русские, по нашей летописи, «полагают щиты своя и мече свое наги... и прочая оружья, да кленутся о всем»³. Из ответов папы Николая I на вопросы болгарского царя Бориса узнаём о таком же обычае у болгар. «Вы утверждаете, — пишет папа, — что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-либо делу, класть перед собой меч, им и

¹ Ф. Успенский, Две исторические надписи, „Известия Русского археологического института в Константинополе“, т. III, София 1898, стр. 180—194.

² См. „Византийский временник“, т. VII, Спб. 1900, стр. 599.

³ ПСРА, т. I, стр. 22.

клялись»¹. Клятва мечом была наиболее распространённой среди болгар.

В договоре же Игоря с греками в 945 г. найдём имена, которые только при особой натяжке могут быть признаны скандинавскими. Таково имя Тудор (Турдов), распространённое в Болгарии. Сомнительно, что имя Борич (или Бирич) принадлежало к числу норманнских, особенно принимая во внимание Боричев увоз под Киевом.

Действительно, направление походов первых русских князей, Олега и Игоря, на юг в область уличей и тиверцев находит себе объяснение в постоянных связях Болгарии с Русью. Обозначая на карте границы Болгарского царства IX в., В. Н. Златарский включает в него южную часть Бессарабии между Днестром и Прутом, тогда как царство Симеона ограничено на севере течением Дуная². К сожалению, В. Н. Златарский даже не ставит вопроса об отношениях между Русью и Болгарией в первой половине X в. А этот вопрос надо было бы поставить, если принимать показания наших летописей о войнах Олега и Игоря с уличами и тиверцами. Ведь летописный Пересечен должен был не только находиться в ближайшем соседстве с Болгарией, но, по представлениям самого же Златарского, прямо входить в её состав. Нельзя также не остановиться на другом вопросе. Каким образом походы Олега и Игоря на Царьград могли пройти незамеченными в Болгарии, мимо берегов которой тянулись лады русских и по территории которой должны были идти воины, шедшие в поход Олега, по летописи, «на конех»?

Мы отмечаем уже три летописные даты походов Олега: 907, 911 и 922 гг. Наиболее достоверна дата 911 г., когда был заключён договор Олега с греками³. Договор не имеет никаких намёков на враждебные отношения между

¹ В. Н. Златарский, Клятва у языческих болгар, „Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности“, ч. 1, Спб. 1907, стр. 251—260.

² См. В. Н. Zlatarski, Geschichte der Bulgaren, Teil 1, Leipzig 1918, приложенные карты.

³ См. А. А. Шахматов, „Повесть временных лет“ и ее источники, „Труды Отдела древне-русской литературы“, т. IV, М. — Л. 1940, стр. 117—118.

русскими и греками, за исключением слов: «по первому убо слову да умиримся с вами Греки... и не владим, елико наше изволение быти от сущих под рукою наших князь светлых, никакому же соблазну или вине»¹. Общий же текст договора говорит скорее о дружелюбных, чем враждебных, отношениях между русскими и греками. Во всяком случае никаких указаний на осаду Царьграда русскими в 911 г. мы не имеем. В этом случае показание летописи о том, что договор с греками был заключён посланными Олега, находит подтверждение в его тексте, как и слова летописи о послых, заключивших договор: «иже послани от Олга великаго князя Рускаго, и от всех, иже суть под рукою его светлых бояр»². Рассказ о походе Олега на Царьград носит несколько необычные черты. По словам летописи, удачные действия Олега навели испуг на греков, которые говорили: «несть се Олег, но святой Дмитрий, послан на ны от Бога»³. Последние слова летописца невольно останавливают внимание. Речь идёт о Дмитрие Солунском, почитание которого было развито среди южных славян. Уже одна эта черта заставляет искать в источнике летописного рассказа балканское происхождение.

Однако о войнах Олега с Византией сообщает ещё один источник, недавно только окончательно вошедший в научный обиход. В письме неизвестного еврея, относящемся к X в., говорится о борьбе хазарского царя с византийским императором Романом: «А Роман (злодей послал) также большие дары Х — л — гу, царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную беду). Хазарский полководец Песах будто бы победил Х — л — гу и заставил того итти и воевать против Константинополя. Х — л — гу воевал четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнём. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошёл морем в Персию, и пал там он и весь стан его»⁴.

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 14.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 12.

⁴ П. Н. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X веке, Л. 1932, стр. 118 — 120.

П. Н. Коковцев, комментируя текст письма, отмечает, что в тексте стоит слово «Paras», что, может быть, искажено из первоначального «Tiras». Последнее слово толковалось в еврейских средневековых сочинениях, как Фракия. «С нашим контекстом можно сопоставить рассказ летописи Нестора об аналогичном отступлении Игоря к Фракии после его поражения греками в 941 г., когда точно так же решающую роль сыграл знаменитый греческий огонь»¹.

Время похода Олега на Царьград и время его гибели отнесено ко времени императора Романа Лекапина. Уже В. А. Пархоменко отметил важность приведённого документа, как датирующего время жизни Олега царствованием Романа². Действительно, «Новгородская летопись», знающая только об одном походе Олега, датирует этот поход 922 г., но указанный год был весьма знаменательным в истории Византии. Летом 922 г. болгарский царь Симеон осадил Константинополь. После долгой осады византийской столицы был заключён мир между греками и болгарами. Современники упрекают Симеона в страшных опустошениях: во Фракии и Македонии он «сжигал жилища и рубил деревья». 9 сентября 923 г. произошла встреча Симеона с Романом. Болгары тщательно осматривали место встречи, боясь измены или засады. После беседы Симеона и Романа болгарский царь получил богатые дары³.

Весь приведённый рассказ сильно напоминает рассказ летописи о походе Олега на Царьград. Олег разбивает палаты и сжигает церкви, Олегу выносят отравленное вино и пищу, Олег вешает свой щит на воротах Царьграда в знак победы и заключает мир с греками. Совпадение же года похода Олега с временем осады Царьграда царём Симеоном заставляет думать, что летопись не случайно отнесла поход Олега к 922 г. Поход Симеона и его необыкновенная удача, может быть, станут понятны,

¹ П. Н. Коковцев, Указанное сочинение, стр. 120.

² См. В. А. Пархоменко, У истоков русской государственности (VIII—XI вв.), Л. 1924, стр. 75—76.

³ В. Н. Златарски, История на първото българско царство, ч. 2, стр. 465—467.

если мы признаем возможность участия Олега в походе Симеона. Тогда летописная дата похода и еврейское сообщение о смерти Олега во Фракии найдут себе обоснование.

Глава III

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА В БОЛГАРИЮ

Важнейшим моментом в истории политических отношений между Русью и Болгарией были походы Святослава. Внешняя история этих походов освещена в трудах византийских писателей, а отчасти в нашей летописи. Это даёт возможность с известной полнотой представить последовательность событий.

В исторической науке нет единой точки зрения по вопросу о характере и значении походов Святослава в Болгарию. В этом смысле особенно характерно мнение новейшего исследователя Киевской Руси академика Б. Д. Грекова. Значение Святослава в русской истории ставится Б. Д. Грековым высоко: «Итак, — пишет он, — Святослав — это крупный политический деятель, а не просто предводитель бродячих удальцов, ведущий походы с целью поживиться на чужой счёт. Конечно, тогдашние войны в значительной степени преследовали и эту цель, но этим одним нельзя ограничиться, иначе мы неправильно поняли бы политическую роль Святослава и международное положение Руси. Его деятельность связана с восточными и западными странами, он включился в крупнейшие и сложнейшие вопросы тогдашней политики»¹. Болгарский учёный В. Н. Златарский, далеко не склонный переоценивать связи Болгарии с Русью, отмечает государственную политику первых русских князей, стремившихся завладеть главными морскими путями на Азовском и Чёрном морях². В отличие от русских историков, Златарский говорит, что Святослава немало привлекала «и сама Болгария, богатство и торгово-географическое

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М. — Л. 1939, стр. 241.

² См. В. Н. Златарски, История на първото българско царство, ч. 2, стр. 575.

положение которой не были неизвестны русским»¹. Выводы крупного болгарского учёного Златарского заслуживают всяческого внимания, так как походы Святослава действительно были следствием знакомства русских с Болгарией и её богатствами, прямым доказательством связей русских с южными славянами.

Впрочем, в истории войн Святослава на Балканском полуострове имеется ещё одна черта, не отмеченная до сих пор в исторической науке: связь похода Святослава с внутренним положением Болгарского царства. Долгое царствование Петра Симеоновича (927—969) было временем медленного, но неуклонного падения Первого Болгарского царства. Безвольная политика Петра, женатого на византийской царице Марии, в конечном итоге привела Болгарское царство к гибели. Тотчас же после смерти отца Пётр заключил (в 927 г.) мир с византийским императором Романом, признавшим за болгарским властелином царский титул, но поставившим его в неравноправное положение. По тому же миру империя обязалась выплачивать в пользу болгар ежегодную дань. Однако кажущиеся выгоды заключённого мира сводились на-нет политикой нового царя, против которого возникла сильная оппозиция среди болгар. Уже в 928 г. против Петра готовилось восстание, во главе которого стояли «Симеонови велможи», по мнению Златарского, лица, проникнутые политическими взглядами покойного царя и недовольством новой политикой его преемника. Заговорщики предполагали свергнуть Петра и возвести на престол его младшего брата Ивана, но заговор был открыт и претендент пострижен в монахи².

В 930 г. произошло новое восстание во главе со старшим братом Петра, Михаилом, постриженным в монахи ещё при жизни отца³. Близкие отношения болгарского двора с византийским престолом были непопулярны в Болгарии. К тому же внутреннее состояние Болгарии

¹ В. Н. Златарски, *История на първото българско царство*, ч. 2, стр. 577.

² См. там же, стр. 537.

³ См. там же, стр. 538.

было крайне неустойчивым. Сильное развитие боярского землевладения приводило к обеднению зависимых крестьян, или так называемых «париков», страдавших от боярского гнёта. К этому прибавлялись постоянные религиозные распри и сильное развитие богомилства¹. Таковы были условия, которые подготовили падение Первого Болгарского царства.

Появление Святослава в Болгарии, как известно, связано с приездом к нему посольства от византийского императора Никифора II Фоки. Незадолго до этого (в 963 г.) Никифор оскорбил болгарских послов, явившихся в Константинополь за получением обычной дани, и тем самым ясно показал свои намерения. Однако поход греков в Болгарию (в 966 г.) не увенчался успехом и показал, что болгары обладают ещё достаточными силами для сопротивления. Тогда Никифор прибегает к обычному средству византийской политики — натравливанию одного народа на другой.

Послом к Святославу был выбран херсонесский начальник Калокир. Выбор Калокира был вовсе не случаен. Дело не только в том, что он был человек дерзкий и хитрый, как его рисуют византийские писатели, но и в том, что Херсонес был тесно связан с Русью. Сын херсонесского начальника (по Златарскому) — «син на херсонския протевон, т. е. на първенеца, на градския глава (кмета)»², возможно, был знаком не только с русскими вообще, но и знал их обычаи, а может быть, и язык. Какие обещания дал Калокир, не вполне ясно. Лев Диакон уверяет, что Святослав «согласился начать войну против Мисян (т. е. болгар. — М. Т.), с тем, чтобы покоря их страну, оставить ее за собою», а Калокиру помочь овладеть престолом³.

Златарский правильно указывает, что византийские источники не объясняют, почему Никифор обратил свое

¹ См. В. Н. Златарски, *История на първото българско царство* ч. 2, стр. 541—567.

² Там же, стр. 573—574.

³ А. Чертков, *Описание похода великого князя Святослава Игоревича на болгар и греков в 967—971 годах*, „Русский исторический сборник“, т. VI, М. 1843, стр. 209—210.

внимание именно на русских. По его остроумному предположению, сын херсонесского начальника появился в Константинополе для того, чтобы просить помощи против русских, и в этот трудный момент Никифор прибегнул к дипломатии, решив вооружить киевского князя Святослава против болгар, чтобы отвлечь русского князя от Херсонеса¹.

Однако и в этом случае не вполне ясно, в чём именно заключались предложения, сделанные Святославу византийским императором. Вероятно, дело заключалось в том, что русские князья претендовали на области в районе Дунайских гирл, вплоть до Доростола. Занятие этих областей существенно облегчало торговлю Руси с Византией, пути которой неизменно шли вдоль берегов Болгарии. Обстоятельства первого похода Святослава, повидимому имевшего место в 968 г., подтверждают эту мысль. Ладьи с войском Святослава вошли в устье Дуная. Болгарский отряд, посланный навстречу Святославу, был разбит, и остатки его заперлись в Доростоле, или Дерестре (по-русски). Наша летопись кратко говорит, что Святослав взял 80 городов по Дунаю и сел княжить в Переяславце². На русских картах болгарский Переяславец обозначается на Дунае, примерно в районе Систова. На чём основано подобное приурочивание Переяславца к Систову, неизвестно, но оно повторяется даже в новейших русских работах, например у Б. Д. Грекова, по которому Святослав «проник в центр страны и в самом южном пункте Дуная, в городе Переяславле, решил остаться навсегда»³. Между тем болгарские учёные давно установили, что Переяславец русской летописи — это Малый Преслав, находившийся на болотистом острове Балта в гирлах Дуная и представлявший значительный торговый город⁴. Это утверждение болгарских учёных делает понятными слова Святослава о значении Переяславца, где

¹ См. В. Н. Златарски, *История на първото българско царство*, ч. 2, стр. 573—577.

² См. ПСРА, т. I, стр. 27.

³ Б. Д. Греков, *Киевская Русь*, стр. 237.

⁴ См. К. И. Иречек, *Указанное сочинение*, стр. 240; В. Н. Златарски, *История на първото българско царство*, ч. 2, стр. 580.

он хотел обосновать свою постоянную резиденцию: «хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя в земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угор сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь»¹.

В этих словах, видимо, надо искать разгадку стремления Святослава в Болгарию. На первых порах центром его стремления была Добруджа, а не вся Болгария. Повидимому, Фока готов был согласиться на предоставление Добруджи русскому князю, с тем чтобы ослабить Болгарию. Со своей стороны Святослав продолжал завоевательную политику Игоря и Олега, пользуясь, может быть, и тем, что население Малой Скифии (Добруджи) издавна было связано с уличами и тиверцами, сидевшими к северу от Дуная.

Между тем в Болгарии происходили крупные события. Царь Пётр, опасаясь дальнейшего расширения русских завоеваний, ещё более утвердился в своей провизантийской политике, обратившись за помощью в Константинополь. 28 июня 968 г. болгарские посланники были приняты в Византии с большими почестями. На этот раз они, согласно условиям мирного договора 927 г., получили предпочтение даже перед послами германского императора. Однако обращение в Царьград за помощью означало начало полного подчинения Болгарии византийскому влиянию. Одновременно болгарский двор, повидимому, совместно с византийскими политиками, натравил печенегов на русские земли. В 968 г., по нашей летописи, печенеги в отсутствие Святослава, бывшего в Переяславце, осадили Киев. Это заставило Святослава «вборзе» отправиться с конной дружиной на родину для освобождения своей столицы.

В Болгарии 30 января 969 г. умер царь Пётр, приняв перед смертью монашество; ему наследовал старший сын Борис (впоследствии царь Борис II). По мнению Златарского, новый царь вступил на престол не сразу после смерти отца, потому что находился заложником при

¹ ПСРА, т. I, стр. 28.

византийском дворе. Возвращение Бориса в Болгарию Златарский рассматривает как политический ход императора Никифора, стремившегося в противовес русским восстановить в стране византийское влияние, тем более что Борис был очень слабым государем, неспособным не только к самостоятельной и энергичной политике, но и к отстаиванию независимости своей державы¹.

Смерть Петра и воцарение Бориса послужили сигналом к началу распада Болгарского царства. Какие же элементы вызвали и способствовали этому быстрому распаду? На этот вопрос отвечают дальнейшие события. Тенденциозные византийские историки, обвиняющие русских в насилиях и жестокостях, тем не менее не могут скрыть последствий византийской помощи болгарскому царю Борису II, т. е. полного покорения и подчинения Болгарии греческому владычеству. Роковое направление политики Бориса было понятно и его современникам. В год его воцарения поднято было восстание четырьмя сыновьями Комитопула². Восстание началось в западной Болгарии и Македонии и имело большой успех, приведя к созданию Западно-Болгарского, или Охридского, царства. Почти одновременно в Болгарии вновь появился Святослав с русскими войсками. На этот раз его действия были направлены на завоевание всей Болгарии.

Татищев рассказывает, что в отсутствие Святослава болгары осадили Переяславец, где сидел русский воевода Волк. Узнав, что «некоторые граждане имеют согласие с Болгары», Волк вместе с войском и обозом вышел из Переяславца и пошёл вниз по Дунаю. Придя к устью Днестра, Волк узнал о приближении Святослава, «пошел по Днестру, и тут совокупился с ним, и Болгары, взяв Переяславец, елико возможно укрепили»³. Достоверность этого известия Татищева установить невозможно,

¹ См. В. Н. Златарски, *История на първото българско царство*, ч. 2, стр. 592.

² Комитопул именуется в старых болгарских трудах Шишманом на основании позднего и фальсифицированного документа, как доказал В. Н. Златарский.

³ К. Бестужев-Рюмин, *О составе русских летописей до конца XIV века*, Спб. 1868, Приложения, стр. 15.

но нелишне отметить, что летопись знает воеводу Волчий Хвост у сына Святослава, Владимира. Между тем, если верить известию Татищева, последовательность дальнейших событий будет иная, чем думает Златарский и некоторые другие историки. Дело в том, что летописец сообщает под 971 г. о возвращении Святослава в Болгарию: «приде Святослав в Переяславецъ и затворишася Болгаре в граде»¹. Златарский вслед за Шахматовым думает, что на этот раз речь идёт о болгарской столице Преславе, но летопись не даёт для этого никаких оснований, а текст Татищева возвращает нас к мысли о Переяславце-на-Дунае. Замечательнее всего, что византийские авторы точно нарочно замалчивают события в Болгарии, последовавшие после второго прихода русских. Лев Диакон сообщает о требовании нового византийского императора Иоанна Цимисхия, чтобы Святослав, «получив плату за разорение Болгарии, обещанную ему императором Никифором, возвратился в свое отечество»². В дальнейшем изложении сообщается только о покорении Святославом всей Болгарии, но опускаются все подробности этого события. Византийские хронисты XI—XII вв. Скилица и Зонара более определённо говорят о взятии русскими в плен царя Бориса и его брата Романа и о желании Святослава остаться навсегда в Болгарии.

Византийские источники, а вслед за ними современные болгарские историки говорят о страшных зверствах русских в завоёванной Болгарии, но некоторые факты находятся в явном противоречии с этими известиями. Прежде всего и Лев Диакон и другие византийские авторы подтверждают наличие болгар в войсках Святослава, состоящих не только из русских, но и венгров и печенегов. Руссы, пишет Лев Диакон, послали против греков войско, «присоединя к ним ополчение, состоявшее из Гуннов и Болгар». То же самое дважды повторяют византийские писатели конца XI в. Кедрин и Зонара: «Воинство варваров разделялось на три части: первая состояла из Болгар и Руссов, другая из Турок и третья из Пече-

¹ ПСРЛ, т. I, стр. 29.

² А. Чертков, Указанное сочинение, стр. 222.

негов»¹. Последнее показание особенно важно, ибо оно рисует деление войска на три части в зависимости от языка. Руссы и болгары, как говорящие на одном славянском языке, объединены вместе. На основании только трёх приведённых известий можно уже сделать вывод, что болгары и русские далеко не были так враждебны друг другу, как это обычно рисуется в ряде исторических трудов. В одном месте своего труда Лев Диякон прямо говорит о совместной борьбе болгар и русских против греков. При взятии греками Преславы «много погибло Болгар, которые находились в рядах Руссов и почитали Римлян виновниками нашествия Скифов на их землю»².

Некоторые другие факты также говорят о том, что вторичное появление Святослава в Болгарии не было простым завоеванием, а стояло в тесной связи с какими-то переменами в болгарской политике. Относя рассказ летописи о сражении русских с болгарями под Переяславцем к болгарской Преславе, В. Н. Златарский пишет, что Святослав овладел Великой Преславой и пленил Бориса II с семейством, отмечая в примечании, что византийские авторы ограничивались общими фразами о пленении болгарского царя русскими. Между тем у тех же авторов находим подробности, свидетельствующие о том, что Преслава не была разорена русскими; нет никаких указаний и на то, что русские язычники разоряли церкви, а болгарский патриарх Дамиан позже бежал из Доростола от греков, а не от русских. В Преславе был поставлен русский гарнизон во главе со Сфенкелем, в котором справедливо видят Свенельда русских летописей. Царский дворец в Преславе, «в котором хранились сокровища Болгарския», не был разорён русскими, как и царская сокровищница, а царь Борис даже не лишился знаков царского достоинства: он был «приведен в царском облачении к императору», когда Цимисхий взял Преславу³. Всё это чрезвычайно мало напоминает

¹ А. Чертков, Указанное сочинение, стр. 226, 229 и 230.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 250—259.

варварское завоевание страны, приписываемое русским византийскими авторами, а вслед за ними современными учёными. Особенно становится это ясным при сравнении действий русских и византийцев. Уже тотчас после взятия Преславы она была переименована императором в Иоаннополь с явной целью уничтожить воспоминание о независимости Болгарии. Несколько позже царь Борис лишён был престола, а Болгария сделалась окончательно византийской провинцией.

Приведённый анализ источников приводит нас к мысли, что Святослав и не ставил своей задачей покорение Болгарии, а довольствовался Добруджей и что русский князь вступил в союзные отношения с болгарским царём, обещав ему свою поддержку против греков, угрожавших независимости Болгарии и несколько времени позже осуществивших свою угрозу. В свете такого предположения становится понятным участие болгар в русском войске и сохранение за Борисом царского достоинства и даже его сокровищницы. Во второй войне Святослава против Византии русские и болгары были не врагами, а союзниками, боровшимися против греков.

К подобному же выводу недавно пришёл на основании анализа «Записки греческого топарха» советский историк М. Шангин. Он указывает следующее: «Записка» даёт очень важные сведения о политике Святослава в Болгарии в частности из истории внутренней политики Святослава в Болгарии... Зависимость подчинённых народов от русских выражалась в IX—X веках в чисто даннических отношениях: подданные сохраняли прежнее устройство и управление. Очень показательны, что русскими за царем Болгарии была сохранена царская власть. Не менее показательны, что топарх, приняв подданство Святослава, получил от него в управление свою прежнюю область и ежегодные доходы с этой земли. Сохранением политического «равенства и справедливости» греческие источники объясняют успехи расширения русского государства»¹. Соглашаясь с этим выводом, отметим

¹ М. Шангин, «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах 970 года и зимой 971 года, «Исторический журнал», 1941, № 9, стр. 121—123.

здесь же, что походы Святослава, следовательно, не были случайным моментом в истории России и Болгарии, а имели крупные последствия для культурных связей обеих стран.

Глава IV.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И КИЕВСКАЯ РУСЬ В XI—XIII ВВ.

Завоевание Болгарии греками создало новые условия для связей русского народа с южными славянами. Район нижнего течения Дуная был страной, обладавшей пёстрым населением. Там было несколько значительных городов.

Русский элемент попрежнему был довольно сильным в области нижнего течения Дуная, как это выяснил в своей статье о Вичинской епархии русский филолог Ю. Кулаковский. К югу от Дуная в Чёрное море впадает река Камчия, ранее носившая название Вичины, или Дичины. В конце XI в. в области нижнего течения Дуная сидели местные князья, один из которых носил имя Всеслава. Сюда переходили с северного берега Дуная «скифы», спасавшиеся от набегов «савроматов». Известно, что византийские авторы называют многие народы условными, традиционными именами. «Скифы», переселившиеся в область Вичины, были оседлыми, а не кочевыми, следовательно, не были печенегами или половцами¹. Приурочение Вичины, сделанное Кулаковским, было подвергнуто сомнениям, и он сам пришёл позже к мысли, что Вичиной следует считать Мячин², но общие его выводы о пестроте населения в бассейне нижнего Дуная и присутствии в нём русских элементов можно считать доказанными. Подтверждение этому находим в интересной работе Бунеску, сущность которой сводится к следующему. В то время как в западной Болгарии образовалось самостоятельное царство, отчаянно отстаивавшее свою самостоятельность до 1018 г., из болгарских областей, лежавших между Дунаем и Балканами,

¹ См. Ю. Кулаковский, Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата? „Византийский временник“, т. IV, Спб. 1897, стр. 315—336.

² См. Ю. Кулаковский, Еще к вопросу о Вичине, „Византийский временник“, т. V, Спб. 1898, стр. 392—397.

около 1030 г. была создана византийская провинция Паристрия, или Парадунавия, т. е. Придунайская область, получившая крупное стратегическое значение. Во главе Придунайского дуката стоял военачальник с титулом катепана или дукса с резиденцией в Дристре, отчего его иногда называли катепаном Дристры. Есть указания на то, что византийская власть простиралась и на области к северу от Дуная, а население Придунайской области было пёстрым и пополнялось за счёт пришлого населения, приходившего сюда с северных берегов Дуная. В церковном отношении Придунайская область составляла особую митрополию с центром в Дристре, в XI в. она была составной частью Охридской епископии, после чего перешла опять под юрисдикцию Царьграда.

Как и прежде, область Дристры играла особенно крупную роль в сношениях русских с южными славянами. Смерть Святослава и распри между его сыновьями вызвали естественный перерыв в политических сношениях Руси с балканскими странами. Покорение Болгарии греками было ещё далеко не законченным делом, и значительные болгарские области сохранили самостоятельность, имея своим центром отдалённую Охриду. В частности свою независимость, повидимому, сохранила область Бдина (или Видина).

Ожесточённая борьба болгар и греков затрагивала русские интересы. Здесь прежде всего приходится остановиться на вопросе о том, смыкались ли попрежнему русские и болгарские владения в XI—XIII вв.? Известный список русских городов, перечисляющий города по Дунаю, в данном случае доказательством служить не может, потому что он возник не ранее конца XIV в. Но есть другие, более ранние свидетельства о существовании русских поселений на Дунае в эпоху Киевской Руси. Убедительные соображения по этому поводу были сделаны Н. П. Барсовым¹. Известный Иван Ростиславович Берладник получил своё прозвище от города Берлада, или Бырлата. По имени этого города его жители в нашей летописи называются берладниками. Очевидно, берладники

¹ См. Н. П. Барсов, Указанное сочинение, стр. 96—99.

были довольно многочисленны, если в 1159 г. упомянутый Иван Берладник мог собрать внушительную силу в 6 тысяч половцев и берладников¹. Население «придунайских городов», как их называет один раз летописец, было смешанным и состояло не только из русских, но и румын, болгар, половцев (куман) и т. д. Кочевой элемент здесь причудливо смешивался с оседлым и полукочевым, подобным рыболовам из Галича, приходившим в Дунайские гирла для ловли рыбы: это пестрое население, повидимому, называлось бродниками, о которых упоминают византийские авторы и грамоты венгерских королей².

К какому же русскому княжеству относилась в XI—XIII вв. эта отдаленная земля? Ближайшей к Дунаю русской областью была Галицкая земля, соединенная с бассейном нижнего Дуная реками Прут и Днестр. Прямое указание на Днестр как на торговый путь, имеется в летописи под 1213 г.³ В XII в. на северном берегу Дуная возникает особое княжество, принадлежавшее боковой линии галицких князей. Есть основание думать, что современный Галац не что иное, как испорченное русское название Галич.

Судьба русских владений на нижнем Дунае была тесно связана с крупными международными событиями, ибо именно здесь сталкивались между собой интересы России, Венгрии, Болгарии и Византийского царства⁴. К сложным переплетениям в отношениях этих государств между собой примешивалось вмешательство кочевых народов, живших в Причерноморских степях печенегов и половцев. Но никакие войны и осложнения не могли на долгое время прекратить движение по такому важному торговому пути, каким был Дунай.

Неудача походов Святослава только на время отвлекла внимание русских князей от событий, происходивших на Балканском полуострове в конце X в. Для русской истории

¹ См. ПСРА, т. II, стр. 84.

² См. Ф. Успенский, Образование второго Болгарского царства, Одесса 1879, Приложения, стр. 31—39.

³ См. ПСРА, т. II, стр. 161.

⁴ См. К. Грот, Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141—1173), Варшава 1889, стр. 12—36.

они имеют особенно важное значение, потому что с ними связано такое крупное событие, как официальное утверждение на Руси христианства. Уже известный русский византолог В. Г. Васильевский обратил внимание на то, что была «общая связь между затруднительным положением Византии и успехами болгар, с одной стороны, крещением русского князя Владимира и пробуждением энергии греческого оружия в борьбе с Болгарами — с другой стороны»¹.

После кратковременного периода распрей между сыновьями Святослава, окончившегося победой Владимира Святого, наступило время, когда русские князья опять могли обратить своё внимание на Балканский полуостров. Договор Святослава с Цимисхием, конечно, не снял вопроса о русских владениях на Дунае, которые имели важное значение для русской торговли с Византийской империей. В самой Болгарии в это время происходили события большого значения. Как на это указывал ещё М. С. Дринов, значительная часть Болгарии, в том числе Средец (София) и Видин, осталась непокорённой². Охридское царство Самуила, естественно, искало помощи хотя бы за пределами Балканского полуострова, а русские могли считаться естественными союзниками болгар в борьбе против греков. Какие же свидетельства можно привести для доказательства существования сношений между русским народом и южными славянами после походов Святослава? Здесь нам придётся несколько остановиться на вопросе о связях Руси с Охридской патриархией, поднятом впервые историком М. Д. Присёлковым.

Основная мысль М. Д. Присёлкова сводится к признанию того факта, что Владимир принял крещение от Охридской патриархии, причём датой крещения русского князя вместе с семьёй он считает 987 г.³ Надо сказать, что соображения М. Д. Присёлкова основаны на очень шатких

¹ В. Г. Васильевский, К истории 976—986 годов, Труды, т. II, вып. 1, Спб. 1909, стр. 63.

² См. Трудове на М. С. Дринова по Българска и Славянска история, Съчинения, т. I, стр. 350—353.

³ См. М. Д. Приселков, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., Спб. 1913, стр. 34—46.

доказательствах, в особенности представляется натянутым отождествление русского митрополита Иоанна с охридским патриархом, носившим то же имя. Но безусловной заслугой Присёлкова является сама постановка вопроса о связях Руси с Охридским царством. С большим остроумием объяснены христианские имена Бориса и Глеба: первый носил имя Романа, второго сына свергнутого болгарского царя Бориса, второй — Давида, старшего брата царя Самуила. И тот и другой сражались в войсках восставших болгар против греков. Отсюда вытекает и другое предположение: «болгарыня», от которой Владимир имел сыновей Бориса и Глеба, могла происходить из числа родственников царя Самуила.

Во всяком случае, даже отвергнув предположение о крещении Владимира в 987 г., мы должны признать, что сношения Руси с Охридским царством действительно существовали и многое могут объяснить в русской истории конца X в. Представляется обоснованным предположение Присёлкова, которое, впрочем, значительно раньше было выдвинуто Васильевским, о резкой перемене русской политики в сторону соглашения с Византией. Русский вспомогательный корпус участвовал в подавлении восстания Варды Фоки, а позже русский отряд сопровождает Василия II в его войнах против болгар; эта конная и пешая Русь немало способствует успехам византийского оружия¹.

Причину перемены русской политики обычно видят в союзе между Россией и Византийской империей, закреплённом браком Владимира с царевной Анной. Но позволительно спросить, на каких условиях был заключён этот союз? Летопись рассказывает о взятии Херсонеса русскими и обратном возвращении этого города Византийской империи в виде «вена» за царевну Анну. Русский князь породнился с греческими царями и принял христианство; в дальнейшем мы видим Владимира, поддерживающим Василия в его борьбе с болгарами.

Объяснение союза между греками и Русью, союза, который был роковым для Болгарии, кажется, можно видеть

¹ См. В. Г. Васильевский, К истории 976—986 годов, Труды, т. II, вып. 1; В. Р. Розен, Император Василий Болгаробойца, Спб. 1883.

в том, что русский князь выговорил себе особые права на нижнем Дунае, как это было при его отце и деде. В XI—XII вв. русские земли оказываются теснейшим образом связанными с областями нижнего Дуная.

Большое значение придунайских областей для Руси выясняется в ряде известий о сношениях и столкновениях русских с греками в XI—XIII вв. В 1043 г., по показаниям летописи, произошёл последний поход Руси на Царьград. Во главе русского войска стоял Владимир, старший сын Ярослава. И пошёл Владимир в ладьях, рассказывает летопись, и прибыл к Дунаю, и пошёл к Царьграду. И великая буря разбила корабли Руси, ветер разбил и княжеский корабль и взял князя в корабль Иван Творирич, воевода Ярослава. Остальные же воины Владимира, числом в 6 тысяч, были выброшены на берег и хотели итти в Русь, и не пошёл с ними никто из княжеской дружины. И сказал Вышата — я иду с ними — и вылез из корабля и сказал им: «аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною» (товарищами. — М. Т.). И пошёл обратно в Русь. И была грекам весть, что море погубило Русь, и послал царь, именем Мономах, против Руси 14 кораблей. Владимир же с дружиной, увидев, что идут на них, возвратился и перебил греческие корабли и возвратился в Русь, сев в свои корабли. Вышату же вместе с выброшенными на берег привели к Царьграду и ослепили много Руси; спустя три года, когда был заключён мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу¹.

В этом рассказе можно найти важные датирующие данные. Война началась в 1043 г., а мир был заключён только через три года, т. е. в 1046 г. Причины войны не объяснены летописью. Основываясь на свидетельстве византийского писателя Пселла, который говорит о яростной и бешеной ненависти русских «против греческой гегемонии» (гегемонии), М. Д. Присёлков считает, что причиной войны было стремление Ярослава «добиться от Византии признания русской церкви свободной, а державы

¹ См. ПСРЛ, т. I, стр. 66—67; слова „аще погыну, то с дружиною“, перевожу „если погибну, то с товарищами“, потому что ранее и позже говорится, что княжеская дружина осталась с Владимиром.

Киевской — независимой от всяких поползновений императорских теорий вселенского царства»¹. В своей аргументации Присёлков исходит только из одной, по существу правильной, идеи о большом значении церковной политики для Киевского государства и Византийской империи. В борьбе Руси с Византией вопрос о церковном главенстве имел немалое значение, но это была парадная сторона вопроса. В конечном итоге русские князья мирились с присутствием митрополитов-греков, хотя и не прочь были выдвинуть вопрос о политической самостоятельности русской церкви, а хвастливые заявления греческих авторов о византийской гегемонии едва ли особенно беспокоили Ярослава.

Присёлков же приводит и объяснение другого византийского автора о причинах войны русских и греков: война началась в результате ссоры купцов в Византии, когда был убит один знатный русский².

Таким образом, война вовсе не была столь «беспричинной», как её рисует Пселл. Можно думать, что убийство русского было только предлогом к войне, а поход русских на Царьград не был делом совершенно неожиданным для греков, которые оказались в достаточном числе, чтобы разгромить русский отряд в 6 тысяч человек. Незадолго до русского похода Болгария была охвачена восстанием, возглавляемым потомком западно-болгарских царей Петром Деляном. На восстание болгар явно рассчитывал и полководец Георгий Маниак, высадившийся в Драче (Дураццо) в том же 1043 г., когда русские двигались на Царьград. Отметим здесь же, что в войсках Маниака был русский отряд. Сам восставший полководец рассчитывал на Болгарию. Недаром же архиепископ охридский Феофилакт писал, что у болгар «всякий смельчак, домогающийся скипетра, находит в них неунывающих воинов»³. Отметим здесь особую заинтересованность Владимира Ярославича в придунайских землях, как ближайших к Галицкой земле, где впоследствии сидели его внуки —

¹ М. Д. Присёлков, Указанное сочинение, стр. 90.

² См. там же, стр. 88.

³ К. И. Иречек, Указанное сочинение, стр. 266—270.

Володарь и Василько Ростиславичи. Повидимому, Галицкая земля уже в это время была уделом Владимира.

Усиление в конце XI в. Галицкой земли, оказавшейся во владении Володаря и Василько, вызвало особый интерес этих князей к придунайским областям. Василько Ростиславич был, несомненно, одним из выдающихся русских князей конца XI — начала XII в. Он замышлял большие походы против соседних стран, желал «мстити Русьской земли». С помощью тюрков и печенегов он предполагал воевать Польшу, после чего думал идти в Болгарию. Программу своих действий он выразил словами: «и посем хотел есм переяти Болгары Дунайские, и поседити я у себе»¹. Точный смысл этой фразы звучит примерно так: «После этого я хотел перехватить (или отнять) дунайских болгар и посадить их у себя». Значит, речь шла не столько о завоевании придунайских областей, сколько о переводе болгар на другую сторону Дуная, в русские пределы, туда, где в XII в. находим Малый Галич и Берлад. Проект Василько имел свои основания. Он коренился в хорошем знании положения дел в покорённой Болгарии. В переписке Феофилакта, архиепископа в Охриде, охватывающей время с 1084 по 1108 г., найдётся немало свидетельств о крайнем недовольстве болгар византийским владычеством. К этому присоединилось стремление византийских императоров разредить болгарское население путём создания в Болгарии колоний из переселённых туда печенегов, армян, турок и т. д. Налоговый гнёт и всяческое унижение болгарского населения приводили к плачевным результатам. Возделанные и населённые земли империи постепенно обращались, в особенности на окраинах, в пустынные и необработанные пространства, занимаемые в Азии турками, в Болгарии печенегами и половцами.

Какая-то доля населения Болгарии покидала её пределы и переходила за Дунай. Угроза Василько «перейти» болгар и посадить их в своей земле, таким образом, была вполне реальной. В этом нас убеждает одна особенность в

¹ ПСРА, т. I, стр. 113.

топонимике современной Бессарабии. Ниже Черновиц по Пруту в бывшем Белецком уезде находятся два селения Василеуци, в Хотинском уезде — Василеуцы, ниже Сорок-Василькеу. Уже Барсов правильно отметил связь этих названий с княжеской колонизацией. Василеуци и Василькеу — это изменённые названия вроде Василёв, Васильков, что напоминает нам о князе Василько¹.

Конечно, для византийских политиков проекты Василько не могли остаться незамеченными. В этом и надо искать разгадку судьбы Василько, ослеплённого в Киеве в 1097 г. по приказу киевского князя Святополка Изяславича. Фактически виновником этого преступления был Давид Игоревич, который в юности пытался утвердиться вместе с Володаром Ростиславичем в Тмуторокани, а в 1084 г. задержал в Олешье греческих купцов и отнял у них товары². Византийское влияние, сказавшееся на интриге, которая привела к ослеплению Василько, заметно и в чисто византийском способе отстранения соперника от власти путём ослепления. Недаром Владимир Мономах, узнав о преступлении, совершённом над Василько, восклицал, что такого зла раньше не случалось в Русской земле.

Окраинное положение Придунайской области Византийской империи создавало из неё место, где неоднократно появлялись претенденты на византийский престол. Незадолго до ослепления Василько (в 1095 г.) на Дунае появился самозванец, выдававший себя за сына императора Романа Диогена. Через двадцать лет (в 1116 г.) Дунай видел нового претендента — Леона Диогеновича, зятя Владимира Мономаха. Леон был убит в Дерестре двумя сарацинами, подосланными императором Алексеем Комненом. В. Г. Васильевский отмечает, что первая жена Романа Диогена принадлежала к болгарской царственной фамилии, вследствие чего понятны поддержанные Владимиром Мономахом притязания Леона на Дунайские города³. Уже после смерти претендента Мономах посылал свои войска

¹ См. *Н. П. Барсов*, Указанное сочинение, стр. 115—116.

² См. ПСРА, т. I, стр. 88.

³ См. *В. Г. Васильевский*, Два письма Михаила VII Дуки, Труды, т. II, вып. 1, стр. 37—44.

на Дунай и посадил в Дунайских городах своих посадников. Тогда же русские неудачно осаждали Дристру (Дерестр по-русски).

В истории борьбы болгар за независимость, как мы видели, русские сыграли немалую роль. В некоторых случаях русские князья помогали византийским императорам в покорении Болгарии, но гораздо чаще болгары находили поддержку в соседних русских землях. Даты болгарских восстаний против византийского владычества обычно совпадают с летописными датами о столкновениях между Русью и Византией. Освобождение Болгарии в конце XII в. было произведено с помощью задунайских северных соседей, валахов и русских. Началось и развилось оно в мощное движение в северной Болгарии, «где византийское влияние и могущество были уже ослаблены и где под постоянным влиянием новых беспокойных и наполненных духом сопротивления элементов национальное самосознание сохранилось лучше, чем в Западной Болгарии»¹.

Историки Болгарии и Византийской империи связывают начало болгарского восстания с царствованием Андроника I Комнена, свергнутого с престола и растерзанного константинопольской чернью в 1185 г. Между тем Андроник пытался облегчить положение провинций, а с придунайскими местностями он был связан особо. Дружеские отношения связывали Андроника с Ярославом Владимировичем Галицким, в гостях у которого Андроник жил некоторое время, находясь в изгнании. Поэтому совпадение смерти Андроника и начала восстания с большим вероятием указывает на участие галицкого князя в борьбе за независимость Болгарии. На участие русских в борьбе за независимость Болгарии прямо указывает Никита Акоминат, говоря о поражении болгар в 1186 г.: «Куманы, народ доселе непорабощенный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вородоны, презирающие смерть, ветвь русских, народ любезный богу войны... оказавшие помощь балканским варварам... склонились вместе с ними побежденными и погибли». Ф. Успенский весьма

¹ *W. N. Slatarski, Geschichte der Bulgaren, T. I, S. 95.*

убедительно показал, что слово «Вордона» обозначает бродников¹.

В период второго Болгарского царства связи Руси с Болгарией, несомненно, усилились. После смерти болгарского царя Калояна (1207 г.) его наследник Иоанн Асень с братом Александром бежали в русские земли, где нашли временный приют. Через 10 лет Асень вернулся из изгнания с отрядом русских и сверг узурпатора Бориса. Таким образом, на протяжении веков сношения русских с южными славянами были постоянными и прочными.

Глава V

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РУССКОГО НАРОДА С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ В X—XIII ВВ.

Культурные связи русского народа с южными славянами рисуются в нашей литературе необычайно односторонне. Южные славяне, в основном болгары, якобы влияют на русскую письменность и литературу. Русь всё время получает, а Болгария даёт. Между тем в такой постановке вопроса можно справедливо усомниться даже по чисто теоретическим основаниям. Расцвет культуры в Киевской Руси падает в основном на XI—XII вв., между тем два названных столетия были временем несомненного упадка Болгарии. «Как далеко зашло угнетение народа, — говорит Златарский об этой эпохе, — и его национальной жизни, видно уже из того, что название Болгария было устранено и заменено в византийских документах и сочинениях древним обозначением Мизия или Загорье, в то время как болгары обозначались мисянами (мизийцами) или валахами, жившими среди них отдельными поселениями»². Спрашивается, каким образом униженная Болгария в XI—XII вв. могла влиять на могущественное и высококультурное Киевское государство без того, чтобы не испытывать на себе обратного влияния? Вопрос об обратном

¹ Ф. Успенский, Образование второго Болгарского царства, Приложения, стр. 35—36.

² W. N. Slatarski, Geschichte der Bulgaren, T. I, S. 94.

культурном воздействии русских на южных славян одним из первых поставил профессор М. Н. Сперанский, на выводах которого придётся ещё остановиться.

Какими же путями шли культурные связи южных славян с русскими? Во-первых, это путь непосредственного общения русских и болгар в области нижнего Дуная. Сношения поддерживались купеческими караванами и непрерывным передвижением населения с северных берегов Дуная на южные и обратно. Соседство Галицкой земли с Болгарией создавало предпосылки особой близости между этими странами в культурном отношении. Не случайно именно в «Галицко-Волынской летописи» отыскиваются следы пользования переводными греческими хронографами. В отличие от других русских летописных сводов Галицко-Волынский свод был изложен почти без указания годов, которые были вставлены позже, т. е. написан по образцу византийских хронографов¹.

Нельзя, впрочем, забывать и о существовании других путей для связей южных славян с русскими. В XI—XIII вв. в Константинополе существовала постоянная русская колония, по имени которой одна улица называлась Русской. Здесь указывалось место, где был погребён поп Леонтий, родом русин, прославившийся своим троекратным хождением в Палестину. По одному списку хождения Антония Новгородского в Царьград, откуда заимствуются эти сведения, там же был погребён и некий Борис, мощи которого почитались русскими паломниками². Русская колония в Константинополе была довольно многочисленна, но, что ещё важнее, она поддерживала связи с южными славянами, жившими в византийской столице. По исследованиям М. Н. Сперанского, «Славянский пролог» (т. е. сборник кратких житий святых) был переведён в XII в.

¹ См. А. С. Орлов, Лекции по истории древней русской литературы, М. 1916, стр. 73—74.

² См. П. Савваитов, Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12 столетия, Спб. 1872, стр. 142—144; поправка по другому у списку см. А. И. Яцимирский, Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград, „Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук“, т. IV, кн. I, Спб. 1889, стр. 223—264.

в Константинополе группой людей, среди которых были и южные славяне и русские¹.

Другим пунктом культурного общения между русскими и южными славянами становится Афон — «Святая гора», где уже в XII в. существовал русский монастырь святого Пантелеймона (Руссик) и хранились русские книги. Основатель русского монашества, Антоний Печерский, по летописи, пришёл из «Святой горы». Это произошло в первой половине XI в., когда Афон ещё не получил такого громадного значения, как позднее, тем не менее Печерский монастырь гордился тем, что он был основан по благословению Афона. Само название «Святая гора» едва ли не является заимствованным у славянского юга.

Наиболее чётко взаимодействие южнославянской и русской культуры сказалось в области письменности и литературы. Известные нам русские памятники XI в. написаны кириллицей, которая, судя по надписи царя Самуила 993 г., была наиболее принята в Болгарии. Однако русские писцы были знакомы и с глаголической азбукой, особенно распространённой в западных частях Балканского полуострова. Общая манера письма, характерная для русских и южнославянских памятников XI—XII вв., показывает их общее происхождение и близость. Нет никакого сомнения в том, что письменность на Руси была тесно связана с очагами культуры на Балканском полуострове, хотя до сих пор не сделано сколько-нибудь полных исследований в этой области. Тем не менее некоторые факты при всей их отрывочности имеют для историка немалое значение. Русские рукописи иногда представляют собой копии с роскошных болгарских книг времени царей Симеона и Петра. Таков, например, известный «Изборник Святослава» 1076 г., представляющий собой список с оригинала, написанного для царя Симеона. Частые указания на болгарские оригиналы, переписанные русскими писцами, находим в специальных работах по русской и южнославянской литературе.

¹ См. М. Н. Сперанский, *История древней русской литературы*, М. 1914, стр. 201.

Академик Истрин делает такой общий вывод по интересующему нас вопросу: «Должно признать, что большее количество византийских произведений пришло на Русь уже в готовом южнославянском переводе, и притом в древнейшее время — в переводах болгарских. Они продолжали переходить и позже, когда на Руси развилась уже своя письменность, а к переводам болгарским стали присоединяться переводы и сербские»¹.

Время проникновения южнославянской письменности на Русь восходит по крайней мере к концу X в. Новейшие наблюдения над языком договоров Руси с греками, сделанные С. П. Обнорским, показывают, что переводчиком договора Олега 911 г. с греческого на славянский был болгарин, а договор 945 г. переводил русский². Правда, А. А. Шахматов и Истрин в итоге своих исследований о языке договоров Руси с греками пришли к иным результатам, но в пользу мнения С. П. Обнорского можно привести ещё некоторые соображения. Несомненная связь языка договоров X в. с болгарскими памятниками ставит вопрос о причине подобной связи. Сама форма договоров и их содержание, возможно, имели какое-то отношение к договорам болгарских ханов с византийскими императорами. Уже в договоре хана Тервеля 716 г. устанавливалось право болгарских купцов торговать в Константинополе³.

В XI—XII вв. начинается обратное воздействие русской литературы на южнославянскую. В южнославянских сборниках появляются жития русских святых: Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Мстислава Владимировича, сына Мономаха⁴. Они входят в состав «Славянского пролога», который, по мнению М. Н. Сперанского, возник в XII в. и над которым одновременно трудились

¹ В. М. Истрин, Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода 11—13 вв., Пгр. 1922, стр. 14.

² См. С. П. Обнорский, Язык договоров русских с греками, «Язык и мышление», т. VI—VII, М.—Л. 1936, стр. 102—103.

³ См. В. Н. Златарски, Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета, София 1908, стр. 102—103.

⁴ См. В. Ламанский, О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, Спб. 1864, стр. 113—115.

русские и южные славяне¹. Большая часть «Пролога» по языку указывает на болгар как на переводчиков, и это объясняет нам подбор русских житий.

Заемствования, сделанные южными славянами на Руси для своей письменности, не ограничивались только «Прологом». Так, в 1264 г. монах Доментиан, живший на Афоне, использовал для своего труда «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.

Очень трудно сказать что-нибудь об искусстве и ремесле. Здесь мы идём в полном смысле слова по неисследованной почве, поэтому нам придётся ограничиться только несколькими замечаниями. До сих пор ещё совершенно не изучен вопрос о связях южнославянской и русской архитектуры в X—XIII вв. Исследователи отмечают связи русской архитектуры с малоазиатской, но образцы её могли находиться и на Балканах. То же самое приходится сказать о металлических изделиях, в частности об эмалях. Вопрос о связях русского искусства с южнославянским ждёт своих исследователей, тем более что этот вопрос имеет не только теоретическое, но и политическое значение, поскольку германофильствующие круги Болгарии старательно обходили вопрос о связях болгарского искусства с искусством других славянских стран.

Глава VI

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ И РУСЬ В XIV—XV ВВ.

Монгольское нашествие и последовавшее за этим разорение русских земель на некоторое время прервало сношения Руси с южнославянскими странами, но, как только прекратились татарские погромы, старые связи стали восстанавливаться. Первым следствием монгольского нашествия было передвижение населения с востока на более безопасный запад. В силу этого население в придунайских областях не только не уменьшилось, но обнаруживало некоторые признаки увеличения. Уже в 1254 г.

¹ См. М. Н. Сперанский, *История древней русской литературы*, стр. 203—209.

венгерский король Бела IV жаловался папе, что его теснят с востока русские и бродники, а в числе враждебных народов перечислял русских, куман, бродников и болгар¹.

В непосредственной связи с передвижением русского населения на запад стоит появление вассальных русских князей на Дунае. Так появляется в Мачве, поблизости от Белграда, русский князь Ростислав, а в северо-западной Болгарии — князь Яков Святослав, оба в качестве вассалов венгерского короля. От какой ветви русских князей происходил Святослав — неизвестно, сам же он о своём русском происхождении говорит: «всяя русскыя земли благодержавного рода моего, их же отрасли корень аз бых святых отец моих». Вступив в брак со второй дочерью византийского императора Иоанна IV Ласкариса, он получил право на болгарский престол по женской линии, но в 1272 г. был убит по приказанию болгарской царицы Марии.

Святослав поддерживал сношения с родиной. Когда около 1262 г. киевский митрополит Кирилл обратился к нему с просьбой прислать список «Кормчей книги», являвшейся сборником церковных и гражданских законов, Святослав прислал в Киев рукопись вместе с посланием митрополиту Кириллу. Замечательна сама возможность подобной переписки между киевским митрополитом и болгарским князем вскоре после татарского нашествия. Митрополит разорённой Руси обращается за рукописью в далёкую Болгарию, которая сравнительно мало пострадала от татарских погромов. Не менее замечательно, что присланная «Кормчая», как теперь доказано, сама восходила не к южнославянскому, а к первоначальному русскому переводу².

Непосредственные связи русских земель поддерживались попрежнему через придунайские области. Этому способствовало образование в XIII в. Молдавлахийского воеводства. Промежуточное положение нового воеводства

¹ См. Ф. Успенский, Образование второго Болгарского царства, Приложения, стр. 38.

² См. М. Н. Сперанский, К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур, «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXVI, 1921, стр. 173—179.

между Галицкой Русью и Балканским полуостровом сказалось прежде всего в церковном отношении: Молдавия и Валахия находились в церковном подчинении то болгарских митрополитов в Тырнове, то русских митрополитов в Галицкой земле¹. Так появляется в актах Константинопольской патриархии название Росо-Влахии для обозначения владений Галицкой земли в придунайских областях, указывающее нам на то, что эти области попрежнему обладали пёстрым населением со значительной примесью русских.

Русские отряды попрежнему принимали участие в междоусобных войнах, которые опустошали Болгарию. В 1327 г. войсками болгарского царя Михаила командует отважный полководец Иван, родом русский, который едва не занял со своим отрядом Константинополь.

Значительный русский элемент, осевший на Дунае, объясняет нам происхождение записи о русских городах в Болгарии. Этот список русских городов, помещаемый в летописях, составлен примерно в конце XIV—начале XV в. Он начинается городами «болгарскими». Среди них указан Видичев о семи стенах каменных, Мдин, а на другой стороне Дуная «об ону сторону Дунаа» — Тырнов. В числе городов по Дунаю названы Дрествин (Дерестр), Дичин, Килия, на устье Дуная — Новое село и Акоюкра, на море — Карна и Коварна. К русским городам отнесены и города молдавские, в том числе Ясский торг на Пруте и Хотин на Днестре². Список русских городов возник ранее окончательного разорения Тырнова турками в 1394 г. и отражает важный момент в истории Второго Болгарского царства. Составитель списка, конечно, знал, что Тырнов не принадлежит к числу русских городов, но он причислил болгарские города к русским потому, что в бассейне нижнего Дуная и в Молдавии русский элемент всё ещё был силен, а номинальная власть литовского великого князя простиралась в конце XIV—XV вв. почти до Дуная.

¹ См. *Арсений, Епископ Псковский*, Исследования и монографии по истории молдавской церкви, Спб. 1904, стр. 11—66.

² См. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, Приложения, стр. 446.

Наиболее оживлённые отношения южнославянские земли поддерживали с относительно близкой Галицкой землёй. Путь по Днестру к берегам Чёрного моря и к Дунаю был и раньше наиболее удобной, короткой и безопасной дорогой из русских земель на Балканский полуостров. Совершенно естественно, что этим путём обычно пользовались для поездки из Галицкой и других русских земель в Болгарию и Сербию.

Близкие отношения между Болгарией и соседними русскими землями подчёркиваются тем, что Тырнов одновременно должен был сделаться церковным центром русских земель. В 1352 г. тырновский патриарх поставил в митрополиты некоего Феодорита, что вызвало яростные протесты со стороны Константинопольской патриархии. Болгарские писцы не совсем без основания величали Тырнов Новым Римом, «Цариградом», показывая этим, что болгарская столица по своему политическому и церковному значению во всём равна Константинополю.

Дорогой через Болгарию и Галицкую землю в некоторых случаях пользовались и путники, направлявшиеся из Константинополя в Северную Русь, но гораздо чаще они совершали свои поездки в византийскую столицу морским путём. Непосредственные связи Северной Руси с южнославянскими землями шли через Константинополь и Афон. Сборным пунктом караванов, шедших из Северной Руси в Константинополь, была Москва. Отсюда направлялись на суда по Москва-реке и Оке до Переяславля-Рязанского (современной Рязани), отсюда суда («насады») на колёсах переправлялись сухим путём до верховьев Дона, где начиналась сплошная водная дорога до Царьграда. На пути караванов стояли два города — Тана в устье Дона и Сурож (Судак) в Крыму. Вся эта дорога была так изъезжена и известна, что русские купцы, торговавшие с Причерноморьем, носили в Москве название «гостей сурожан». Поездки русских людей в Константинополь в XIV—XV вв. были явлением постоянным, как и присутствие греков в Северной Руси¹.

¹ См. Ф. Терновский, Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси, вып. 2, Киев 1876, стр. 13—18, 39—41.

Русская колония в Константинополе не только не уменьшилась, но, видимо, увеличилась и была заметной единицей в византийской столице. К московскому митрополиту Пимину, прибывшему в Константинополь в 1389 г., пришла «Русь живущая тамо». Произошла радостная встреча, «и бысть обоим радость велия». Русский квартал находился поблизости от церкви Предтечи (церковь Продром). «И упокоиша нас добре тамо живущая Русь», — записывает Игнатий, ездивший в Константинополь вместе с Пимином¹. Последние слова указывают не только на приветливый приём, но и на хороший обед, которым угостили приезжих царьградские русские.

Среди русских, живших в Константинополе, имелись образованные люди, занимавшиеся переводами и перепиской книг. В наших рукописных собраниях имеется несколько книг, переписанных в Константинополе русскими писцами. Про одного из них, Ефрема, достоверно известно, что он был русином. Позже Ефрем и его товарищ Евсевий перебрались на Афон, где каллиграф, или «доброписец», Иаков перевёл для них с греческого языка на русский одно аскетическое произведение. Русская колония не жила изолированно, близость языка и общность письменности создавали почву для постоянных сношений русских с болгарами и сербами. Поэтому спутник Пимина с интересом прислушивается к вестям с Балканского полуострова и записывает рассказ о битве на Коссовом поле. После падения южнославянских царств в Болгарии и Сербии значение Константинополя как центра межславянского общения не только не уменьшилось, но даже увеличилось вследствие притока беглецов из Сербии и Болгарии.

В XIV—XV вв. ещё более усилилось значение Афона как места, где русские образованные люди встречались с греками, сербами и болгарами. «Святая гора» была в полном смысле слова международным центром православного Востока, и значение её в развитии русской культуры чрезвычайно велико. Годы татарщины не прошли бесследно для русского монастыря на Афоне. У нас имеются указа-

¹ „Русский временник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю“, ч. I, М. 1820, стр. 293—311.

ния, что монастырь Руссик испытал на себе «от Русие всеконьчно оставление», но этому показанию трудно полностью верить, потому что оно помещено в хрисовуле царя Стефана Душана за 1349 г. Принимая на себя звание ктитора монастыря, Стефан до некоторой степени присваивал себе права русских князей и таким образом должен был объяснить свой поступок¹.

Путешествия русских людей на Афон, несмотря на все опасности, ожидавшие путника на дороге, были явлением обычным. Русские монахи жили не только в монастыре Руссик, но и в других греческих и славянских обителях. В 1432 г. в лавре Афанасия Афонского жил и работал инок Авраамий Русин, переписавший несколько житий святых. Свою работу он привёз в Тверь при великом князе Борисе Александровиче.

Несмотря на отдалённость русских земель от Болгарии и Сербии, события, происходившие в этих странах, находили свой отклик в России. Русский путешественник, как мы видели, отметил битву на Коссовом поле; позже о падении Тырнова в нашей летописи записано: «Того же лета (1393. — М. Т.) Челабей Срачиньский взя Болгарский град Тернов, царя их и патриарха полони, и веру их преврати»².

Хорошее знакомство с международной обстановкой в районе Чёрного моря сказывается ещё в одном русском памятнике, имеющем характер политического сочинения; я имею в виду «Задонщину». Рассказав о победе русских над татарами на Куликовом поле в 1380 г., автор восклицает: «шибла слава к морю, к Железным вратам, к Риму, и к Кафе и ко Царю-граду, что Русь поганых одолеша»³. В новом списке «Задонщины» читаем слова «ко Торнову», т. е. к Тырнову. Итак, перед нами перечисление христианских стран, заинтересованных в русской победе. Среди них Болгария со своей столицей Тырново занимает определённое место.

¹ См. Т. Флоринский, Памятники законодательной деятельности Душана, царя Сербов и Греков, Киев 1888, стр. 63.

² ПСРЛ, т. XVIII, стр. 143.

³ Н. К. Гудзий, Хрестоматия по древней русской литературе, М. 1938, стр. 159; новый список в Государственном историческом музее. муз. № 2060.

В свою очередь русские были хорошо известны в южнославянских землях. Правда, в сербских и болгарских летописях мы почти не найдём указаний на Россию и русских, но не следует забывать, как бедны и кратки по содержанию южнославянские летописи. Они ни в какой степени не могут быть сравниваемы с обширными и полными русскими летописными сводами. Но у нас есть иное бесспорное свидетельство о знакомстве сербов не только с русскими вообще, но и с русским языком. Константин Костенчский, составивший в начале XV в. «Сказание о письменах», высказывает любопытные суждения о различных славянских языках. Отвечая на вопрос, на каком языке были сделаны первоначальные славянские переводы церковных книг, он говорит, что об этом судят по-разному. Одни думают, что переводы сделаны на болгарском, другие — на сербском языке; но, по мнению Константина Костенчского, всё это не так. Греческий язык нельзя было передать на трудном болгарском языке, как и на сербском, высоком и сжатом, поэтому «добрые и дивные мужи», переведившие древние книги, избрали тончайший и прекраснейший русский язык, в помощь ему придали языки болгарский, сербский, боснийский, словенский, отчасти хорватский и чешский.

Свой домысел Константин Костенчский основывал на примерах, обличающих его знакомство с русским языком. Он приводит, например, русское выражение «не лай на ме хосподине», переводя его словами «не карай ме или не раздражай се на ме», сообщает, что кошуля называется по-русски сорочкой и т. д. Думают, что Константин был знаком с языком украинцев, поэтому-то в слове господин он пишет х. Само представление сербского писателя о русском языке, лёгшем в основу переводов Кирилла и Мефодия, повидимому, было мнением, господствовавшим тогда в южнославянской литературе¹. Оно стояло в

¹ См. П. А. Сырку, Очерки из истории литературных сношений Болгар и Сербов в XIV—XVII веках, „Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук“, т. LXXI, Спб. 1902; см. также И. В. Яич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, „Изследования по русскому языку“, т. I, Спб. 1895.

определённой связи с упадком Южнославянских стран под турецким господством и явным возвышением Северной Руси. Так выращивалась среда, в которой впоследствии выросло представление о Москве, как о третьем Риме¹.

Константин Костенчский выступает перед нами как выразитель идей славянского единства. «Дивнии и мудрин мужи», переведившие первые славянские книги с греческого языка, применили не только русский, но и другие славянские языки, только положив в основу своего труда «краснейший» русский язык.

Турецкое завоевание привело к быстрому культурному упадку южнославянских стран. Большинство христианского населения на Балканском полуострове превратилось в бесправную раю, за исключением только некоторых привилегированных селений, исполнявших султанскую службу. Началось массовое бегство из завоёванных стран на север, в задунайские области. Движение это, начавшееся уже в конце XIV в., особенно усилилось в XV в. Образованные люди переселяются из Сербии и Болгарии на Украину и в Россию и находят здесь радушный приём как единоверцы, говорящие на близком и относительно понятном сербском или болгарском языках.

Знаменитейшим из южнославянских выходцев был Киприан (умер в 1406 г.), поставленный в сан русского митрополита в Константинополе и после смерти Дмитрия Донского окончательно утвердившийся в Москве на митрополии. В XV в. племянник Киприана, Григорий Цамблак, сделался митрополитом в Киеве, что привело к временному отпадению «русских» (украинских и белорусских) земель от Московской митрополии, во главе которой стоял митрополит Фотий. В XV в. в Северной Руси подвизался плодовитейший писатель — болгарин Пахомий Логофет, написавший заново или переделавший большое количество русских житий святых. Историки литературы подчёркивают тот факт, что из болгарской столицы Тырнова и Сербии вышли видные деятели на поприще славянского просвещения. Споры Григория Цамблака с московским митрополитом не помешали широкому распространению

¹ См. сноску на 172 стр.

поучений и слов Цамблака в русских рукописных памятниках¹.

С гораздо большим трудом прослеживается переселение в Россию из южнославянских земель менее видных людей, чем таких, какими были Пахомий Логофет или Григорий Цамблак. Но такие переселенцы действительно были и устанавливаются краткими сообщениями летописи. В середине XIV в., например, в Москве работал колокольный мастер Борис, отливший в 1346 г. три больших и два малых колокола². Позднейшие летописи называют Бориса «римлянином», т. е. итальянцем, но уже И. Забелин заметил: «Русское имя Борис обнаруживает, что Римлянин был уже православным»³. Позднейшие летописи склонны были подправлять тексты и каждого иноземца делать римлянином или немцем. Имя Борис было распространено и на Руси и на Балканском полуострове, а отсутствие в древней летописи указаний на иноверность колокольного мастера заставляет в нём видеть выходца из южнославянских земель, если только Борис не был природным русским, в чём также нет ничего невозможного.

О другом иноземце, работавшем в Москве, уже точно известно, что он был сербом. В 1404 г., говорит московский летописец, великий князь Василий Дмитриевич поставил часы («часник») на своём дворе за Благовещенским собором. «Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разчитая часы нощные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и... преухищрено. Мастер же и художник сему беяше некоторый Чернец, иже от Святыя горы пришедый, родом Сербин, именем Лазарь; цена же сему беяше вящше полувтораста рублев»⁴. В обоих указанных случаях мастера из южнославянских земель обнаруживаются в Москве, особенно связанной с Константинополем и Балканским полуостровом водной дорогой по Дону и Чёрному морю.

¹ См. А. И. Яцимирский, Григорий Цамблак, Спб. 1904.

² См. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 93.

³ И. Забелин, История города Москвы, ч. I, М. 1902, стр. 86.

⁴ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 281.

Косвенным доказательством довольно оживлённого переселения из южнославянских земель в Россию является появление на русской почве рационалистических ересей, подобных ереси стригольников. Неясные обличительные послания представителей русского духовенства позволяют установить, что стригольники осуждали продажу церковных должностей, отрицали церковную иерархию и обрядность, запрещали принимать причастие и т. д. Сами стригольники, повидимому, были людьми образованными и отличались нравственной жизнью. Обличитель называет их постниками, молебниками, книжниками, отмечает чистоту их жизни: «аще бо бы не чисто житье их видели люди, то кто бы веровал ереси их?»¹ Большинство исследователей считает стригольничество ересью западноевропейского происхождения, но учение их чрезвычайно напоминает распространённое на Балканском полуострове богомильство с его отрицанием официальной церкви и обрядности (в том числе причастия), а также стремлением к нравственной чистоте жизни. Время появления стригольничества, конец XIV в., в Пскове также совпадает с нашими представлениями о времени начала бегства сербов и болгар в Россию в связи с турецким завоеванием.

Говоря о богомильских сочинениях, довольно распространённых на Руси, академик М. Н. Сперанский пишет, что «богомильский памятник для нас не заключал в себе сознаваемого богомильства, становясь в уровень с легендой христианской вообще»². Однако дело было не только в бессознательном переносе легенд на русскую почву, но и в той среде, где распространялись подобные рукописи и где выростали ереси, подобные богомильству и стригольничеству.

Постоянные связи России с Балканским полуостровом объясняют нам очень многое в культурной жизни русского народа и южных славян. Наиболее заметные результаты культурное взаимодействие южных славян и русских дало в области письменности.

¹ Памятники древне-русского канонического права, ч. I, „Русская историческая библиотека“, т. VI, изд. 2-е, Спб. 1908, стр. 211—223.

² М. Сперанский, История древней русской литературы, М. 1914, стр. 258.

Некоторые факты, свидетельствующие об этом взаимодействии, обнаруживаются при изучении московских актов XIV—XV вв. Северная Русь, как известно, очень упорно держалась за пергамент в качестве основного писчего материала, и бумага стала применяться у русских только с XIV в., тогда как греки и южные славяне стали употреблять бумагу значительно раньше. Первый русский памятник, написанный на бумаге, — духовная грамота Семёна Гордого 1353 г. К этому документу приложена печать с надписью: «Печать князя великого Семенова всея Руси»¹. На обороте печати изображён «Семён с(вя. — М. Т.) ты». На других печатях современных московских князей имеются совсем иные обозначения. На печати Ивана Калиты читаем надпись «князя Ивана (на другой стороне. — М. Т.) великого печать», на печати Ивана Ивановича — «печать князя великого Ивана Ивановича». Дмитрий Донской вначале прикладывает к своей грамоте печать с подписью: «Печать князя великого Дмитрия». Только позже Дмитрий Донской в своей печати именуется себя великим князем «всея Руси». Отметим здесь же ещё одну особенность печатей московских князей XIV в. На печатях Ивана Ивановича и Дмитрия Донского имеем рядом с фигурой святого, одноименного с князем, надпись «агиос», т. е. святой, тогда как печать Семёна Гордого имеет здесь русское обозначение Семён «с(вя. — М. Т.)ты»².

Кто был тот мастер, который делал печать Семёна Гордого, мы не знаем, но источник, откуда заимствован был титул «всея Руси», может быть указан со значительным вероятием. В любопытной статье о двух грамотах времён царствования Стефана Душана в Сербии приводятся данные о печатях сербских царей. К грамоте Стефана от 20 сентября 1349 г. приложена печать, на одной стороне которой изображён царь в короне и с крестом в правой руке, сбоку надпись: «о хр (и. — М. Т.) сте боче пр (а. — М. Т.) ведни цар Стефан все земли С (е. — М. Т.)рпс» (кой. — М. Т.),

¹ «Сборник государственных грамот и договоров» (СГГД), ч. I, стр. 38.

² СГГД, ч. I, стр. 35, 41, 43, 51, 62.

на другой стороне печати — «св. Стефан Первомученик». Автор статьи о грамотах Стефана Душана сравнивает их с печатями московских великих князей и делает такой вывод: в течение всего XIV—XV вв. московские великие князья не называли себя титулом «всая Руси», тогда как печати первых московских великих князей носят этот титул¹. Появление надписи «всая Руси» на семёновой печати становится нам понятным в свете русских связей с Сербией и самим царём Душаном, который, как мы видели, особо благоволил к монастырю Русик на Афоне. Резчиком печати Семёна Гордого был славянин, серб, болгарин или русский, поэтому вместо греческого «агиос» появляется обычное и понятное «с(вя. — М. Т.)ты Семён». Употребление бумаги для такого важного акта, как духовная великого князя, указывает также на византийское или южнославянское влияние.

Изучение формуляров русских грамот XIV—XV вв., вероятно, также обнаружит некоторую зависимость от формуляров южнославянских. Ввиду отсутствия подобных наблюдений отмечу только одно явление в области русской дипломатии. Известно, что в XVI—XVII вв. делопроизводство московских учреждений производилось на столбцах, т. е. длинных кусках бумаги, склеенных друг с другом. В соседнем Казанском ханстве, как это показывает известный ярлык Сагиб-Гирея, также в XVI в. употреблялись столбы, но ещё более ранний образец их находим в грамоте Иоанна Шишмана Витошскому монастырю (до 1382 г.), которая представляет настоящий столбец, или свиток, только несколько более широкий, чем принято было в московских приказах².

Проводником южнославянского влияния на Руси было духовенство, начиная с митрополита Киприана, родом серба, воспитанника тырновского патриарха Евфимия. Как известно, тырновский патриарх Евфимий в конце XIV в.

¹ А. В. Соловьев, Два прилога к роучагану Душанове државе, „Гласник Скопльскогo Научногo Друштва“, кн. II, Свеска 1—2, Скопље 1927, стр. 43.

² См. Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей, М. 1911, Приложение № 6.

провёл большую реформу болгарского правописания с целью введения единообразия в орфографию, что в немалой степени было связано с борьбой против ересей. Так, упомянутый ранее Константин Костенчский прямо ссылается на то, что от испорченных текстов бывает «всяка злоба и ереси».

Образованные писцы в южнославянских странах охотно восприняли тырновские правила, так как единообразие навыков письма и орфографии сильно облегчало их работу. В XV в. южнославянская орфография и почерки быстро распространяются в России и вытесняют русский полуустав вначале из книжной, а позже из документальной письменности. С этого времени в русских рукописях появляются особенности, не свойственные русскому языку. Писцы пишут *трѣзь* вместо *торзь*, *врѣхъ* вместо *верхъ*, хотя и произносят написанные слова по-русски — торг, верх и т. д. Появляются юс большой (ѣ), который ставится на месте русской буквы у; в конце слов, даже там, где слышится твёрдость, появляется не ъ, а ь. Наконец, в рукописях начинает мелькать южнославянское произношение, вроде «добраа» вместо «добрая» и т. д. Отголосок последней особенности памятников XV в. надолго застревает на Руси в виде титула великих князей и митрополитов «всеа Русии вместо «всея Руси»¹.

Как всякое искусственное нововведение, южнославянская орфография в известной мере тормозила развитие русской письменности, которая стала избавляться от ненужного груза уже в XVI в. Тем не менее создание единой орфографической манеры, понятной и для восточных и для южных славян, на первых порах имело большое значение для их взаимного сближения. Особенно важно это было в XV в., когда балканские страны уже начинали ощущать гнёт турецкого владычества, а Россия ещё не была объединена в единое государство.

В Северной Руси создаётся новая литературная школа, находящаяся под явным южнославянским влиянием. Наиболее известными её представителями были митрополит Киприан и серб Пахомий Логофет, проживший почти

¹ В. Н. Щепкин, Учебник русской палеографии, М. 1918, стр. 106—121.

50 лет в России (умер около 1480 г.). Из русских авторов выделяется Епифаний Премудрый, написавший в начале XV в. обширные жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Риторика Епифания Премудрого, как указывает исследователь древнерусской литературы, «делала бы честь любому византийцу; в общем это уже типичный «перелагатель» в духе югославяно-византийской школы»¹. В этом строгом отзыве не всё справедливо, так как риторика Епифания особого типа, но принадлежность её к определённой литературной школе, связанной с южнославянскими странами, а в ещё большей степени с Византией, не подлежит сомнению.

Общее культурное оживление на Балканском полуострове в XIV в., вылившееся в своеобразную форму «южнославянского возрождения», нашло своё отражение на далёком севере. Правда, связи русского искусства с южнославянским прослеживаются с большим трудом, но и то, что нам известно, говорит о многом. Так, например, архитектор П. Н. Максимов отмечает большое сходство собора Андрониева монастыря в Москве с некоторыми сербскими постройками XIV в.² Если вспомнить, что Андрониев монастырь был основан митрополитом Алексеем после его поездки в Царьград, то указанное сходство предстаёт перед нами в новом свете. В известном исследовании Н. П. Кондакова об итало-критской иконописи отмечается большая близость в композициях греко-итальянских икон с русскими памятниками иконописи и стенописи. Кондаков считает, что связующим звеном между Италией и Русью была Сербия. Итало-критские иконы должны были попадать на Русь в большом числе «и, как мы предполагаем, двумя путями: западным — через Галич — и юго-восточным — через порты Чёрного моря, пока они не были закрыты для торговли»³. В подтверждение своей мысли Кондаков указывает на то, что сербский архиепископ Савва принёс на Афон икону, композиция которой восходит к итальянской школе в Сиене. Позже подобную же

¹ М. Сперанский, История древней русской литературы, стр. 452.

² См. Н. Брунов, Русская архитектура X—XV вв., «Сообщения кабинета теории и истории архитектуры», вып. 1, М. 1940, стр. 6.

³ Н. П. Кондаков, Иконография богородицы, Спб. 1911, стр. 138.

композицию находим в русских иконах, между тем Савва некоторое время жил в русском монастыре на Афоне. Так прослеживаются пути проникновения на Русь некоторых греко-итальянских икон, композиции которых распространились на русской почве.

Конечно, русская культура не была и в эту эпоху исключительно заимствующей. К сожалению, обратное воздействие русской культуры на южнославянскую мало изучено. Некоторые шаги в этой области были сделаны М. Н. Сперанским, отметившим ряд русских письменных памятников, нашедших распространение в Сербии и Болгарии. Такова «Повесть об Акире Премудром», получившая распространение в Сербии примерно в XIII—XV вв. (не раньше 30-х годов XIII в. и не позднее половины XV в.), «Пчела», т. е. сборник разных изречений, и некоторые другие произведения¹. Феодално-раздробленная и разорённая татарами Русь, как мы видим, нашла поддержку в южнославянских землях и сама влияла на южнославянскую культуру.

Глава VII

РОССИЯ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В XVI—XVII ВВ.

Завоевание Константинополя турками в 1453 г. создало новые условия для сношений южнославянских земель с Россией. Из столицы последнего «православного» царства, второго или нового Рима, как его называли византийские и славянские писатели, Константинополь сделался центром мусульманства. Впрочем, некоторое своё значение в качестве города, где встречались южные славяне и русские, Константинополь сохранил и в XVI в. Влияние славянской культуры на турок было так велико, что сербский язык получил в турецкой столице значение международного языка, на котором говорили в самом султанском дворце. Итальянский историк первой половины XVI в. рассказывает о распространении в Константинополе различных языков. «При дворе султана, — пишет он, —

¹ М. Н. Сперанский, К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур, стр. 190—196.

употребляются разные языки: турецкий — язык государя, арабский — язык священного законодательства Корана; третье место занимает язык славянский, — на нем, как на самом общеизвестном, говорят янычары; четвертое место занимает язык греческий, речь константинопольцев и населения городов Греции»¹.

На сербском языке обычно составлялись грамоты, посылаемые от имени султана в Москву и в Молдавию. Значительное количество подобных грамот занесено в копиях в книги Посольского приказа в так называемых «турецких делах»².

Соответственным образом выросло значение Афона как единственного культурного центра славянской взаимности, более или менее свободного от турецкого гнёта. В афонских монастырях постригались русские паломники, поддерживавшие постоянные связи со своей родиной. В свою очередь афонские старцы были постоянными гостями в Москве, куда они приезжали для сбора «милостыни». Вопросы, тесно связанные с внешней и внутренней политикой Московского государства, обсуждались афонскими монахами с большой страстностью. Так, известие о предполагаемом разводе Василия III с первой женой Соломонией Сабуровой вызвало бурные отклики на Афоне³.

Московское правительство уже в XVI в. выступает вполне определённо в положении защитника порабощённых народов православного Востока. В поле внимания Москвы находятся не только собственно славянские народы, но и греки, сирийцы, вообще все православные христиане, населявшие Турецкую империю. Любопытнее всего, что это не встречало прямого отпора со стороны турецкого двора, который также предъявлял претензии на

¹ А. Крымский, История Турции и ее литературы, М. 1916, стр. 126—127.

² См. «Турецкие дела» в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА), а также В. А. Уляницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. 3.

³ См. М. Н. Тихомиров, К вопросу о рыписи о втором браке Василия III, Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, Л. 1928, стр. 91—94.

защиту мусульманского «юрта» (т. е. Казани и Астрахани), подчинившегося России. В переписке турецких султанов с царём Иваном IV найдём немало представлений турецкого двора по поводу преследования мусульман Казани и Астрахани. В свою очередь русский царь хлопочет перед султаном о православном духовенстве в Турции.

Сношения России со славянскими странами происходили главным образом при посредстве духовенства, ездившего в Москву за «милостыней». Расходы на раздачу милостыни составляли немалую статью в бюджете московских государей, потому что за милостыней обращались не только афонские старцы, но и монахи других монастырей, не исключая далёкого Синая. Вслед за ними едут и присылают своих представителей в Москву высшие иерархи православных церквей на Востоке — константинопольский патриарх, белградский митрополит и т. д. Общая мотивировка всех прошений заключается в указании на разорение и оскудение от турок. «Попустил благий Господь, — пишет белградский митрополит Феофан великому князю Василию III, — Сербское господство в руки иноплемennых, и монастырь сей долу низвергся и оскудела милостыня». Рядом с этим в грамотах болгарского, сербского и греческого духовенства появляются новые мотивы: мысли о великой роли России в деле будущего освобождения славянства. Афонские монахи пишут Василию III приветствия и пожелания побед над иноплемениками: «Да воздвигнут рог его (великого князя. — М. Т.) для победы над всеми иноплемennыми языками и пособят попать их под ноги его, во славу Божию и на радость всем православным Христианам и нам грешным»¹.

Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне окончательно делается патрональной обителью московских царей, «понеже бо из старины тот монастырь святаго Пантелеймона в Святой горе строение беяше шрежних князей Русских»², как это объяснено уже в летописном известии о пожаловании ему в 1497 г. великокняжеской милостыни.

¹ „Сношения России с Востоком по делам церковным“, ч 1, Спб. 1885, стр. 15, 13.

² ПСРА, т. XX, ч. 1, стр. 365.

В 1515 г. русский посол Василий Копыл Спячий ходил на Афон с «милостынею» от великого князя Василия III¹.

Результатом этой поездки было появление в Москве представителей от константинопольского патриарха Феолипта и от некоторых афонских монастырей, в том числе Максима Грека от Ватопедского монастыря. На этот раз монахи Пантелеймонова монастыря на Афоне обращались к Василию III, как к новому ктитору монастыря («отчины своей») с просьбой о ремонте зданий, причём они сообщают, что волошский господарь и грузинский царь помогают своим афонским обителям.

Подобно тому как в годы татарского ига сербский царь Стефан Душан брал на себя защиту и украшение Пантелеймонова монастыря, забытого русскими, так теперь глядят в сторону Москвы старцы сербского Хиландарского монастыря на Афоне. Монахи величают Ивана IV солнцем христианским, которое сияет на востоке и севере, озаряя всю подсолнечную. В 1555 г. хиландарские монахи отправили в Москву особое посольство и просили взять их на царское имя, «чтобы его богомолья была другая во Святой горе»², ибо первой богомольей был Пантелеймонов монастырь. Ходатайство старцев сербского монастыря было удовлетворено, и монастырь получил богатые дары. Переход Хиландарского монастыря под непосредственное покровительство московских царей открывал ещё больший путь для русского влияния в южнославянских землях.

Интерес к России выражался и в том, что в сербских летописях появляются заметки о событиях, связанных с Россией. Это особенно интересно вследствие крайней скудости содержания сербских летописных записей. Так, сербские летописцы помещают под 7006 г. (1498) следующую заметку: «Пленише Турци Русе и Лехе, и поробише и сътрише землю». Под следующим, 7007 г. (1499) читаем продолжение: «Пак събраше се Турци много ок(тября) месяца оставшее Русе пленити. Они — хь ощутише, бежаще, и Турци безделни возвратиши се, имущи предь собою

¹ ПСРА, т. XX, ч. 1, стр. 390.

² ПСРА, т. XX, ч. 2, стр. 558.

начелника Манкоча. И гладь и зима налже на ныхь и коне ядоше, и зими ради помреше мнози; неколици озебли и пеши преидоше марта месяца»¹. О каком событии идёт речь в этом сообщении сербского летописца? Повидимому, о походе правителя Силистрии Балибега, опустошившего большую часть Украины в двух последовательных нападениях турок на украинские земли в 1497 г.

Под 1569 г. сербские летописи отметили турецкий поход против Астрахани: «воинствоваше Турци кроме цара на Казань, на Русе»². Слова о Казани не являются ошибкой сербского летописца, а зависели от того, что поход мыслился турками как действие, направленное к освобождению Казанского ханства от русской власти, и осада Астрахани была только первым звеном в действиях, намеренных для осуществления этой цели.

Русские летописи также не проходили мимо событий, происходивших на Балканском полуострове. Голос не только современника, но и живого очевидца бедствий христианских народов на Балканском полуострове слышится нам в призывах летописца к современникам подняться грозной стеной против татарских полчищ хана Ахмата, двигавшихся в 1480 г. на Россию. «О храбри, мужественни сынове Русии! — восклицает неизвестный автор, — потщитесь съхранити свое отчъство, Рускую землю, от поганых; не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разплениа и разграблениа домов ваших, и убиениа чад ваших, и поруганиа над женами и над дщери вашими. Якоже пострадаша инии велиции и славнии земли от Турков, еже глаголю Болгаре, и Серби, и Греци, и Трапезон, и Амореа, и Арбонасы, и Хрваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнози земли, иже не сташа мужествене, и погибоша и отчъство изгубиша и землю и государство, и скитаются по чюжим странам бедне в истинну и странне, и много плача и слез достойно, укоряеми, поношаеми и оплюваеми, яко не мужествени; инии же избегоша, котории с именни многими и с женами и з детми в чюжие

¹ Л. Стојановић, Стари српски родослови и летописи, Београд 1927, стр. 258.

² Там же, стр. 267.

страны, вкупе с златом и душа и телеса своя загубиша и ублажают тех, иже тогда умерших, неже скитатися по чюжим странам яко бездомком. Тако ми Бога видех своимача очима грешныма, великих государев, избегших от Турков с имением и скитающесе яко странных и смерти у Бога просящих яко мздувъзданиа»¹.

Неизвестно, кто написал эти строки, но весьма вероятно, что они принадлежат какому-нибудь выходцу с Ближнего Востока, скорее всего духовному лицу, судя по выражению «очима грешныма».

Царьград и Афон, как и раньше, не были единственными пунктами, где русские встречались с южными славянами и греками. Попрежнему существовал прямой путь для связи русских земель с Балканским полуостровом, проходивший через Молдавское воеводство. Сношения с Молдавией поддерживались постоянно, в особенности с конца XV в., после того, как Елена, дочь молдавского воеводы Стефана, вышла замуж за Ивана Молодого, старшего сына великого князя Ивана III. Иноземцы, выехавшие из Молдавии и южнославянских стран, находили, как единоверцы, радушный приём при московском дворе. История Ивашки Пересветова, служившего венгерскому королю и видевшегося в Сочаве с молдавским воеводой Петром, показательна для XVI в. и, видимо, не вызывала большого изумления в Москве. Ниже мы увидим, что русские князья на Украине женились на дочерях сербского воеводы.

Сухопутный путь из Москвы на Балканский полуостров шёл через украинские земли. Из Москвы двигались на Путивль и Новгород-Северск, а отсюда в Крым, как об этом свидетельствуют записи в посольских книгах, касающихся сношений с Турцией. В то время как в более раннюю пору Россия поддерживала сношения главным образом с ближайшей Болгарией, в XVI в. замечаем усиление русских связей с сербами. Этому способствовало то обстоятельство, что Сербия пользовалась всё-таки большей свободой, чем Болгария, порабощённая Турцией.

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 207.

Наиболее удобным путём из балканских стран в Россию была дорога через Молдавию и Валахию.

Русский посол Голохвастов, ездивший в 1521 г. к турецкому султану, совершил такое путешествие. Он спустился по Дону к Азову, от Азова шёл морем к Кафе, от Кафы в Константинополь, оттуда сухим путём в Адрианополь и оттуда в Димотику (около Адрианополя). Обратный путь он совершил через Сербскую землю к Дунаю и далее на Перекоп к крымскому хану¹. Голохвастов ездил с официальными целями, и маршрут от Дуная на Крым определялся необходимостью видеть крымского хана. Обычная дорога вела через Валахию и Молдавию в пределы украинских земель, лежавших в Литовском великом княжестве. Таким путём добирались в Москву многочисленные «государевы богомольцы», т. е. православное духовенство, стекавшееся в Москву за «милостыней» для разорившихся церквей и монастырей Балканского полуострова.

Далеко не полный список городов и монастырей Балканского полуострова, откуда приезжали в Москву за милостыней и за разными другими делами, даёт некоторое представление о непрерывных связях России с южнославянскими странами. Дадим только географические названия с краткими пояснениями тех монастырей, откуда присылали за милостыней в Москву. Из Сербии приходили посланники из Белграда, Филипполя, Адрианополя, от Преображенского монастыря в Кучайне, Милешева монастыря, Аккольского монастыря, Вертарской епископии, Беочинского монастыря, Острицкого монастыря, Рождественского монастыря, Ильинского монастыря, Крушедольского монастыря Фрушковой горы, Студеницкого монастыря, Предтеченского монастыря в Скопле и др. Из Болгарии — от Охридской митрополии, Гревенской митрополии, Тырновской митрополии, из Благовещенского и Рыльского монастырей и др. Из Македонии шли посланники от Успенского монастыря, Погоянинского монастыря, Селунской области, монастыря Хосинца и др. Из Албании — от Сосина монастыря. Из Силистрии — от Архангельского монастыря. Из Кастории — от Успенского

¹ См. ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 401.

Кременецкого монастыря. Из Трикалы — от Троицкого монастыря¹.

Даже этот неполный список, составленный только по одному и то неполному источнику, даёт картину необыкновенной разветвлённости сети тех церковных учреждений в южнославянских странах, которые сносились с Россией. К этому списку нужно добавить Константинопольскую патриархию и афонские монастыри, и тогда станет ясным, какое громадное влияние имела Россия на Ближний Восток. Нельзя забывать, что духовенство было единственным общественным слоем, который сохранял старые традиции сербской и болгарской культуры времени их расцвета. Кроме того, епископ в южнославянских странах в годы турецкого господства был не только церковным, но и «светским главою и представителем райи перед чиновниками»².

В Москве прекрасно понимали, что русский престиж на Востоке в немалой степени поддерживается духовенством. Московские приказы не гнушались пользоваться приездом «старцев» или «властей» с Балканского полуострова, с тем чтобы узнавать от них нужные политические новости, расспрашивали о сношениях турецкого двора с иностранными державами, о намерениях его по отношению к России и т. д. Однако на протяжении почти двух столетий московское правительство вело себя крайне осторожно по отношению к Турции и избегало крупных и неприятных конфликтов, а ещё более вооружённого столкновения с империей султанов, несмотря на упорные попытки германских императоров, римских пап и польских королей привлечь московских государей в общую коалицию против турок.

Сношения России с южнославянскими странами кажутся явлением чисто культурного порядка, но за ними скрывались большие политические интересы. Сербь и болгары обращали взоры к Москве не потому только, что их церкви и монастыри получали оттуда богатые дары, не только

¹ См. „Сношения России...“, ч. 1, стр. 15, 20, 132, 167, 169, 182, 185, 232, 270; ч. 2, стр. 4, 9, 37, 51, 57, 60—61, 62, 64, 83, 96, 107, 123, 192, 209, 218, 226, 233, 238, 280.

² К. И. Иречек, Указанное сочинение, стр. 601.

в силу естественного тяготения к единственному славянскому государству, получившему полную независимость от «агарян», т. е. мусульман, но и потому, что это государство достигло высокой степени могущества и славы и сделалось естественным покровителем порабощённых южнославянских народов. Афонские старцы Пантелеймонова монастыря были так убеждены в значении мощной поддержки русского царя, что просили Ивана IV ходатайствовать перед султаном об облегчении податей: «Мощно тебе Царю и Государю, солнцу христианскому, второму Константину на земли, сие дело доспеть своим царским приказом, ибо слышали от наместников Турецких: если бы Царь Московский до нашего Султана Сулеймана послал посла и грамоту, чтобы с вас дани не брались и вернули вам пашни, какия поотнимали Греки, и отдали бы вам записи крепкия, то бы вас никто ничем не трогал»¹. Действительно, царь просил Сулеймана об облегчении дани, наложенной на Пантелеймонов монастырь².

В свете этих фактов становятся особенно интересными слова одного итальянского автора, писавшего в 1575 г.: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Морей и Греции поклоняются имени великого князя московского, так как они принадлежат к тому же самому греческому вероисповеданию и не надеются, что их освободит от турецкого рабства чья-либо рука, кроме его». Несколько позже эти слова почти буквально повторяет другой писатель: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Морей и Греции весьма преданы московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти»³.

Приведённые слова дополняются другими сведениями, которые обнаруживают стремление московских государей к династическим связям с греческими и сербскими владетельными родами, ещё сохранившимися в начале XVI в.

¹ „Сношения России...“, ч. 1, стр. 67.

² См. там же, стр. 68—69.

³ А. Л. Погодин, *История Болгарии*, Спб. 1910, стр. 145—146.

В 1509 г. к великому князю Василию Ивановичу прибыли из Сербии три старца с письмами от белградского митрополита Феофана и бывшей деспотицы Ангелины, вдовы деспота Стефана. Митрополит просил о помощи Белградской митрополии, ибо «попустил благий Господь Сербское господство в руки иноплеменных, и монастырь сей долу низвергся и оскудела милостыня, и нет милователей». Из дальнейшего выясняется, что Белградская митрополия получала уже помощь от Ивана III и что у неё нет иного покровителя, кроме русского государя, ибо сербские деспоты умерли, «ныне же Деспот Латинской веры не хочет о нас пещись, как и сам писал вашей милости, передавая монастырь сей вашему благочестию». Сербский деспот Иоанн (Иваниска) также писал к Василию, прося принять под ктиторство монастырскую церковь Белградской митрополии. Наконец, деспотица Ангелина послала к великому князю священно-инока Евгения «с некоторыми речами» и сообщала о желании построить церковь в честь Иоанна Златоуста с тем, чтобы положить в ней тела «мужа моего святого Деспота Стефана и святого Деспота Ювана, сына моего». В ответ на эти просьбы великий князь велел послать богатую милостыню: Ангелине — четыре сорока соболей и четыре тысячи белок, митрополиту — три сорока соболей, три тысячи белок и серебряный ковш¹.

Кто это деспотица Ангелина и чем объясняется участие к ней московского великого князя? Объяснение этому находим в сербских летописях, по которым Ангелина была женою сербского деспота Стефана, ослеплённого по приказанию султана Мурада. После смерти Стефана, который «по мнозех злостраданних кон(ь)це жизни приемлет», Ангелина с сыном Иоанном стала владеть Сремом (Сирмией), переданным им венгерским королём, где центром зависимого сербского княжества сделался город Купиник. После смерти Иоанна (Ювана) король передал Срем другому деспоту «по племени своему господствовать», тогда как Ангелина с другим сыном, Георгием, принявшим в иночестве имя Максима, перешла к валашскому воеводе

¹„Сношения России...“, ч. 1, стр. 15, 18, 19, 20.

Иоанну Радулу, унеся с собой гробы Стефана и Иоанна, признанных святыми¹.

Так сербские летописи поясняют нам неясный текст грамот, записанных в посольских книгах.

О роде Ангелины написал интересную статью сербский историк Иларион Руварац, утверждающий, что Ангелина была дочерью албанского князя Аранита или Арианита Комнина², имевшего трёх сыновей и восемь дочерей. Одна из дочерей была замужем за албанским вождём и героем Скандербегом.

Для истории сношений русских с южными славянами не совсем безразлична дальнейшая судьба Ангелины и её детей. Внук сербского деспота Юрия Бранковича — Максим, постриженный в монахи, уже в 1503 г. был приглашён занять Угровлахийский митрополичий престол. Это произошло при воеводе Радуле IV. При его преемнике Михне I (1508—1510) митрополит возвращается в Срем в основанный им здесь Крушедольский монастырь, но при господаре Негу Бессарабе (1513—1518) снова был приглашён в Угровлахию. Максим скончался в 1516 г. в Крушедоле, куда возвратился из Валахии³. Эти переходы, повидимому, были связаны с политическими переменами в отношениях между Венгрией, Валахией и Турцией. Может быть, Максим пытался сделать Белградскую митрополию опорой для сохранения сербского влияния на территории подвластной Венгрии, пока Белград ещё не был взят турками.

Действительно, есть указание на то, что дети Ангелины претендовали на роль последних сербских деспотов. Иларион Руварац указывает на евангелие, написанное в Сланкамене (Среме) «в дъни благочъстивыхъ и христолюбивыхъ деспотъ сербскихъ Юрья и Ивана и матере ихъ Ангелины и отца ихъ... Стефана». Дата и само содержание записи неясны и, возможно, переданы в испорченном

¹ См. Л. Стојановић, Стари српски родослови и летописи, стр. 42—43.

² См. Сборник Илариона Руварца, т. I, Београд 1934, стр. 36—40.

³ См. Е. Голубинский, Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской, М. 1871, стр. 357.

виде, но интересно указание на то, что запись писал Елисей, дьяк из Подольского Каменца, т. е. с Украины. С этим вполне согласуется другая надпись, уже более несомненная, на «Толковом Апостоле», в Хиландарской лавре на Афоне. Апостол переписал «Андрей русин из града Санока (в Галиции. — М. Т.) повелением попа Гюрга протопопа Сланькаменского»¹. Эти связи последних остатков полузависимой Сербии с Украиной объясняют нам дальнейшую родословную потомков Стефана и Ангелины. Деспот Иован был женат на Елене Якшич. От этого брака родились три дочери: одна из них вышла замуж за волошского воеводу Петра, другая за князя Ивана Вишневецкого, третья за князя Фёдора Владимирского. Так перед нами выясняются пути появления отпрысков сербских знатных родов на Украине.

Елена Якшич, видимо, прочно основалась на Украине и притом не одна. Её сестра Анна вышла замуж за другого украинского магната — князя Василия Львовича Глинского. От этого брака родилась Елена Глинская, мать Ивана Грозного.

В так называемом «Руварчевском родословце» (в Карловицкой патриаршей библиотеке), написанном между 1712 и 1725 гг., читаем следующие строки о роде Якшича.

«Якшичи беху больши велможи у царь и у кралеви и у воиводи србскихых даже и до деспоть, и от племени их и от родовь ведеше се кралевскаго. Стефань воевода роди Марка воеводу и Стефана и три дащери: кнегиню Глинскую и Елену деспотицу и Ирину госпожду, иже бисть за мужемь за херцегомь господаремь Миклеушемь Баошинемь на западнемь поморию, и роди са нею Николу херцега, инначе жив в удое своемь, и вельми храбарь, и добродань собою.

Втора же дащи Стефана Якшича кнегиня Анна, иже ю поеть за себе кнезь Василие Львовичь за Литовскому кралевству. И роди кнезь Василие и кнегиня Анна велику кнегиню Елену. По томь благоверний господарь кнезь Василие Ивановичь самодржаць васен Русии поеть себе супружницу великую кнегиню Елену и роди от нее

¹ Сборник Илариона Руварца, т. I, стр. 386—387.

два сина: цара и великаго князя Ивана, самодръжца васеи Руси, по истине великаго Константина, еже ваздвиге новаго и възкреси венаць царски васега новаго Израиля и поискавъ древняго васега отечаскаго наследия и благолепия. Понеже прежде Елена царица сръбскаго роди цара Константина благочестиваго васем грекомь, на последакъ же втора Елена царица, велика княгиня сръбска, роди цара и великаго князя Ивана Васильевича самодръжца васеи Руси, надежду васега новаго Израиля. И втораго роди сина князя Георгия, иже и почи о господи. По томь третиа дащерь Стефана воевода Якшића, сестра Аннина, княгине Глинской, бисть за деспотомь Иоаннемь, сръбскимь господаремь, яко же више рехомь о ней зи. Потомь Марко воевода син стараго воеводе Стефана Якшића, беше благообразань и васакимь благочестиемь украшень, том же родань беше брать княгине Глинской. И он оженивь се от Венеции и роди трии дащери и сына, и онь почи о господи и са сыномь его. А ина же госпожда его Поликсения и с трими дащери обладаеть землею и градовими даже и до послединыхъ в Угорской земли и проча»¹.

Приведённое «Родословие» носит все черты достоверности и осведомлённости автора и было составлено ещё при жизни Ивана Грозного, но уже после смерти его брата Юрия, скончавшегося в 1563 г. По всем данным «Родословие» написано в Крушедольском монастыре, основанном митрополитом Максимом, и является памятником весьма любопытным по своей направленности.

Вместе с тем оно нам освещает по-новому брак Василия с Еленой Глинской. Мы видели выше, что Василий одарил дарами Ангелину и её сына митрополита Максима. Следовательно, он не мог не знать о происхождении матери своей второй жены, княгини Глинской. Вступая в брак с Еленой, великий князь получал возможность связаться с многочисленной южнославянской роднёй своей молодой жены. Таким образом, этот брак вовсе не был прихотью стареющего Василия, а имел некоторые политические последствия.

¹ Л. Стојановић. Стари српски родослови и летописи, кн. XVI, стр. 56—57.

Здесь мы находим объяснение и тому волнению, которое известие о браке Василия с Еленой вызвало на Афоне.

Сохранилась выпись о втором браке Василия Ивановича, осуждающая его развод с первой женой Соломонией Сабуровой и брак с Еленой Глинской. В другой своей статье мне довелось доказать происхождение этого памятника из Серапонтанского монастыря на Афоне, а также реальность рассказа выписи о спорах в афонских монастырях по поводу развода. Споры происходили при протее афонских монастырей Гаврииле, названном в одном списке выписи Мстиславичем. По одной записи «приведоше се Гавриилом священномонахом и препротом Святие Гори от грчские книги в србскую»¹. Значит, Гавриил был сербом, дал книгу в сербскую Хиландарскую Лавру и был протом в 1535 г., а споры о разводе происходили за десять лет до этого. Часть афонских монахов яростно возражала против развода, и в их числе был знаменитый Максим Грек, живший в это время уже в Москве. Выпись, а вслед за ней и Курбский уверяют, что монахи выступали против развода только по чисто церковным мотивам, но есть основание думать, что основа споров лежала глубже. Афонские старцы, естественно, могли опасаться перемены московской политики по отношению к Турции, вследствие возникших связей московского великого князя с сербскими владетельными родами. От этого пострадали бы афонские монастыри. Могла быть и другая, менее важная причина — боязнь греческих монахов большей поддержки интересов южнославянских монастырей на Афоне со стороны Василия в ущерб греческим. Можно не верить обвинениям против Максима Грека в том, что он посылал грамоты к турецкому паше с призывом воевать русские земли, но нельзя отвергать, что ревность Максима Грека в деле о разводе Василия III была основана не только на чисто принципиальных основах.

Надеждами на изменение русской политики по отношению к Турции объясняется посольство в Москву тотчас

¹ Л. Стојановић, Стари српски записи и натписи, кн. III, Београд 1905.

после брака Василия III с Еленой папы Климента VII в 1526 г., с призывом к войне с турками¹. Что родственные связи русских государей прекрасно учитывались на Западе, известно по сношениям России с Синаем. В 1516 г. в Москву приехал старец Климент и привёз грамоту от игумена монастыря святой Екатерины на Синае, Даниила. С тем же старцем пришла грамота от деспота Карла, который подписался так: «сестричичь и сын царствия твоего, Карл, Деспот Артский и Сербский». Арта (Амбракия) в северной Греции была довольно значительным пунктом. Синайский старец, значит, по дороге заезжал к Карлу, а это объясняет нам, почему Климент поехал обратно из Москвы в Синай через Новгород и Данию². Имя сестричичь, каким себя называет Карл, указывает на его родственные связи с матерью великого князя Софией Палеолог. Между тем русские летописцы проходят мимо многих фактов, которые могли бы объяснить неясные места в нашей истории. Так, указание «Родословца» на женитьбу князя Ивана Вишневецкого на дочери сербского деспота Иована вскрывает нам мотивы перехода его сына, Дмитрия, на сторону Москвы, так как Дмитрий также оказался в родстве с Иваном Грозным. В 1557 г. князь Дмитрий Вишневецкий, сын названного Ивана, перешёл на службу к московскому царю³. Этот переход ничем не мотивирован в наших исторических источниках; между тем он приобретает новый смысл в свете приведённого «Родословия». Вишневецкие были не только родственниками Глинских, но и обладали владениями в непосредственной близости от них. Таким образом, в движении на юг против Крыма была заинтересована влиятельная царская родня по матери. Вишневецкие оказались в Москве по родству с Глинскими, так как Иван Вишневецкий и Василий Глинский были женаты на родных сёстрах. Поэтому спустя полвека появление Дмитрия Самозванца в Гоше у Вишневецких могло быть делом не только случая, но и прямого расчёта. Самозванный

¹ См. *Н. М. Карамзин, История государства Российского*, т. VII, изд. 2-е, Спб. 1819, стр. 141.

² См. «Сношения России...», ч. 1, стр. 33—39.

³ См. *С. М. Соловьев, История России*, кн. II, стр. 103—1

царевич появился не просто у польского магната, а у отдалённого царского родственника.

Оказавшись в родстве как с византийским царственным домом последних Палеологов, так и с сербскими деспотами, Иван Грозный занял особое положение на Ближнем Востоке. Мы видели, как «Родословие» называет Ивана надеждою всего нового Израиля, который воскресил венец царский. Речь идёт, конечно, не только о русском царском венце, а и о венце греческом и сербском.

В конце XVI в. тот же взгляд на русского царя, как наследника древних православных царей, проводится в деле о приезде в Москву тырновского митрополита Дионисия по случаю учреждения патриаршества в России. Соборная грамота от константинопольского патриарха Иеремии гласила, что патриаршество учреждается в России потому, что «один только на земле ныне Царь великий и православный»¹. В другой грамоте Иеремия писал «самодержавному, святому Царю нашему, всея Руси»², употребляя титул «святой», применявшийся ранее по отношению к византийским базилевсам.

Тырновский митрополит Дионисий не отмечен в числе южнославянских иерархов в книге у Е. Голубинского³, а между тем его приезд в Россию имел, видимо, не только церковное, но и политическое значение. Дионисий говорил, что он был из рода византийских императоров Кантакузинов и Палеологов, что подтверждалось патриархом Иеремией. Позже, в 1603 г., тот же Дионисий был в Москве в качестве посла императора Рудольфа II для переговоров о «великих делах, тайных Государевых»⁴.

Первый приезд Дионисия стоял в тесной связи с крупным освободительным движением, которое в это время охватило южнославянские страны. Во главе его стал упомянутый Дионисий. Это движение вылилось в 1594—1595 гг. в форму открытого восстания, и в Тырнове был провозглашён царём мнимый потомок болгарской династии

¹ „Сношения России...“, ч. 1, стр. 236.

² Там же, стр. 240.

³ См. Е. Голубинский, Указанное сочинение.

⁴ „Сношения России...“, ч. 1, стр. 305.

второго царства. Когда превосходящее по силам турецкое войско обрушилось на болгар, мнимый Шишманович с приверженцами спасся в Россию. Следует отметить, что восстание в Болгарии, поддержанное трансильванским воеводой Сигизмундом Баторием и валашским господарем Михаилом, происходило одновременно с войной русских с крымскими татарами¹. Среди беглецов из Болгарии надо предполагать Дионисия, иначе он не мог бы появиться в Москве в качестве посла Рудольфа — врага Турции. Это и было то «тайное дело», ради которого его послал император к русскому царю.

Сношения России с южнославянскими странами в XVII в. не только не уменьшились, но ещё больше усилились, о чём можно судить по большому количеству духовных лиц, приезжавших в Москву из балканских стран. Замечательней всего, что и в это время всякая попытка свергнуть турецкое владычество в южнославянских странах делалась с расчётом на русскую помощь. Так, в 1655 г. сербский архиепископ Гавриил ездил в Москву, но не получил ожидаемой помощи. Знаменитый Юрий Крижанич также пропагандировал освобождение славян с помощью России.

Ближние сношения русских с южными славянами в XVI—XVII вв. по-новому объясняют нам некоторые явления в культурной жизни Московского государства. Как известно, в 1564 г. Московский печатный двор выпустил первенца русской печати — «Апостол». Впрочем, название «первенец» может быть поставлено за этой книгой только условно, потому что существует несколько печатных книг, выпущенных московскими типографиями до 1564 г., только без выходных листов, т. е. без указания места и времени их выхода. По всем данным, московское печатание началось примерно в 1553 г., вскоре после взятия Казани, когда для вновь завоёванной страны понадобились церковные книги. Печатниками первых русских книг были Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец, русские по происхождению, но само печатное мастерство было заимствовано откуда-то с Запада.

¹ См. К. И. Иречек, Указанное сочинение, стр. 604—606.

Существование безвыходных московских изданий, вышедших ранее 1564 г., заставляет нас обратиться к изучению этих настоящих первенцев русского книгопечатания. По своим заставкам и украшениям они близки к венецианским и южнославянским изданиям. Московские печатные книги, как и южнославянские, не имеют титульных листов и сохраняют дорогую киноварь. Кроме того, верхнейшим указанием на южнославянскую или венецианскую традицию является то обстоятельство, что московские печатные мастера в XVII в. употребляли в своём мастерстве итальянские термины. В самом послесловии к первопечатному «Апостолу» 1564 г. читаем, что Грозный «начат помышляти, како бы изложити печатные книги, яко же в Греках и в Венеции и во Фригии», и ничего не говорится о немецких странах¹.

Приведённое выше «Родословие» Ивана Грозного поновому освещает пути проникновения печатного мастерства в Москву. Печатание славянских книг в середине XVI в. довольно интенсивно производилось в Сербии и Венеции. Центром книгопечатания в Сербии был Милешев монастырь, где иноки Мардарий и Феодор в 1544 г. напечатали «Следованную Псалтырь», а в следующем году диакон Дамиан и Милан выпустили «Молитвослов». Второе издание «Следованной Псалтыри» было выпущено в Милешевом монастыре в 1557 г. Другим центром печатания книг был Белград, где упомянутый ранее Мардарий в 1552 г. издал «Евангелие». Но особенно многочисленны были венецианские издания Божидача Вуковича. Как раз в типографии Божидача Вуковича в 1538 г. был издан «Соборник», заставки которого по типу и украшениям близки к московским безвыходным евангелиям². Оживление деятельности сербских типографий совпадает с началом московского книгопечатания. Теперь, когда мы знаем о родстве Ивана Грозного с сербскими владельческими

¹ См. М. Н. Тихомиров, Начало Московского книгопечатания, «Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова», вып. 41, История, т. I, М. 1940, стр. 81—95.

² См. И. П. Сахаров, Обзорение славяно-русской библиографии, т. I, кн. 2, Спб. 1899, стр. 9—11.

родами, этот факт уже не кажется совершенно случайным. Наша догадка о связи сербо-венецианской типографской деятельности с началом московского книгопечатания найдёт некоторое подтверждение ещё в одном факте. Известно, что первопечатник Иван Фёдоров был дьяконом собора Николы Гостунского в Кремле. В другой своей работе мною отмечалось, что Никольский собор играл роль центра просвещения в Москве в середине XVI в. Между тем в 1551 г. «смиранный в священно презвитере Иаков, бывшей протопоп Благовещенской, Николы Гостунского, а во иноцех старец Иосиф Чюдова монастыря» подарил толковое евангелие в Благовещенский монастырь «в сербьской земле во власти Босанской, глаголется Папратя», послав его с игуменом Григорием и братьею¹. Монастырь Попрача находился в северо-восточной Боснии².

Обычные представления, прочно сложившиеся в науке, рисуют сношения России с балканскими странами как сплошную цепь русских заимствований от южных славян и греков. Выше мы видели уже всю условность таких представлений даже для раннего периода сношений России с Болгарией и Сербией. Конечно, некоторые остатки древней культуры продолжали ещё привлекать внимание русских образованных людей к Ближнему Востоку, но основная струя заимствований в XVI—XVIII вв. идёт не с юга на север, а с севера на юг. На стороне русских оказывается значительный материальный перевес, к которому прибавляется ещё высокий авторитет России как единственного и к тому же могущественного славянского государства. Между тем в нашей литературе это великое влияние русской культуры на культуру сербскую и болгарскую почти не отражено, и здесь исследователю снова приходится идти ощупью, по нетронутой почве.

Влияние русской культуры на южных славян особенно сказывалось в области письменности и материальной культуры. В области письменности это прежде всего выразилось

¹ См. Л. Стојановић, Стари српски записи и натписи, кн. III, стр. 157.

² См. Л. Стојановић, Стари српски записи и натписи, кн. IV, Ср. Карловци 1923, стр. 52.

в появлении ряда русских книг в монастырях и церквях Балканского полуострова.

Значительное количество книг притекало из России в качестве подарков от царя или от частных лиц. Такие подарки делались и в XVI в., когда в афонские и другие монастыри дарились напрестольные евангелия и прочие книги. Но особенно они умножались в XVII в. в связи с развитием русского и украинского книгопечатания. В 1652 г. царь Алексей Михайлович дал в Хиландарский монастырь на Афоне напрестольное евангелие с соответствующей надписью¹. Около этого же года евангелие московской печати 1652 г. принёс «проигумен Неофит от Москвы з братиею»². Целый ряд таких печатных изданий с пометой о привозе их «от царствующего града Москвы» находим в сербских и болгарских монастырях³.

Уже с первой половины XVII в. вслед за московскими печатными изданиями в южнославянские страны притекали книги с Украины. Архимандрит Киево-Печерской лавры Пётр Могила подарил в Лепавинский монастырь печатное «Евангелие учительное»⁴. Митрофан Дионисович Мартианович дал в Хиландарский монастырь на Афоне книгу бесед Иоанна Златоуста киевской печати 1624 г.⁵ Печатную киевскую книгу 1631 г. в тот же монастырь привёз владыка Мардарий из Киева⁶ и т. д.

Духовенство, ездившее из южнославянских земель в Россию, кроме книг привозило различные церковные и бытовые предметы: сосуды, шитые пелены, ткани, одежду и т. д. Например, уже в 1509 г. белградский митрополит Феофан получил в подарок серебряный ковш «в три гривны весом». Старцы Пантелеймонова монастыря на Афоне, добиваясь от Ивана IV новой денежной помощи, настойчиво требовали прислать им вспомоществование или взять обратно церковные сосуды, видимо, присланные также

¹ См. Л. Стојановић, Стари српски записи и натписи, кн. IV, стр. 161.

² Там же, стр. 162.

³ Там же, стр. 175, 19.

⁴ Там же, стр. 148.

⁵ См. там же, стр. 143.

⁶ См. там же, стр. 142.

из Москвы. Непрерывный приток пожертвований из России отмечен неоднократно в южнославянских рукописях. Рашский митрополит Селивестр в записи на одной рукописи сообщает, что он в 1555 г. был послан в «велику Русиу ка благочастивому цару Иоану и светому Макарию митрополиту Московскому, и тамо принесох много добро и црковну красоту у Хиландарь»¹.

Надо иметь в виду, что производство драгоценных изделий церковного обихода — сосудов, плащаниц, воздухов, дорогих переплётков для книг — в России было сильно распространено, тогда как в порабощённых балканских странах оно могло производиться только тайно. Дело будущего выявить, какие старинные предметы искусства, хранящиеся в музеях балканских земель, являются произведениями местных мастеров, какие из них привезены из России в качестве царской милостыни, добротных подарков частных лиц или даже в качестве просто вещей, купленных на московских рынках. Количество «московских» предметов окажется, вероятно, довольно значительным и заставит глубже и по-новому рассмотреть вопрос о связях южнославянских стран с Россией. Пока укажем только один многозначительный факт, правда, относящийся к Молдавии. Роспись Сучавского монастыря в Молдавии, произведённая в 1578 г., как отмечает Н. Кондаков, «любопытна по тождеству многих её тем и иконографических композиций с афонскими и русскими стенописями XVI века»². В ней мы имеем, например, изображение Софии Премудрости божией в так называемом новгородском типе.

Связи России с южнославянскими странами в XVI—XVII вв. были предпосылкой ещё более тесных связей русских с южными славянами в более поздние века. Большим счастьем для славянских народов была эта взаимная поддержка в годы тяжких бедствий и разорений. Молодая неокрепшая русская культура в раннее средневековье нашла поддержку в Болгарии, опиравшейся на могучую

¹ Л. Стојановић, Стари српски записи и нагласи, кн. IV, стр. 56.

² Н. П. Кондаков, Указанное сочинение, стр. 206.

базу византийской образованности. В свою очередь Киевская Русь уже начала влиять на южнославянские земли, подчинённые Византии. После татарских погромов обнищавшая и разорённая Русская земля нашла опору в славянских странах, так же как с XV в. южные славяне находят помощь в мощном Русском государстве. Эти давние связи основаны на кровной близости языка, культуры и обычаев южных славян и русских. Они являются ярким примером братской поддержки народов, широкого обмена культурными достижениями, основанного не на завоевании или насилии, а на общности исторических судеб и взаимных интересов.

Академик В. И. Пичета

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ (1618—1683 гг.)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Среди первых южнославянских культурных и общественных деятелей, сторонников сближения славянских народов с Русским государством, был Юрий Крижанич, хорват по национальности, католический священник по своей профессии, человек широко образованный. Страстный защитник независимости славянских народов и их права на самостоятельное национально-культурное развитие, Юрий Крижанич привлекал к себе внимание многочисленных исследователей. Они стремились установить основные моменты жизни и деятельности славянского патриота, а также выяснить сущность его общественно-политического мировоззрения. Вопрос о том, кем был Юрий Крижанич, папским миссионером, сторонником церковной унии или провозвестником идеи славянской взаимности, в течение более полувека волновал исследовательскую мысль и вызывал острую полемическую борьбу.

Вероломное нападение фашистов на Советский Союз и славянские земли вновь оживило интерес к славянскому патриоту Юрию Крижаничу, не раз высказывавшемуся за необходимость сближения славян между собою для борьбы против немецкой агрессии.

1. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Юрий Крижанич родом хорват, «сербенин, из города Бихча»¹. Первоначальное образование он получил в иезуитской школе в Загребе (1630—1636). В течение двух

¹ С. Белокуров, Юрий Крижачич в России (по новым документам), М. 1902, стр. 53.

лет (1636—1638) он изучал философские науки в Граце, а затем осенью 1638 г. поступил в хорватско-венгерскую коллегию в Болонье, где продолжал изучать философские и другие гуманитарные науки¹. По окончании Болонской коллегии Крижанич по собственной инициативе поступил в греческую коллегию святого Афанасия в Риме. В коллегии, отличаясь большим прилежанием и скромностью, он тщательно изучал русский и греческий языки, а также греческий церковный обряд.

Из коллегии Крижанич вышел весьма образованным человеком, знатоком богословия и классической литературы, византийских хроник и философии с склонностью к филологическим занятиям. По сочинениям Поссевина и Герберштейна Крижанич ознакомился с Русским государством. Усердно работая, Крижанич в то же время был увлечён идеей более близкого знакомства с Россией. С этой целью в 1641 г. он подал секретарю Конгрегации пропаганды веры записку, в которой развивал план католической миссии в далёкой Московии, как тогда называли Русское государство². Крижанич надеялся устроиться при царском дворе переводчиком и наставником детей царя и этим приобрести его доверие. Русского царя он считал самым могущественным во всём славянском мире. Крижанич надеялся, что убедит царя пойти войной против турок — общих врагов христианства. Конгрегация пропаганды веры, однако, без восторга отнеслась к планам Крижанича, так как знала, что молодой миссионер проникнут любовью к славянскому русскому народу.

В записке 1641 г. нет и не могло быть отражения славянских планов Крижанича, но они не были чужды ему. Ведь уничтожение господства турок в Европе должно было неизбежно повлечь за собой национально-политическое возрождение славянских народов. К середине XVII в. значительная часть славянских народов находилась в

¹ См. P. Pierling, *La Russie et le Saint-Siège Études diplomatiques*, Paris 1907, p. 5; V. Jagić, *Život i Rad Jurija Križanica*, u Zagrebu 1917, str. 11—45.

² См. С. Белокуров, *Указанное сочинение*, Приложения, стр. 87—126.

зависимости от чужеземцев — турок или немцев. Оставались независимыми только Польша и Россия. Но Польша уже начала терять политическое значение и стала клониться к упадку. Только Русское государство было сильным и политически независимым.

Политически разъединённые и ослабленные славянские народы к тому же были искусственно отделены друг от друга ещё и религиозными разногласиями. Болгары, сербы, русские, белоруссы и украинцы были православными и крепко держались за свою веру, символ их народности. Остальные славяне были римско-католического вероисповедания.

Папство стремилось к введению унии раньше всего в Белоруссии, Украине и Русском государстве, причём возлагало особые надежды в этом отношении на Польшу, через которую могло осуществлять свою политическую миссию на Востоке. Но польская агрессия при Стефане Батории и Сигизмунде III потерпела неудачу, а Русское государство осталось независимым, хотя и лишилось временно части своей территории. Несмотря, однако, на постигшую неудачу, папство не отказывалось от своей религиозной политики по отношению к России, возлагая свои надежды попрежнему в первую очередь на Польшу, при помощи которой надеялось осуществить церковную унию. Крижанич предлагал другой путь. В своей записке он объявлял, что не считает москвитян за еретиков или схизматиков, а просто за христиан, введённых в заблуждение. Поэтому Крижанич предлагал отправиться к ним с целью их просвещения и увещевания, побудить их к занятию науками, и тогда не трудно будет указать им их заблуждения.

Справедливо отметил П. Бессонов, что Юрий Крижанич понимал унию шире, чем римская церковь. Для Крижанича уния — отнюдь не подчинение православия католичествому, а полное единство церквей, основанное на взаимной проверке и установленное на соборе. Конечно, подобный взгляд на сущность унии был неприемлем для папства. Вполне понятно, что записка Крижанича 1641 г. была Конгрегацией пропаганды веры оставлена без ответа. Папство и Юрий Крижанич по-разному относились к

русскому народу. Доминиканский миссионер Орсини, вернувшись из Персии в 1621 г., признавал, что в России без воздействия извне нельзя осуществить унию¹, тогда как Крижанич, относясь с симпатией к русскому народу, надеялся осуществить церковную унию мирным путём.

По окончании коллегии святого Афанасия Крижанич был отправлен на родину, но мечтал о Москве и страстно стремился побывать в ней. В 1646 г. папская курия откомандировала Крижанича в Смоленск к епископу Парчевскому для помощи в пропаганде унии. Но епископ Парчевский был агрессивным католиком и не интересовался унией, поэтому Крижанич пребыванием в Смоленске не был удовлетворён. Своё настоящее предназначение он продолжал видеть в миссии в Москву.

В 1647 г. Крижаничу удалось вместе с польским посольством попасть в Москву, где он оставался в течение двух месяцев. Во время пребывания в Москве Крижанич познакомился с «Кирилловой книгой», направленной против римской церкви и католического духовенства. «Бесстыдные выдумки» этой книги возмутили Крижанича, и он задумал написать на неё опровержение. С этой целью Крижанич предполагал отправиться на два года в Рим, но папская курия только через три года удовлетворила просьбу Крижанича². Впрочем, работа Крижанича в Риме над опровержением ограничилась лишь переводами из «Кирилловой книги» и других сочинений подобного типа.

В Риме Крижанич вновь обратился к Конгрегации пропаганды веры с просьбой о разрешении поездки в Москву, но получил отказ. Конгрегация пропаганды веры не доверяла Крижаничу, называя его «путаным человеком и сумасбродом». В октябре 1657 г. Конгрегация всё же дала разрешение на поездку, но 28 января 1658 г. оно было отменено папой, который предпочитал оставить в Риме этого трудолюбивого работника³.

¹ См. E. Šmurlo, *Le Saint Siége et l' Orient orthodoxe Russe 1609—1654*, Prague 1928, p. 78.

² См. E. Šmurlo, *op. cit.*, p. 158; P. Pierling, *op. cit.*, p. 21—23.

³ См. V. Jagić, *op. cit.*, str. 83—96; P. Pierling, *op. cit.*, p. 23.

В марте 1658 г. Крижанич вновь поднял вопрос о поездке в Москву, но и на этот раз его просьба не была удовлетворена. Тогда Крижанич решил отправиться в Москву без разрешения с целью пойти к «русским братьям», добиться прекращения войны с Польшей и сказать царю: «Ты реку един, о царю, сада нам еси от Бога дан, да и Задунайцем, и Ляхом, и Чехом пособишь: да учнут познавать утиски и остуды своя, и об осветлению народа промыслять, и Немецкий ярем из вратов зметать»¹. «Юрий Крижанич был славянским патриотом и мечтал не об одном только политическом единстве славянских народов и не об единстве языка только, но о полном совершенном их единстве, значит и о единстве веры»². Несомненно, Крижанич был искренен в своих чувствах в отношении славянства. Эти чувства и определили цель его поездки в Москву.

Прибыв в Москву кружным путём через Украину, Крижанич должен был умолчать о своём патерстве, просто назвав себя «выходец-сербинин Юрий Иванович», так как в противном случае хорватский патриот был бы выслан обратно.

В Москве Крижанича ожидало много непредвиденных затруднений. Стремясь занять в Москве прочное положение, он по приезде добивался получить официальное поручение написать «историю правдиву и совершенну сего царства» — «быти историком летописцом вашего царского величества и под сим именем служить»³. Кроме того Крижанич предлагал издать в исправленном виде «Острожскую библию»⁴. Но все эти предложения остались нереализованными; Крижаничу лишь было предложено заняться составлением славянской грамматики и лексикона.

В начале 1661 г. Крижанич был сослан в Тобольск, где и прожил 15 лет, получая ежегодно на содержание

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, М. 1860, стр. 115.

² В. Вальденберг, Государственные идеи Крижанича, Спб. 1912, стр. 55.

³ С. Белокуров, Указанное сочинение, стр. 89.

⁴ См. V. Jagić, op. cit., str. 113—114.

90 рублей¹. До сих пор не удалось окончательно выяснить причину ссылки Крижанича.

Отправляясь в Московию, Крижанич намеревался выполнить несколько очередных задач, касавшихся славянства: 1) обработать славянский язык, который в настоящее время «прехудо есть осквернен, смятен, извращен, и мало не весь до конца изгублен», 2) «историю годну справить», в которой «бы был затомлен и преконан (уничтожен. — В. П.) Немецкий зазор, со своими потворами и скаредными хулами», 3) «обманы инородников познать», а «особито како лудят (дурачат. — В. П.) и прехитряют ежедень сие преславное царство»². С горечью писал Крижанич о том, что в Москве не поняли цель его приезда: «Меня называют скитальцем, бродягой: то неправда. Я пришел к царю моего племени, пришел к своему народу, в свое отечество, в страну, где единственно мои труды могут иметь употребление и принести пользу, где могут иметь цену и сбыт мои товары — а разумею словари, грамматика, переводы»³.

В Москве Крижанич встречался с представителями белорусского и украинского богословско-схоластического просвещения — Епифаном Славинецким и Симеоном Полоцким, а также с боярами — Борисом Ивановичем Морозовым и Фёдором Михайловичем Ртищевым — сторонниками европейского просвещения в России⁴. Но и это высокое покровительство не спасло его от ссылки.

Только после вступления на престол царя Фёдора Алексеевича Крижанич получает возможность вернуться в Москву и при содействии боярина Артамона Сергеевича Матвеева, ведавшего Посольским приказом, уехать из России⁵. В 1678 г. Крижанич вместе с датским посольством выехал из России в Литву, где в одном из доминиканских монастырей в Вильне принял монашество.

Но и монашеская жизнь не внесла успокоения в взволнованную душу Крижанича. Он намеревался вернуться в

¹ См. С. Белокуров, Указанное сочинение, стр. 126.

² „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 2—3.

³ Там же.

⁴ См. С. Белокуров, Указанное сочинение, стр. 96, 101.

⁵ См. там же, стр. 163.

Рим, но капитул Доминиканского ордена в 1681 г. отклонил его просьбу. Тогда Крижанич сбросил с себя монашеское платье и самовольно покинул монастырь, за что был приговорён к заключению в одном из отдалённых монастырей. Даже позднее, когда Крижанич получил разрешение вернуться в Рим, доминиканцы пытались его задержать¹. Уехать ему всё же удалось, но «вечного города» Крижанич вновь так и не увидел. Он умер в 1683 г., находясь в польской армии Яна Собесского, пришедшего на помощь Вене, осаждённой турками. Так трагически окончил свою жизнь великий славянский патриот.

II. КРИЖАНИЧ — УЧЁНЫЙ И ФИЛОСОФ

Литературное наследство Крижанича довольно велико и насчитывает до 30 известных трудов². Научно-литературная деятельность Крижанича началась ещё в коллегии святого Афанасия в Риме, но основные его труды приходятся на тобольский период его жизни.

В 1658 г. им были написаны: «Статьи, описанные из Львова до Москвы»³. В тобольской ссылке начат Крижаничем замечательный труд «Политика» или «Разговоры об владательстве». Там же написаны сочинения: «О промысле», «Об свете крещению»⁴, «Обличение на Соловецкую Челобитну»⁵, «Грамотично изказание об Руском незыку»⁶, «Объяснение виводно о писме Словенском»⁷, «Толкование исторических пророчеств»⁸. В Вильне Крижаничем написана на латинском языке «Historia de Sibiria»⁹. В «Объяснении» Крижанич высказывает верную мысль

¹ См. П. Пирлинт, Новое о Юрии Крижаниче, „Русская Старина“ 1901, февраль, стр. 382.

² См. V. Jagić, op. cit., str. 219—223.

³ См. С. Белокуров, Указанное сочинение, Приложения, стр. 33—38; „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1890, кн. 4.

⁴ См. „Чтения ОИДР“, 1892, кн. 3.

⁵ См. „Чтения ОИДР“, 1893, кн. 2.

⁶ См. „Чтения ОИДР“, 1848, кн. 1; 1859, кн. 4.

⁷ См. „Чтения ОИДР“, 1891, кн. 1.

⁸ См. Собрание сочинений Юрия Крижанича, вып. II, М. 1891.

⁹ См. А. Титов, Сибирь в XVII веке, Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях, изд. Г. Юдина, М. 1890.

о существовавшем в прошлом едином славянском языке и даёт ряд разумных соображений об изменении славянской орфографии, которые не всегда можно одобрить, но вместе с тем они показывают, что Крижанич был «мыслящим человеком»¹.

Основной труд Крижанича — «Политика» или «Разговоры об владательстве» — целая энциклопедия разнообразных сведений, показывающих большую начитанность и образованность Юрия Крижанича.

Историк и политик, Крижанич использовал в своём труде огромный запас приобретённых им знаний по разнообразным вопросам, дополненных впоследствии изучением русских летописей, хронографов и других сочинений русского происхождения.

В своей историко-философской работе Крижанич держится сравнительно-исторического метода, широко пользуясь конкретным историческим материалом для подтверждения своих положений. Крижанич выступает в «Политике» как богослов и историк церкви, политик и дипломат, государствовед и историк, философ и моралист. Нет, кажется, таких вопросов в области гуманитарных знаний, которые не были бы известны Крижаничу и которых он не коснулся бы в своей «Политике». Эта широта кругозора и огромные сведения по разнообразным вопросам обращают на себя внимание исследователя. Крижанич превосходно знает Библию, Евангелие и отцов церкви. Он ссылается на Гомера, Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Полибия, Цицерона, Ливия, Флора, Вергилия, Курция Руфа и др. Ему хорошо известен флорентийский политик Макиавелли. Он знает труды иностранных писателей о России. Он знаком с работами французских и венецианских историков. Часто в отдельных своих суждениях Крижанич идёт впереди своих современников.

Крижанич всегда стоит на почве конкретного факта, преломлённого, однако, в призме определённого историко-философского мировоззрения, которое не раз у него двоятся, поскольку Крижанич — историк не мог освободиться от философии, навязанной ему Крижаничем — богословом,

¹ V. Jagić, op. cit., str. 259.

и в его «Политике» можно встретить немало суждений, находящихся в полном противоречии с его богословской философией. Исторические явления объясняются то теорией причинности, то вмешательством промысла божия в мировую историю¹. Всё время Крижанич говорит о процессе круговращения в жизни государств, предваряя в своих высказываниях теорию Вико. Крижанич не раз упоминает о том, что сила и могущество государства зависит от его богатства, т. е. от состояния его производительных сил и хорошего законодательства «добрых законов»².

Таков Крижанич — историк-эмпирик, искавший объяснения исторических событий в законах причинности и вместе с тем не могший порвать с богословской концепцией.

III. ОСНОВНАЯ ИДЕЯ КРИЖАНИЧА

Известные нам сочинения Юрия Крижанича разделяются на две группы: одни из них написаны в России, другие за её пределами. Нельзя не отметить, что «обе эти группы сочинений одна другой противоречат», но из этого противоречия не следует делать вывода, будто Крижанич был искренним в сочинениях, написанных за пределами России, и неискренним в произведениях, написанных в России³. Вопрос об искренности или неискренности Юрия Крижанича — вопрос субъективный, к тому же недоказуемый, и поэтому должен остаться вне поля зрения исследователя. Анализ его взглядов и суждений, рассмотренных в хронологическом порядке, является единственно правильным методом. В этом случае отпадает психологический вопрос об искренности мнений Юрия Крижанича, высказанных им в разные периоды его жизни.

Юрий Крижанич начал свой жизненный путь с поступления в коллегию святого Афанасия в Риме, преследовавшую определённые миссионерские задачи. Вполне понятно, что пребывание в коллегии должно было наложить опре-

¹ См. В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 37—39.

² „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, М. 1859, стр. 5, 7.

³ См. В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 24.

делённый отпечаток на мировоззрение Крижанича в его первоначальной стадии. Оно отражено в записке, поданной им в Конгрегацию пропаганды веры в 1641 г. В ней Крижанич высказывает своё желание проникнуть в Москву через Валахию и Константинополь с послом великого князя и с купцами, но «я не желал бы, — говорит Крижанич, — направляться в территорию или область, подвластную князю, прежде, нежели бы был призван им»¹. Записка 1641 г. в известной степени проникнута духом миссионерства в пользу католической церкви.

Выражая желание содействовать национальному пробуждению славян, Крижанич даже не упоминает об унии. Правда, в письме от 8 марта 1650 г. к секретарю Конгрегации пропаганды веры Массари Крижанич пишет: «Что касается меня, то у меня нет большего предмета желания, как постоянно служить св. конгрегации на пользу народов моего племени, почти повсюду зараженного греческой схизмой»².

Однако Конгрегация пропаганды веры стремилась держать Крижанича вдали от России. Только после настойчивых просьб он был направлен в Смоленск к епископу Парчевскому, где «вы можете лишь дать, — писал Крижаничу кардинал Коппони, — упражнение вашему милосердию»³.

Проездом в Смоленск Крижанич встретился в Варшаве с московским дипломатом Герасимом Дохтуровым. В беседе с ним Крижанич следующим образом объяснял причину своей поездки в Смоленск: «мой народ иллирийский, будучи весь подчинен туркам, немцам и итальянцам, и язык свой собственный не только смешал с языками названных народов, но почти и совсем потерял. Весьма скорбя об этом, я всегда трудился над обработкой этого языка и доселе желаю трудиться. Но чтобы совершеннее достигнуть этого и чтобы познать все свойства иллирийской речи, я счел необходимым познать главные ее наречия... Сюда пришел, чтобы научиться польскому и русскому;

¹ С. Белокуров, Указанное сочинение, Приложения, стр. 120.

² В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 26.

³ С. Белокуров, Указанное сочинение, стр. 64.

но среди всех наиболее желаю выучиться вашему московскому: ибо он кажется мне главным среди прочих наших, в том отношении, что вы одни из всего нашего племени имеете природного государя и все дела государственные и церковные ведете на собственном языке»¹.

Добиваясь получения охранной грамоты для свободного въезда в Россию, Крижанич говорил: «Я же не могу быть опасен для светлейшего государя, ибо, во-первых, дерзну присягнуть, что прихожу не для каких-либо разведок и никем не подушенный, не посланный, но по собственному побуждению и желанию безо всякого намерения вредить. Кроме того, так как государь — нашей крови и языка, то я более желаю служить ему, чем какому-либо другому государю»². В дальнейших беседах с московским послом Крижанич ещё подробнее рассказывал ему о том, чем может быть полезным государю.

Эти беседы очень интересны. В них совершенно отчётливо высказана славянская идея, которая впоследствии становится основой его мировоззрения. В этом свете записка 1641 г. в известной степени является попыткой осуществления плана проникновения в Москву и поступления на службу к царю. Новое в них — отчётливо выраженная славянская идея. Она занимает особое место и не имеет никакого отношения к планам миссии Крижанича.

Несомненно, в течение длительного периода с 1641 по 1658 г. Крижанич был связан с Конгрегацией пропаганды веры. В центре его внимания в это время — миссия в Москву, славянская идея остаётся в тени. Это вполне естественно, потому что Крижанич не мог открыто высказывать в Конгрегации пропаганды веры те суждения, которые он высказывал при встрече с Дохтуровым.

Крижанич до конца своих дней оставался католиком, но его католицизм был только системой религиозных верований, чуждой агрессии Конгрегации пропаганды веры. Помимо этого и самый католицизм не был уже ортодоксальным. Крижанич позже разошёлся с Римом по ряду принципиальных вопросов. Эти расхождения наметились

¹ С. Белокуров, Указанное сочинение, стр. 67.

² Там же.

давно. Уже в известной промиссионной записке 1641 г. Крижанич отказывался признавать москвитян «еретиками» и «схизматиками». Миссионерские цели — это было в прошлом. В настоящем Крижанича увлекала славянская идея — национально-культурное и политическое возрождение порабощённых славянских народов. В его глазах они были христианами, но только введёнными в заблуждение. Подобное суждение о православии русских было весьма существенным разногласием со взглядами Конгрегации пропаганды веры, и вполне понятно, что последняя не могла полностью доверять воспитаннику коллегии святого Афанасия. Позже эти разногласия стали ещё более существенными. Крижанич расходился во взглядах на разделение церквей с официальной теорией Рима. Для Крижанича разделение церквей — только результат соперничества Рима и Константинополя. Мало того, он считает, что разделение церквей принесло величайший политический вред славянским народам. Крижанич уверен в том, что, если бы не церковные раздоры, Литва и Польша были бы давно за великими государями русскими. Относясь сочувственно к православию, Крижанич хвалит русских за то, что они сохраняют чистоту веры, не допускают проникновения ересей и строго соблюдают церковные обряды. Крижанич считает православие одной из опор русского государственного порядка¹. В рассуждениях «Об свете крещению» и в «Толковании исторических пророчеств» Крижанич полагает, что западная и восточная церкви отличаются одна от другой меньше, чем раскол от православия².

Крижанич относится враждебно к деятельности иезуитов. Считаая излишним привлечение их к обучению юношества, он утверждает, что иезуиты обучают недобросовестно³.

Крижанич выступает против учения католической церкви о верховенстве папской власти над светской, так как «никто не имеет области наряжать кралестов, или

¹ См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 233.

² См. В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 29.

³ См. там же, стр. 29—30.

поставлять кралев, неже единый Бог. Не царь Римский, не папа»¹.

Крижанич раскрывает различного рода злоупотребления греческого духовенства в России, но вместе с тем он объективно отмечает, что в подобных злоупотреблениях виновато и римско-католическое духовенство. Эти злоупотребления были так сильны, что «ради того ся воздвигну Люторская и Кальвинская ересь»². Но Крижанич выступает и в защиту римско-католической церкви. В работе «Об светом крещеню», высказываясь против второго крещения, которого в Москве требовали от католиков, принимавших православие, он доказывает свои взгляды ссылками на многочисленных церковных писателей, соборные постановления и канонические правила. Все эти суждения Крижанича были высказаны им в сочинениях, написанных в московский период его жизни. Поэтому мы имеем полное основание утверждать, что идея церковной унии в московский период его жизни для Крижанича была уже пройденным этапом. Она уступила место идее славянского единства, развития славянского возрождения и самосознания.

Крижанич определял единство славянства как единство языка, единство культурное, экономическое и политическое³. Однако осуществлению этого единства препятствовало то, что одна часть славян принадлежала к православному вероисповеданию, другая часть — к католическому. Крижанич был сторонником религиозного единства славян, которое могло быть осуществлено, однако, не методами Конгрегации пропаганды веры. Крижанич отнюдь не считал возможным принудить одних славян отказаться от своей веры в пользу католичества, а других — в пользу православия. Надо было сохранить особенности религиозного вероисповедания славян, но в то же время уничтожить рознь между ними и этим содействовать их объединению.

Восстановление религиозного единства славян, по мнению Крижанича, должно быть актом вполне добровольным

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 353.

² Там же, стр. 207.

³ См. В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 35.

и исходить от самих верующих. Единство же церковей Крижанич понимал «не как подчинение православия католичеству, а как полное единство церковей, основанное на взаимной проверке и установленное на соборе»¹. Правда, это была бы церковная уния, но весьма далёкая от унии, которую готовила Конгрегация пропаганды веры. Значит, и в этом вопросе Крижанич разошёлся с агрессивной политикой папской курии.

IV. «ПОЛИТИКА» КРИЖАНИЧА

Две основные идеи положены в основу «Политики» Крижанича: будущее славянства вообще и Русского государства в частности. Все остальные вопросы, затронутые Крижаничем в «Политике», тесно связаны с этими двумя основными проблемами. При таком взгляде на «Политику» Крижанича этот хаотический и не вполне обработанный труд становится единым по своему замыслу. В богатстве содержания «Политики» раскрываются глубина и оригинальность мысли Крижанича и его удивительная начитанность и осведомлённость.

Исторические экскурсы, характеризующие положение славянства и Русского государства, указания на отдельные отрицательные стороны жизни славянства в прошлом и настоящем полностью раскрывают социально-политическую и экономическую программу Крижанича, его отношение к Русскому государству, которому он отводит такую видную роль в истории национального возрождения славянских народов.

Все славянские народы — русские, поляки (ляхи), чехи, болгары, сербы и хорваты были в прошлом политически самостоятельными, имели «домородных кралев ильти владателей»². Но настоящее положение их очень тяжёлое. Сначала упали «Задунайски Словенцы», а затем «Чехи и наипосле да недавно и Ляхи, в одинаково окаянство со Задунайцы, есуть упали»³. Из всех славянских народов

¹ В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 34.

² «Русское государство в половине XVII века», ч. II, стр. 2.

³ Там же, стр. 116.

сохранил свою независимость и язык только русский народ. «Остальные все Словенцы есуть подвержены чужим народам»¹.

Главными виновниками политического упадка славян являются немцы, которые «ухватили королевскую высоту во Вугрех, в Чехех, в Ляхех, в Литве, и инде»².

Крижанич также упоминает о гибели от немцев прибалтийских славян. Такие города, как Гамбург, Любек, Гданск, Рига, которые в настоящее время являются немецкими, «негда давно Словенски были»³. Все эти города «суть пригожа места к торгованию»⁴. Немцы отогнали славян «от моря, и от великих судоносных рек, в широкое поле земли орать загнали»⁵.

Крижанич не думает, чтобы полабско-прибалтийские славяне стали вновь самостоятельными, так как «верло (очень. — В. П.) ретко ся удает, дабы ся кий народ опять повернул к оным державам, коя е когда загубил: а навластити (в особенности. — В. П.), аще суть сильному неприятелю в руки упали»⁶.

С горечью вспоминает Крижанич о том, что «смо ся дали преодолеть едиными беседами, без всякого оружия» и кроме того «допустили смо си наряжать (устраивать. — В. П.) крачества, и поставлять кралев, от Немцев и от Греков», хотя они не имели «никаковыя области (власти. — В. П.) над нами»⁷. Они (немцы) «наряжают нам крачества, и поставляют нам кралев, и дают нам королевска имена»⁸. Крижанич считает позором для народа, когда он управляется иностранцем, но всё же лучше, если «кто будет оружием преодолен, неже да ся даст облудными речми пребаять, на радовально поднятие остудного ярма чужевладства»⁹. Поэтому меньше стыда должны испытывать «Задунайцы (болгары, сербы, хорваты), которые «ору-

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 2.

² Там же, стр. 155.

³ Там же, стр. 116.

⁴ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 216.

⁵ Там же.

⁶ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 116.

⁷ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 183.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 196.

жием обсилены терпят ярем Турский и Немецкий», чем ляхи, которые добровольно «толико кралев инородных сискаша, из Вугров, Литовцев, Французов и Немцев»¹. Виноваты и русские, так как они сами распространяли легенды, будто они «Варягов упрашали на господство... а затем Владислава Ляшского, и Филипа Сведского»².

Крижанич отмечает весь вред для славян немецкой колонизации, благодаря которой славяне «от них терпят многие бедствия»³. Колонисты, говорит Крижанич, «приходят к нам и со женами, а пути назад не находят». Колонисты вытеснили славян из Моравии, Поморья, Силезии, Пруссии. В Чехии «мало что уже Славенского рода остается в градах». Равным образом «у Ляхов все грады есуть полны немцев» и других инородников⁴. «Наши люди (славяне.— В. П.) не обретают си места в градах» и должны для них обрабатывать землю, чтобы «они седали бездельны в градах, в каменных храмах (хоромах.— В. П.), и пиروвали бы»⁵.

Крижанич предпочитает, чтобы земля стояла пустой (незаселённой), нежели она будет «обселена чужим народом»⁶. Такая точка зрения Крижанича объясняется тем, что по его мнению экономическое проникновение немцев влечёт за собой политическое порабощение славян «из гостев и подданных сотворяются господарми»⁷.

Немцы, «самые гордые, и нестерпимые презиратели прочих народов»⁸, являются основным врагом славян, экономически и политически. Они одарены способностью «клеветать, дразнить, хулить, желчно острить, по-змеинному шипеть, — вот чем всегда они преисполнены»⁹. Они с величайшим презрением относятся к другим народам, называя их «Варварами, Сатирами, Скотами»¹⁰. Немцы

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 196.

² Там же.

³ Там же, стр. 182.

⁴ Там же, стр. 215.

⁵ Там же.

⁶ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 105.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 251.

⁹ Там же, стр. 252.

¹⁰ Там же, стр. 253.

«с безстыднейшею дерзостью хвастаются, что они из всех народов самые Верные, Постоянные, Правдивые»¹. В действительности, говорит Крижанич, они верны, когда им выгодно. В торговых сделках они всегда обманывают и «надувают целый мир фальшивой монетой»².

Национальная гордость Крижанича оскорблена тем, что подобного рода люди называют славян «барбарами» (варварами). Между тем они превосходят славян «в округности (жестокости. — В. П.), в обманности, в ересех и во всякой худобе и неправде»³. Такое отношение к славянам возможно потому, пишет Крижанич, что немцы обо всём судят поверхностно, обращая внимание лишь на то, что «суть всем на яве и пред очима»⁴.

Крижанич не жалеет красок своей языковой палитры, чтобы представить наглядно тяжёлое положение современного ему славянства. Но хотя настоящее положение славянства очень тяжело, оно всё же не безвыходно — славянство может ещё возродиться, необходимо лишь избрать правильный путь к этому будущему возрождению.

По мнению Крижанича, национальное возрождение славянства может произойти только при содействии Русского государства, так как «владельцев Словенского рода нигде вяще несть, неже овде (здесь. — В. П.) на Руси»⁵. Сами славяне себе не помогут. Нужен толчок извне, чтобы народы «могли опять на ноги повстать, и в число народов ся поставить». Такую помощь может оказать только Русское государство. Но Юрий Крижанич понимает, что русский царь не в силах в «садашне тесно время» помочь славянам восстановить уже утерянную ими государственность⁶.

Таким образом, в «Политике» Крижанич доказывает необходимость возрождения и объединения славянства во главе с Русским государством.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 257.

² Там же, стр. 258.

³ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 147.

⁵ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 115.

⁶ Там же.

V. КРИЖАНИЧ О ПУТЯХ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСТВА

По мнению Крижанича, политико-культурное развитие славянских народов связано с возрождением их языка. Возрождение славянства невозможно без достаточно разработанного литературного языка. Для начала национально-политического возрождения славян необходимо — «язык Словенский в книгах исправить и осветлять, и пригодными разумными книгами оным людям умные очи открыть»¹, чтобы они прониклись национальным самосознанием и начали бы думать о своём политическом восстановлении. В последнем нуждаются все славяне, в том числе и чехи.

Юрий Крижанич прав в оценке уровня развития славянских языков. Болгария и Сербия, находившиеся под властью турок, переживали в то время культурный застой. Родной язык сохранился только в народе и его творчестве. В Хорватии официальным языком был язык латинский. В Польше после расцвета польской письменности в XVI в. наступил период литературного застоя и возвращения к латинской письменности. В Чехии немецко-католические захватчики смотрели с презрением на народный язык, пользуясь исключительно языком немецким. В Русском государстве литературный язык был далёк от разговорного языка. Создание литературного языка на основе народного и очищение его от всякого иностранного мусора было необходимо для возрождения языков славянских народов. Из всех славянских языков Крижанич считает наиболее засорёнными языками польский и белорусский и наименее — хорватский и русский.

Взаимное общение славянских народов между собою должно содействовать их возрождению и пониманию друг друга. В этом отношении языку должна быть отведена решающая роль. Юрий Крижанич увлекается неосуществимой идеей — создать единый общеславянский язык, который стал бы языком письменности. Увлекаясь теорией единого всеславянского языка, Крижанич не замечает, что он противоречит самому себе, поскольку всеславянский язык задержит развитие собственных языков славянских народов.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 115—116.

Мысль о необходимости очищения родного языка от засорения его чужеземными словами волновала Крижанича с молодых лет: «Я бо от детинства своего, — пишет он, — оставивши печали о всяком ином житии устройению, удался есмь всим сердцем на едино мудростно искание, и на нашего скаженного, а правее згубленного языка исправление, свитлание и совершание, и на своего и всенародного ума окрашивание»¹.

Появившись в Москве, Крижанич намеревался приступить к очищению славянских слов. В челобитной к царю Алексею в 1659 г. Крижанич писал: «Язык славенский есть из света изгинул и нигде же не говорится право тем же потребно ему есть граматика»².

Уже в Москве Крижанич подготовил часть своего намеченного труда, озаглавив его «Объяснение виводно о письме Словенском». В Тобольске Крижанич продолжал свои лингвистические занятия и написал выдающееся сочинение «Граматично изказание об Руском иезику».

Крижанич различал троякий русский язык. Один из них он считал подлинным: на нём говорит великорусский народ, другой — белорусский и, наконец, литературный переводческий.

Для Крижанича единство языка должно быть источником взаимного сближения и объединения славянских народов. Конечно, единый славянский язык может создаться не сразу. Для этого необходима предварительная чистка славянских языков от чужеземной примеси. Предприняв попытку создать свой всеславянский язык, Крижанич назвал его «русским», так как Русь является корнем славянства. «Всем единоплеменным народам русский народ — глава, — пишет Крижанич, — не Русская земля отрасль, плод славянской, а славянская, чешская, ляшская отрасль — отрасли русского языка»³.

В основу создаваемого Крижаничем всеславянского языка положен русский язык, который сливается с хорватско-сербским. Но язык Крижанича — не живой славян-

¹ С. Белокуров, Указанное сочинение, стр. 73.

² Там же, стр. 92.

³ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 115—116.

ский язык. Н. Костомаров правильно заметил по этому поводу, что это «скорее какой-то особый им созданный всеславянский язык»¹.

Увлекаясь идеей создания единого всеславянского языка, Крижанич не понимал, что это — сплошная утопия. Крижанич думал, что он писал на действительно общеславянском языке. В действительности язык, на котором написаны его «Разговоры об владательстве», поражает своей искусственностью и книжностью. Он затруднителен для понимания и далёк как от народного русского языка, так и от хорватско-сербского, не говоря уже о том, что он резко отличается от морфологических форм западнославянских языков.

Выступая сторонником подобной утопической теории, Крижанич, несомненно, заимствовал из летописи теорию расселения славян из единой славянской прародины, которой была Русь. Правильны соображения Крижанича о том, что в основе происхождения всех славянских народов лежит один этнический корень.

Как историк Крижанич был первым антинорманистом, подвергшим сомнению и критике летописную легенду о призвании новгородцами варягов. Крижанич относит летописное сказание о призвании варягов к разряду «малопохвальных басен». По его мнению, «не могаху (не могли. — В. П.) новгородцы николи бытъ тако глупы, да беху были то учинили»². Если даже допустить, что у новгородцев были «межусобные незгодия», то совершенно непонятно, почему они «посылаху к инородником, просить не одного, но трех князёв»³. Если же они не просили трёх, то почему они «прияша трех?» — спрашивает Крижанич.

Летописная легенда давно похоронена в нашей историографии. Она не выдерживает острой исторической критики, и заслуга Крижанича в том, что он первый поставил вопрос о недостоверности летописного сказания.

¹ Н. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, вып. IV, Спб. 1874, стр. 432.

² „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 342.

³ Там же.

Касаясь вопроса об этногенезе славян, Юрий Крижанич резко выступает против утверждения, будто «Словенцы от Скифов были нарожены». По словам Крижанича, нет «ничто глупого и остудного нашему роду не можется удумать», так как скиф турецко-татарского происхождения, тогда как наш «Словенский язык есть тако различен от Татарского, да разнеи быть не может». «Глупо ада и ложно бают ласкавцы: да бысмо мы родом Скифы были», — пишет Крижанич¹.

Крижанич этой «скифской» теории противопоставляет теорию автохтонности славян, живших искони на своей родине на восточно-европейской равнине и оттуда расселившихся. Поэтому Крижанич отвергает и другую легенду, созданную чешским летописцем, будто Александр Великий «подаровал всю землю, ка я лежит между Дунаем, и между Белым морем»². Между тем Александр никогда не имел никакой власти «в Руской или Словенской земле», к тому же во времена Александра не было ещё никаких данных о славянах «за Дунаем ни в Иллирской земле».

Крижанич неплохо осведомлён о внешнеполитических бедствиях, которые обрушивались на Русь. Он упоминает о нашествии татар в Русскую и Ляшскую земли. Но он знает также, что татарскому господству был нанесён сильный удар Дмитрием Ивановичем, а после него Иван Васильевич выбил «татар из Руси, Казани, Астрахани и Сибири»³.

Крижаничу известны и попытки немецких агрессоров подчинить себе Русь, но эти попытки не увенчались успехом: «единый Бог... есть развалил иховыя думы: и освободил нас... от прелютото ярма Немецкого». В этих неудачах «причины ненависти и злобы Немцев противу нас»⁴.

Ведя борьбу против легенд и сказаний, оскорбительных для славяно-русского народа, Крижанич считает также оскорбительной для национального самолюбия русского народа официальную теорию о происхождении русских государей от Августа-кесаря. Подходя к ней критически,

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 341.

² Там же, стр. 340—341.

³ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 155.

Крижанич отмечает, что в её защиту нельзя привести никаких исторических положительных данных¹.

Не одобряет Крижанич и принятия Иваном Васильевичем титула царя вместо старого славянского титула «кряля»². Крижанич отвергает версию о получении Владимиром Мономахом знаков царского достоинства от Византии, так как «Императоры Римские... не имели никакой власти, ни права, ни верховности относительно наших предшественников, либо народа, либо земли Руской»³. К самой легенде, отражающей притязания Византии на всемирное господство, Крижанич относится отрицательно, как исторически неосуществимой и нежизнеспособной. Встречает критические возражения с его стороны и теория третьего Рима. По мнению Крижанича она является возрождением идеи всемирной монархии, которая исторически не может быть оправдана, поскольку всякие попытки создать всемирную монархию обречены на неудачу⁴.

Русское государство сильно своей собственной силой, своей политической независимостью. Все легенды о прошлом русского народа оскорбительны для славянства. В глазах Крижанича русский царь «есть стало смотрение (забота. — В. П.) всего народа словенского»⁵. Без помощи Русского государства славяне не могут возродиться. Об этом Крижанич не раз говорит в своей «Политике». В этом он видит историческую миссию Русского государства по отношению к славянским народам.

Таковы были мечты теоретика «славянского возрождения» XVII в.

VI. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ОСВЕЩЕНИИ КРИЖАНИЧА

Если Русскому государству суждено выполнить великую историческую миссию, то для этого, по мнению Крижанича, оно сначала должно само возродиться,

¹ См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 342 и 345.

² Там же, стр. 346.

³ Там же, стр. 350.

⁴ См. там же, стр. 355.

⁵ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 102.

причём это возрождение должно охватить все стороны его жизни. Крижанич не боится раскрывать внутренние недостатки общественно-политического строя России и её культурного состояния.

Положение Русского государства в географическом отношении не было благоприятным: оно далеко от тёплых морей. В экономическом отношении Россия — отсталая страна. В ней примитивное сельское хозяйство, нет промышленности¹. Внешняя торговля находится в руках «инородников»². Благодаря своей экономической отсталости Русское государство находится в полной экономической зависимости от европейского рынка и вынуждено по дорогой цене ввозить множество нужных ему предметов, отчего богатеют «немцы» и пустеет царская казна³.

Отрицательно относится Крижанич и к торговой политике царского правительства, так как она содействует усилению в стране «инородников»⁴. Неодобрительно относится он к предоставлению «инородникам» прав гражданства⁵. От иностранного засилия беднеет страна, тогда как богатеют немцы-торговцы, живущие на Руси⁶.

Крижанич относится враждебно к попыткам сближения русских царей с иностранными принцами и заключению с ними брачных союзов. Русской земле угрожало «чужевладство»⁷. Его очень беспокоит будущее Русского государства, так как немцы и греки влияют на него отрицательно. Они задерживают национальное развитие русского народа и мешают России выступать в качестве освободительницы порабощённых славянских народов. Влияние греков и немцев одинаково отрицательно, хотя они и тянут русский народ в разные стороны, но одинаково разрушают своими происками его национальную культуру и быт. Крижанич против объединения русских и славян с «инородниками», но за сохранение с ними добрососедских и торговых отношений.

¹ См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 41—57.

² См. там же, стр. 26—29.

³ См. там же, стр. 14.

⁴ См. там же, стр. 182.

⁵ См. там же, стр. 188.

⁶ См. там же, стр. 184.

⁷ См. там же, стр. 193—204.

Опасно, по мнению Крижанича, для Русского государства то, что немцы «ненавидят православную веру», разрушают в глазах Европы честь и добрую славу, распуская о русском народе разные клеветнические вымыслы¹. Немцы ненавидят русский народ и потому, что «не могли еще подчинить нас всякого рода рабству, как подчинили Венгров, Чехов и Ляхов; не могли также овладеть сим государством»².

Критически относясь к немцам и грекам, Крижанич в то же время не скрывает и отрицательных качеств самих славян, иногда доводя свои обличения до крайних пределов. Подвергает Крижанич критике и внешнюю политику царского правительства, которое должно сосредоточить своё внимание на Крыме и Турции. Крижанич — сторонник примирения Русского государства с Польшей, чтобы общими силами ударить по Крыму и Турции³. Интересы России и всего славянства требуют изменения внешней политики государства. Крижанич положительно относится к присоединению Украины к Москве, но, для того чтобы прекратилась на Украине внутренняя борьба, эта область должна сохранить все свои привилегии и отдельное управление. Если бы Украина осталась под властью Польши, то это было бы гибелью для народа, так как в таком случае Украина была бы колонизована немцами. Крижанич — сторонник русско-польского примирения. От их вражды выигрывают только турки, немцы и шведы, а между тем «мы, Русские люди одного языка с Ляхами, и сыновья одного отца»⁴.

Выступая с проектом нового направления внешней политики царского правительства, Крижанич не просит царя Алексея о вооружённом освобождении южных славян из-под власти турок, но он считает, что покорение Крыма может облегчить положение славян, если только «единым Русом и Ляхом и Словенцем всем, дать слободу жить в градах приморских и твердых» (крепостях)⁵.

¹ См. «Русское государство в половине XVII века», ч. II, стр. 249—277.

² Там же, стр. 261.

³ См. там же, стр. 124—131.

⁴ Там же, стр. 194.

⁵ Там же, стр. 131.

Крижанич считает, что в основе русского государственного строя лежат: 1) «Вера православная», 2) «Самовластво совершено», 3) «Нераздельность кралества: и обрежение от чужевладства», 4) «Запертие рубежев», 5) «Недопущение празнующего и бездельного жития»¹. При такой организации государственного строя сберегается национальная самобытность Русского государства.

Крижанич считает разумным отсутствие в России свободы совести, так как этим поддерживается религиозное единство Русского государства. Отношения подданных к государю строятся на безусловном их повиновении. Вся организация государственного строя оберегает страну от чужеземной власти и от проникновения в неё «инородников». Очень важным считает Крижанич то, что никто в государстве не может быть «слободен от общих народных служб, и дел, своему стану пристойных»².

При самодержавном строе легче осуществить «общую правду», а также легче исправлять «поблудки и сказы (ошибки. — В. П.) владания»³, легче удовлетворять народные нужды «общински добро и корыстно всему народу быть ся обретет и отлучит» (обозначится)⁴. Русское самодержавие имеет большие исторические заслуги. Оно освободило страну от татарского ига и привело «кралество в сей стан и в мощь»⁵.

Крижанич правильно считает для своего времени «самовластво» прогрессивной формой правления, в особенности в сравнении с государственным строем Польши, к которому он относится крайне враждебно. Польской «безрядне» он противопоставляет «совершенно самовластво» России. Крижанич — против той «свободы», которая существует в Польше, так как она губит Польское государство. Осуждает Крижанич и право свободного выезда за границу поляков, которые напрасно «влачат ся, скитают

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 332—333.

² Там же, стр. 333.

³ Там же, стр. 244.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 308.

ся, яруют по свету». Он предпочитает порядки России, где запрещено «таково скитание»¹. По словам Крижанича, если бы кто-нибудь обошёл весь свет в поисках наилучшего государственного строя, то хуже того, какой имеется в Польше, не смог бы найти.

Являясь сторонником самодержавия и национального государства, Крижанич считает, что оно должно быть так организовано, чтобы в нём не было тех недостатков, которые были губительными для других славянских народов. В первую очередь национальное государство должно удовлетворять свои потребности собственными силами. Оно должно быть свободным от «чужебесия» — увлечения «инородниками», и всем иностранным.

Крижанич, однако, должен был убедиться в том, что в русском государственном строе далеко не всё обстоит благополучно. Он нуждается в решительных реформах, так как в противном случае Русское государство не может выполнить свою историческую миссию.

С горечью, но вместе с тем с любовью к стране, вполне объективно отмечает Крижанич недостатки общественно-политического строя Русского государства. «Совершенно самовладство», по мнению Крижанича, очень далеко от подлинного характера власти в России. Крижанич определяет её как «крутовладание», «людодержство» или «тиранию».

При крутом владении власть забывает об общем народном благе. Жестокое правление влечёт за собою потерю царства, о чём свидетельствует история. Благодаря крутому владению русский народ пользуется дурной славой за границей. Оно губительно влияет на общественные нравы. Благодаря ему страна мало заселена. Население увеличивается там, где имеется «умеркованное владение». Крутое владение особенно ярко проявляется в не соответствующей интересам народа финансовой политике, к тому же отрицательно влияющей на народные нравы. Принятая в России система винной монополии — «самотержие», по терминологии Крижанича, способствует только развитию

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 245—247.
15*

пьянства¹. Крутое владение поддерживается неправильной судебной системой и организацией управления. Отсутствие «добрых законов» также поддерживает крутое владение. Особенно вредным считает Крижанич то, что «все царски приказники и оправники» принимают присягу, согласно которой они обязуются во всех делах и при всяком удобном случае «искать и промышлять Царского величества казенные прибыли»². Благодаря этой присяге должностные лица будут всегда связаны «превеликой областью» (властью). Она вводит в соблазн «не токмо злых, но и добросердных мужей»³ и содействует упадку нравственного состояния общества. Реформы государственного строя позволят вернуть «совершенно самовладство» к его первичной основе. Государь должен так управлять людьми, чтобы они не желали перемен. Он должен быть «доброчинец» и «себе славу всех грядущих веков заслужить». Он не только должен быть сам добр, но «тоже и добро законоставие нарядать»⁴.

ВИ. ПЛАН ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Обновление Русского государства, по мнению Крижанича, должно охватить все стороны жизни. Только при этих условиях царь может выполнить свои обязанности по отношению к подданным — заботиться «об общинном благе», и, в первую очередь, изменить экономическое лицо страны, поднять её производительные силы и этим освободить от иностранной зависимости.

Крижанич — видный экономист с самостоятельной творческой мыслью. Считая, что могущество государства зависит от его богатства⁵, Крижанич прав, полагая, что оно заключается не в накоплении драгоценных металлов или камней, а во всестороннем развитии производительных сил. То государство богато, где процветают сельское хо-

¹ См. «Русское государство в половине XVII века», ч. I, стр. 297—298.

² Там же, стр. 305.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 301.

⁵ См. там же, стр. 5.

зайство, промышленность, торговля. Чтобы освободить страну от иностранной конкуренции, государство обязано проводить покровительственную экономическую политику. И тем не менее Крижанич не был узким меркантилистом. Его взгляды приближаются к взглядам физиократов и даже классической политической экономии XVIII в.

Крижанич считал, что развитие производительных сил должно стать в центре внимания правительства. Только в этом случае можно освободить страну от зависимости от «инородников», преодолеть экономическую отсталость Русского государства.

Поскольку «тежачество есть всему богатству корень и основание; тежак бо кормит и богатит и себе, и ремесника, и торговца, и боярина, и краля»¹, то развитие его требует особенного внимания со стороны правительства. Поднятие сельскохозяйственной техники и развитие агротехнических знаний, исследование почв в разных местностях должны стать предметом особенной заботы правительства². Необходимо принять меры к развитию ремесленной промышленности и ввести в стране цеховую систему, предоставив вместе с тем всем право заниматься ремеслом. Развитие промышленности освободит страну от ввоза иностранных товаров и прекратит отлив «злата». В целях развития промышленности целесообразно предоставить фабрикантам разного рода привилегии вплоть до монополии производства, если в этом производстве будут заметны особые успехи.

Русская промышленность может производить бумагу, шерстяные ткани, обрабатывать дерево, шлифовать камни, изготавливать сельскохозяйственные и военные орудия; в особенности следует обратить внимание на развитие златошвейного производства. Промышленность должна работать на правительство, которое, в свою очередь, будет продавать промышленные изделия купцам.

Крижанич рекомендует принять мер против бродяжничества и лени. Он настоятельно требует, чтобы девицы обучались «рукоделью» в особо устроенных школах³.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 41.

² См. там же, стр. 44.

³ См. там же, стр. 37.

Одновременно надо принять меры к развитию горнозаводской промышленности и заняться исследованием горных богатств, поощряя и частную инициативу. Крижанич рекомендует получение металлов через «торговый промысел» из-за границы.

Развитие торговли в каждой стране, по мнению Крижанича, зависит от её географического положения. Задача правительства заключается в том, чтобы правильно использовать это положение. Развитие же разумно поставленной торговли может служить мерилom народного богатства, думает Крижанич.

Чтобы торговля была «корыстной» государству, она должна строиться на основе монополии. Тогда она станет подлинным источником богатства государства, и всё население будет удовлетворено, за исключением «больших купцов», так как доходы их несколько уменьшатся. Вместе с тем правительству следует запретить ввоз предметов, по тем или иным соображениям нежелательных. Равным образом запрет должен касаться ряда тех предметов, вывоз которых недопустим по соображениям государственного характера.

Основное направление внешней торговли должно быть устремлено на Восток. Тогда Восток экономически будет зависеть от Руси, которая, в свою очередь, станет посредницей в торговле между Востоком и Западом. Иностранные товары будут «проводить» через наши руки: на Сибирь к Бухаром и к Индейцам» и «напротивно, тех народов товары будут приходили к нам, и через наши руки к Немцам, к Ляхом и к Литве»¹.

Крижанич находил возможным «товары Индейские» добывать через калмыцкие степи непосредственно от самих индусов, — тогда «не мы от Немцев, но они от нас бы е покупали»². Индейскими и персидскими товарами можно было бы снабжать «Литву, и Белую Русь, и Поднеперие, и Польску, и Вугерску, и Волоску землю, и Сведов, и Архангельских Немецких торговцев ними удовлетворить»³.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 9.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 17.

Правительство обязано принять меры к развитию внутренней торговли, позаботиться об открытии хороших пристаней, ярмарок, всякого рода торжищ, если только скопление народа не вызовет каких-либо беспорядков. Вместе с тем правительство должно принять меры, чтобы не допускать злоупотреблений со стороны торговцев, а городскому населению — «посадником» «для ради поспешания торговства, и на умножение народа» предоставить «слободины гражданом или посадником»¹.

Крижанич обратил внимание на слабую населённость Руси. Проблема увеличения народонаселения занимает видное место в его экономической системе. В первую очередь, чтобы увеличивалось население, нужно хорошее законодательство и мир, так как война, голод, мор, набеги, грабежи разбойников, леность и непредприимчивость людей, своевольство, анархия, крутое владение тормозят увеличение населения, задерживают развитие производительных сил².

Такова экономическая программа Крижанича, осуществление которой экономически возродит Россию. Следует отметить, что экономическая политика царского правительства в XVII в. в сущности осуществляла уже многие из тех мероприятий, которые были намечены Крижаничем. Правительство уже прекрасно сознавало необходимость общего развития производительных сил, покровительственной системы в торговле, монополии внутренней торговли, самоуправления городов, разыскания рудных богатств. Экономическое развитие страны сделало значительные успехи, в особенности в сфере развития промышленности и торговли.

Осуществление всей этой сложной экономической программы требует повышения общего культурного уровня населения. Только этим путём можно преодолеть «нашу неуметельность». Крижанич высоко ценит научные достижения и просвещение отдельных народов. Но он также понимает, что не все народы стали сразу просвещёнными. Теперь настало время и для просвещения Русского государства.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 27.

² См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 87—102.

Крижанич — не противник «новизны», против которой восставали греки, стремившиеся держать русский народ в невежестве, но он против увлечения всякой новизной. В этом отношении он рекомендует средний путь — заимствовать только то, что действительно является необходимым.

Наука, указывает Крижанич, необходима людям, и без неё обойтись невозможно. Без науки нельзя управлять государством и составлять «доброе законоставие», заботиться «об общинском благе». Наука, в первую очередь, необходима высшему сословию для удовлетворения государственных потребностей. Поэтому изучение философии «не должно передавать всему народу: но только сословию благородному и нескольким из престопаородья», поскольку «это необходимо для службы государю»¹.

Остальные сословия должны приобретать практические знания, «уметельные науки». Это может быть достигнуто переводом специальных агротехнических книг и руководств по разработке естественных богатств, изучением арифметики, открытием женских школ для «рукоделия», запрещением открывать лавки тем, кто «не бы довольно умел писма, и чисельныя уметели»².

Вырабатывая план преобразования Русского государства, Крижанич исходил из определённых теоретико-политических представлений. Из них вытекало его представление о сущности верховной власти и об организации правительственного аппарата, при содействии которого государь осуществляет свои общественно-политические обязанности.

Государство — крайне сложный общественно-политический организм. Управление государством должно быть организовано так, чтобы «подданные» выполняли свои обязанности перед государством, а верховная власть — перед подданными, сдерживая их страсти и не допуская проявления эгоистических наклонностей, которые выражаются в своеволии, распутстве, непослушании.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 176.

² „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 25, 35, 43—44.

Государство должно быть единым, нераздельным, самостоятельным и независимым. Обеспечить существование такого государства может только сильная верховная власть. Для существования независимого государства опасны внутренние потрясения. Последних можно избежать только в том случае, если верховная власть выполняет свои обязанности по отношению к своим подданным. Государство должно быть национальным и управляться национальной властью. Не может быть счастливо «людство», если оно находится под чужеземной властью¹. Поэтому короли и «пастыри людске» должны быть «из племени тех же людей, коих пасут». Если же государь будет «из иного народа и языка», то в таком случае «людство кажет быть сподобнее скоту, неже людем»². На примере Польши и других народов Крижанич показывает неисчислимы бедствия, которые падают на «людство», когда верховная власть находится в руках иностранцев³.

Задача государя заключается в том, чтобы заботиться об общественном благе, о счастье народа — «уряд кралев есть людство чинить блажено», «общинское добро»⁴. Государь должен руководиться в своей политике мудростью, силой и благом, и такой государь станет совершенным. Политическая мудрость сводится к распространению просвещения и к познанию той страны, которой государь управляет, чтобы наилучшим образом содействовать развитию талантов и дарования народа. Государь должен заботиться о материальном благосостоянии своих «Подданных — учинить блаженных». Богатство государства — отнюдь «не его кралево, но богатство подданных общее», которое лишь управляется царём⁵. Тогда такой государь будет пользоваться авторитетом в народе. Всякая иная политика будет «крутностью». Расходясь с интересами народа, такие государи станут «омразны» (ненавистны) и будут известны в потомстве как тираны — «не славы или

¹ См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 195.

² Там же.

³ См. там же, стр. 201—204.

⁴ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 307.

⁵ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 266.

чести, но злогласное тиранское имя у потомства есуть обдержали»¹.

Но задачи государства не ограничиваются только заботами о материальном обеспечении «подданных». Государство обязано заботиться о народной нравственности, вести борьбу с общественными пороками. На обязанности государства лежит и охрана его внешней безопасности.

В обязанности государства входит и защита неприкосновенности религии, защита её от проникновения разных вероучений — ересей. Государь — защитник церкви. К тому же религия — великий моральный фактор, поскольку она — основа всей государственной и общественной жизни. Она является сдерживающим началом преступных склонностей человека. Она внушает государям обязанность держаться в законных рамках².

Государь не может превратить своих подданных в рабов. Они сохраняют свои «уроженные» права. Поэтому неограниченный монарх является ограниченным с нравственной точки зрения, хотя и является ответственным только перед одним богом³. Подлинной монархией может быть только наследственная. На примере Польши Крижанич показывает отрицательные стороны избирательной монархии.

Отправляясь от этих политико-теоретических соображений, Крижанич выступает сторонником такой реформы русского государственного строя и организации власти, при которой монарх мог бы проводить подлинную политику удовлетворения общественных потребностей и народных нужд.

Проект реформ государственного строя России Крижанич излагает в форме речи царя, обращённой к своим подданным. В этой речи царь не раз подчёркивает своё твёрдое желание «смотрением нашим царским, к общинскому народному добру тулико приспособить, дабы никто не могел от нас вяще пожелеть» (пожелать)⁴.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 267.

² См. В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 77.

³ См. там же, стр. 106.

⁴ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 307.

В первую очередь государь даёт обещание уничтожить «корчемное и всякое иное самотержие: кое народу претяжо быть обретаем», и предоставить «всякому стану и ряду людей... слободины», так что «все будут своим жребием и станом задовольны». Когда это дело будет закончено, тогда «общим советом разтрясем и предумаем основание общего добра: илити оныя вещи, коя... ко всего народа утвержению, долгому векованию и почтению пристоять», и в первую очередь следует правильно организовать финансы государства, чтобы «царская казна будет имела свое должные приходы, потребные к обране краlestва, и ко всяким общим разходом»¹.

Царь хочет связать своих подданных присягой в том, что они в случае прекращения его потомства изберут государем «не инородника, но человека от Словенского рода», государь же обязуется не выдавать своих дочерей замуж за лиц неславянского происхождения. Все эти изменения должны привести к поднятию «Чести сего нашего краlestва, и всего Словенского народа»².

Обновлённый государственный строй должен строиться на неприкосновенности православия, ибо «1-я нашего краlestва и народа твердость доселе есть была Вера православная: и крепко преповедание и недопущение всяких ересей» при соблюдении всех религиозных обрядов. Виновный в нарушении интересов православной церкви будет «нещадно казнен»³.

Второй основой государственного строя является самодержавие, неприкосновенность которого торжественно подтверждается: «самовладство сие наше ни-в-чем ненарушено пребывает». Никто не должен восставать против самодержавной власти. Все нарушители этого закона лишаются своих «слобод» и подвергаются казни. Если же сам государь или преемник царя исказят самодержавную форму правления, то подданные могут не подчиняться царю⁴. Го-

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 309—310.

² Там же, стр. 310.

³ Там же, стр. 332.

⁴ См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 50.

сударство должно оставаться неделимым — таким, каким оно было при вступлении на престол царя Алексея: «И для ради того: како есмо прияли, тако жадаем и обдержать кралество сие в неразервению, и в целости... и за то не хотим в нем терпеть никаких незаконных князев, ни именитых людей: коим чушь не бысмо мы были чести и области даровали»¹.

Монархия должна оставаться наследственной и притом передаваться по праву первородства, что обеспечивает единство Русского государства. Женщины отстраняются от престола², разве только при отсутствии мужского потомства они могут наследовать, замечает Крижанич в другом месте³. Такова первая часть плана преобразования Русского государства, сводящаяся к укреплению тех основ, на которых оно исторически строилось.

Вторая часть плана преобразования сводится к тому, чтобы ликвидировать крутое владение и построить управление государством на принципе законности, без которого не может быть осуществлено «общинское благо».

В первую очередь должно быть уничтожено ненавистное Крижаничу «самотержие всякое»⁴, истинное бедствие и страдание русского народа. Уничтожение правительственных монополий уменьшит доходы казны, которые должны быть восполнены новыми налогами. Подлежат уничтожению царские кабаки. Из обращения должна быть изъята неполноценная монета⁵. Таким образом, вся финансовая политика должна быть построена на совершенно иных началах.

Введение законности и порядка в управление, по мнению Крижанича, должно строиться на предоставлении условиям «слободин». К числу первых и «наивящих слободин» Крижанич относит «Правосудие» — суд (Justitia). Оно обеспечивается «добрыми законами»⁶.

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 331.

² См. там же, стр. 323.

³ См. там же, стр. 407.

⁴ Там же, стр. 325.

⁵ См. там же, стр. 326—327.

⁶ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 30.

Основными недостатками старого строя являются взяточничество и всякие беззакония, несовместимые с народным благом. На борьбу с ними должно быть устремлено всё внимание власти. В первую очередь должна быть сокращена общая численность «приказников», увеличено жалование, отменена прежняя служебная присяга, столь вредная с точки зрения общественного блага. Крижанич рекомендует введение простой одежды, отмену пожизненных должностей. Служба должна быть так организована, чтобы в любой момент можно было сместить любое должностное лицо¹.

Сохраняя сословный феодально-крепостнический строй, Крижанич считает необходимым предоставить «станам» слободины, которые определили бы их правовое положение в государстве и помогли бы бороться со взяточничеством и беззаконием. К этому сложному вопросу, занимающему видное место во всей его государственной правовой концепции, Крижанич возвращается не раз.

В то же время предоставленные сословиям «слободины» отнюдь не должны ограничивать в той или другой степени самодержавную власть, которая в любой момент может их отобрать.

Крижанич разделяет все сословия на привилегированные и непривилегированные, относя к первым князей, бояр и «Племян» (дворян). Крижанич предоставляет им право быть совершенно свободными от всяких натуральных повинностей в пользу государства. Члены сословия отныне не должны называться уменьшительными именами. Основной повинностью их является военная служба, но если «именитые бояре» в течение трёх лет были заняты непрерывной службой при дворе или на войне, они до самой смерти освобождаются от придворной и военной службы. Они же получают право владеть городами. Право владения поместьями принадлежит только привилегированному сословию. Ему же предоставляется право заниматься науками. Привилегированное сословие освобождено от телесного наказания, но за государственные преступления его члены подлежат смертной казни и конфискации

¹ См. В. Вальденберг, Указанное сочинение, стр. 243—244.

имущества. Однако за государем остаётся право ссылки и без суда¹.

К непривилегированным сословиям, «чернякам», согласно терминологии Крижанича, принадлежат: а) торговцы, б) ремесленники, в) крестьяне («тежаки») и г) рабы. Это — тяжёлые сословия, несущие повинности в пользу государства. Вольности торговцев и ремесленников сводятся к тому, что города получают самоуправление. Торговцы лишаются торговых монополий и привилегий. Ремесленники получают цеховое устройство. Положение крестьян остаётся без всяких изменений. Крижанич ограничивается лишь замечанием, что положение крепостных крестьян в Русском государстве легче, чем в Польше. «Слободины» Крижанича не вносят существенных изменений в правовое положение «черняков». Остаётся в действии и запрещение выезда за границу — «запертие рубежев».

Привилегированное положение «слободников» Крижанич объясняет тем, что они «есуть везде годней и общему добру потребней, неже оны черняки», что принимали участие в защите государства от тех соседей, которые постоянно делали набеги и грабили их, тогда как «наши Руски торговцы никамо по морю не путуют, и обавностей и страхот морских, и разбоев земских и морских не терпят»².

Защищая интересы Русского государства от проникновения в него иностранцев, Крижанич в речь царя вкладывает обещание, что ни один «инородник» не получит права гражданства и не будет допущен к занятию каких-либо должностей. Но славянские народы не причисляются к разряду «инородников»³.

Крижанич считал, что если будут осуществлены все предложенные им реформы, то может быть преодолена экономическая и культурная отсталость Русского государства, а самодержавно-сословный строй на крепостнической основе станет подлинным народным правительством, стремящимся осуществлять свои заботы о народном благе.

¹ См. „Русское государство в половине XVII века“, ч. I, стр. 316—318.

² Там же, стр. 261.

³ См. там же, стр. 324.

Отдельные исследователи (В. Пичета и С. Бахрушин) считали Юрия Крижанича предшественником «просвещённого абсолютизма». Следует, однако, отказаться от подобной оценки его политико-теоретических взглядов. Ведь «просвещённый абсолютизм» связан с первой третиной в феодально-крепостнических отношениях в связи с развитием буржуазных отношений, тогда как политико-экономическая система Крижанича лишь укрепляет феодально-крепостнические отношения, придавая самодержавию внешний вид законности, которая, впрочем, нисколько не стесняет воли царя. Все «слободины» лишь юридически оформляли сословный строй Русского государства. Но при наличии восстановленной подлинной юридической природы самодержавия в нём исчезнет лишь «людодержство» или крутое владение. Верховная власть остаётся неограниченной и ответственной только перед богом. Государство Крижанича — какой-то всепоглощающий Левиафан, щупальцы которого охватывают все стороны общественно-политической и народнохозяйственной жизни. Государство должно охранять свободу. Однако свобода — не распущенное своеволие. «Истинная свобода там, где жизнь и пользование благами безопасны для всех, и где никому не дозволительно совершать безнаказанно преступлений»¹.

Во всяком случае реформированное Русское государство освобождается от «крутости» и, возвращённое к «совершену самовладству», может выполнить свою историческую миссию среди славянства — поднять его культуру, сохранить язык и этим содействовать национальному пробуждению славян.

В сущности к этому и сводится практически вся славянская программа Крижанича. Иное дело Польша. Поляки сохранили свою государственность, но в действительности Польша находится в руках инородников. Задача России — помогать Польше освободиться от чужевладства. Юрий Крижанич был сторонник славянской взаимности, сближения славян для борьбы против чужевладства, но в то же время каждый славянский народ должен был остаться культурно и политически самостоятельным. Русское

¹ „Русское государство в половине XVII века“, ч. II, стр. 46.

государство может оказать помощь угнетённым славянам и содействовать их национально-культурному пробуждению, без которого немыслима борьба за восстановление национально-политической самостоятельности.

Юрий Крижанич — величайший политический мыслитель своего времени, глубоко задумывавшийся над историческими судьбами человечества вообще и в частности славянских народов.

Не как «скиталец и бродяга» пришёл он в русскую землю, а как сын великой славянской семьи к славянским братьям. Не вина Крижанича в том, что он ошибся в своих планах, поскольку Русское государство не могло осуществить его политических замыслов. С любовью и одновременно с печалью раскрывает он недостатки в организации Русского государства. Предлагая свои меры их исправления, Крижанич не заметил или не мог подметить биение пульса общественно-политической жизни России, который так характерен для Русского государства XVII в., и упорного стремления найти выход для преодоления политической, экономической и культурной отсталости страны. Не застой, а движение было характерно для Русского государства XVII в. Но последнее не было подмечено Крижаничем. Юрий Крижанич, верный сын славянства, был глубоко опечален тяжёлым положением славянства, в том числе и русского народа. Крижанич высоко ценил великий русский народ за то, что он сохранил свою независимость. Прошло три столетия, и только теперь, в иной исторической обстановке, осуществились патриотические идеалы Юрия Крижанича.

Член-корреспондент Академии наук СССР

С. К. Богоявленский

СВЯЗИ МЕЖДУ РУССКИМИ И СЕРБАМИ В XVII—XVIII ВВ.

Конец XVII в. характеризуется довольно крепкими связями России с Сербией. Московские цари давали сербским церквям и монастырям жалованные грамоты с разрешением время от времени посылать в Россию духовных лиц для сбора милостыни и получения субсидий, свечей, ладана и богослужебных книг. Грамоты давались на неопределённое время. Так, Лепавинскому сербскому монастырю жалованная грамота была дана в 1651 г., и архимандрит этого монастыря регулярно до 1774 г. через каждые семь-восемь лет приезжал в Россию, пока австрийское правительство не запретило духовным лицам, проживавшим на австрийских и венгерских землях, ездить в Россию за пособием.

Приезжали в Россию за милостыней и представители высшего сербского духовенства, епископы и даже патриархи. Некоторые из них оставались там на постоянное жительство и получали назначение на высокие посты в русской духовной иерархии. Для примера можно указать на сербского митрополита Симеона, который в 1641 г. вместе со своими братьями приехал в Россию и был возведён в сан митрополита казанского. Он не забывал родной страны и исходатайствовал жалованную грамоту соборной церкви Печского монастыря. Десятью годами позднее приехал в Москву сербский митрополит Михаил и прожил в России девять лет.

Число духовных лиц, приезжавших в Россию, настолько возросло, что были введены некоторые ограничения в

допуске их в Россию. Запрещалось приезжать монахам тех монастырей, которые не имели жалованных грамот от московского правительства, строго соблюдались сроки приезда, указанные в жалованных грамотах. В 1653 г. пустился в далёкий путь печский патриарх Гавриил, доехал до Путивля, но был возвращён обратно ввиду того, что не прошло семь лет, как в Россию приезжал представитель Печской патриархии. Однако в следующем году патриарх Гавриил не только был допущен в Россию, но встречен с почестями. Митрополит Михаил и патриарх Гавриил принимали участие в церковном соборе, созванном в Москве по вопросу об исправлении богослужебных книг, и, следовательно, были непосредственными участниками обсуждения важнейших вопросов религиозной жизни на Руси. Приезжавшие в Россию монахи — представители более образованной части сербского общества — имели общение с русскими духовными и светскими людьми. Таким образом, происходило взаимное культурное воздействие.

По возвращении на родину патриарх Гавриил был обвинён турецкими властями в шпионаже в пользу Москвы и повешен. Однако это не устрасило сербских епископов, которые продолжали посещать Россию, а некоторые оставались жить в ней. При царе Алексее приехал сербский митрополит Феодосий и после свержения патриарха Никона был местоблюстителем патриаршего престола. Позднее приезжал сербский митрополит Савва Бранкович и т. д.¹

Приезды сербских духовных лиц в Россию способствовали обмену литературой, преимущественно духовного содержания. Из числа сербских иерархов можно назвать ряд лиц, привозивших с собой сербские печатные или рукописные книги. Упомянувшийся патриарх Гавриил привёз с собой две рукописи, которые просил напечатать в московской типографии: «Типик — избрание многое от 34 книг на латинскую ересь цареградского патриарха Михаила Кавасила» и «Житие и повести святых царей сербских и патриархов». Никону патриарх Гавриил поднёс три книги: «Свиток жития всех святых сербских архиепископов, от-

¹ Подробности см. у Н. Каптерева, Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях, Сергиев Посад 1914.

куда изыде царствие и патриаршество», «Тетради Кирилла философа учителя словенского» и «Книга Василия Великого, а в ней напечатано три литоргии».

По выпуску печатных книг Москва занимала первое место. Особенно крупное значение имел выпуск в Москве богослужебных книг, которыми снабжались православные церкви в южнославянских странах. Всякий серб, возвращаясь из России, увозил книги московской печати. По ним велось богослужение; духовные лица и другие сербские грамотеи их читали и усваивали церковно-славянский или русский богослужебный язык. Понимание русского языка в том витиеватом стиле, который господствовал в духовной литературе, представляло для сербов значительные трудности, однако это не мешало чтению русских книг и списыванию русских рукописей.

Усваивая русский язык, сербский грамотей в своих произведениях и проповедях старался подражать русским книжным выражениям, так что получалась смесь сербского языка с языком русских богослужебных книг. Этот смешанный язык долгое время оставался сербским литературным языком, пока трудами Вука Караджича и его последователей не был создан сербский литературный язык, близкий к народному разговорному.

Ярким выразителем идей всеславянского единения был хорват-католик Юрий Крижанич, который приехал в Московское государство для проповеди своих идей. Его книги находим и в царском дворце и в библиотеке известного сподвижника царевны Софьи князя В. В. Голицына.

Имеются отрывочные указания и на торговые связи между русскими и южными славянами. Сведения о них относятся к началу XVIII в., но, несомненно, русско-сербская торговля существовала и в XVII в.

Сербских торговцев мы находим на Свинской ярмарке под Брянском, а русские офени заходили на Балканский полуостров, снабжая православных сербов тем, чего они не могли найти на местных рынках, — богослужебными книгами и иконами, и таким путём осуществляли непосредственную культурную связь русских с сербами и болгарами.

В 1705 г. 10 палехских крестьян с согласия своего помещика Бутурлина обратились в Посольский приказ с

просьбою выдать им проезжую грамоту в Волошскую Сербскую землю «для промена» икон. Торговля палешан с южными славянами была, очевидно, хорошо налажена, потому что просители, получив грамоту, повезли с собой большой груз в несколько тысяч икон. Когда они проникли в турецкие владения, то их оказалось не 10, а 16 человек, в том числе некто Возгласов, крестовый дьяк царицы Прасковьи Фёдоровны — вдовы царя Ивана Алексеевича, везший письма и подарки восточным патриархам.

Через три года палешане снова появились в турецких владениях, но были задержаны, так как могли показать только старую, уже использованную проезжую грамоту. Русский посол в Константинополе Толстой вынужден был урегулировать конфликт. Он настоятельно просил канцлера не допускать выезда русских торговцев в Турцию. Киевскому губернатору был послан приказ закрыть границу для русских офеней. С помещика Бутурлина была взята подписка, что его крестьяне не будут ездить для продажи икон в турецкие земли¹. Запрещение не смутило крестьян села Палеха, и они не прекращали своих поездок в сербские земли с иконами.

В XVII в. в Московское государство направлялись выходцы из сербских областей, либо спасаясь от турецких зверств, либо в поисках заработка в рядах русского войска. Из допроса старца Новоспасского монастыря Гелактиона становится ясной причина, побудившая его переселиться в Россию. Старец рассказал, что его разорили турки и захватили в неволю вместе с женой и детьми. Через год ему удалось бежать и унести с собой малолетнего сына в Волошскую землю. Когда старец узнал, что русское войско под начальством Голицына пошло на Крым, то он из Волошской земли направился в Россию, ввиду того, что брат его Радислав лет 40 состоял на царской службе и дослужился до чина полковника. В Москве Гелактион кормился портновским мастерством, а потом «от скудости» постригся².

¹ См. Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), Сербские дела, 1705 г.

² См. ЦГАДА, Сербские дела, 1700 г.

В это время сербы находились под властью турок, но к концу XVII в. силы турок значительно ослабели. После неудачной осады Вены они терпели в войне с поляками и австрийцами одно поражение за другим. Австрийские войска вытеснили турок из Венгрии, а затем перешли Дунай и вторглись в сербские земли, находившиеся под властью султана. Особенно неудачной для турок была кампания 1688 г. Австрийцы прошли всю Сербию до Печа и Скопья, стремясь достигнуть Эгейского моря и вытеснить турок с Балканского полуострова. Сербское население оказалось между двух огней: с одной стороны, оно много терпело от турецкого ига, от поборов и притеснений, мечтало об освобождении, но, с другой стороны, боялось, став на сторону «швабов», переменить одну зависимость на другую, ещё более тяжёлую. Захватывая сербские земли, австрийцы не скрывали своего намерения сделать Сербию своей провинцией и ввести там католическую веру.

Заняв сербские земли, австрийцы оказались победителями. В это трудное время взоры сербов обратились к единой и единоплеменной России, у которой надеялись получить защиту и от турок и от австрийцев. От имени сербского патриарха Арсения Черноевича, сербских старшин и валашского господара Щербана в Москву был послан архимандрит Исайя, чтобы убедить правительство царевны Софьи оказать помощь балканским христианам как против турок, ослабленных военными неудачами, так и против «папешников» — австрийцев. Подавая присланные с ним грамоты, архимандрит Исайя яркими красками обрисовал бедственное положение сербов: турки боятся восстания угнетённых народов и массами уничтожают славянское население. Очень многие увезены в Малую Азию и проданы в рабство. А там, куда вторглись австрийцы, сербы страдают за православную религию: у них отбирают церкви и обращают в католические костёлы, православных принуждают принимать католичество.

Едва архимандрит Исайя на обратном пути ступил на австрийскую землю, как был арестован и посажен в тюрьму, а вручённые ему ответные царские грамоты — отобраны. В этих грамотах сообщалось, что великие государя имеют непрестанное попечение о всех православных,

живущих под «игмом поганским», и отправляют ратных людей на крымских татар, а потом и дальше за Дунай. В сентябре 1688 г. был обнародован приказ, чтобы ратные люди готовились к походу на крымцев по первому весеннему пути. В указе о походе находим ряд выражений, заимствованных из речи Исайи, а это показывает, что посланец угнетённых славян произвёл в Москве большое впечатление¹.

Как известно, крымские походы русских войск окончились неудачей, и татарские орды могли двинуться на помощь туркам. Австрийские войска стали терпеть поражения и были принуждены начать отступление. Положение сербов, скомпрометированных связями с австрийцами, оказалось очень опасным: их ждала беспощадная месть со стороны турок. Пришлось принять предложение австрийских властей переселиться на австро-венгерскую территорию, причём австрийский император гарантировал сербам политическую и религиозную автономию. Сербы перешли в Венгрию, где и раньше отдельными группами проживали их соплеменники. С патриархом Арсением покинули родную землю до 37 тысяч сербских семей. Много сербов переселилось также в Черногорию, а оставшиеся на родине подверглись всем ужасам мщения турок. Только мысль, что некому будет платить подати, заставила турок отказаться от намерения начать поголовное истребление своих славянских подданных.

Во время мирных переговоров с турками на Карловицком конгрессе 1698 г. русский делегат думный советник Прокофий Возницын поставил вопрос о православных подданных султана на международное обсуждение, предлагая внести в мирный договор особый пункт о гарантиях православным подданным Турции свободы вероисповедания и облегчения податного гнёта². Возницыну удалось добиться только двухлетнего перемирия, но важно было то, что ни турки, ни другие участники конгресса не протестовали

¹ См. *Н. Каптерев*, *Приезд в Москву афонского архимандрита Исайи в 1688 г.*, „Творения св. отцов“, 1889, кн. 3.

² См. „Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными“, т. IX, Спб. 1868, стр. 207.

против выступления России в роли защитника православных на Востоке.

Возницын делая мысль призвать южных славян к совместным действиям против турок. В письме к Петру I он развивал план похода на турок: «Еслиб дойти до Дуная, не только тысячи — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают»¹. Этими словами Возницын выдвинул не только принцип солидарности на религиозной почве, который сближал русских с южными славянами и греками, но также принцип племенной славянской солидарности.

После Возницына мирные переговоры с турками вёл думный советник Е. И. Украинцев. Мысль о совместных действиях русских и балканских христиан против турок, очевидно, сильно заинтересовала Петра I. В наказе, данном Украинцеву, находим предписание разведать у иерусалимского патриарха Досифея, очень преданного русским интересам, каким образом можно осуществить мысль о продвижении к Дунаю и привлечении христианских народов Балканского полуострова к совместным действиям против турок. Досифей советовал начать с завоевания Очакова и Крыма. После того, как доступ к Чёрному морю будет обеспечен, к русским примкнут сербы, волохи и болгары.

Украинцеву удалось заключить мир с турками. В числе прочих условий турки взяли на себя обязательство предоставить христианским подданным султана свободу вероисповедания. Об уменьшении податей в договоре не упоминалось.

Положение сербов, переселившихся в венгерские земли, но подчинённых непосредственно императорской канцелярии, было не легче. Немецкие власти покровительствовали иезуитам и пускали в ход все способы угнетения, чтобы заставить сербов изменить вере отцов. Переход в католичество знаменовал не только переход от одной религии к другой, но имел и политическое значение: ряд примеров убедил сербов, что те из их собратьев, которые приняли католичество или унию, быстро онемечивались и порывали

¹ С. Соловьев, История России, кн. III, стр. 1229.

сношения со своими единоплеменниками. Сербский патриарх Арсений неоднократно жаловался императору на религиозные притеснения, которым подвергаются сербы, несмотря на торжественные императорские обещания, но не получал никакого ответа. К религиозным притеснениям присоединялись также политические со стороны местных чиновников, которые не хотели примириться с тем, что рядом с ними живут пришельцы, им не подчинённые.

Своей горе Арсений излил перед русским посланником в Вене дьяком Кузьмой Нефимоновым. Нефимонов о своём разговоре написал в Посольский приказ, указывая, что сербы только от России надеются получить заступничество в своём «нужном и скорбном житии». Между прочим, Арсений через Нефимонова просил русского царя ходатайствовать перед австрийским императором об освобождении сербского деспота Юрия Бранковича, который не желал подчиняться австрийцам, за что и был посажен ими в крепость¹.

В 1698 г. в Вену прибыли великие и полномочные русские послы Головин и Возницын. К ним обратился патриарх Арсений с просьбой о заступничестве. Имеются указания, что состоявший инкогнито в посольской свите царь Пётр виделся с Бранковичем. Заступничество послов за сербов не имело успеха. Император ответил, что православные сербы пользовались и будут впредь пользоваться полной свободой в делах религии, а с делом Бранковича он познакомится². Всё осталось попрежнему: сербы терпели притеснения, а Бранкович оставался в заключении до самой смерти. Ходатайство послов имело, однако, большое значение как прецедент для последующих ходатайств, так как император не заявил протеста против вмешательства во внутренние дела империи.

Несмотря на неудачу русского вмешательства, австрийские сербы не теряли надежды на помощь России. У них созрела мысль об уходе в Россию. В ноябре 1704 г. в Москву приехал из Австрии сербский офицер Пантелеймон

¹ См. „Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными“, т. VII, Спб. 1864, стр. 305—308.

² См. ЦГАДА, Сербские дела, 1699 г.

Божич с рекомендательным письмом патриарха Досифея и от лица всех сербов, «которые живут под цесарем в Венгерской земле при границах турских»¹, просил царя разрешить сербам переселиться в Россию и принять русское подданство. Сербь обещали без всякого вознаграждения с своим вооружением охранять русские границы против турок. Момент был выбран неудачно. Пётр вёл тяжёлую войну со шведами, и ссориться с императором, который добровольно не выпустил бы из своих владений сербов, охранявших границы со стороны Турции, было опрометчиво. Миссия Божича успеха не имела².

В 1708 г. сербы снова послали доверенное лицо в Москву с подтверждением желанья о переселении в Россию. Через два года от них же приезжал сотник Попович с письмами сербских полковников Ивана Текелия и Волина Потыседа, которые, называя Петра своим царём, предлагали услуги в борьбе с мусульманством. Текелию был послан ответ очень определённого характера: ему было предложено начать вербовку сербов для освободительной войны с турками и собирать оружие³. Очевидно, Пётр предвидел войну с турками, которая разразилась в 1711 г. В этой войне деятельное участие приняли черногорцы.

Черногория вдавалась клином в турецкие владения и могла служить исходным пунктом для вытеснения турок с Балканского полуострова, а вместе с тем препятствовала турецкому продвижению по берегу Адриатического моря. К северо-западу от Черногории береговая полоса Адриатического моря принадлежала Венеции, которая также стремилась подчинить своей власти черногорцев. Черногорцы отбились от турецких полчищ.

20 ноября 1710 г. Турция объявила России войну, и русский посол в Константинополе был заключён в Семибашенный замок. После неудачной попытки Петра возобновить дипломатические сношения с султаном, в феврале 1711 г. был обнародован манифест о войне с турками.

¹ С. Соловьев, История России, кн. III, стр. 1578.

² См. ЦГАДА, Греческие дела, 1704 г.

³ См. ЦГАДА, Сербские дела, 1708 и 1715 гг.; Греческие дела, 1708 г.

В начале марта были подписаны послания к христианам Сербии, Славонии, Боснии и Герцоговины, в которых царь призывал христиан вспомнить о былой славе балканских народов, соединить свои силы с русским воинством и прогнать турок «в пески и степи аравийские». В распространении и, может быть, в составлении послания принял большое участие Савва Владиславлевич Рагузинский, иллирийский торговец, перешедший на русскую службу и дослужившийся до графского достоинства. Другим агитатором в пользу России был папский нунций в Константинополе, архиепископ Галлани, родившийся в славянской Далмации¹. Воззвание послужило толчком к восстанию, в котором приняли участие все славяне независимо от вероисповедания.

В Черногорию с царским посланием отправился герцеговинец Михаил Милорадович, имевший опыт в борьбе с турками. Он был пожалован чином полковника русской службы и крупной суммой денег. Милорадович успешно справился с возложенной на него задачей. Ему удалось сплотить черногорцев, постоянно враждовавших между собой. Черногорский митрополит Даниил, объединявший в своём лице духовную и светскую власть, энергично готовил военные силы и снабжал их оружием. В письмах черногорских старейшин в Россию звучал настоящий энтузиазм: и старики и юноши взялись за оружие. Собралось большое для такой незначительной страны, как Черногория, войско, но оружия нехватало на всех, так как венецианцы, в руках которых находились весь ввоз и вывоз, не допускали проникновения оружия в Черногорию.

Сербы, находившиеся под турецкой властью, приняли царский призыв очень доброжелательно, но к борьбе присоединились только немногие, так как разбросанные по всей стране турецкие гарнизоны держали христианское население под постоянным наблюдением. Однако в Герцоговине сформировался отряд в тысячу человек под командой капитана Албанеза. К этому отряду присоединялись обитатели других сербских областей. Пришли добровольцы и с Иллирийского побережья под начальством Славуя Диа-

¹ См. ЦГАДА, Турецкие дела, 1713 г.

ковича¹. Венецианцы конфисковали у добровольцев всё их имущество. Милорадович, назначенный главнокомандующим, стал во главе войска, насчитывавшего около 30 тысяч бойцов.

5 июня 1711 г. Милорадович разослал царские грамоты, а 15—20-го числа того же месяца сербы уже разбили турок близ Гадска. За этой победой последовали другие, и за короткое время турки были изгнаны из Приморья, Герцоговины и части Македонии. Укрывшиеся в городах турки были изолированы и разобщены. Эти военные успехи были остановлены катастрофой, разразившейся на реке Прут.

Царь Пётр не последовал осторожному совету патриарха Досифея и, не закрепившись на северном берегу Чёрного моря, двинулся к Дунаю. Помощь, которую он ожидал от Молдавии и Валахии, оказалась очень незначительной, а черногорцы не могли присоединиться, так как русскому войску не удалось дойти до Дуная. Австрийские сербы также не смогли помочь русским. Собралось до 19 тысяч сербов, готовых покинуть империю и идти на помощь русским в Прутский лагерь, но передвижение такого большого числа людей не могло укрыться от австрийского правительства; главари были арестованы, на границе поставлены сильные заставы². Только небольшому отряду удалось обмануть бдительность австрийских властей и достигнуть русского лагеря.

Окружённый со всех сторон многочисленными турецкими войсками, Пётр, чтобы не попасть в плен и не погубить всё войско, должен был заключить с турками мир на тяжёлых условиях. Черногорцы долго не хотели верить сообщениям о Прутском договоре и продолжали воевать с турками, а когда убедились, что печальное событие произошло, заключили с ними перемирие. Жители Герцоговины, оставшиеся под турецким владычеством, испытали на себе всю тяжесть мести турок. Черногорцы также были истощены бесплодной тяжёлой борьбой, унесшей много материальных средств и человеческих жизней.

¹ См. ЦГАДА, Сербские дела, 1714 г.

² См. ЦГАДА, Турецкие дела, 1714 г.

Несмотря ни на что, царь Пётр оставался в глазах южных славян героем. О нём складывались черногорские народные песни. Народ не винил Петра и признавал, что он действовал так в силу необходимости.

О сербах, которые не могли вернуться на родину из опасения преследований со стороны турок и венецианцев, в январе 1715 г. был издан указ, по которому славяне, перешедшие на русскую службу, получали земли, хлебное и денежное жалованье в зависимости от чина. Черногорцам была дана жалованная грамота с похвалой за общие с Россией военные действия «по единоверию и единоплеменности», с соболезнованием по поводу перенесённых тяжёлых бедствий и с обещанием вознаградить за разорение. Черногорский митрополит Даниил, ездивший за помощью в Россию, вернулся в Черногорию с жалованной грамотой, значительной суммой денег и архиерейским облачением. Знакомство с русскими порядками и русским строем произвело на Даниила такое впечатление, что он провёл реформу государственного управления страной с более определённым разграничением обязанностей центральных и местных властей, с учреждением особой должности губернатора, главы светской власти¹.

Сознание славянского племенного единства проникло в народные глубины. В сербских народных песнях, отражающих события 1711 г., царь обращается к сербам о помощи, напоминая им:

„Вы сте с русма и еднога рода,
Едне вере, еднога езика“².

Образованные сербские круги проявили живой интерес к России. Долматинец католик Каваньин, умерший в Сплите в 1714 г., был известен как большой почитатель царя Петра. Он написал поэму о страданиях славян под турецким игмом, о надежде на освобождение с помощью России, о доблестях царя Петра.

Сближение с сербами вызвало у Петра интерес к истории славян. В 1711 г. русскому поверенному в делах при

¹ См. *Д. Бакич*, Черногория под управлением владык, Журнал Министерства народного просвещения, 1878, август, ч. СХСVIII, стр. 233.

² Песни, собранные *П. В. Киреевским*, вып. 8, стр. 268.

венском дворе Урбиху было поручено выяснить вопрос о происхождении славян. Сам Урбих, имевший мало сведений о славянах, обратился к немецкому философу Лейбницу, который уже был знаком с Петром и хотел поступить на русскую службу. Лейбниц составил небольшую записку, в которой отождествлял славян с сарматами, а русских считал потомками роксолан. Для более глубоких изысканий Лейбниц просил прислать некоторые исторические памятники, в том числе «Патерик»¹.

В 1714 г. Савва Владиславлевич Рагузинский, конечно, с ведома Петра, перевёл с итальянского языка на русский сочинение дубровчанина М. Орбини по истории славян². Находясь в Астрахани и занятый приготовлениями к персидскому походу, Пётр не утратил интереса к истории славян и потребовал, чтобы Синод прислал ему эту книгу, если она напечатана. В это же время Пётр распорядился о создании особого полка из сербских выходцев, пополнив недостающее число набором среди австрийских сербов. Это дело было поручено Ивану Албанезу, который выехал из России вместе с митрополитом Даниилом. Всего было набрано 456 человек, в том числе 396 рядовых. Для формирования комплектного полка к ним были присоединены 600 рядовых из слободских полков, так что русские и сербы жили и работали вместе³.

С школьным образованием у сербов дело обстояло очень плохо. В австрийских владениях сербских православных школ не было. Образование сербам приходилось получать в католических или униатских школах, в которых православные сербы зачастую теряли отцовскую религию и забывали свою национальность. Поэтому сербы только в редких случаях посылали своих детей в немецкие школы, охотнее пользуясь услугами православных монастырских грамотеев или бродячих, часто полуграмотных учителей. Среди учителей находим русского Василия Московита,

¹ См. В. Герье, Отношение Лейбница к России и Петру Великому, Спб. 1871, стр. 136—139.

² См. П. Заболотский, Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени, Варшава 1908, стр. 34.

³ См. ЦГАДА, Сербские дела, 1723 г.; «Сборник Русского исторического общества», т. 69, стр. 923—924.

который занимался педагогической работой среди сербов в конце XVII и начале XVIII в.

Патриарх Арсений III не раз обращался к австрийскому императору с ходатайством об открытии сербских школ, но не получил никакого ответа. Митрополит Моисей Петрович оказался более счастливым.

В 1718 г. Моисей Петрович обратился к Петру с грамотой, в которой просил прислать богослужебные книги, а также учителей латинского и славянского языков, мотивируя свою просьбу тем, что нужны образованные люди для борьбы с католической пропагандой. Грамоту митрополит послал русскому резиденту в Вене А. Веселовскому, но неизвестно, дошла ли она по назначению; ответа никакого не последовало. Зато повторное обращение митрополита, приложенное к поздравлению по поводу заключения Ништадтского мира, имело полный успех. В письме к канцлеру Головкину, посланном одновременно с письмом Петру, митрополит Моисей сообщил, что на организацию школы с русским преподавателем получил императорское разрешение. Письмо заканчивается намёком на то, что сербы «в подобное время» могут оказаться полезными русскому царю.

В Белград был послан учителем переводчик Максим Суворов с учебными книгами¹.

Суворов отправился в далёкое путешествие в конце 1725 г. С ним были отправлены предметы, необходимые при богослужении. Учебники Суворов купил на свой счёт и повёз с собой несколько экземпляров букваря Феофана Прокоповича «Первое учение отроком в нем же буквы и слоги». Этот букварь замечателен тем, что не походил на другие учебники того времени, которые были написаны не народным языком, а высоким славянским диалектом. «Первое учение отроком» оставалось основным учебником сербских школ в течение целого столетия, до появления в 1827 г. букваря Вука Караджича.

¹ О посылке Суворова см. книгу П. Кулаковского, *Начало русской школы у сербов в XVIII в.*, Спб. 1903. Документы о посылке напечатаны в издании «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода», т. II, ч. 1, Спб. 1879.

Кроме букваря Феофана Прокоповича Суворов захватил с собой грамматику Мелетия Смотрицкого, также долго бытовавшую в сербских школах, и «Трехязычный словарь» языков славянского, латинского и греческого.

Приехав в город Карловец, Суворов скоро убедился, что положение его будет очень тяжёлым, а преподавание встретит много препятствий. Он понял политику австрийских властей, стремившихся всех сербов, попавших под власть венского двора, обратить в католичество, а свободных крестьян — в крепостных.

Австрийцы, захватив исконные сербские земли, начали насаждать католицизм с помощью миссионеров, которым по приказу из Вены должны были помогать гражданские и военные власти: «во славу Божию и для утешения и спасения душ». Учреждены были католические, хорошо оборудованные школы. При таких обстоятельствах Суворов как деятель православной национально-сербской школы от местных властей и католического духовенства мог ожидать не помощи, а всевозможных затруднений.

Как ставленник митрополита Моисея Петровича Суворов оказался врагом враждебной митрополиту части сербского духовенства. Интриги и притеснения доставляли много неприятностей и мешали преподавательской работе. Бродячие учителя, которые кормились преподаванием грамоты детям зажиточных сербов, увидели в Суворове опасного соперника и всякими мерами старались не допускать сербских юношей в школу Суворова. К тому же помещение для школы не было подыскано, не был заготовлен школьный инвентарь. Первое время Суворов бродил из города в город, устраивал школу в своей квартире, ученики не имели ни столов, ни скамей, писали на навощённых дощечках. Обращаться с просьбами и жалобами к митрополиту Моисею было невозможно, так как он по делам своей паствы жил преимущественно в Вене или же объезжал свою обширную митрополию.

Материальные условия, в которых жил Суворов, были также тяжёлыми. Более трёх лет он не получал назначенного ему Синодом вознаграждения, кое-как питался небольшим пособием от митрополита Моисея, распродал привезённые из России книги, входил в долги. От тяжёлой

жизни умерли на чужбине его дети, сам он часто хворал, но держал себя с неизменным достоинством и не бросал порученного ему дела.

1 октября 1726 г. Суворов, набрав семь человек учеников, начал занятия в Карловце в своей квартире, но скоро, по желанию митрополита Моисея, переехал в Белград. Здесь ему было отведено помещение в митрополичьем доме и набрано 50 учеников. Однако скоро снова пришлось переезжать в Карловец, так как при перестройке крепости митрополичий дом был сломан. Снова был произведён набор учеников, потому что белградские ученики почти все отказались ехать в Карловец. Вследствие того, что митрополит поощрял поступление в школу малограмотных монахов и священников независимо от возраста, набралось 124 ученика разной степени подготовки. С некоторыми можно было начать изучение латинского языка, для чего был приглашён брат Максима Суворова Пётр. В 1729 г. состоялся первый выпуск учеников, прошедших курс суворовской школы. Трое из них были оставлены при школе в качестве помощников учителя и назывались магистрами.

В 1730 г. скончался митрополит Моисей Петрович. Сербская церковь переживала смутное время предвыборной агитации, взаимных пререканий, интриг и т. д. Школой никто не интересовался, и она почти прекратила своё существование.

В июле 1731 г. на пост митрополита был избран арадский епископ Викентий Иванович, уступавший митрополиту Моисею в смысле дарований и энергии. Новый митрополит отнёсся к Суворову недоброжелательно и из-за прежде возникавших между ними недоразумений и вследствие опасения навлечь на себя неудовольствие австрийских властей покровительством русскому православному учителю. Викентий Иванович заявил Суворову, что его наниматель митрополит Моисей скончался и теперь в услугах русского учителя не нуждаются. Суворов написал в Синод просьбу о разрешении вернуться в Россию.

Для поддержания собственного достоинства Суворов обратился к собору с просьбой дать отзыв об его работе и сообщить, известно ли членам собора, что он, Суворов, послан к сербам по приказу императора Петра, согласно

письменной просьбе митрополита Моисея Петровича. Члены собора дали письменный ответ, что считают школьную работу учителя Суворова полезной, а о письме митрополита Моисея ничего не слышали.

В ожидании разрешения Синода на выезд Суворов проживал в Вене. Здесь возник вопрос о продолжении его педагогической деятельности в сербской школе. Когда стало известно, что Суворов прислан русским правительством, значение его в глазах сербов поднялось, и даже митрополит Викентий стал оказывать ему лестное внимание. Сербы города Сегедина обратились к русскому послу в Вене Ланчинскому с просьбой «пожаловать» им Суворова, т. е. командировать его в их школу. Ланчинский послал по этому ходатайству запрос в Петербург, сообщив при этом очень лестные отзывы сербов о полезной деятельности Суворова. Подобное же ходатайство представила сербская община города Буды. Ответа из Петербурга никакого не последовало ни на просьбу Суворова о возвращении в Россию, ни на ходатайства об оставлении его на учительской работе в сербских школах. Только в 1737 г. Суворову удалось выехать из Вены.

Притеснения, которые испытывали сербы, поселившиеся во владениях австрийского императора, от австрийских и венгерских властей и католического духовенства вызвали поток жалоб, направленных русскому правительству. Белградский митрополит Моисей в 1728 г. жаловался на «великие... налоги и несносные и прямые неправды и напасти, под коими скрытое творится насилие вере Православной»¹, и просил ходатайствовать за сербов перед цесарем. Печальное положение сербов подтвердил александроневский архимандрит Пётр Смелич, серб родом, который нарисовал яркую картину страданий православных сербов. В доказательство прав сербов на политическую и религиозную автономию Смелич представил списки с императорских грамот и неоднократные их подтверждения, данные сербам при переселении во владения императора².

¹ С. Соловьев, История России, кн. IV, стр. 1257.

² См. ЦГАДА, Сербские дела, 1728 г.

Через два года в Петербурге было получено известие, что сербский патриарх Арсений опасается тюремного заключения вследствие своего несогласия перейти в католичество и принять от императора посланную ему кардинальскую шапку. Ряд поступивших ходатайств о защите заставил, наконец, петербургский двор послать Ланчинскому приказ «под рукой и приличными способами» разведать, правильны ли жалобы на религиозные притеснения православных, живущих в царских владениях. Если посол убедится в правильности жалоб, то ему предписывалось сделать соответствующие представления венскому правительству. Только через год Ланчинский дал на полученный им приказ ответ, что «поныне тягостей им наносимых не усматривает». Императрица Анна Ивановна и её окружение удовлетворились таким ответом¹.

В 1733 г. началась война между Россией и Турцией. С 1737 г., в силу договора с Россией, в войну вступила Австрия.

Сербы рассчитывали, что две могущественные державы легко справятся с Турцией, переживавшей период упадка, и взялись за оружие. Восстание турецких сербов сначала было очень удачно. Турки были разбиты в нескольких сражениях, и путь к турецким владениям был открыт для австрийской армии, которая, наконец, начала военные действия и заняла большую часть сербских земель до самого Ниша. Но положение скоро изменилось. Сербы поняли, что австрийцы намереваются присоединить сербские земли к империи; австрийские сербы, входившие в большом числе в состав австрийского войска, не забыли вероломства австрийцев и венгров и сражались очень неохотно. Кончилось тем, что потерпевшие ряд военных неудач австрийцы, не предупредив сербов, стали поспешно отступать.

Австрия заключила позорный мир с турками, оставив на произвол судьбы сербов, которые опять были вынуждены или подвергнуться всем ужасам мести турок, или принять предложение австрийцев переселиться в австрийские владения к своим пострадавшим родичам. Патриарх Арсений решил поверить «довольному обнадеживанию», ко-

¹ См. ЦГАДА, Греческие дела, 1731 г.

торое от лица императора дал главнокомандующий австрийской армии Секендорф, и во главе приблизительно 60 тысяч сербов перешёл австрийскую границу. Положение сербов оставалось тяжёлым. Тогда патриарх Арсений послал в Петербург письмо с изложением перенесённых сербами страданий и с просьбой принять сербов для войны с турками, а если им суждено оставаться в цесарских владениях, «оный народ письменно благонадежно укрепить и оному смелость подать». От бироновского окружения императрицы Анны Ивановны никакого ответа не последовало¹.

В результате событий 30-х годов XVIII в. в глазах южного славянства пал престиж Австрии. Единственной покровительницей славянского мира осталась Россия. Из русской казны по определённом списку, составленному ещё при Петре Великом, продолжали посылать пособия сербским монастырям и церквям.

Участие в Семилетней войне вызвало в России огромное напряжение сил, и правительство стало приглашать балканских и австрийских славян, валахов, молдаван и других иноземных охотников. Австрийские сербы стали переходить в Россию большими группами. Войны с Пруссией, когда военное сотрудничество с венграми было для императрицы Марии-Терезии особенно ценно, заставили её пойти на уступку венграм по многим вопросам и, между прочим, по вопросу о подчинении сербов венгерскому местному правительству. Вместе с тем, крайне дорожа союзом с Россией, Мария-Терезия была вынуждена согласиться на уход части сербов в Россию.

Вербовка сербов на русскую службу протекала не всегда гладко вследствие противодействия со стороны православного карловицкого митрополита Павла Ненадовича. Он был энергичным деятелем по части устройства сербских школ и православных братств, но венский двор относился к нему очень благожелательно. Это наводит на мысль, что он был тайным проводником намерений этого двора².

Австрийским сербам русское правительство продолжало оказывать некоторую поддержку. В 1757 г. в Россию приехал поручик австрийской службы Радотич и подал в

¹ См. ЦГАДА, Сербские дела, 1738 г.

² См. ЦГАДА, Сербские дела, 1751 г.

Сенат заявление о тех притеснениях, которые испытывают православные от австрийских властей и католического духовенства: православных принуждают принимать унию, упорствующих держат в тюрьмах, православные храмы или отбираются, или подвергаются осквернению. Радотич на себе испытал религиозное гонение и долго сидел в тюрьме.

Русскому послу в Вене Кейзерлингу было поручено расследовать, не терпят ли православные каких-либо притеснений со стороны католиков, и если терпят, сделать соответствующее представление венскому двору. Кейзерлинг отвечал, что уж такое направление сложилось в католической религии, что свобода совести не признаётся, что иноверные подвергаются преследованиям, а от последователей требуется слепое повиновение. После такого вступления Кейзерлинг сообщал, что с запросом о притеснениях православных со стороны католиков он обратился к австрийскому канцлеру графу Кауницу, но тот отрицал все приведённые в жалобах факты и утверждал, что, наоборот, католики много терпят от православных.

Такая отписка в Петербурге была признана неудовлетворительной, и Кейзерлингу было указано, что факты преследования православных установлены и что слишком многие обращаются с жалобами в надежде, что голос русского двора будет услышан в Вене. На основании нового обследования Кейзерлинг сообщил, что католики, действительно, притесняют православных, которые нигде не могут найти себе защиты, так как обращающиеся с жалобами к австрийской императрице или совсем исчезают, или попадают в тюрьму, где заживо гниют. Отобранные у православных церкви обращаются в костёлы, даже если в округе нет ни одного католика или униата. При этом Кейзерлинг намекнул, что выступление русского двора в защиту православных вряд ли увенчается успехом: австрийцы охотно извиняются, но мало исправляются¹.

При Екатерине II отношения русского двора, но не русского народа, к сербам приобрели некоторую холодность вследствие того, что черногорцы и некоторые из соседних

¹ См. ЦГАДА, Сербские дела, 1757 г.; С. Соловьев, История России, кн. V, стр. 999—1000.

герцоговинских племён признали своим главой авантюриста Степана Малого, принявшего имя и титул императора Петра III. Однако под давлением австрийцев, принимавших участие в войне против турок в союзе с Россией, Екатерина пригласила черногорцев также начать военные действия против общего врага. Посланный на Балканы для набора добровольцев русский генерал Ивелич набрал среди герцоговинцев небольшой отряд, открыл военные действия, но не добился никакого успеха. Набранные им сербы не могли вернуться в родные места из опасения турецких гонений, долго скрывались в горах и, наконец, добрались до русской территории, где получили земельные участки и средства на обзаведение.

Подведём краткий итог взаимоотношениям Сербии и России в XVII—XVIII вв. В XVII в. связь между русскими и сербами имела чисто культурный характер и основывалась на общности религии, сходстве языка и племенном родстве. В конце века прибавилась ещё связь политическая: Россия превратилась в защитницу интересов сербского населения Турции и Австро-Венгрии. Общие интересы совместной борьбы с турками сблизили русских с сербами.

Россия не была связана с южными славянами какими-либо экономическими интересами вследствие отдалённости от Балканского полуострова, тогда как Венеция, владевшая Далмацией и контролировавшая торговые сношения населённых сербами турецких провинций Боснии и Герцоговины, в силу экономического давления влияла на их политику и отвлекала от дружеских отношений с Россией. Место быстро дряхлевшей Венеции заняла Австрия, опасный соперник России на Балканском полуострове. В условиях зависимости от Турции сербы не могли оказать значительную военную помощь России, но оставалось единство религии, племенное родство, сходство языка, взаимное влияние в области литературы, словом, культурная близость.

С. А. Никитин

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ
С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ
В 60-х ГОДАХ XIX В.

Рыступая в английском парламенте с сообщением о заключении Парижского мирного договора, министр иностранных дел Англии Пальмерстон говорил об открывающихся перспективах мира и спокойствия на Балканах. Продолжая эту традицию, известный современный английский историк Сетон-Уатсон в своей работе «Британия в Европе»¹ утверждает, что благодеяние войны заключалось в поражении России, отодвинутой почти на два десятилетия от Чёрного моря, и в ослаблении её влияния и воздействия на Балканах, что будто бы способствовало получению народами Балканского полуострова своей национальной независимости, на которую посягала Россия. Однако Восточный вопрос не был только борьбой держав за преобладание или территориальные захваты в Турции. Существенной его частью была национально-освободительная борьба балканских народов.

Парижский мир, временно отодвинув Россию от Чёрного моря и ослабив её, не решил ни одного вопроса, и особенно по отношению к Балканскому полуострову. Ни одно из стремлений южных славян не было удовлетворено. Банкротство англо-французской политики на Балканах обнаружилось очень скоро, так как вновь, и подчас ещё острее, здесь возникали те же самые проблемы, которые были неразрывно связаны с конфликтом, приведшим к Крымской войне.

Буквально накануне отъезда посольства Меншикова в Константинополь в 1853 г. произошло столкновение

¹ См. А. W. Seton-Watson, *Britain in Europe*, Cambr. 1937.

Черногории с Турцией, перешедшее в вооружённую борьбу. Причиной этого послужила неурегулированность вопроса о государственном положении Черногории. Турция не признавала независимости Черногории и претендовала на верховные права на территории, никогда ей не принадлежавшей.

Черногорско-турецкий конфликт особенно обострился после 1852 г., когда очередной кандидат на черногорский престол — князь Даниил не захотел надеть монашескую рясу, как это делали его предшественники, а с согласия России провозгласил себя князем, подчеркнув этим свои притязания на независимость.

Россия и Австрия, заинтересованные в сохранении мира на Балканах, пытались примирить Черногорию с Турцией — Россия ожидала близкой войны с Турцией, и в своём военном плане Николай I предусматривал общее восстание народов Балканского полуострова против Турции, а поэтому распыление сил было не в его интересах; Австрия, с 1848 г. напуганная народными движениями, боялась всякого движения, носившего освободительный характер. Начавшаяся вскоре Восточная война отодвинула на задний план этот острый для черногорцев вопрос. А так как его остроту не могли уничтожить никакие общеевропейские конфликты, то, как только общая обстановка разрядилась, борьба разгорелась вновь.

Черногорский вопрос был поднят на Парижском конгрессе, так как австрийский, английский и турецкий представители пытались зафиксировать признание черногорской территории составной частью Турции. Это вызвало протест России и Черногории; отношения последней с Портой вновь испортились. Черногорский князь Даниил выступил со встречным заявлением о правах Черногории на всю Герцоговину и половину Албании, принадлежавшие в своё время зетским воеводам. Вместе с тем он отрицал права Турции на Черногорию.

Тогда европейская дипломатия устами французов предложила маленькой славянской стране признание турецкого суверенитета в обмен на территориальные уступки Черногории со стороны Порты¹.

¹ См. В. Попович, Акция кнеза Даниила у Паризу 1857 г., „Глас српске кр. Акад.“ № 110, Ср. Карловци 1923.

Это решение, простое и, казалось бы, выгодное, грозило опасностью всему Балканскому полуострову. Орлиное гнездо воинственных черногорцев было искони притягательным центром для соседних угнетённых турками народов. Особенно герцоговинцы и босняки поддерживали связи с Черногорией, видя в ней опору в своей борьбе с Турцией. Для самой Черногории признание турецкого суверенитета было бы бесславным концом всей её героической истории, представляющей непрерывную борьбу за независимость. Для России сохранение боевой роли Черногории и её значения как объединительного центра антитурецкой борьбы было важно с точки зрения Восточного вопроса, в котором маленькая, но воинственная Черногория занимала не последнее место. Вот почему позиция Франции не нашла сочувствия в Петербурге. Горчаков напомнил французскому послу в России графу де-Морни о старых связях России и Черногории и заявил, что Россия против подчинения черногорского князя Турции. Дружественное отношение русского правительства было важно для французского императора Наполеона III, стремившегося заручиться поддержкой русских в войне против Австрии. И, когда в начале марта 1857 г. князь Даниил приехал в Париж, надеясь на успех своих переговоров, ему посоветовали прежде всего договориться по этому вопросу с русским посланником в Константинополе Бутеневым. В силу разногласия обеих держав — России и Франции — дипломатия не могла в данной стадии разрешить этот вопрос.

Волнения на границах Черногории продолжались, захватив даже Боснию и Герцоговину. Рост восстания заставил турок начать подготовку к захвату Грахова. Князь Даниил обратился за помощью к русскому правительству. В результате переговоров по этому вопросу России с Францией правительства этих государств дали тождественные инструкции своим представителям при Порте, которые должны были внушить Турции благоразумие.

Но Турция, поддержанная Австрией, не вняла советам и заняла Грахово. Россия обратилась к Франции с предложением совместно потребовать эвакуации турецких войск из Грахова. Франция твёрдо заявила в Константинополе о необходимости для Турции сохранять статус кво 1856 г.

и угрожала в противном случае признать независимость Черногории. Твёрдая позиция России и Франции побудила Турцию пойти на уступки. 8 ноября 1858 г. был подписан протокол о сохранении статус кво 1856 г. Только одна Россия сделала попытку добиться некоторого исправления и улучшения границ в пользу Черногории. Предложение России встретило поддержку Франции, но представители других держав заявили протест. Мир был заключён, но он был недолог. Волнения в Боснии и Герцоговине не улеглись. Ссылаясь на это, Турция вновь захватила Грахово. В то же время на другом конце Турецкой империи — в Сирии — началась резня христиан.

Напряжённость внутреннего положения в Турции была вполне ясна Горчакову, который в апреле 1858 г. предложил представителям держав собраться для обсуждения общего вопроса о положении христиан в Турции. Он указывал, что обещания, данные Турцией в отношении её христианских подданных, не выполняются, что султанский указ 1856 г. (хатти-хумайун) остался мёртвой буквой.

Французский император Наполеон III, по словам английского посла во Франции Каули, был не против создания единого государства из Сербии, Черногории, Боснии и Герцоговины. Он был убеждён в желательности уничтожения власти турок над народами Балканского полуострова, но главным мотивом его действий, главным интересом его была не судьба сербов и хорватов, а стремление к господствующей роли Франции, к тому, чтобы именно её голос звучал сильнее всех по любому вопросу европейской политики¹.

Вот почему предложение русского министерства иностранных дел вызвало во Франции массу казуистических вопросов, имевших целью затянуть дело.

Выждав несколько месяцев, Горчаков повторил своё предложение, но и на этот раз не встретил поддержки. Однако эти неудачи не останавливали русского министра иностранных дел. В середине 1860 г. Горчаков настаивал на том, что «продолжительная беспечность Европы может

¹ См. W. G. East. The union of Moldavia and Wallachia, Camb. 1935, p. 194—195.

сделаться преступлением против общего мира», что «существование Оттоманского правительства, угрожаемое опасностью вследствие невыносимых условий жизни, которые оно заставляет терпеть христиан, может быть сохранено только посредством строгих примеров правосудия над теми, кои будут признаны виновными, и посредством принятия более человеческой системы относительно христианского населения»¹.

Упорство Горчакова раздражало европейскую дипломатию. «Его позиция, — писал из Петербурга французский посланник Монтебелло о Горчакове, — не плохая... Если Европа мало делает для них (христианского населения. — С. Н.). Россия — хочет многого»². Французский дипломат вполне правильно изобразил отношение России и западных держав к вопросу о правах турецких славян. В то время как Европа не хотела реального расширения их прав, была против предоставления им автономии, Россия стремилась именно к этому. Но попытка России поставить общий вопрос о положении южных славян встретила бесконечный ряд увёрток со стороны Франции и прямую угрозу со стороны Англии.

Борьба в Черногории и Герцоговине продолжалась. Если Англия и Франция мешали осуществлению планов России, то Австрия прямо действовала против интересов славян. Оказывая непосредственное давление на Черногорию, она стремилась добиться её подчинения турецким требованиям, выступая в роли посредника во время переговоров с герцоговинцами. В результате этого «посредничества», поддержанного Францией, Черногория оказалась вынужденной принять турецкий ультиматум. Мир, заключённый на его основе, обязывал Черногорию допустить постройку турками на её территории военной дороги с блокгаузами для турецких гарнизонов. Протесты России оказались и по этому вопросу безрезультатными. Мир, нёсший с собою не успокоение и примирение, а усиливавший зародыши новых столкновений, был подписан.

¹ „Москва“, 1867, № 50.

² *Charles Roux, Alexandre II, Napoleon III et Gortchakoff, Paris 1913, p. 292.*

Лондонский кабинет одобрил турецкие условия. Деша Россея английскому поверенному в делах Лоселею 18/30 сентября 1860 г. говорила, что задача Англии — поддержать целость и неприкосновенность Турции. Если же Черногория считает себя независимой — пусть несёт последствия войны. Горчаков оспаривал эту точку зрения. Но дипломатический спор не улучшил положения Черногории, а заглох, перейдя в литературную полемику «Morning Post» с «Journal de S-Petersbourg»¹.

Не успел разрешиться черногорско-турецкий конфликт, как возникло осложнение между Сербией и Турцией.

Сербский князь Михаил Обренович, вступивший на престол в 1860 г., с первых шагов и до конца своей деятельности преследовал одну и ту же цель — войну с Турцией за независимость Сербии, за объединение вокруг Сербии других южнославянских земель². Для выполнения этой задачи он взялся за соответствующую внутреннюю подготовку в стране. 17 августа 1861 г. скупщина приняла закон об организации народного войска, на основании которого было начато обучение 50-тысячной армии. В то же время Михаил и его соратник — выдающийся сербский государственный деятель, министр иностранных дел Илья Гарашанин — стремились привлечь к своему делу другие народы Балкан. Для того чтобы привлечь к общей борьбе и болгар, Гарашанин сообщил о сербских планах знаменитому болгарскому революционеру и руководителю повстанческой болгарской организации Г. С. Раковскому. Раковский горячо откликнулся на призыв. К концу 1861 г. он разработал план освобождения Болгарии, предусматривавший организацию болгарской дружины на сербской территории. Из Сербии отряд должен был двинуться в Болгарию и поднять там восстание. Раковский считал достаточным иметь для начала чету в 1 200 человек, так как он предполагал, что по мере продвижения её по Болгарии отряд вырастет до многих десятков тысяч человек³.

¹ См. Рукописный отдел Библиотеки имени Ленина, Воспоминания Милютина, т. XI, № 7842, стр. 213.

² См. С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила, Београд 1923, стр. 89—90.

³ См. Н. Станевъ, България подъ иго, София 1923, стр. 320.

Михаил попытался избавить Сербию от турецких гарнизонов, стоявших в ряде сербских крепостей, в том числе в сербской столице Белграде. Для переговоров о выводе турецких гарнизонов Гарашанин был послан в Константинополь, но эта поездка не принесла результатов.

Вся эта подготовка не была тайной для Турции, протестовавшей против деятельности князя Михаила. Турция стала сосредоточивать войска на границах Сербии. Было спровоцировано столкновение между сербами и турками в Белграде. Турки убили сербского мальчика. Это вызвало взрыв возмущения. Возникшие волнения и столкновения послужили для турок предлогом к бомбардировке незащищённого города с белградской крепости. Происшедшее столкновение взбудоражило европейскую дипломатию. Европейские консулы в Белграде протестовали против действий Турции, и только австрийский консул, близкий с турецким комендантом крепости, не участвовал в демарше. Английский консул действовал двусмысленно, а лондонский кабинет был склонен обвинять сербов и даже предлагал австрийским войскам занять Белград. Против этого протестовала Россия. В конце концов в Канлидже, дачном местечке около Константинополя, была созвана конференция. Требования Сербии заключались в выселении турок из сербских городов, выводе из Сербии турецких гарнизонов и в передаче крепостей сербам. Русский представитель Лобанов-Ростовский поддерживал сербские требования, но они наталкивались на упорное сопротивление Англии, Австрии и Турции. Частично поддерживая русского представителя, французский посланник искал компромисса, которым в конце концов и завершилась конференция. Турки, обитавшие в сербских городах, должны были покинуть их в четырёхмесячный срок, две крепости были разрушены, в остальных попрежнему оставались турецкие гарнизоны¹.

В это же самое время в Болгарии происходила острая национальная борьба между болгарами и греками за болгарскую культуру, язык и за то, что в особых условиях

¹ *J. Rustuh*, *Спольашњи одношаји Србије новијега времена*, т. II, гл. III, Београд 1887.

старой султанской Турции представляло большое политическое значение, — за национальную церковь. Чтобы понять смысл и ожесточение этой длительной борьбы, следует остановиться на условиях её возникновения.

Будучи самостоятельным государством, Болгария имела свою независимую национальную церковную организацию. Когда под ударами турок пала независимость Болгарии и 17 июля 1393 г. был взят Тырнов, турки упразднили Тырновскую патриархию и сослали в заточение последнего патриарха Евфимия. Из всех епархий Болгарии только Охридская сохранила автокефальность. Она существовала в течение ряда столетий, пережила самые мрачные времена XVI—XVII вв., но во второй половине XVIII в. погибла. Виновниками уничтожения последней церковной организации болгар были уже не завоеватели-мусульмане, не турки, а греки.

После падения Константинополя в 1453 г. константинопольский патриарх явился к султану Магомету II и получил от него фирман (указ), в силу которого за патриархом признавалась власть над болгарской, сербской, валашской, молдавской и греческой церквами. Турки не интересовались национальностью покорённого населения. Всех христиан они называли общим именем — гяуров. Представителем их султан признавал церковного главу — патриарха. В качестве представителя христиан он должен был отвечать перед султаном за миролюбие и верность христиан и за то получал целый ряд привилегий. Ему предоставлялось управление христианами по всем религиозным вопросам, суд по бракоразводным делам, выдача решений на постройку церквей и монастырей. Он же назначал митрополитов и епископов. Патриарх должен был давать туркам сведения о численности христианского населения и содействовать определению размера налоговых поступлений. Исполнение этих обязанностей повело к образованию управления со специальным штатом. Создались как бы две административные системы в Турции — военно-государственная и духовно-церковная.

Презрение турок к науке, признание недопустимым для правоверного мусульманина изучать «гяурские» языки, признание главным делом мусульман войны повело к тому,

что греки в качестве представителей высокой византийской культуры заняли в Турции места переводчиков, врачей, секретарей, были использованы на дипломатической службе, взяли в свои руки банки, торговлю, ремесло. Они заняли специальный район Константинополя — Фанар и по этому названию получили прозвище фанариотов.

В то время как светские фанариоты управляли отдельными областями Турецкой империи — Молдавией, Валахией и др., обзаводились землями и богатствами, духовные фанариоты использовали свою власть для обогащения церкви. Они установили порядок, в силу которого все церковные должности продавались. Патриарха мало интересовал человек, которого он делал митрополитом, так же как митрополита — кандидат в епископы. Тому и другому был важен кандидат, могущий заплатить за это дороже. Едва ли не главной задачей епископа стал сбор церковной подати с народа и доставка её в Константинополь. Епископ, отправлявшийся за этой «владышницей», окружал себя большой свитой, даже янычарами. Он обходил города и сёла и собирал подать за всякие церковные требы. Сельское население, часто не имея денег, платило натурой, и за епископом следовал целый обоз всякого добра, затем распродававшегося на базаре.

Преследуя цель обогащения, греческое духовенство мало заботилось о просвещении, которое чрезвычайно низко упало за столетия турецкой власти. Путешественник XVI в. наблюдал на Афоне ужасающую безграмотность монахов. Другой путешественник в конце XVII в. утверждал, что на сто монахов встречался только один грамотный. В этом были виноваты и турки, от которых лучшие представители византийского духовенства и культуры бежали в другие страны, главным образом в Италию, где они дали толчок изучению античной литературы, философии и других наук, которыми занимались в эпоху Возрождения. Заглохли школы на Балканах, а духовенство и не стремилось их поддерживать. И, несмотря на это, среди греков царил уверенность в своём особом значении и призвании. Они считали только греческий язык высоким и священным, пригодным для науки и поэзии и единственным языком, предназначенным для молитвы. Гордая неве-

жественность наряду с появившимися во второй половине XVIII в. стремлениями к возрождению эллинизма, усилили уверенность греков в их национальной исключительности. Греки стали открывать специальные школы, в которых учащимся внушали, что только греки — культурный народ, а все остальные народы — варвары и только тот, кто отречётся от варварства и станет греком, войдёт в общество культурных людей и получит, если он купец — кредит, если ремесленник — хорошие заказы, станет членом церковной общины, видным и влиятельным человеком. Греки стремились эллинизировать негреческое население, они мечтали распространить на него не только свою культуру, но и подчинить политически, возродив и восстановив греческую империю на всей территории Балканского полуострова.

Во второй половине XVIII в. началось болгарское возрождение. В Болгарии шире развиваются ремесло и торговля, болгары входят в более близкие отношения с другими народами.

В 1762 г. из тихой кельи афонского Хиландарского монастыря раздался вдохновенный голос монаха Паисия, написавшего «Славяно-болгарскую историю» и призывавшего: «Болгарин, узнай свой народ и язык, обычаи своего отечества и старайся узнать, каков был в старые времена твой народ, имел ли царей, патриархов, святых»¹. В своей «Истории» Паисий рисовал картину великого прошлого Болгарии, призывал отказаться от тяготения к греческому народу, его языку и обычаям. Сочинение Паисия получило большое распространение, оно ходило в рукописных копиях по рукам, пробуждая воспоминания о великом прошлом Болгарии, будя мечты о таком же блестящем будущем.

За этим первым шагом на пути возрождения болгарского народа последовали другие. Стало развиваться школьное дело. В 1824 г. была издана первая болгарская учебная книга — букварь, напечатанная славянским шрифтом. С 30-х годов XIX в. появляются улучшенные болгарские училища, теснее становятся связи Болгарии с Россией, а десятилетием позже под воздействием русской литературы.

¹ Н. Станевъ, България подъ яго, стр. 140.

в Болгарии был введён гражданский алфавит. Болгарская молодёжь ездит учиться в Россию. Наряду с общим ростом культуры, особенно остро чувствуя притеснения со стороны греческого духовенства, болгары стремятся к созданию своего собственного клира.

В 40-х годах XIX в. одно важное обстоятельство придало церковному вопросу более широкий характер. Константинопольская патриархия получила согласие турецкого правительства на сбор значительной суммы денег, нужных для погашения долга патриархии. На епархии были наложены огромные суммы. И это побудило константинопольских болгар выступить с запросом по поводу причины образования долга и с требованием ведения богослужения и проповеди на болгарском языке, а также права выбора архиереев народом. Вождями движения были болгарские архиереи Неофит и Иларион, оба затем отправленные в ссылку.

Крымская война на время заглушила эту борьбу. В 1856 г., ссылаясь на изданный султаном указ (хатти-хумаюн), видинские болгары, чтобы избавиться от непомерных поборов, потребовали перевода архиереев на жалованье, а также назначения священников и архиереев из болгар. В следующем году в Одрине (Адрианополе) среди болгарского населения созрела мысль о полном отделении от патриархии. Однако русский консул принял меры против подачи такой просьбы турецкому правительству. К этому времени вопрос настолько уже вырос, что им заинтересовались западноевропейские державы, стремившиеся использовать греко-болгарскую борьбу в своих политических целях. Франция горячо поддерживала болгарское движение. Ей было бы выгодно разбить религиозное единство балканских народов и проложить путь католической пропаганде, а с ней и своему влиянию в Болгарии. Было совершенно ясно, что в существе своём спор перерос уже те чисто церковные рамки, в каких он зародился, что он стал политическим. Сущность его, как формулирует последний болгарский исследователь профессор Ников, заключалась в том, что «болгарский народ боролся не столько, чтобы добиться своей церкви, сколько, чтобы завоевать право в лице отдельной церкви суще-

ствовать в качестве отдельного признанного народа»¹, вопрос о церкви был в первую очередь вопросом национальным. За этой национальной стороной борьбы стала тускнеть её церковная основа, хотя формально борьба всегда сохраняла церковный характер.

Пользуясь созывом церковно-народного собора в Константинополе для пересмотра устава управления патриархией, представители от болгар выразили недовольство по поводу того, что их представителей на соборе значительно меньше, чем должно было бы быть согласно численности болгарского населения, и предъявили ряд требований общего характера: о снятии долга патриархии с болгар, избрании архиереев, восстановлении Тырновской патриархии и Охридской архиепископии. Все эти требования были отклонены.

Результатом был значительный рост униатского движения, поддерживавшегося французско-иезуитской агентурой. Агитацию в пользу унии с Римом вёл в оплачивавшемся французскими деньгами журнале «Болгария» Драган Цанков. Униатам удалось привлечь к себе жителей города Кукуши, склонить к унии игумена Габровского монастыря Иосифа Сокольского, которого 2 апреля 1861 г. папа посвятил в архиепископы и сделал своим наместником для болгарской униатской церкви. Лишь только он вернулся в Константинополь, как католики стали принуждать Иосифа к признанию *filioque* и принятию католических обрядов. Такой натиск охладил его отношения к униатам. Тому же содействовали его друзья, в частности русский консул и видный болгарский деятель Н. Геров, П. Славейков и др. Сокольский обратился к русскому посланнику князю Лобанову-Ростовскому с заявлением о желании вернуться в православие и по его совету уехал в Россию. Уния просуществовала недолго. Против неё выступили и знаменитый болгарский революционер Г. С. Раковский и выдающиеся национальные деятели братья Миладиновы. Опоры в болгарском народе уния не нашла.

¹ П. Никовъ, Възраждане на българския народъ. Църковно-национални борби и постижения, София, стр. 117.

Гораздо важнее была другая сторона событий. Не видя уступок на свои требования, встречая только отказы со стороны греческой иерархии, кружок болгарских деятелей (Д. Гешоглу, Н. Минчогулу, Т. Бурмов, епископ Иларион Макариопольский и др.) решил идти на разрыв с патриархией и требовать от султана признания независимой болгарской церкви. Это решение получило одобрение, и во время пасхальной службы (3 апреля 1860 г.) народ потребовал не помянуть имени патриарха, а заменить его именем султана. Болгарская церковь отложила от патриарха, вслед за чем последовало осуждение патриархом болгарских епископов. Всё это осложнило положение русской дипломатии, которая стремилась примирить обе стороны.

Две идеи лежали в основе политики примирения. Одна из них — церковно-каноническая. Болгары не могли создать себе каноническую национальную церковь явочным порядком. По церковным правилам, чтобы она была законной, необходимо было согласие патриарха на её образование, иначе болгары оказались бы раскольниками. Было и другое соображение. Разделение церкви создало бы в Турции два независимых объединения угнетённых христиан. Они были бы более слабыми, чем единая целостная церковная организация, к тому же, по всей вероятности, враждебными друг другу. С точки же зрения отпора мусульманскому владычеству необходимо было сохранение единства церковной организации.

Вот почему в 1858 г., отправляя в Константинополь в качестве настоятеля посольской церкви архимандрита Петра (Троицкого), Александр II говорил ему: «Мне нужно единство церкви». Из этих соображений Горчаков советовал в своих письмах посланнику в Константинополе Бутеневу стараться помирить болгар и греков на основе соглашения и взаимных уступок.

В среде русских дипломатов, ближе стоявших к арене борьбы, ещё до разрыва иногда появлялась мысль о необходимости активнее идти навстречу желаниям болгар. Это соображение диктовалось, прежде всего, боязнью католической (французской) и протестантской (английской) пропаганды. Советник посольства Е. П. Новиков писал:

«Мне кажется, что в самом желании болгар получить независимую иерархию и церковь заключается и лучшее ручательство желания их не отступать от единства православия, и самая действительная оборона против унии»¹. Но здесь возникали неизбежные препятствия канонического порядка.

На протяжении ряда лет русская дипломатия не оставляла своих примирительных попыток. По докладу Горчакова Александр II в 1860 г. предписал Лобанову-Ростовскому принять все возможные средства, чтобы патриарх не прибегал к строгим мерам против Илариона и болгар².

Когда патриархом стал Софроний, новый русский посол граф Игнатъев усердно пытался сблизить обе стороны. Ему удалось добиться отзыва из Болгарии ряда греческих архиереев для замещения освободившихся мест болгарскими, но достигнуть сколько-нибудь значительных успехов всё же не удалось³.

В начале 1867 г. патриархом стал Григорий VI, стремившийся к сближению с русской церковью и просивший русского посла о поддержке. Спустя несколько месяцев после избрания Григорий сообщил секретно графу Игнатъеву составленный им проект решения болгарского вопроса.

Это была пора, когда народы Балканского полуострова почувствовали значение и необходимость единства и союза. Ещё в 1866 г. на Крите вспыхнуло восстание. Критский вопрос грозил разрастись в конфликт крупного значения. Готовилась к борьбе с Турцией и Сербия. Идея единства, бывшая всё время главной идеей русской политики, стала находить отклик. Греки почувствовали необходимость в прекращении споров с болгарскими. Греческое королевство стало в своей политике ориентироваться на Россию. Отражением и итогом изменившейся политической обстановки и был представленный проект. Он

¹ „Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по делам православной церкви на Востоке“, Спб. 1887, стр. 123.

² См. там же, стр. 232.

³ См. Теплов, Греко-болгарский церковный вопрос по незаданным источникам, Спб. 1889, стр. 63.

содержал предположение о создании автокефального Болгарского экзархата в составе чисто болгарских епархий. Такими считали Видинскую, Кюстендильскую, Врачанскую, Софийскую, Ловченскую, Самоковскую, Руссукскую, Тырновскую, Преславскую, Силистрийскую, Варненскую. Пловдив (Филиополь) оставался в подчинении патриарха.

Этот проект был встречен Игнатьевым весьма сочувственно. Он говорил, что, если у болгар найдётся зерно здравого смысла и какая-нибудь привязанность к православию, они должны ухватиться за этот проект¹. Греческий посланник в Константинополе указывал Игнатьеву на необходимость разграничения между греческим и болгарским элементами и утверждал, что лучшей границей являются Балканские горы. Греки заявляли, что это предел их уступок. Они рассматривали вопрос в плоскости борьбы эллинизма и славянства. Греками руководила так называемая «великая идея», т. е. стремление к восстановлению утраченного греками политического значения, к воссозданию греческой государственности в пределах бывшей Византийской империи, иначе говоря, к экспансии и эллинизации других народов Балканского полуострова. Они готовы были отдать болгарам только Придунайскую Болгарию, но остальными болгарскими областями собирались владеть сами. Область между Дунаем и Балканами включала только треть болгарского населения. Болгары, владевшие гораздо большей территорией, видевшие в борьбе с греками национальное, а не церковное дело и признававшие себя православными, конечно, не могли принять этих условий. Они казались одинаково неприемлемыми и политически умеренными даже туркофильским церковным кругам и деятелям революционной борьбы за освобождение болгарского народа от власти турок. Последние надеялись на близкое политическое освобождение всего болгарского народа. Г. С. Раковский заявлял, что в вопросе вероисповедания следует идти неуклонно до

¹ См. *G. Troubetzkoï, La politique russe en Orient, „Revue d'histoire diplomatique“, 1907, p. 176.*

конца, до разрыва с патриархией. Того же взгляда держался возникший в Бухаресте «Тайный центральный болгарский комитет» (Касабова — Диамандиева).

Турки прекрасно понимали нависавшую над ними угрозу совместной борьбы всех балканских народов. Они отдавали себе отчёт в опасности примирения болгар и греков и поэтому старались поощрять крайние, наиболее радикальные стремления болгар. Был пущен слух, что Порта сама готова предоставить болгарам больше, чем предлагают греки. Великий визирь Али-паша, приняв болгарскую делегацию, заверил её, что Турция расположена признать болгар в качестве отдельного народа (милет).

Критское восстание, вспыхнувшее в 1868 г., всё продолжалось. Волновалась и Болгария, где действовала, правда, вскоре разбитая, но всё же вызвавшая большой шум чета Хаджи Димитра и Стефана Караджи (июнь 1868 г.). В июне 1868 г. Турция сообщила патриарху свой проект урегулирования конфликта, обещая держать его в секрете от болгар, но не сдержала своего обещания. Это было сделано ради того, чтобы привлечь болгар на свою сторону. Через короткий срок Порта предложила новые проекты, которые отвлекали противников от соглашения и усиливали борьбу и споры.

По инициативе графа Игнатьева греки выступили с предложением созыва вселенского собора, но это предложение было одобрено только восточными греческими патриархами и Синодом греческого королевства. Сербская, румынская и русская церкви считали созыв собора неуместным, так как спор между греками и болгарам шёл не по вопросам веры, а по вопросам организации церкви. Русский Синод учитывал, что собор может привести только к углублению разрыва, и отверг предложение. Действовала против собора и Турция, опасаясь усиления русского влияния. Между русской дипломатией и церковными кругами обнаружилось, таким образом, расхождение, но, отказавшись участвовать в соборе, русский Синод дал понять грекам, что некоторые самые естественные, основательные, законные желания болгар русский Синод считает своим долгом удовлетворить.

Тем временем повстанческая борьба на Крите стала затухать, а в феврале 1869 г. комитет, руководивший восстанием, был распущен. Вопрос о греко-турецком конфликте перешёл на рассмотрение международной комиссии, где Россия оказалась изолированной и Греция потерпела неудачу. Этот дипломатический удар наряду с продолжавшейся греко-болгарской борьбой вызвал появление в Греции новых веяний. Русская ориентация последних лет была оставлена, стали появляться признаки турецкой ориентации. Французская печать в Константинополе старалась разжигать недовольство греков против славян вообще и русских в частности.

Видя, что все попытки побудить греков к мирному решению вопроса оказываются тщетными, Игнатъев решил, что выход из положения нужно искать в поддержке болгарских требований. Он стал настаивать перед Портой об издании специального указа, который решил бы вопрос о самостоятельности болгарской церкви. Это было сочувственно принято турецким правительством, которое думало таким путём разъединить болгар и греков и не дать первым возможности сблизиться с Россией или римской церковью¹.

Результатом этих противоречивых стремлений был изданный 26 февраля 1870 г. фирман, определивший организацию болгарской церкви. Фирман признавал автономный Болгарский экзархат, глава которого избирается болгарскими, а патриарх даёт избранному утвердительную грамоту. Экзарх получал право прямых сношений с местными властями и Портой. В состав экзархии включались епархии: Рушукская, Силистрийская, Шумленская, Тырновская, Софийская, Врачанская, Ловченская, Видинская, Нишская, Пиротская, Кюстендильская, Самоковская, Велесская, Варненская (без города Варна), Сливненский санджак (округ), Сизопольская каза (район), Пловдивская епархия — последние три, за исключением отдельных городов и сёл. Помимо того устанавливалось, что при наличии заявления двух третей населения какой-либо местности о

¹ См. П. Никовъ, Възраждане на българския народъ. Църковно-национални борби и постижения, стр. 262.

нежелании подчиняться патриархату эта территория может быть включена в состав экзархата.

Фирман 1870 г. болгары считали большой своей победой, видя в нём прежде всего признание болгарского народа и уступку его требованиям. Русская дипломатия рассматривала фирман как первый и основной шаг. Она стремилась ко второму — признанию экзархата патриархом, к церковной легализации нового устройства болгарской церкви. Однако добиться этого ей не удалось.

Попытки русской дипломатии привести стороны к соглашению возбудили вновь мысль о вселенском соборе, но, так же как и в первый раз, эта мысль не получила поддержки, потому что позиция всех греческих иерархов была заранее враждебна болгарам. В это время патриарх Григорий VI, потерпев неудачу в решении греко-болгарского вопроса, решил уйти в отставку. На его место был возведён 82-летний старец Анфим, обещавший русскому послу добиться соглашения. Он выступил с осуждением противников соглашения, удалил некоторых из них из Константинополя, а Игнатьеву послал проект, на основе которого думал достигнуть согласия. Болгары со своей стороны выдвинули дополнительные требования, главным из которых было требование территориального расширения экзархата в сторону включения в его пределы Фракии и Македонии. Вокруг этого завязалась ожесточённая борьба.

В то время как по всем церковным вопросам соглашение было достигнуто и патриарх готов был снять осуждение с Илариона, в спор о территориальных границах вступил греческий поверенный в делах в Константинополе. И тогда обнаружилось истинное существо спора. После издания фирмана грекам не приходилось возражать против возможности существования церковно-политической национально-болгарской организации: её признали даже турки. Вопрос же о границах экзархата, имевший по существу совсем не церковный характер, был спором по Македонскому вопросу, спором о том, в чьи государственные пределы должны со временем отойти эти территории, чьим национальным достоянием станет население спорных областей. Болгарам удалось побудить патриархию

согласиться на целый ряд уступок. Под давлением русского посла греки готовы были отдать Скопльскую, Охридскую, часть Битольской епархии и др. Соглашение было уже подготовлено. Но в это время часть турецких министров, хотевших сорвать соглашение, стала подстрекать болгар требовать ещё две епархии и города Пловдив и Битоль. Патриарх отказал в этом. В ответ на отказ возглавляемая туркофилом Чомаковым группа болгарских деятелей решила произвести демонстрацию против патриарха. Она принудила болгарских архиереев совершить вопреки запрещению богослужение. Этот факт был использован греческими националистами, недовольными уступками патриарха. Под их давлением, а также при содействии греческой печати патриарх передал обсуждение вопроса народному собранию константинопольских греков. Оно потребовало решительных мер, и Синод осудил болгарских архиереев. Теперь все попытки сблизить стороны были бесплодны.

Греки собрали собор, на котором 16 сентября 1872 г. провозгласили болгар схизматиками, отлучёнными от церкви. Почти возведённое здание примирения, над которым так хлопотал граф Игнатъев, рухнуло. Это было поражение русской политики, которым пожелала прежде всего воспользоваться Австрия. «До сих пор, — писал австрийский канцлер граф Андраши, — Австро-Венгрия не имела влияния на церковные дела на Востоке; теперь необходимо его получить». В предписании австрийскому посланнику в Константинополе от 14 марта 1872 г. он говорил: «Вместо того чтобы действовать в пользу сближения и соединения двух противников, что, может быть, входит в расчет Турции, следовало бы, наоборот, действовать за полный разрыв. Укажите австрийским консулам в Болгарии, чтобы они заявили себя ясно и открыто в пользу болгар». Он приказывал обещать помощь болгарскому народу, «пока его стремления стоят на почве религиозной независимости как от греков, так и от русских»¹. Агрессивные германские планы требовали разрыва связей бал-

¹ П. Никовъ, Възраждане на българския народъ. Църковно-национална борба и постижения, стр. 315—317.

канских народов. Это облегчило бы влияние немецких элементов и нанесло бы удар русской политике, направленной на единство балканских народов.

Середина 60-х годов XIX в. на Балканах наполнена целым рядом событий. Австро-прусская война 1866 г., в которую Пруссия усиленно, но безрезультатно старалась втянуть Сербию, закончилась поражением Австрии, ослабив её престиж и значение. В Турции 1866 год был временем значительного внутреннего кризиса. Вспыхнуло восстание на Крите, вызванное бесчинством турецкой администрации и несправедливостью населения. Вспыхнуло пламя восстания на Ливане. Критские события испортили отношения Турции с греческим королевством, и в любой момент могла вспыхнуть война. В Румынии возникли внутренние осложнения в связи со свержением князя Кузы, а выбор князем гогенцоллернского принца был актом, который настолько ослаблял связи Румынии с Турцией, что почти выводил её из-под власти султана. В Албании зашевелились итальянские агенты, подбивавшие албанцев к восстанию. Всё это волновало подчинённые туркам народы Балканского полуострова и разжигало желание борьбы с турецким игом. В Болгарии всё сильнее становились тяготения к независимости не только церковной, но и политической. В Сербии оставался нерешённым вопрос о передаче крепостей сербам и выводе из них турецких гарнизонов. Но важнее этого вопроса было стремление к реализации национальных стремлений и желаний, сформулированных за двадцать лет до излагаемых событий. Мы видели первую, ещё слабую попытку реализации национальной программы Сербии в 1861—1862 гг. В более широкой форме такая попытка была повторена несколькими годами позже.

Оба главных руководителя внешней политики Сербии сошлись в понимании тех задач, какие являлись для страны наиболее важными и жизненными. Гарашанин свои мысли по этому вопросу изложил ещё в 1844 г. Идея его в той или иной степени усвоили все сербские националистические круги, меняя лишь отдельные стороны. Это была программа национального объединения, идея создания государства, объединяющего весь сербский народ.

Сербский князь Михаил вступил в переговоры с Черногорией и заключил с нею в 1866 г. военный союз. Договор с Черногорией предусматривал создание единой сербской державы, так как черногорский князь Николай в целях государственного объединения Сербии и Черногории выражал согласие отказаться от престола в пользу Михаила. Сербия вела переговоры с Боснией, Герцоговиной, Старой Сербией, «где без большого труда была достигнута в деле агитации прочная организация и уже назначены старейшины четников»¹. Но сербские дипломаты собирались на этот раз выйти за границы Сербии и соединить все христианские народы Балкан для борьбы с турками. С этой целью они обратились за помощью к народу, который уже в 1862 г. обещал своё участие в борьбе, — к болгарам. Старые связи сербов и болгар облегчали переговоры. В это время на территории Румынии существовало уже несколько болгарских тайных организаций. Одна из них, носившая название «Добродетельной дружины», была близка с русским представителем и, как утверждает Станев, отличалась славянофильством². Добродетельная дружина была организацией болгарской буржуазии, которая сама не вела революционной борьбы, но помогала участникам её деньгами и др. К ней-то и обратились сербский и русский агенты. Сербский агент предложил программу союза, которая была принята, а в апреле 1867 г. дружина созвала специальный съезд — «собор», на котором присутствовало до 80 представителей из разных местностей; здесь были внесены некоторые поправки в проект союзного договора, и после этого он был утверждён. Договор признавал необходимость создания «Югославянского царства», включающего Сербию и Болгарию с общим министерством, в состав которого должны были входить представители обоих народов с народным представительством, пропорциональным численности населения, с сохранением равноправия обоих языков, с двойными монетой и знаменем. В том же году был заклю-

¹ М. С. Пиротянац, Князь Михаил и заједничка радња балканских народа, стр. 35, цит. по книге М. М. Вукиевича и Д. И. Семиза, Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру, Спб. 1913, стр. 189.

² См. Н. Станевъ, България подъ иго, стр. 334.

чѣн оборонительный и наступательный союз с Грецией, а в начале 1868 г. — с Румынией.

Тяжесть военных усилий должна была пасть на Сербию, которая предполагала создать 150-тысячную армию. Небольшие добавочные отряды предоставляли Черногория и Греция.

Деятельность по подготовке восстания проходила открыто. Сербия готовила армию и передала часть вооружения Черногории. В январе 1867 г. в Белградском лицее начались лекции по военному делу. Во вступлении к ним лектор сказал: «Наше отечество владеет достаточными физическими силами для того, чтобы поразить естественного врага своего. Нам нужны только сведущие предводители»¹. Крагуевацкий арсенал работал круглые сутки. Во дворце был устроен обед, на котором произносились воинственные речи. Сербь не отказывались даже от оглашения своих планов в печати. Известный публицист Матия Бан опубликовал в 1866 г. ряд статей в белградских газетах, а в начале 1867 г. напечатал в итальянской газете «Il Nazionale», издававшейся в Заре, статью, где говорил, что два народа на Балканах играют важную роль — славяне и греки. Оба эти народа должны составить два новых государства, «совершенно свободные, но соединенные в теснейшем союзе для взаимной защиты, к которым присоединилось бы румынское государство, одинаково свободное». Правительства этих народов, говорит Бан, решили сопротивляться любому иностранному господству на Балканах, они не просят никакой помощи кроме невмешательства. «Через это Восточный вопрос, представлявшийся сперва под грозным видом огромной революции, которая, введя Европу во всеобщую войну, опрокинула бы политические ее основы, обратился в простой местный вопрос политического возрождения, при осуществлении коего, весьма выгодного для общих интересов, Европа должна спокойно присутствовать». Что нужно, спрашивал автор в конце статьи, чтобы положить конец турецкому владычеству? — и отвечал: «Ничего кроме полного согласия между государствами и христианскими

¹ „Москва“, 1867, № 9.

народами Востока, чтобы начать общее и одновременное действие, без материальной помощи какой-либо великой державы и с целью воздвигнуть на развалинах Европейской Турции Тройственный союз независимых государств, способных обеспечить европейское равновесие»¹. В этом вся международно-политическая программа Балканского союза.

Идеи Гарашианина лежали не только в основе определения задач союза, под их влиянием была намечена и его тактика.

Россия в это время стремилась к тому, чтобы удержать свои позиции на Ближнем Востоке. На своём пути она постоянно встречала противников. В их числе были Англия, Франция, Австрия, не говоря уже о Турции. Своей цели Россия могла добиться только при поддержке балканских народов. Со своей стороны она должна была содействовать и помогать им. Так она поступала в Черногории, такова была её позиция в Сербии в 1862 г., такую же она оставалась и теперь. Это позволяло не только князю Михаилу, но и Гарашанину идти навстречу России, возлагать значительные надежды на её содействие. Из русофоба Гарашанин становится русофилом. Однако содействие России мыслилось сербскими деятелями не как прямое участие русских вооружённых сил в военных действиях на Балканах, а как дипломатическая помощь.

Один из руководящих деятелей сербской внешней политики этой поры — Ристич в своих воспоминаниях говорит, что Горчаков, сдержанный и искусный, размышляя о целесообразном направлении русской политики на Балканах, видел три возможных варианта развёртывания событий: 1) державы объединяются для решения вопроса о Турции; 2) под верховной властью Турции будут созданы автономные области; 3) сами балканские народы решат этот вопрос и окажутся естественными наследниками Турции. Первый вариант считали химерой, для второго нужны были условия, отсутствовавшие в Турции. Оставался только третий путь. Россия не могла и не хотела поддер-

¹ „Москва“, 1867, № 27.

жать балканские народы силой. Она решила оказать им дипломатическую поддержку путём организации невмешательства¹.

В своих неопубликованных мемуарах военный министр Д. А. Милютин, хорошо осведомлённый в вопросах внешней политики, так характеризует направление русской дипломатии: «Славянское население Оттоманской империи не переставало рассчитывать на помощь России. Настроения эти отчасти поддерживал наш молодой посланник в Константинополе ген.-ад. Игнатъев, который сам увлекался идеями панславизма и оказывал явное покровительство вожакам славянского движения. Он давал советы сербскому правительству относительно приготовлений к войне и даже поручил нашему военному агенту в Константинополе полковнику Франкини проектировать для сербов целый план кампании»².

По просьбе сербского правительства русское военное министерство оказало помощь в подготовке Сербии к борьбе. На лагерное учение в Россию были присланы сербские офицеры. В Сербию была командирована специальная военная комиссия в составе полковника генерального штаба профессора Леера, инженер-полковника Постельникова и гвардии капитана Снесарева.

Горчаков не противился оказанию помощи сербам, хотя и колебался. Однако затем он примкнул к политике поддержки Балканского союза, за которую внутри министерства иностранных дел ратовал не только граф Игнатъев, но и директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов. Когда в середине июля 1867 г., в связи с отъездом Александра II в Крым, правительством обсуждался вопрос о дальнейшем направлении дел, выяснилось полное единодушие в данном вопросе.

Русские офицеры в Сербии разрабатывали планы сербского вооружения, обучали сербские войска. В конце июля 1867 г. по желанию сербского правительства полковник

¹ См. *Ј. Ристић*, *Спољашња одношаја Србије новијега времена*, т. II, стр. 493.

² Рукописный отдел Библиотеки имени Ленина, Воспоминания Милютина, т. XVII, № 7848, стр. 23.

Постельников провёл учебную осаду Белградской крепости. Но состояние сербской армии с самого начала произвело на русских военных самое грустное впечатление. В неопубликованном письме полковника В. Постельникова Милютину, написанном вскоре после приезда в Сербию, он отмечает недостаток в сербской армии провианта и фуража, обоза и лошадей, денежных средств, офицеров и медицинского персонала. «Только самые благоприятные политические обстоятельства, истощение и деморализация турок, значительные денежные субсидии, энергическое развитие военных сил и прилив дельных русских офицеров — могут подготовить к сентябрю восстание»¹.

Письма Постельникова и Снесарева Милютину полны жалоб на очень быстро проявившиеся разногласия внутри сербского правительства. В то время как Гарашанин стремился к выступлению Балканского союза против Турции, военный министр Блазнавац, значение которого в правительстве и влияние на князя всё возрастали, не способствовал приведению армии в боеспособное состояние. Австрийская агентура в сербском правительстве в лице Блазнаваца противодействовала готовящемуся выступлению Сербии. «Блазнавац, — писал Снесарев Милютину, — употребляет все усилия к тому, чтобы обойтись без влияния России и без видимой помощи ее; он не желает войны весною, ибо в существующих обстоятельствах она может быть не иначе, как под влиянием России; в военных приготовлениях он лишь уступает необходимости»². Неудивительно, что результаты проводимой таким образом военной подготовки были неудовлетворительны. После полугодового пребывания в Сербии Снесарев писал: «В интересах Сербии и всех славян благоразумнее было бы отдалить решительное столкновение впредь до систематического окончания военных приготовлений, тем более, что может произойти в сербском министерстве комбинация более благоприятная для народного духа, нежели нынешняя»³.

¹ Рукописный отдел Библиотеки имени Ленина, Архив Милютина, № 8033.

² Там же, Письмо от 25 октября 1867 г.

³ Там же, Письмо от 20 декабря 1867 г.

Русские офицеры стали объектом политической игры Блазнаваца и всё более сближавшегося с ним Михаила. Во время работ скупщины в сентябре 1867 г. сербский князь, желая продемонстрировать её членам близость с Россией, потребовал, чтобы Снесарев появлялся всюду не в штатском костюме, а в офицерском мундире. Опасения внутреннего кризиса заставляли демонстрировать подготовку к войне, хотя она велась совершенно неудовлетворительно. Попытки Снесарева раскрыть Михаилу глаза на истинную роль Блазнаваца оказались бесплодными. Выяснилось, что Гарашанин бессилен бороться с Блазнавцем, а согласие в вопросах внешней политики между князем и Гарашаниным лишь кажущееся.

Неудивительно, что при всей готовности помогать Сербии русское правительство, как это правильно констатировал Милютин, сдерживало и тормозило выступление против Турции. Помимо тех внутренних обстоятельств, о которых речь шла выше, русская дипломатия не могла не учитывать изменения международно-политической обстановки.

Победа Пруссии над Австрией побуждала Францию к более активной политике на Балканах. В августе 1867 г. в Зальцбурге произошло свидание Франца-Иосифа и Наполеона III. Франция приняла австрийскую политику охраны Турции от всяких покушений, а в связи с этим усилилось давление на Сербию. Оба государства заявили протест по поводу сербского вооружения. Почти одновременно началась деятельность Андраши, направленная на то, чтобы оторвать Сербию от России. Андраши соблазнял Михаила мыслью о мирном овладении Боснией в том случае, если Сербия откажется от связей с венгерскими сербами, бросит великосербскую политику и оставит свои мечты о Югославянском царстве¹. Это была попытка оторвать Сербию от России и сделать её покорным спутником Австро-Венгрии.

В ноябре 1867 г., несмотря на протесты России, Гарашанин был уволен. Поводом к отставке послужил вопрос о женитьбе князя. По существу это означало усиление

¹ См. E. Wertheimer, Graf Julius Andrassy, B. I, St. 1910, S. 460.

австрийского влияния в Сербии. Так это и было понято в Петербурге. По получении сведений об отставке Гарашина Александр II приказал приостановить подготавливавшуюся выдачу субсидии и распорядился об отзыве Снегарева из Сербии. Начался внутренний кризис в Сербии, разрешившийся в конце концов убийством князя Михаила (20 мая 1868 г.).

Смена князя произошла в условиях колебаний внешнеполитической ориентации Сербии. Эти колебания достались в удел преемнику Михаила — князю Милану.

С русской политикой на Балканах в 60-х годах XIX в. столкнулась австро-германская политика. Тяготение на Балканы австро-германские круги обнаружили уже в конце 50-х годов XIX в. Тогда немецкие националистические круги формулировали ту задачу, которую в дипломатическом плане осуществляли Бисмарк и Андрапи. Вышедшая в 1859 г. в Берлине книга Франца о европейском равновесии¹ провозглашала, что России нет места вне её границ, её надо закупорить в них, а немцам занять всё вокруг неё, чтобы закрыть возможность всякого проявления России во внешнем мире. На севере — Пруссия, держащая в своих руках Немецкое море, на Дунае, у Чёрного моря, должна сосредоточиться Австрия. Ей рекомендуется в первую очередь захватить в свои руки Дунайские княжества: «какое богатое поле открылось бы тогда для немецкой промышленности и немецкой торговли и какой превосходный случай для распространения немецкого духа и немецкой культуры!.. Пусть Австрия великодушно и добровольно уступит Пруссии первое место в Германии и подкрепит ее на севере; Пруссия же пусть помогает Австрии на Востоке, подкрепляет ее из всех сил!»

Вторая половина 60-х годов XIX в. наполнена столкновениями России и Австрии на Балканах. Начинается борьба за влияние на Балканах, прежде всего на южных славян, особенно на сербов.

После убийства князя Михаила Австрия оказывает поддержку его преемнику Милану. Одним из первых во-

¹ См. Untersuchungen über das europäische Gleichgewicht der Zukunft, Berlin 1859.

просов, которые он возбудил, был вопрос о перемене «Устава» (конституции). Так как Россия возражала против изменений «Устава», Австрия поддержала их, надеясь, что занятая внутренними делами Сербия отстранится от внешнеполитических вопросов. Когда вопрос об «Уставе» вызвал недовольство Турции, Австрия в особом циркуляре заявила, что Сербия имеет право делать такого рода изменения самостоятельно. Располагая к себе сербское правительство, австрийцы стремились к осуществлению советов цитированного немецкого автора.

При активном содействии австрийского консула Каллая был создан «Сербский банк», основным участником которого явился австрийский «Франко-венгерский банк». Андраши заключил с Сербией почтовую конвенцию. Австрийские пароходы, никогда раньше не пристававшие в Белграде, стали здесь останавливаться¹. Чтобы окончательно привязать Сербию к австрийской политике, осенью 1870 г. Каллай по поручению Андраши начал переговоры о разделе Боснии. С точки зрения австрийских интересов это было тем более важно, что своей нотой в октябре 1870 г. Горчаков заявил об отказе от признания ограничительных условий Парижского мира и тем самым показал, что Россия внутренне стала сильнее и что глаза её направлены на Ближний Восток. Это отразилось на австро-сербских переговорах. Основным условием, которое ставила австрийская дипломатия, был нейтралитет Сербии в случае австро-русской войны. Однако министерство иностранных дел Сербии было в руках Ристича, человека скупого на уступки и недоверчивого. Он требовал всей Боснии, и переговоры прервались. Но политическое соглашение между Австрией и Сербией «было полно опасности для народной самостоятельности», — говорит Юванович. Оно могло создать австрийский протекторат над страной.

После убийства Михаила и провозглашения князем Милана Черногория первая вышла из союза. Вскоре за Черногорией последовала Греция, для которой с 1869 г. отпала опасность войны с Турцией и пропала нужда в союзе

¹ См. С. Ювановић, Влада Милана Обреновића, кн. I, Београд 1926, стр. 113.

с Сербией. Болгары занялись укреплением своей собственной повстанческой организации, намереваясь не прекращать вооружённой борьбы с Турцией и окончательно решить вопрос о своей свободе.

В 1872 г. в разговоре с одним из сербских представителей директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Стремоухов говорил: «На общее восстание вы не можете рассчитывать. Прошло то время, когда на вас глядела Греция, Болгария стояла перед вами на коленях, Черногория была у вас в руках» — всё это прошло. В связи с этим рухнули надежды всех балканских народов, особенно славян, на немедленную реализацию своих национальных устремлений. И дальнейшие события показали, что только тогда южные славяне смогли вновь поставить вопрос о реализации своих национальных государственных симпатий, когда порвавшиеся между ними связи начали возрождаться. И Россия стала в центре этих связей.

С. Ш. Гринбер

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ
БОЛГАРИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1912 — 1914 г. г.)

I

Р 1912 г. под влиянием и при прямом содействии держав Антанты, главным образом России, был создан Балканский союз, в который вошли Болгария, Сербия, Греция и Черногория. По идее его вдохновителей он должен был служить барьером против немецкой экспансии на Восток и выступить союзником Антанты в надвигающейся войне между двумя европейскими коалициями.

Балканские же государства, воспользовавшись кризисом Османской империи, усиленным итало-турецкой войной 1911—1912 гг., превратили Балканский союз в орудие войны против Турции с целью раздела между собой её европейских владений. В октябре 1912 г. балканские союзники начали военные действия против Турции и очень скоро, разгромив её армию, заставили просить мира. По Лондонскому мирному договору (30 мая 1913 г.) Турция вынуждена была отказаться от всех своих владений в Европе, находившихся на запад от линии Энос — Мидия. Эта война имела прогрессивный характер. В. И. Ленин говорил, что победы балканских стран в этой войне «означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями»¹.

Успехи балканских союзников вызвали серьёзную тревогу в Австро-Венгрии, политика которой инспирировалась Германией. Сербско-болгарский союз и усиление Сербии

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 186.

являлись смертельной угрозой для целостности двуединой монархии, угнетавшей миллионы славян. В ходе первой балканской войны австро-венгерские империалисты, используя противоречия между правящими буржуазными кликами Сербии и Болгарии, сделали всё от них зависящее, чтобы поссорить Болгарию и Сербию и разрушить Балканский союз. При этом они опирались на немецкую агентуру в Болгарии в лице либеральных партий Радославова, Тончева и Геннадиева и на верного холопа своих немецких хозяев — болгарского царя Фердинанда Кобург-Готского. Под их давлением премьер-министр и лидер русофильской партии народняков Гешов вынужден был выйти в отставку на второй день после подписания Лондонского мирного договора. Его место занял Данев, который также был сторонником русской ориентации. Но фактическая власть в это время сосредоточилась в руках царя Фердинанда и шовинистически настроенной военной клики.

Обострению болгаро-сербо-греческого спора из-за раздела Македонии способствовала Австро-Венгрия. Она же его использовала для того, чтобы окончательно разрушить Балканский союз. Провоцируемый Австро-Венгрией, Фердинанд решил силой добиться удовлетворения болгарских притязаний на большую часть Македонии. По его приказу болгарская армия 29 июня 1913 г. внезапно напала на сербские и греческие позиции. Между вчерашними союзниками началась вторая балканская война. В ней приняли также участие Турция и Румыния. Закончилась эта война быстрым разгромом Болгарии. По Бухарестскому мирному договору (10 августа 1913 г.) у Болгарии была отнята Южная Добруджа. Почти вся Македония — главный объект вожделений болгарской буржуазии — была поделена между Грецией и Сербией. Адрианополь, который должен был стать болгарским, по Константинопольскому мирному договору от 29 сентября 1913 г. был возвращён Турции.

В результате авантюры, предпринятой Фердинандом 29 июня 1913 г., Болгария находилась накануне военной катастрофы. Правительство Данева в первые дни военных действий пыталось исправить положение и приостановить начавшуюся войну. Неудача этих попыток и критическое положение Болгарии заставили правительство Данева

в первых числах июля подать в отставку. В эти дни Фердинанд ещё не решался открыто призвать к власти сторонников проавстрийской политики — либералов, и, пока положение оставалось неясным, он решил задержать у власти правительство Данева. Отставка не была принята. Этот момент сочли удобным лидеры либеральных партий для активного вмешательства в происходящие события.

В это время в Болгарии существовало три либеральных партии: 1) либеральная партия во главе с Василем Радославовым; 2) партия младолибералов во главе с Димитрием Тончевым; 3) народно-либеральная партия во главе с Н. Геннадиевым. Последняя партия называлась также стамбуловистской по имени её основателя Стефана Стамбулова. Все эти партии были известны своими симпатиями к Австро-Венгрии и Германии и своей враждебностью к России. Лидеры этих партий во время первой балканской войны вели энергичную кампанию против правительства Гешова — Данева, обвиняя его в угодничестве по отношению к России. Теперь, когда благодаря интригам Австро-Венгрии Балканский союз был разрушен, лидеры этих партий открыто выступили со своей программой. 7 июля Радославов, Геннадиев и Тончев обратились с письмом к Фердинанду, опубликованным впоследствии в газете «Мир», органе Гешова, в котором они требовали отставки правительства Данева, прекращения русофильской политики и сближения с Австро-Венгрией. «Мы считаем, — писали они, — что теперь нет места новым ошибкам. Мы думаем сегодня, как и вчера, что спасительный для царства путь — это политика тесной дружбы с Австро-Венгрией. Эта политика должна быть начата без замедления, потому что каждый час роковой»¹.

Заручившись поддержкой либералов, Фердинанд 14 июля принял отставку правительства Данева. Однако открытое и резкое изменение политического курса могло бы вызвать сильное недовольство в стране, и Фердинанд решил изобразить дело так, как будто бы передача власти либеральному кабинету была единственным выходом из

¹ Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ), серия III, т. III, № 43, Примечание. §.

создавшегося положения. Прежде чем призвать к власти либеральный кабинет, Фердинанд обратился с просьбой о составлении кабинета к А. Малинову, лидеру демократической партии, которая считалась русофильской. Попытка Малинова составить коалиционный кабинет не имела успеха. Тогда Фердинанд, якобы за неимением другого выхода, обратился к либералам.

Стремление к власти заставило либеральные партии временно забыть свои разногласия. Они образовали коалицию с Радославовым во главе.

17 июля 1913 г. Радославов составил новый либеральный кабинет, получивший название кабинета «либеральной концентрации». Портфель министра финансов в этом кабинете получил Тончев, а портфель министра иностранных дел — Геннадиев. Им принадлежала руководящая роль в кабинете. Влияние остальных министров на политику кабинета было невелико, и к их голосу руководящая верхушка мало прислушивалась. Больше того, часто большинство членов кабинета даже не было в курсе той политики, которую проводили Радославов и Тончев. Они не только не советовались с остальными членами кабинета, но иногда и скрывали от них сведения чрезвычайной важности. Свидетельства об этом содержатся в дневнике министра просвещения П. Пешева.

Радославов и Тончев во время пребывания на посту министров в 1899—1901 гг. за нарушение законов были осуждены первым государственным судом. Геннадиев входил в кабинет либералов в 1903—1907 гг. и тоже был судим за нарушение законов.

Фердинанд не очень симпатизировал Радославову и не верил в него как в государственного деятеля, но он знал Радославова как политического деятеля австро-германской ориентации и рассчитывал использовать его как орудие своей личной политики, так как их политические взгляды и симпатии вполне совпадали. Этот политический расчёт Фердинанда впоследствии целиком оправдался. Фердинанд и Радославов преклонялись перед Германией и её порядками, оба считали Германию всемогущей и хотели видеть её в роли покровительницы Болгарии. Поэтому внешнеполитическая ориентация нового либерального пра-

вительства была ярко австро-германской. Правительство и стоявшие за ним либеральные партии широко пропагандировали мысль о том, что виновником поражения Болгарии во второй балканской войне является Антанта, особенно Россия. Заключение союза между Болгарией и Сербией 13 марта 1912 г. было объявлено ошибкой, а поражение Болгарии — результатом коварства и обмана со стороны сербского короля Петра. Правительственная печать и печать либеральных партий всячески распространяли и подогревали реваншистские настроения болгар, ведя идеологическую подготовку к участию в будущей войне на стороне австро-германского блока. Для проведения своего политического курса либеральное правительство нуждалось в надёжной опоре внутри страны, но этой опоры у него не было.

Правительство Радославова, придя к власти, застало XV Обыкновенное Народное собрание, избранное ещё в 1911 г., в котором большинство составляли представители партий народняков и прогрессистов. Править страной, не имея большинства в парламенте, хотя бы и при полной поддержке Фердинанда, правительство либералов не могло, и поэтому XV Обыкновенное Народное собрание осенью 1913 г. было распущено, и на 7 декабря 1913 г. были назначены выборы в XVI Обыкновенное Народное собрание. Радославов надеялся получить в новом Народном собрании желаемое большинство, но он знал, что болгарский народ не отдаст свои голоса либералам, открыто провозгласившим политику ориентации на Австро-Венгрию и Германию. В ход были пущены меры правительственного нажима на избирателей, запугивание, репрессии и т. п. Но вопреки всем этим мерам либералы не смогли добиться большинства в Народном собрании. Болгарский народ продемонстрировал своё отрицательное отношение к политике правительства Радославова. Из 204 избранных депутатов только 94 принадлежали к правительственным либеральным партиям. За правительственных кандидатов голосовало 202 363 человека, за кандидатов оппозиции — 329 320 человек.

Полный провал на выборах потерпели народняки и прогрессисты, которые в XV Обыкновенном Народном со-

брании имели подавляющее большинство. Провал этот объясняется поражением Болгарии во второй балканской войне, ответственность за которое возлагали на эти партии. Вместе с тем рабочие и крестьяне, отвернувшись от буржуазных партий прогрессистов и народняков, отдали свои голоса не другой группе буржуазных партий — либералам, а левым партиям: «теснякам», «широким» и Земледельческому союзу, представлявшим интересы рабочих, крестьян и мелкой буржуазии городов. Эти три партии получили 85 депутатских мест, почти столько же, сколько все правительственные партии вместе.

Выборы 7 декабря прозвучали как протест против захватнической политики болгарской буржуазии. Положение либерального правительства не улучшилось в результате выборов 7 декабря, и Радославов попытался найти выход в политической комбинации. Он хотел создать правительственное большинство в парламенте путём привлечения к управлению самой многочисленной оппозиционной группировки в Собрании — земледельцев, думая, что для этого достаточно предложить им один министерский портфель. Но лидеры Земледельческого союза — А. Стамболийский, Д. Драгиев и М. Турлаков — потребовали пересмотра всей политики правительства. Сделка с земледельцами не состоялась.

1 января 1914 г. открылась сессия XVI Обыкновенного Народного собрания. Депутаты оппозиции потребовали от Радославова образования коалиционного кабинета. Радославов понял, что при существующем соотношении сил в собрании он править не сможет, и, пока в собрании шли дискуссии, он запасся царским указом о его роспуске. 13 января 1914 г. XVI Обыкновенное Народное собрание после двухнедельных бесплодных споров было распущено.

Правительство Радославова решило любой ценой добиться большинства в Народном собрании, так как без такого большинства оно не могло оставаться у власти. С этой целью было решено расширить сферу действия избирательного закона и увеличить количество депутатов Собрания. Дело в том, что в Собрании, избранном в 1911 г., было 223 депутата. Количество депутатов XVI Обыкновенного Народного собрания, избранного

7 декабря 1913 г., уменьшилось до 204. Объяснялось это уменьшением населения в связи с потерей Добруджи. Население же вновь присоединённых округов ещё не участвовало в выборах. Теперь решено было включить в число избирателей жителей вновь присоединённых округов и увеличить соответственно число депутатов Собрания с 204 до 245.

Радославов совершил поездку во вновь присоединённые районы и дал директиву правительственным кандидатам действовать в согласии с турецкими беками в Гюмюрджине. В этой области турецкое население ещё не приняло болгарского подданства, так как по Константинопольскому договору срок определения подданства для турецкого населения был установлен в четыре года. Местные турецкие беки, объединённые в свою политическую организацию, действовали по указаниям младотурецкого комитета в Константинополе. Последний требовал, чтобы турки в Гюмюрджине голосовали за кандидатов, угодных Радославоу, ибо он вёл дружественную Турции политику. Было даже составлено специальное воззвание ко всем мусульманам с призывом голосовать за кандидатов правительства Радославова. Оно угрожало всякими карами тем, кто поступит иначе¹. Члены турецкой миссии в Болгарии и агенты турецких консульств, пользуясь содействием болгарских властей, объезжали районы, населённые мусульманами, и вербовали голоса в пользу правительства Радославова². Оппозиционные партии в свою очередь всеми силами старались добиться большинства и свергнуть правительство Радославова. Оппозиции помогал русский посланник в Болгарии Савинский.

Разумеется, правительственный нажим на избирателей на сей раз был ещё большим, чем перед выборами 7 декабря

¹ См. „Обвинителен актъ противъ бившиятъ министръ отъ кабинета на д-ръ В. Радославовъ презъ 1913—1918 години“, София 1921, стр. 30.

² См. МОЭИ, с. III, т. II, № 25; „Österreich-Ungarns Aussenpolitik“ (OUAP), 1908—1914; „Diplomatische Aktenstücke des Österreich-Ungarischen Ministeriums des Aussern“, Wien und Leipzig 1930, B. VII, № 9480

1913 г. Радославов подписал циркуляр Министерства внутренних дел, предусматривавший целый ряд наказаний за антиправительственную агитацию. О предвыборных собраниях должно было заранее сообщаться полицейским властям¹.

8 марта 1914 г. состоялись выборы в XVII Обыкновенное Народное собрание. Из 764 тысяч участвовавших в голосовании избирателей 346 тысяч голосовали за либералов и провели в Собрание 126 депутатов. За оппозиционные партии голосовало 418 тысяч человек, но депутатов они провели только 119. Итак, правительство Радославова с большим трудом, благодаря нажиму и различным комбинациям, при меньшем числе голосовавших, составило себе ничтожное большинство в Собрании в семь человек. Кроме того, правительство нашло повод отменить, как неправильные, выборы трёх оппозиционных депутатов и заменить их правительственными. В итоге получилось: 129 депутатов правительственных и 116 оппозиционных².

2 апреля 1914 г. состоялась сессия XVII Обыкновенного Народного собрания, которое призвано было придавать законный вид антинародной политике правительства Радославова.

Внутренняя опора либерального правительства была очень шаткой, и свою прогерманскую и проавстрийскую политику оно должно было проводить с опаской, лавируя, часто маскируя свои истинные замыслы. Внешняя опора правительства тоже не была прочной. Только Австро-Венгрия поддерживала правительство Радославова. Германия же на первых порах после балканских войн игнорировала Болгарию. Что касается держав Антанты, то особенно Россия и Франция сразу же начали энергичную кампанию против правительства Радославова. В России не могли забыть и простить лидерам либералов их письмо от 6 июля. Было ясно, что, пока правительство либералов остаётся у власти, политика Болгарии будет направлена против держав Антанты, а особенно против России. Соседние балканские государства также враждебно относились

¹ См. „Обвинителен актъ...“, стр. 29.

² См. *Н. Станевъ*, История на нова България, ч. II, гл. VII.

к правительству либералов. После балканских войн они видели в Болгарии своего естественного врага, а в либералах — наиболее последовательных проводников политики реванша. Да и в самом правительстве Радославова имели место серьёзные разногласия, и состав его претерпевал изменения. Так, например, в январе 1914 г. Радославов удалил из кабинета министра иностранных дел Геннадиева, заподозренного в тайных сношениях с державами Антанты, взяв себе его портфель.

II

Постановления Бухарестского мирного договора предопределили на ближайший период времени характер отношений между Болгарией и её соседями. Болгария не примирилась с этими постановлениями и стала готовиться к реваншу. Центральное место в реваншистских планах болгарской буржуазии занимал вопрос о Македонии.

Буржуазия Болгарии, Сербии и Греции меньше всего, конечно, думала о благе македонского народа, хотя она и проливала крокодиловы слёзы по поводу горькой судьбы македонцев. Каждая из сторон стремилась заполучить возможно бóльшую часть Македонии. Эта политика раздела Македонии шла в разрез с стремлением самого македонского народа к автономии. Раздел Македонии наносил ущерб как национальным, так и экономическим интересам македонского народа. Кроме того, усиливая болгаро-сербский антагонизм, он облегчал выполнение австрийских завоевательных планов на Балканах. Начальник австрийского генерального штаба фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф, разрабатывавший планы уничтожения Сербии, считал, что для Австро-Венгрии очень важно, чтобы Болгария выступила в будущей войне против Сербии. Для этого нужно поддерживать болгаро-сербский антагонизм. Этим будет обеспечена южная граница Австро-Венгрии, а Румыния получит свободу действий против России. Удовлетворённая Болгария, по мнению Конрада фон Гётцендорфа, опасна для Австро-Венгрии, так как она может

вступить в союз с Сербией. Выгоднее Болгария, рассчитывающая на сербские территории¹.

В течение длительного времени после Бухарестского мира между Болгарией и Сербией не было нормальных дипломатических отношений. В болгарской буржуазной печати, правительственной и оппозиционной, обвиняли сербское правительство в том, что оно ввело в Македонии исключительный режим. Сербские власти обвинялись в насилиях и жестокостях, чинимых над болгарами. Радославов заявлял: «Пока сербское правительство не изменит своего бесчеловечного режима в Македонии, Болгария не имеет возможности сноситься с белградским кабинетом»². Только в конце февраля 1914 г. Болгария и Сербия обменялись посланниками.

Под прикрытием антисербской пропаганды болгарское правительство поощряло формирование чет, вторгавшихся на территорию занятой Сербией части Македонии, для того чтобы вызывать там волнения, направленные против Сербии.

Антисербская пропаганда и деятельность чет, поощряемые болгарским правительством, вызывали в Сербии негодование и ожесточённые нападки на Болгарию. При этом незначительные факты часто сильно преувеличивались с целью восстановления общественного мнения страны против Болгарии.

III

Не лучшими были болгаро-греческие отношения. Одной из причин греко-болгарской вражды был спор из-за Македонии. Болгарское правительство не могло примириться с тем, что южная Македония отошла к Греции и добивалась ревизии Бухарестского договора хотя бы по вопросу о Кавалле. В Греции же не только не хотели слушать о ревизии Бухарестского договора по вопросу о Кавалле, но возражали и против претензий Болгарии к Сербии и советовали последней не уступать, так как это поощряло бы претензии Болгарии к Греции.

¹ См. *Konrad von Hötendorf*, *Aus meiner Dienstzeit 1906—1918*. В. III, S. 392, 405.

² *Н. Станевъ*, *История на нова България*, ч. II, гл. VII.

В Греции также опасались нападений чет с болгарской территории и готовились к совместной с Сербией борьбе против них¹.

Между Грецией и Болгарией возникли и другие спорные вопросы, менее значительные, но тоже способствовавшие обострению греко-болгарских отношений. В связи с присоединением Болгарией западной Фракии возник вопрос о греках, там живущих. Греческое правительство обвиняло болгар в насилиях над греками во Фракии². Болгарское правительство отвергало эти обвинения и в свою очередь требовало освобождения заключённых в Салониках болгар, обвиняемых греческими властями в различных политических преступлениях. Греческое правительство очень неохотно и медленно, небольшими партиями, освобождало заключённых болгар. Болгарская печать жаловалась на тяжёлое положение болгар, живущих в занятой Грецией части Македонии. Нормальные дипломатические отношения между Грецией и Болгарией были восстановлены только 19 марта 1914 г.

Необходимо ещё учесть, что обострение греко-болгарских отношений после балканских войн происходило на почве древней и глубокой вражды, разделявшей правящие классы этих стран. Греческое духовенство веками угнетало болгарский народ. Освободительная борьба болгарского народа была направлена не только против турецких феодалов, но и против греческих фанариотов. Греческое духовенство не признавало самостоятельной болгарской церкви, существовавшей с 1870 г.

В мае—июне 1914 г. греко-болгарские отношения ухудшились в связи с резким обострением греко-турецкого конфликта из-за Эгейских островов. В Греции подозревали, что между Болгарией и Турцией существует соглашение о пропуске турецких войск через болгарскую Фракию для нападения на Грецию. Кроме того, говорили о больших отрядах македонцев, формирующихся в Болгарии на случай возникновения греко-турецкой войны³. Отношения

¹ См. МОЭИ, с. III, т. I, № 184.

² См. там же, № 37.

³ См. МОЭИ, с. III, т. III, № 279.

обострились до такой степени, что в начале июня в Софии и других крупных городах Болгарии дело дошло до ряда антигреческих выступлений, сопровождавшихся насилиями. Поводом послужило празднование греками в Болгарии дня тезоименитства греческого короля Константина. 3 июня, в день праздника, над греческими церквями в Болгарии был поднят греческий флаг. Болгарские шовинисты представили самый факт празднования и поднятия греческого флага как вызов победителя побеждённым. Они организовали отряды из отсталых элементов и напали на греческие церкви. Греческий посланник заявил по этому поводу протест, угрожая разрывом только что восстановленных дипломатических отношений. Болгарское правительство ответило официальным извинением, но с оговорками, что «события явились результатом народного гнева на преследование греками болгар и что правительству трудно бороться с такими стихийными проявлениями»¹.

IV

Дипломатические отношения с Румынией были восстановлены сразу же после заключения Бухарестского договора, но прежние добрососедские отношения теперь уже не могли быть восстановлены. Нападение Румынии на Болгарию во второй балканской войне и захват ею Добруджи, санкционированный Бухарестским договором, отказ Румынии, вопреки надеждам Болгарии, поддержать болгарские претензии на Штип, Кочане и Каваллу, единство действий между Румынией, Сербией и Грецией, направленное на защиту постановлений Бухарестского договора, — все эти моменты вызывали в Болгарии озлобление против Румынии. Естественно, что болгарская буржуазия не могла примириться с потерей Добруджи и готовилась её отвоевать. В болгарской печати Румынию называли главной виновницей поражения Болгарии во второй балканской войне, подчёркивали её империалистические тенденции и т. п.

С особенной тревогой следили в Болгарии за сближением между Румынией и Россией, в коем усматривалось нечто

¹ МОЭИ, с. III, т. III, № 368.

враждебное по отношению к Болгарии. Чувство глубокой обиды и недовольства вызвал в Болгарии визит Николая II в Констанцу в июне 1914 г. Николай II, будучи так близко от Болгарии, всё же не посетил её, выразив этим своё нерасположение к ней. Румынский король Карл присвоил Николаю II звание шефа 5-го Рошиорского конного полка, того самого, который первым вторгся в Болгарию в 1913 г. В свою очередь Николай II присвоил Карлу звание русского фельдмаршала. Недовольство в Болгарии вызвало и заявление министра иностранных дел Сазонова, сопровождавшего Николая II, корреспонденту газеты «Виторуль» о том, что Бухарестский мир не может быть пересмотрен¹.

Газета «България» (орган Данева) 3(16) июня 1914 г. в передовой статье «Встреча в Констанце» писала: «На встречу русского императора и румынского короля весь болгарский народ смотрит с чувством открытого огорчения»².

Болгарская буржуазия с завистью смотрела на рост политического влияния Румынии на Балканах и на благосклонное внимание, оказываемое ей великими державами.

Всё же болгаро-румынские отношения не были столь натянутыми, как болгаро-сербские или болгаро-греческие. В Болгарии не было такого озлобления против Румынии, как против Сербии и Греции. Это подтверждается хотя бы тем, что возникшие в июле 1914 г. пограничные инциденты на болгаро-румынской границе были сравнительно легко улажены³.

Конечно, болгарская буржуазия хотела вернуть Добруджу и даже готова была ради этого воевать с Румынией, но спор о Добрудже не вызывал такого ожесточения, как спор о Македонии, и болгарская буржуазия готова была забыть о Добрудже, если бы ей удалось завоевать Македонию.

¹ См. МОЭИ, с. III, т. III, № 369.

² Цит. по книге К. Е. Шулепова «Quo usque tandem, Болгария?», стр. 20.

³ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 144, 284, 299, 336, 337, 338; т. V, № 252; ОУАР, В. VIII, № 10087, 10269, 10343, 10369, 10388, 10464, 10501, 10761, 10923.

V

По-другому складывались болгаро-турецкие отношения. Турция готова была вооружённой силой решить свой спор с Грецией из-за Эгейских островов и хотела использовать болгарскую Фракию для переброски своих войск к греческим сухопутным границам. В свою очередь Болгария хотела использовать греко-турецкий конфликт, чтобы напасть на Грецию и отобрать у неё южную Македонию. На почве этой общей вражды к Греции между Болгарией и Турцией осенью 1913 г. начались переговоры о заключении союза. Ещё до того, как в Константинополе начались мирные переговоры, туда был послан болгарским правительством Начевич для зондирования почвы о возможностях заключения союза с Турцией одновременно с заключением мирного договора. Болгарские делегаты в Константинополе получили полномочия на заключение мира и союза с Турцией¹. Однако переговоры о союзе затянулись. Одновременное заключение союза и подписание мирного договора не удалось. 29 сентября 1913 г. был подписан мирный договор. Болгарские делегаты остались для ведения переговоров о союзе.

Савов остался якобы для лечения и отдыха, а Тошев — для ведения торговых переговоров. С турецкой стороны переговоры вели Талаат и Джемаль².

Ещё до заключения мирного договора Джемаль указал Савову, что целью болгаро-турецкого союза должен быть разгром Греции, при этом Турция должна будет получить Дедеагач, Гюмюрджину и Эгейские острова, а Болгария — Каваллу, Серес и Салоники³.

В болгаро-турецком союзе была заинтересована Австро-Венгрия. Фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф считал, что для того, чтобы Болгария могла в будущей войне выступить против Сербии, она должна быть обеспечена со стороны Турции⁴. Переговоры о союзе происходили под

¹ См. ОУАР, В. VII, № 8602.

² См. ОУАР, В. VII, № 8701, 8752, 8822.

³ См. ОУАР, В. VII, № 8677.

⁴ См. *Konrad von Hötendorf*, Aus meiner Dienstzeit, В. III, S. 392—393.

непосредственным руководством австрийского посланника в Софии Тарновского и австрийского посла в Константинополе Паллавичини, которые были в курсе всех деталей переговоров¹.

Но болгаро-турецкий договор должен был быть направлен против Греции, а этого не могла допустить Германия, стремившаяся в это время к урегулированию греко-турецких спорных вопросов и к созданию греко-турецкого союза. Когда в Берлине стали известны болгаро-турецкие переговоры о союзе, это вызвало там недовольство².

Вот почему Геннадиев 15 сентября 1913 г. телеграфировал болгарским делегатам: «О соглашении с Турцией и переговорах с Талаатом и Джемалем вы можете говорить откровенно только с Паллавичини и абсолютно больше ни с каким другим послом»³. Действительно, из некоторых германских документов явствует, что Германия, очевидно, не была в курсе переговоров в Константинополе⁴.

В начале октября были выработаны предварительные условия военной конвенции. Конвенция предусматривала совместное нападение Болгарии и Турции на Грецию и Сербию в случае, если будет получена гарантия от Румынии о нейтралитете. Если же Румыния не даст такой гарантии, то Болгария активно не выступит, но пропустит турецкие войска через Фракию к греческой границе⁵.

13 октября проект конвенции был представлен Фердинанду, а уже 22 октября исправленный текст был отправлен в Константинополь. 31 октября из Софии в Константинополь был отправлен новый проект конвенции. В середине ноября Савов за излишнюю болтливость был отозван и на его место был послан помощник начальника генерального штаба полковник Жеков. В конце ноября на пограничной станции Мустафа-паша произошла четырёхчасовая встреча Геннадиева с Талаатом по вопросу о военной кон-

¹ См. ОУАР, В. VII, № 8769.

² См. „Die grosse Politik der Europätschen Kabinette“, В. XXXVI, Т. I, № 13813, 13821, 13823; ОУАР, В. VII, № 8624, 8626.

³ А. Гириновъ, България предъ великата война, стр. 26—27.

⁴ См. „Die grosse Politik der Europätschen Kabinette“, В. XXXVI, Т. I, № 13826, 13827.

⁵ См. ОУАР, В. VII, № 8777, 8778.

венции. К концу декабря в Константинополе был выработан окончательный текст конвенции и послан в Софию. Но в начале января 1914 г. в Константинополе и Софии произошли министерские кризисы. Энвер стал военным министром Турции, а Геннадиев лишился портфеля министра иностранных дел Болгарии. Эти перемены задержали подписание конвенции, но переговоры между Болгарией и Турцией продолжались.

18 января в Константинополь выехал турецкий посланник в Софии Фетхи-бей. Вслед за этим в Софию приехал болгарский посланник в Константинополе Тошев. 25 января Радославов, Тошев и Тарновский имели продолжительное совещание¹.

Слухи о болгаро-турецких переговорах и о возможном заключении болгаро-турецкого союза против Греции вызвали тревогу у соседей Болгарии и в Петербурге. Многие утверждали, что такой союз уже заключён. В петербургской газете «Вечернее время» 12 февраля 1914 г. был даже опубликован текст болгаро-турецкого договора, в подлинность которого Сазонов готов был поверить. В действительности болгаро-турецкая конвенция так и не была подписана вплоть до начала мировой войны. Причин этому было несколько.

Ещё в самом начале переговоров болгары высказали опасение, что в случае войны с Грецией Турция введёт свои войска в западную Фракию и откажется их оттуда вывести. Болгария же будет бессильна что-либо предпринять. Болгары опасались концентрации турецких войск на болгарской границе и хотели, чтобы болгаро-турецкий союз был гарантирован Германией и Австро-Венгрией. Но такую гарантию получить было невозможно, так как Германия с самого начала высказалась против болгаро-турецкого союза, и даже Австро-Венгрия опасалась, что этот союз может быть направлен против Румынии и вызовет серьёзные осложнения в случае войны Болгарии и Турции против Сербии и Греции².

¹ См. ОУАР, В. VII, № 8827, 8890, 8904, 8942, 8992, 9004, 9065, 9067, 9090, 9129, 9163, 9166, 9206; МОЭИ, с. III, т. I, № 108.

² См. ОУАР, В. VII, № 8801, 8858, 9242, 9265, 9268, 9274, 9373, 9404.

Болгары считали договор с Турцией выгодным для себя только в том случае, если они смогут активно выступить против Сербии и Греции, т. е. только при гарантии румынского нейтралитета. Обеспечить же румынский нейтралитет Болгарии не удалось. Румыния заявила, что она не останется нейтральной в случае вмешательства Болгарии в греко-турецкую войну¹. У турок возникла даже идея привлечь Румынию к болгаро-турецкому союзу, но Румыния отказалась войти в него². Турки, особенно заинтересованные в союзе с Болгарией против Греции, прибегали даже к шантажу, для того чтобы заставить болгар подписать конвенцию. Турки стали жаловаться на преследования во Фракии болгарскими властями помаков (болгар, принявших ислам). 11 февраля 1914 г. турецкий посланник в Софии Фетхи-бей передал ультимативную ноту болгарскому правительству с предупреждением о том, что если через 20 дней после выборов в Народное собрание не будет урегулирован вопрос о помаках, то ввоз болгарских товаров в Турцию будет обложен 50-процентной пошлиной. Но тут вмешалась Австро-Венгрия, и Порта вынуждена была объявить, что Фетхи-бей сделал это заявление лично от себя. Болгарское правительство даже потребовало отзыва Фетхи-бея и просило у Австро-Венгрии помощи в этом, но Паллавичини не советовал отзываться Фетхи-бея, так как в Константинополе он был бы ещё более опасен. Фетхи-бей взял свою ноту обратно³.

Заключению политического и военного союза между Болгарией и Турцией препятствовала также неурегулированность экономических отношений между ними. Согласно Константинопольскому мирному договору, существовавшее болгаро-турецкое торговое соглашение от 19 февраля 1911 г. было продолжено на один год, причём обе стороны согласились тотчас же приступить к переговорам о заключении постоянного торгового договора. Переговоры эти велись в течение всей зимы, но в мае 1914 г. были прерваны из-за неуступчивости турок в вопросе о пошлине на муку.

¹ См. ОУАР, В. VII, № 9166, 9252, 9348.

² См. ОУАР, В. VII, № 9435, 9443, 9464.

³ См. ОУАР, В. VII, № 9236, 9258, 9340, 9359, 9363, 9370, 9374, 9391, 9405, 9414, 9415, 9453, 9507.

Турки, бывшие единственными потребителями болгарской муки, повысили пошлину на неё с 11 до 20% и сильно затруднили ввоз болгарской муки в Турцию¹.

И всё же, несмотря на то, что военно-политическая конвенция между Турцией и Болгарией не была заключена, несмотря на срыв торговых переговоров, несмотря на недоразумения из-за помаков, мы всё же вправе утверждать, что период времени от Константинопольского мира до начала первой мировой войны прошёл под знаком болгаро-турецкого сближения. Отношения Болгарии с Турцией были в этот период лучшими, чем со всеми другими её соседями.

VI

В период между Бухарестским миром и началом мировой войны происходила усиленная борьба за политическое преобладание на Балканах вообще и в Болгарии в частности между австро-германским блоком и Антантой. Болгария являлась объектом ожесточённой борьбы двух империалистических группировок. Каждая из них стремилась привлечь Болгарию на свою сторону в качестве союзника в будущей войне. Антанта стремилась привлечь Болгарию на свою сторону, чтобы, примирив её с Сербией и Грецией, восстановить Балканский союз и направить его против австро-германского блока. Австро-Венгрия и Германия стремились привлечь Болгарию на свою сторону, чтобы не допустить восстановления Балканского союза, чтобы создать турко-болгаро-румынский блок, направленный против России и Сербии.

Если принять во внимание, что судьбы Европы, а в значительной степени и мира, решались борьбой двух мощных коалиций, на которые разделилась Европа, то маленькая Болгария предстанет перед нами как объект политики великих держав, входивших в эти коалиции. Болгария играла подчинённую роль в больших политических планах великих держав. Судьбы Болгарии зависели от общей расстановки сил в Европе. В общеевропейском масштабе Болгария представляла собой небольшую величину. Её неболь-

¹ См. МОЭИ, с. III, т. II, № 419.

шие размеры, немногочисленное население и экономическая отсталость не позволяли ей вести самостоятельную внешнюю политику.

Однако это не означало, что Болгария была слепым орудием или безвольной игрушкой в руках великих держав, что болгарская буржуазия не имела и не проводила свою особую внешнеполитическую программу. Программа такая была, и она играла далеко не последнюю роль в политической ориентации Болгарии накануне мировой войны.

Ближайшим лозунгом внешней политики всей болгарской буржуазии было уничтожение Бухарестского мирного договора. Различные группы буржуазии расходились в своих мнениях о способах его уничтожения, но в необходимости его уничтожения не сомневался никто. Это была как бы программа-минимум. Болгарская буржуазия требовала возвращения Добруджи, «бесспорной зоны» Македонии, Каваллы с её хинтерландом и Фракии до линии Энос — Мидия.

В случае победоносной войны болгарская буржуазия рассчитывала осуществить и свою программу-максимум, которая заключалась в приобретении всей Македонии в целом, вместе с «спорной зоной» на севере и Салониками на юге. Кроме того, болгарская буржуазия стремилась на западе получить выход к Адриатическому морю путём захвата части Албании. На севере конечная цель заключалась в приобретении всей Добруджи вплоть до устья Дуная. На юге болгарская буржуазия стремилась к завоеванию всей Фракии вплоть до Мраморного моря и проливов. По идее болгарских империалистов, Болгария должна была стать державой трёх морей, самой мощной державой на Балканах, и диктовать свою волю всем другим балканским государствам.

VII

Разрабатывая свои внешнеполитические планы, болгарская буржуазия одновременно проводила деятельную военную подготовку к их осуществлению. Болгарское правительство готовило в большом количестве офицерские кадры, заготавливало оружие и боеприпасы.

В январе 1914 г. русский военный агент в Софии полковник Романовский доносил, что в военное училище и в школу запасных подпоручиков принято гораздо больше учащихся, чем обычно. В софийском гарнизоне приняты меры для удаления в провинциальные гарнизоны всех офицеров русофильского направления и на их места назначены македонцы¹ (болгарские шовинисты македонского происхождения).

По сведениям русского консула в Руссуге, в конце декабря 1913 г. в Самовит и Лом-Паланку было доставлено из Австро-Венгрии 150 вагонов оружия и боеприпасов, которые были переправлены в Софию и Старую Загору. 26 января 1914 г. Романовский доносил, что «на станции Землин сложены военные грузы, предназначенные для Болгарии и ожидающие открытия навигации по Дунаю»².

21 января и 4 февраля 1914 г. Романовский доносил о том, что в Болгарию прибыло из Австро-Венгрии 80 тысяч винтовок и 24 горных орудия; 135 орудий, взятых у турок во время балканской войны, ремонтируются. Заказаны на австрийских заводах 222 тысячи снарядов, 36 миллионов ружейных патронов и 100 тысяч штыков-ножей³.

13 апреля 1914 г. Романовский сообщил о том, что австрийский военный агент в Софии Лакса выехал в Австрию на завод Шкода, чтобы присутствовать вместе с болгарской комиссией при испытании образцов орудий, которые болгарское правительство предполагало там заказать⁴.

29 апреля 1914 г. Романовский сообщил, что болгарским правительством заказано австрийскому заводу Штейера 216—220 тысяч винтовок для перевооружения болгарской армии. 17 мая того же года он доносил о том, что австрийской фирме заказано 200 полевых кухонь и на 2,5 миллиона франков медицинских материалов. В том же донесении говорится о том, что по Дунаю происходит усиленная

¹ См. Центральный Государственный Военно-Исторический архив (ЦГВИА), фонд Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), Отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар), дело № $\frac{10504}{2000-II}$, лист 8.

² МОЭИ, с. III, т. I, № 44, 108.

³ См. ЦГВИА, фонд ГУГШ, дело № $\frac{10504}{2000-II}$, л. 12, 32—34.

⁴ См. там же, л. 15.

перевозка заказанных в Австро-Венгрии снарядов и что частные мастерские по всей Болгарии привлечены к изготовлению обмундирования и обуви¹. 29 июня 1914 г. Савинский сообщал: «Здесь арсеналы работают днем и ночью, даже по воскресеньям. За май арсеналом получено 25 вагонов военных припасов из Германии и 40 из Австрии... Болгары готовят в широких размерах деятельность банд»².

Эти данные говорят о том, что Болгария вооружалась с помощью Австро-Венгрии и Германии. Нет сомнения в том, что эти последние рассчитывали на Болгарию как на своего союзника в будущей войне.

VIII

Правительство Радославова надеялось осуществить внешнеполитическую программу болгарской буржуазии с помощью Тройственного союза. Был провозглашен новый курс: сближение и союз прежде всего с Австро-Венгрией, а через неё с Германией и с Тройственным союзом в целом.

Ещё в последних числах июля 1913 г. Геннадиев от имени правительства и с одобрения Фердинанда обратился к Тарновскому с официальным предложением о заключении союза с Австро-Венгрией. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд выразил удовлетворение по поводу новой ориентации болгарского правительства, но заметил, что для заключения формального союза необходимо согласие союзников Австро-Венгрии.

Австро-Венгрия нуждалась в Болгарии как союзнике против Сербии и старалась убедить Германию в выгодности привлечения Болгарии к Тройственному союзу. 5 августа 1913 г. Берхтольд передал германскому послу в Вене Чиршки записку о балканской политике Австро-Венгрии. Сообщая о сделанном Болгарией предложении, Берхтольд доказывал, что привлечение её к Тройственному союзу является гораздо более выгодным, чем привлечение Греции³, и просил на это согласия Германии.

¹ См. ЦГВИА, фонд ГУГШ, дело № $\frac{10504}{2000-II}$, л. 17, 19.

² МОЭИ, с. III, т. V, № 253.

³ Греция в это время сделала Германии предложение о союзе.

Однако в Берлине не разделяли этих взглядов Берхтольда. Германия прежде всего дорожила союзом с Румынией и старалась покрепче привязать её к Тройственному союзу. Германия опасалась, что привлечение Болгарии к Тройственному союзу толкнёт Румынию в лагерь Антанты, поэтому она в качестве предварительного условия выдвигала болгаро-румынский союз. Но Румыния не склонна была вступать в союз с Болгарией.

Германия считала, что Греция является для неё более ценным союзником, чем Болгария. В Берлине указывали на то, что Болгария разбита и обессилена, что правительство Радославова не заслуживает доверия, что оно непрочное и может быть свергнуто. Известное влияние имели и личные неприязненные отношения Вильгельма II к Фердинанду. По этим причинам Вильгельм II и его правительство отвергли союз с Болгарией. В инструкции Министерству иностранных дел от 16 августа 1913 г. Вильгельм II высказывал своё недовольство по поводу благосклонного отношения Австро-Венгрии к Болгарии, так как оно приводило к ухудшению отношений с Румынией, следовательно, способствовало усилению влияния Антанты. Вильгельм даже считал нужным сменить Берхтольда¹.

Болгарское правительство в условиях политической изоляции Болгарии на Балканах стремилось к скорейшему заключению союза с Австро-Венгрией. Болгарские министры осаждали Тарновского просьбами о союзе и проявляли крайнее нетерпение. Тарновский отвечал неопределённо и рекомендовал болгарам терпение. Австро-Венгрия не могла пойти на союз с Болгарией, потому что Германия не желала в данное время этого союза. Австрийское правительство вынуждено было заверить Германию в том, что союз и сотрудничество с Румынией будут и впредь составлять основу австрийской политики на Балканах².

В ноябре 1913 г. Фердинанд в сопровождении Геннадиева посетил Вену и вёл там переговоры с Францем-Иосифом

¹ См. „Die grosse Politik der Europäischen Kabinette“, В. XXXV, № 13702, 13724, 13725, 13745; В. XXXVI, Т. I, № 13781; OУAP, В. VI, № 7937; В. VII, № 8157, 8159, 8189, 8197, 8231, 8271, 8297, 8315, 8414, 8647, 8669, 8688, 8702.

² См. OУAP, В. VII, № 8735, 8751, 8775, 8781, 8786, 8990.

и Берхтольдом о союзе. Официальное предложение о союзе, сделанное на сей раз самим Фердинандом, вновь было отклонено по причинам, нам уже известным¹. Но, чтобы не оттолкнуть от себя болгар, Тарновский постоянно уверял их в дружественных чувствах, питаемых к ним Австро-Венгрией, и советовал им терпеливо ждать².

В Австро-Венгрии не отказались от мысли о привлечении Болгарии к Тройственному союзу. Там с тревогой наблюдали за совершающимся отходом Румынии от Тройственного союза и опасались, что, перейдя в лагерь Антанты, Румыния в случае большой войны вторгнется в Трансильванию.

В Австро-Венгрии стали искать средства для предотвращения этой угрозы. В связи с этим возник проект венгерского премьер-министра графа Тиссы. Проект Тиссы, представленный им в марте 1914 г. в Вену, являлся программой австро-германской политики на Балканах. Тисса предлагал привлечь Болгарию к австро-германскому союзу, обещая ей Македонию и примирение с Румынией. Румыния, таким образом, не отпадёт от Тройственного союза и, связанная Болгарией, не будет опасна для Австро-Венгрии. Он предлагал также оторвать Грецию от Сербии и таким образом помешать Антанте создать на Балканах антиавстрийский блок. Проект Тиссы предусматривал создание германофильского блока на Балканах для разгрома Сербии и раздела её территории между Болгарией, Грецией и Албанией.

Зная отрицательное отношение Германии к привлечению Болгарии в состав Тройственного союза, Тисса особенно подчёркивал в своём меморандуме, что Германия, так же как и Австро-Венгрия, должна быть заинтересована в том, чтобы Балканский полуостров стал сферой австро-германского влияния и не попал в руки Антанты³.

Проект Тиссы в мае 1914 г. был одобрен Францем-Иосифом, и на его основе австрийское Министерство иностранных дел разработало детальный меморандум, который был одобрен 24 июня, за четыре дня до сараевского убийства.

¹ См. ОУАР, В. VII, № 8969, 8972, 8981, 8985, 8990, 8991, 8998, 9008, 9080.

² См. ОУАР, В. VII, № 9098, 9108.

³ См. ОУАР, В. VII, № 9482.

IX

Наиболее ярко борьба между Антантой и австро-германским блоком за Болгарию как союзницу в будущей войне отразилась в вопросе о болгарском займе. Вопрос о том, где Болгария получит заём, был настолько важен для её политической ориентации, что обе стороны, Антанта и австро-германский блок, употребили все свои силы, чтобы выйти из этой борьбы победителями.

Балканские войны привели Болгарию к финансовому истощению и огромному росту государственного долга. Чтобы оживить экономическую деятельность в стране и ликвидировать последствия балканских войн, чтобы восстановить свои военные силы, Болгария нуждалась в крупном займе. Для изыскания возможностей заключения такого займа в октябре 1913 г. выехали за границу министр финансов Тончев и министр иностранных дел Геннадиев. Геннадиев побывал в Париже, где ему заявили, что Болгария сможет заключить заём во Франции только в том случае, если она откажется от политики сближения с Тройственным союзом¹. Французский ответ был результатом усиленного нажима России. В Петербурге относились крайне враждебно к правительству Радославова и, конечно, отнюдь не были намерены укреплять это правительство, оказывая ему финансовую помощь. Наоборот, там надеялись, что тяжёлое финансовое положение Болгарии приведёт к свержению правительства Радославова. Французское правительство заверило русского посла в Париже Извольского, что Франция не предоставит займа Болгарии без согласия на то России².

Тончев побывал в Вене и Берлине. В Вене сослались на отсутствие денег, но обещали оказать содействие для заключения займа в Берлине. В Берлине же не было уверенности, что германские деньги закрепят Болгарию за Тройственным союзом, так как правительство Радославова в то время (осень 1913 г.) не имело большинства в собрании и

¹ См. ОУАР, В. VII, № 9095.

² См. МОЭИ, с. III, т. I, № 22.

ближайшие выборы могли привести к его свержению. Поэтому в Берлине воздержались от предоставления займа Болгарии.

Правительство Радославова решило укрепить своё внутреннее положение, дожидаться результатов выборов в XVI Обыкновенное Народное собрание, а затем уже действовать. Вопрос о займе на время был отложен.

Сам по себе факт обращения болгарского правительства за займом одновременно в Париж и Берлин весьма знаменателен, так как до этого времени постоянным кредитором Болгарии была Франция. Обращение к Берлину было результатом новой внешнеполитической ориентации либерального правительства. Хотя германские банки воздержались пока от предоставления денег Болгарии, но подготовительная работа по заключению займа проводилась в течение всей зимы 1913/14 г. под руководством уполномоченного берлинского банка «Diskonto-Gesellschaft» в Софии Штанге. Особую заинтересованность в том, чтобы Болгария получила заём не в Париже, а в Берлине, проявляла Австро-Венгрия. В этом смысле Тарновский говорил в марте 1914 г., во время выборов в Народное собрание, с германским посланником в Софии Михаэллесом. Последний сказал, что если правительство Радославова получит на выборах большинство, то в Германии найдут и деньги для займа¹. Только в марте 1914 г., после выборов в XVII Обыкновенное Народное собрание, когда либеральное правительство могло действовать увереннее, Тончев вновь уехал за границу и возобновил переговоры о займе в Берлине.

25 марта 1914 г. германское правительство, убедившись в надёжности правительства Радославова, разрешило германским банкам эмиссию болгарского займа². В конце марта 1914 г. правительства Австро-Венгрии и Германии заверили болгарское правительство в том, что они будут способствовать получению займа для Болгарии у австрийских и германских банкиров. С этого времени переговоры о займе вступают в свою активную фазу.

¹ См. ОУАР, В. VII, № 9136, 9461.

² См. А. Гириновъ, България предъ великата война, стр. 36.

Болгарское правительство начало переговоры о займе с берлинским банком «Diskonto-Gesellschaft», обязавшись представить «реальные гарантии» в обеспечение займа¹. Банк «Diskonto-Gesellschaft» возглавлял целую группу немецких и австрийских банков, которые должны были принять участие в займе. Посредником в переговорах выступил Софийский Кредитный банк — филиал «Diskonto-Gesellschaft» и банкирского дома Блейхредера. В начале апреля для переговоров в Софию приехал представитель «Diskonto-Gesellschaft» Шлипар в сопровождении брата германского посланника в Софии Михаэллеа. В Берлине переговоры вёл Тончев.

Первые сведения о переговорах, добытые Савинским и французским посланником в Софии Панафье, вызвали тревогу в Петербурге и Париже. Там опасались того, что если болгарскому правительству удастся заключить заём в Берлине, то оно этим самым упрочит своё положение, свяжет свою политику с политикой Германии и Австро-Венгрии и при их поддержке попытается развязать войну на Балканах против своих соседей. Расчёты на свержение правительства Радославова и изменение политического курса Болгарии будут, таким образом, опрокинуты. Поэтому Савинский и Панафье, следуя указаниям своих правительств, развернули энергичную деятельность, направленную на то, чтобы не допустить заключения болгарского займа в Берлине.

В первый месяц переговоры о займе в Германии шли вяло. Важной помехой в этом были возражения, выдвинутые Румынией. Румынское правительство опасалось, что Болгария использует немецкие деньги на вооружение, а вооружившись, нападёт на Румынию. Правительство Германии, желая удержать Румынию в Тройственном союзе, опасалось вызвать её неудовольствие и удерживало берлинские банки от окончательного ответа на запрос болгарского правительства. Германскому правительству всё же удалось убедить румынское, чтобы оно согласилось на предоставление займа Болгарии с условием, что деньги не пойдут на вооружение². Условие это, однако, было немцами обойдено если не формально, то по существу. Пред-

¹ См. МОЭИ, с. III, т. II, № 43.

² См. там же, № 268, 314.

ставитель Круппа в Софии потребовал уплаты долга за предыдущие заказы из сумм предполагаемого займа, обещающая после уплаты новый кредит. Савинский справедливо усматривал в этом «замаскированное назначение части займа на военные нужды»¹.

Во второй половине апреля, несмотря на старания Савинского и Панафье, переговоры о займе значительно продвинулись. Первый прекрасно понимал, что «заем этот в случае совершения будет полным порабощением, экономическим и политическим, Болгарии Берлином и Веной»².

27 апреля Савинский телеграфировал в Петербург, что «теперь идет речь не о том или другом правительстве, а грозит опасность окончательного и безвозвратного закрепления немецкого влияния в Болгарии»³. Он утверждал, что заключение Болгарией займа в Берлине будет равносильно предоставлению «Болгарии на съедение австро-немецкам», что «противоречит традиционной политике России» и «предрешает взаимоотношения между Болгарией и Сербией, что в случае европейских осложнений уже прямо касается интересов России, а равно парализует то значение, которое может и должна иметь для нас более и более обрисовывающаяся группировка остальных православных балканских государств — Сербии, Греции и Румынии»⁴. Савинский указывал на то, что условия займа приведут к полному экономическому порабощению болгарской Фракии Германией и к её онемечению. Германия, таким образом, приблизится к проливам и Константинополю⁵.

Однако только Россия и Франция энергично боролись против заключения займа в Берлине. Лондонское же правительство, поручив своему посланнику в Софии Баксу Айронсайду только обратить внимание Радославова на невыгодность займа как для Болгарии, так и для Англии, по существу отстранилось от вопроса о займе.

Большое значение Савинский придавал деятельности оппозиции внутри страны, стремясь подчинить её своему

¹ МОЭИ, с. III, т. II, № 332.

² Там же, № 307.

³ Там же.

⁴ Там же, № 336.

⁵ См. МОЭИ, с. III, т. III, № 119.

контролю и поставить на службу Антанте. Он распорядился о том, чтобы оппозиционная печать развернула кампанию против заключения займа в Берлине, и требовал от лидеров оппозиции, чтобы они объединили свои силы для более энергичных действий против правительства¹.

Чтобы заставить Болгарию отказаться от займа в Берлине, Савинский потребовал уплаты 18 миллионов франков русскому Военному министерству за военные поставки во время балканских войн, а Панафье потребовал немедленной уплаты французским банкам по бонам из предполагаемого займа² (болгарское правительство обязалось выкупить у французских банков на 75 миллионов франков бон казначейства — сумма, данная Болгарии в виде краткосрочного займа, — при заключении первой же финансовой сделки).

Препятствия, чинимые Россией и Францией для получения германского займа, вызвали в начале мая слухи о том, что в Берлине якобы отказались от выпуска болгарского займа, так как деньги от этого займа перешли бы к французским банкам, потребовавшим от Болгарии выкупа бон. В то же время болгарская газета «La Камбана» (инспирируемая Министерством финансов) сообщила 5 мая о том, что заём уже заключён в Берлине при содействии английских банков³. Ни первое, ни второе не соответствовало действительности. Переговоры в Берлине продолжались, но наталкивались на трудности. Немцы знали, что болгарское правительство без займа никак обойтись не может, что оно готово на любые условия, лишь бы скорее заключить сделку, поэтому они выдвигали особо тяжёлые условия, которые должны были привести к полному экономическому и политическому закабалению Болгарии.

Болгарское правительство опасалось, что кабальные условия займа, предлагаемые немцами, будут отвергнуты Народным собранием. Несмотря на это, переговоры к середине мая зашли уже столь далеко, что заключение займа в Берлине считалось вопросом решённым. 15 мая Савинский телеграфировал Сазонову: «По последним сведениям, пра-

¹ См. МОЭИ, с. III, т. II, № 324.

² См. там же.

³ См. там же, № 374.

вительство стоворилось с берлинскими банкирами по всем условиям займа, кроме табачной монополии... Если по этому вопросу будет достигнуто соглашение, то заем может быть подписан во всякую данную минуту»¹.

Савинский и Панафье, убедившись в том, что правительство Радославова не может быть немедленно свергнуто, решили добиться образования коалиционного правительства и оказать ему финансовую поддержку, с тем чтобы оно отказалось от займа в Берлине. Савинский и Панафье также предложили, чтобы Франция предоставила аванс в 100 миллионов франков лично Фердинанду и не требовала от Болгарии немедленной уплаты долгов по бонам. Савинский и Панафье надеялись, что эти меры сорвут переговоры о займе в Берлине, приведут к ослаблению австро-германского влияния в Болгарии, а затем и к удалению либералов от власти. Они также считали, что Франция должна предложить Болгарии заем на более мягких условиях, чем Германия².

Французское правительство тотчас же согласилось с планом Савинского и Панафье при условии образования в Болгарии коалиционного кабинета Малинова — Геннадиева и заявило о своей готовности, если и Россия одобрит этот план, «убедить французские банки ныне же выдать Болгарии аванс в 80 или 90 миллионов франков и не требовать немедленной уплаты 75 миллионов бонов». Так как немедленное предоставление такого аванса исключало, по мнению французского правительства, возможность заключения Болгарией займа в другом месте, то заем мог бы быть дан Францией в конце года при условии перемены политического курса Болгарии³.

Но Сазонов опасался, что коалиционный кабинет не будет достаточной гарантией изменения внешнеполитического курса. Кроме того, не было уверенности, что намеченные лица согласятся войти в такой кабинет. Поэтому Сазонов, прежде чем окончательно решить вопрос, предлагал Савинскому выяснить мнение Малинова и Тодорова⁴. Савинский

¹ МОЭИ, с. III, т. III, № 8.

² См. МОЭИ, с. III, т. II, № 418.

³ МОЭИ, с. III, т. III, № 22.

⁴ См. там же, № 29.

выяснил, что Малинов отказывается сотрудничать с Геннадиевым и стамбуловистами, и предложил тут же другой план: «Сказать королю, что... Россия и Франция дают ему аванс под непременно условием, что он сменит нынешнее правительство, лишь только это можно будет сделать без излишних потрясений для страны, и что только тогда Болгария получит заем. Выдача ныне же аванса и это последнее условие окончательно свяжут короля». Малинов и Тодоров одобрили этот план, одобрили его также русское и французское правительства¹.

Однако принципиальное согласие французского правительства на выдачу Болгарии аванса неожиданно натолкнулось на сопротивление французских банков.

Переговоры французского министра иностранных дел Маржери и премьер-министра Думерга с французскими банками протекали безрезультатно². Для успеха этих переговоров Маржери и Думерг настаивали на участии в этом авансе и русских банков³. Того же мнения был и Савинский. На основании разговора с Тодоровым он предлагал уменьшить сумму аванса до 60 миллионов франков, которых хватило бы правительству на первое время. 20 миллионов франков из этой суммы, по мнению Савинского, должны были бы взять на себя русские банки, облегчив этим выдачу аванса французскими банками и подчеркнув услугу, которую оказывает Болгарии Россия. Рассматривая заём как начальный этап «мирного проникновения Германии в столь важную для нас зону у преддверья Проливов», Савинский считал крайне важным, чтобы Россия приняла участие в авансе, несмотря даже на недостаток свободных капиталов⁴.

В Министерстве иностранных дел и Министерстве финансов предложение Савинского было поддержано. Министр финансов Барк приступил к переговорам с русскими банками по вопросу об их участии в выдаче аванса Болгарии⁵. Барку удалось быстро получить согласие крупней-

¹ МОЭИ, с. III, т. III, № 43, 51, 57.

² См. там же, № 68.

³ См. там же, № 80, 97.

⁴ Там же, № 82.

⁵ См. там же, № 93.

ших русских банков на участие в авансе Болгарии, но зато переговоры с французскими банками так ни к чему и не привели.

Финансовые затруднения союзников осложнялись разногласиями и по политическим вопросам. Французское правительство возражало против того, чтобы требовать от Фердинанда смены правительства Радославова, пока германский заём ещё не устранин, опасаясь, что резкое выступление обидит Фердинанда и произведёт на него обратное действие. Такое требование могло бы быть предъявлено впоследствии, когда Болгария не будет уже, в силу полученных авансов, в состоянии освободиться от франко-русской финансовой опеки и если сам Фердинанд к этому времени не заменит существующее правительство¹. Наоборот, товарищ министра иностранных дел России Нератов продолжал настаивать, чтобы условием аванса было обязательство Фердинанда сменить правительство Радославова до получения остальной суммы займа². Савинский, опасаясь, что переговоры об авансе в Париже и Петербурге окончатся безрезультатно, 29 мая предложил выбрать из двух зол меньшее, т. е. «разрешить во Франции заем теперешнему болгарскому правительству, чем допустить его заключение в Германии»³. Этим самым франко-русская дипломатия признала крах своей политики в вопросе о займе.

3 июня Савинский телеграфировал, «что положение теперь почти безнадежное». Несмотря на чрезвычайную нужду болгарского правительства в деньгах, Франция и Россия за целый месяц не сумели предложить ничего конкретного и упустили время. Именно в этом и заключалась причина неудачи всех предыдущих франко-русских планов.

4 июня Савинский пришёл к заключению, что воспрепятствовать подписанию займа не удастся, и предложил сосредоточить все силы на том, чтобы провалить заём

¹ См. МОЭИ, с. III, т. III, № 116, Примечание.

² См. там же, № 204.

³ Там же, № 119.

при вотировании его в Народном собрании и таким образом свергнуть правительство Радославова. С этой целью он деятельно помогал оппозиции в подборе материалов, долженствовавших скомпрометировать заём в глазах депутатов Собрания¹. В Париже разделяли этот взгляд Савинского².

В то время как составлялись планы срыва займа в Берлине и велись переговоры с французскими банками, 22 мая в Софию прибыл представитель «Diskonto-Gesellschaft» с условиями займа. Эти условия должны были в тот же вечер обсуждаться в совете министров.

Данных о том, как прошло обсуждение условий займа и какое было принято решение в совете министров, не сохранилось. Однако известно, что окончательные условия ещё не были выработаны и для завершения переговоров министр финансов Тончев выехал 28 мая в Вену и Берлин³. Переговоры Тончева в Берлине затягивались. 8 и 9 июня распространились даже слухи о том, что переговоры эти были прерваны из-за разногласий по вопросу о табачной монополии⁴. По сведениям русского посла в Берлине Свербеева, слухи эти были пущены самим банком «Diskonto-Gesellschaft» с целью оказать давление на болгарское правительство в вопросе о табачной монополии⁵.

По настоянию Вены и под давлением германского правительства немецкие банкиры пошли на уступки и сделали новые предложения, которые Тончев 12 июня привёз в Софию. Новые немецкие условия были одобрены советом министров, и теперь оставалось только подписать договор.

Савинский и французский поверенный в делах в Софии опять потребовали от Болгарии немедленной уплаты по бонам и поставкам 120 миллионов франков⁶, причём русский посол предлагал изъять из берлинских банков

¹ См. МОЭИ, с. III, т. III, № 162.

² См. там же, № 171.

³ См. там же, № 100, 115, 116.

⁴ См. там же, № 191 и Примечание.

⁵ См. там же, № 198.

⁶ См. там же, № 227.

хоть малую часть хранящихся там русских ценностей, чтобы таким образом расстроить заём¹.

Наряду с этими мерами по срыву займа в Берлине была сделана ещё одна, последняя, попытка найти средства для предоставления Болгарии аванса, а затем и займа немедленно и без всяких условий. После неудачных переговоров с солидными банками, постоянными кредиторами Болгарии, французское правительство вынуждено было обратиться к банку братьев Перье — учреждению, не пользовавшемуся до этого времени его доверием. Вернувшийся после поездки в Париж Панафье 16 июня в разговоре с Радославовым заявил ему, что если болгарское правительство, встречая трудности в Берлине, обратится за займом в Париж, то оно может рассчитывать на успех. На следующий день, 17 июня, к Радославову явился Савинский, чтобы подчеркнуть благосклонное отношение России и Франции к Болгарии. Радославов притворился обрадованным и обещал переговорить с Фердинандом².

Для переговоров с болгарским правительством в Софию приехал представитель французского банка Перье Бауэр. Министр финансов Тончев даже не выслушал предложений Бауэра, ссылаясь на то, что «переговоры в Берлине вошли в окончательный фазис». Бауэр тут же хотел покинуть Софию, но вмешался Савинский и посоветовал ему поговорить ещё с Радославовым, которому он сам предварительно пожаловался на Тончева. 30 июня, через два дня после сараевского убийства, Бауэр виделся с Радославовым. Последний, чтобы выиграть время, необходимое для подписания займа в Берлине, и чтобы не создать впечатления, что он отказывается от французских предложений в угоду Берлину, заявил, что сделка в Берлине едва ли состоится, особенно после сараевского убийства, и что Болгария через некоторое время обратится к Перье³.

Между тем к исходу первой недели июля текст договора о займе был окончательно готов и осталось только его подписать. В этот решительный момент болгарская оппозиция

¹ См. МОЭИ, с. III, т. III, № 233, 238.

² См. там же, № 274, 278, 294.

³ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 33.

выступила 8 июля перед правительством с категорическим протестом против заключения займа в Берлине.

Одновременно в Софии распространились слухи о разногласиях между Тончевым и Радославовым по вопросу о займе, о том, что Радославов колеблется подписать заём.

Тончев развивал энергичную деятельность, не брезгуя при этом средствами. 8 июля он собрал представителей оппозиции и, сообщив им условия займа, пытался их склонить к одобрению этих условий. 11 июля по инициативе Тончева было созвано общее собрание депутатов правительственного большинства, на котором Радославов и Тончев, скрывая новые предложения банка Перье, о которых они уже знали, говорили о том, что болгарскому правительству известны только предложения Перье, сделанные им ещё в марте, и что эти предложения тяжелы и неприемлемы для Болгарии¹. Савинский и Панафье 13 июля поместили в печати сообщение, в котором указывалось, что мартовские предложения Перье были заменены в июне новыми, которые были отвергнуты болгарским правительством ввиду достигнутого уже соглашения с германскими банками. Тончев в свою очередь приказал опубликовать опровержение этого сообщения².

11 июля Сазонов телеграфировал Извольскому о согласии русских банков участвовать в займе³, условия которого ещё накануне Бауэр передал по телеграфу Радославову и Тончеву.

Панафье и Савинскому было предписано указать болгарскому правительству на то, что в предложениях Бауэра не заключается никаких политических условий⁴. Наконец-то, между русским и французским правительствами и русскими и французскими банками было достигнуто согласие и готовность предложить Болгарии нечто конкретное. Но было уже поздно.

¹ Первое своё предложение банк Перье сделал ещё в марте 1914 г., но тогда условия Перье были отвергнуты болгарским правительством.

² См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 221.

³ См. там же, № 172.

⁴ См. там же, № 177.

12 июля договор о германском займе был подписан, а 13 июля текст его был роздан членам Народного собрания для ознакомления с ним перед его обсуждением. Мало было надежд на то, что оппозиции удастся провалить заём в Народном собрании. Вероятнее было, что правительству удастся обойти эту конституционную преграду и провести своё решение. Поэтому правительства России и Франции решили прибегнуть к более реальным средствам, чтобы сделать заём в Берлине невозможным. Стало известно, что из предстоящего аванса в 120 миллионов франков, который должен был быть получен в счёт займа, болгарское правительство намерено уплатить по бонам казначейства только России и Австро-Венгрии, а 75 миллионов франков Франции — только из первой части займа. Французский посланник в Софии Панафье 13 июля потребовал от болгарского правительства немедленной и полной уплаты 75 миллионов франков по бонам из аванса, ссылаясь на то, что болгарское правительство обязалось уплатить по бонам при первой же финансовой операции, которой безусловно является получаемый аванс. Радославов протестовал против этого требования, ссылаясь на то, что болгарское правительство якобы обязалось уплатить по бонам из первого займа, а теперь оно получит только аванс. Французское правительство ещё задолго до подписания займа обратило внимание Берлина на обязательство болгарского правительства уплатить 75 миллионов франков по бонам, но безрезультатно. Болгарское правительство довело дело займа до желательного ему конца и теперь, поддерживаемое Австро-Венгрией и Германией, не находило нужным считаться с требованиями Франции.

В то же время Савинский опять предлагал изъять часть русских ценностей из берлинских банков и этим затруднить предоставление Болгарии займа¹.

Болгарское правительство торопилось; оно хотело приступить к обсуждению законопроекта о займе 14 июля, т. е. на второй день после его внесения в Собрание, чтобы не дать оппозиции собраться с силами и организовать, но оппозиция добилась всё же отсрочки на один

¹ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 261.

день, и обсуждение было отложено на 15 июля. За эти два дня правительство успело убедиться, что ему придётся в собрании выдержать жестокий бой с оппозицией. Появились недовольные условиями займа и среди депутатов правительственных партий. Это не предвещало правительству ничего хорошего, если бы оно стало при обсуждении законопроекта соблюдать все требования конституции. Поэтому оно решило вопрос более простым способом, спровоцировав в зале заседания свалку¹. Воспользовавшись всеобщей суматохой, председатель Народного собрания Вачев инсценировал нечто вроде голосования, и законопроект был объявлен вотированным без всякого обсуждения.

Казалось, всё уже было решено, но Савинский ещё цеплялся за последнюю надежду. Он думал, что способ голосования законопроекта о займе вызовет недоверие к болгарскому правительству и банки откажут ему в деньгах. Нужно только позаботиться, чтобы действия болгарского правительства стали достоянием широкой гласности и были осуждены общественным мнением Европы². Он пытался ещё воздействовать на Фердинанда, чтобы тот не утвердил «столь незаконное постановление»³. Но всё это было напрасно. Фердинанд, конечно, утвердил закон о займе.

Тяжёлые условия займа и способ действия правительства вызвали недовольство среди широких слоёв населения. Во многих городах население на своих собраниях протестовало против заключённых договоров. Оппозиционеры обвиняли правительство в антинародной политике. Бурные митинги перерастали в уличные бои⁴. Правительство приняло ряд мер предосторожности: оно расставило патрули в столице, проверяло, сокращало и вовсе задерживало телеграммы; лидеров оппозиции предупредили, что они несут личную ответственность за неприкосновенность Радославова⁵. Оппозиция 17 июля опубликовала

¹ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 298.

² См. там же, № 237.

³ МОЭИ, с. III, т. III, № 250.

⁴ См. *Н. Станевъ*, История на нова България, ч. II, гл. IX.

⁵ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 251.

протокол за подписями Гешова (народная партия), Данева (прогрессивно-либеральная партия), Стамбулийского (Земледельческий союз), Малинова (демократическая партия), Сакизова (с.-д. партия «широких»), Цанова (радикальная партия) о том, что законопроект о займе конституционным путём не был утверждён, а потому не может иметь силу закона¹. Но протест этот не мог уже оказать реального воздействия.

Каковы же были условия договора о займе? В действительности 12 июля был подписан не один, а четыре договора: 1) о 5-процентном займе в 500 миллионов франков; 2) об авансе в 120 миллионов франков; 3) о постройке железнодорожной линии Михайлово — Хасково — Лагос и порта в Лагосе; 4) об эксплуатации угольных копей Перника и Бобов-дола.

По первому из перечисленных договоров Болгария получала заём в 500 миллионов франков от банковского консорциума, в который входили германские, австро-венгерские, голландские, бельгийские, швейцарские и болгарские банки.

Заём был 5-процентным и отпускался в две серии по 250 миллионов франков. Первая серия — 14 (1) августа 1915 г., а вторая серия — 14 (1) августа 1917 г. Срок погашения займа был установлен в 50 лет. Болгарское правительство обязывалось в течение двух лет от эмиссии первой части займа не заключать за границей никаких государственных займов без согласия на то «Diskonto-Gesellschaft».

Для уплаты процентов должны были идти излишки от табачной бандероли, штемпельного налога и др., остающиеся после уплаты по предыдущим займам, а также доходы от государственных привилегий на папиросную бумагу и ввозных пошлин. Болгария обязывалась сделать военные заказы на 100 миллионов франков у германских и австро-венгерских промышленников.

Согласно второму договору Болгария получала немедленно от банковского консорциума аванс в 120 миллионов франков в счёт займа сроком до 1 августа 1915 г. Из всей

¹ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 298.

суммы в 120 миллионов франков в Болгарский Народный банк было внесено только 41,5 миллиона франков.

По третьему договору кредиторы получили право на постройку железной дороги Михайлово — Хасково — Лагос и порта в Лагосе. Торги на эти постройки должны были производиться консорциумом между австрийскими и германскими предпринимателями. Материалы для построек должны были поставяться только Германией и Австрией. Болгарское правительство обязывалось в течение 50 лет получать все материалы, необходимые для эксплуатации вновь построенных железнодорожных линий и порта только через «Diskonto-Gesellschaft».

Наконец, по четвёртому договору, австро-германские банки получили концессию на эксплуатацию угольных копей Перника и Бобов-дола, оценивавшихся в то время в 30 миллионов левов и дававших казне (копи были государственные) 1,3 миллиона левов дохода в год. Болгарские Народный и Земледельческий банки получили право участвовать в эксплуатации копей в размере 30% основного капитала. На этих началах в марте 1916 г. действительно было основано «Болгарское национальное горное общество» для эксплуатации копей Перника и Бобов-дола¹.

Как видно из перечисленного, условия займа для Болгарии были во всех отношениях чрезвычайно тяжелы. Если учесть проценты, условия погашения и прочие технические подробности, то, по подсчётам Савинского, Болгария должна была получить чистыми не 500 миллионов франков, а только 390 миллионов франков. Из этой суммы Болгария должна была уплатить Франции, России и Австро-Венгрии по бонам 155 миллионов франков и оставить в Германии и Австро-Венгрии на заказы по сооружению железнодорожной линии Михайлово — Хасково — Лагос и порта в Лагосе 150 миллионов франков. Непосредственно в казну должно было поступить каких-нибудь 50 миллионов франков, и болгарское правительство так и не было бы в состоянии уплатить по реквизициям,

¹ Полный текст заключённых договоров см. „Обвинительный акт...“, Приложения, стр. 521—547.

произведённым во время балканских войн, и вернуть долг Народному банку¹.

Таким образом, со стороны чисто финансовой условия займа были для Болгарии крайне невыгодны и тяжелы, пожалуй, самые тяжёлые из всех предыдущих займов. Если же взять другие стороны займа, то тут кабальные его условия выступают ещё ярче. Болгария отдавала в руки австро-германских капиталистов постройку очень важной железнодорожной линии, которая должна была соединить центр страны с районом табачных плантаций во вновь приобретённой Фракии. В руки австро-германских капиталистов должно было быть отдано сооружение в Лагосе, на Эгейском море, порта, значение которого для будущего болгарской экономики трудно было преувеличить, если учесть, что на Эгейском море Болгария получила только один порт — Дедеагач, весьма слабо оборудованный. В руки австро-германского капитала переходили также единственные в стране каменноугольные копи в Пернике и Бобов-доле, находившиеся недалеко от Софии.

Условия займа составляли как бы план экономического подчинения и порабощения Германией и Австрией Болгарии. За экономическим должно было последовать и политическое порабощение. Последнее составляло главную цель германского и австрийского правительств, так как в экономике Германии и Австрии Болгария играла незначительную роль. Болгария лежала на пути, ведущем из Германии на Ближний Восток и к Проливам, поэтому нужно было прибрать Болгарию к рукам, чтобы расчистить этот путь. В последнее десятилетие перед первой мировой войной Германия неуклонно проводила эту политику. Она усиливала свой торговый оборот с Болгарией; первый иностранный банк в Болгарии был основан немцами и т. д.

Займ наряду с другими мероприятиями должен был быть средством привлечения Болгарии к австро-германскому союзу. Болгария, экономически и политически порабощённая Германией и Австро-Венгрией, должна была

¹ См. МОЭИ, с. III, т. IV, № 310.

выступить как их союзница в надвигавшейся войне двух империалистических коалиций за мировое господство. Правительства Германии и Австро-Венгрии главное значение займа видели в его политических, а не в экономических задачах. Это видно и из того, что Германия решила обязательно навязать Болгарии заём, хотя она сама нуждалась в средствах. Болгарскому правительству был ясен политический смысл заключаемого займа, и заявления Радославова о том, что заём был чисто финансовой сделкой, никого не могли ввести в заблуждение¹.

В Петербурге и Париже тоже прекрасно поняли политическое значение займа и всеми силами стремились сорвать его заключение в Берлине. Если не считать отдельных недоразумений, то можно сказать, что правительства России и Франции в этом вопросе действовали согласованно и единодушно. Но всё же они в вопросе о займе потерпели поражение. Это объясняется их медлительностью и допущенными ошибками. Ошибка заключалась в упорном требовании отстранения либералов от власти, как условия предоставления денег. Правительство Радославова, крайне нуждаясь в деньгах, готово было их получить в любом месте и на любых условиях. Россия и Франция, отказывая правительству Радославова в деньгах, тем самым играли этому правительству на руку, помогая ему оправдывать своё обращение за деньгами в Берлин. Ошибка эта была понята тогда, когда переговоры в Берлине зашли уже слишком далеко. Но даже тогда правительства России и Франции не сумели быстро договориться с русскими и французскими банками о предоставлении Болгарии денег. Переговоры эти затянулись, и заём был заключён в Берлине.

Заключение займа в Берлине усилило экономическую и политическую зависимость Болгарии от Германии и Австро-Венгрии; оно знаменовало собою победу правительства Радославова — Тончева и его внешнеполитической ориентации на Германию и Австро-Венгрию.

¹ См. В. Радославовъ, България и световната криза, стр. 62.

Х

Сараевское убийство послужило сигналом для новой волны антисербской пропаганды в Болгарии. 8 июля Савинский доносил Сазонову: «Почти вся здешняя пресса придала своей оценке сараевского убийства своеобразный характер, а именно вина огульно возлагается на Сербию и сербский народ. В оценке этой... явно проглядывает... ненависть к Сербии... а также желание правительственной прессы выслужиться перед Австрией... В своих обвинениях против Сербии болгарская пресса вполне сходится с австрийской»¹.

В Болгарии поняли, что Австро-Венгрия, вероятно, использует сараевское убийство, чтобы напасть на Сербию. Это как нельзя более отвечало пожеланиям болгарского правительства, большей части болгарской буржуазии и болгарской военщины. Болгарские военные круги, сообщал в это время Савинский, «очень сочувственно отнеслись бы к походу на сербов»².

С другой стороны, Австро-Венгрия и Германия, развязывая войну, решили больше не откладывать вопроса о союзе с Болгарией. Надежд на помощь Румынии против России после визита Николая II в Констанцу было мало, нельзя было больше пренебрегать той помощью, которую настойчиво предлагало болгарское правительство, добиваясь союза с Германией и Австро-Венгрией.

В связи с сараевским убийством Франц-Иосиф отправил Вильгельму II письмо, в котором говорилось о том, что цель Австро-Венгрии заключается в изоляции и уменьшении Сербии, в уничтожении Сербии как политического фактора на Балканах. Первым этапом на этом пути должна быть поддержка правительства Радославова, для того чтобы воспрепятствовать возврату русофильства в Болгарию. Затем нужно было создать на Балканах болгаро-греко-турецкий блок под руководством Тройственного союза, чтобы воспрепятствовать проникновению «панславистского потопа». К письму был приложен

¹ МОЭИ, с. III, т. IV, № 135.

² МОЭИ, с. III, т. V, № 71.

упомянутый нами выше меморандум австрийского Министерства иностранных дел от 24 июня. В меморандуме указывалось на необходимость принятия предложения Болгарии о союзе и на то, что союз с Болгарией не должен быть направлен против Румынии, но должен послужить для неё предостережением. 5 июля 1914 г. это письмо вместе с меморандумом было передано австрийским послом в Берлине Сегени Вильгельму. Вильгельм заявил Сегени, что хотя договор с Болгарией ему «отнюдь несимпатичен» и он не доверяет Фердинанду, всё же он даёт своё согласие при условии, что договор не будет направлен против Румынии и что последняя будет о нём знать. В этом смысле Вильгельм ответил письмом Францу-Иосифу. Германскому посланнику в Софии Михаэллесу были даны инструкции, чтобы он поддерживал Тарновского в вопросе о заключении союза с Болгарией¹.

В середине июля Тарновский, по вызову Берхтольда, выехал в Вену и оттуда привёз с собой проект австро-болгарского договора о союзе. По приезде из Вены Тарновский, желая, очевидно, выяснить точку зрения болгарского правительства, попросил Радослава сделать конкретное предложение. Радослав предложил военную конвенцию, Тарновский с ним согласился. Заручившись одобрением Фердинанда, Радослав затем приступил к составлению проекта конвенции². Дальнейшие переговоры о союзе Болгарии с австро-германским блоком происходили уже после начала первой мировой войны и завершились только в 1915 г., так как Болгария по различным причинам воздерживалась от вступления в войну на первом её этапе.

Обратимся теперь вновь к вопросу о позиции Болгарии в связи с австро-сербским конфликтом.

Австро-Венгрия уверенно рассчитывала на помощь Болгарии в войне с Сербией. Зная рабскую угодливость Фердинанда и правительства Радослава по отношению к Австро-Венгрии, Берхтольд ими распоряжался, как

¹ См. ОУАР, В. VIII, № 9984, 10058, 10135, 10262; „Die deutschen Dokumente zum Kriegsbeginn 1914“, Ausgabe II, В. I, № 15, 17.

² См. ОУАР, В. VIII, № 10107, 10310, 10370, 10389, 10555; „Die deutschen Dokumente zum Kriegsbeginn 1914“, В. I, № 162.

своими подчинёнными. Характерен в этом отношении следующий факт. За несколько дней до предъявления ультиматума в Белграде в Вене стало известно, что Фердинанд собирается выехать из Софии на некоторое время. Тарновскому было приказано не допустить отъезда Фердинанда из Софии до предъявления ультиматума, и Тарновский приказ выполнил¹.

Австро-Венгрия надеялась локализовать конфликт с Сербией и поэтому боялась, что преждевременное выступление Болгарии против Сербии может осложнить положение и вызвать даже нападение Румынии на Австро-Венгрию. В Вене решили удержать Болгарию от преждевременного выступления до того момента, когда это будет соответствовать интересам Австро-Венгрии.

23 июля, в день предъявления Сербии ультиматума, Тарновскому была отправлена инструкция в этом смысле. От Болгарии требовалось, чтобы она, в случае австро-сербской войны, дала гарантии нейтралитета по отношению к Австро-Венгрии и Румынии, чтобы она воздержалась пока от нападения на Сербию. В случае выступления Румынии против Австро-Венгрии Болгария должна напасть на Румынию. Болгарское правительство должно было тотчас после объявления австрийской мобилизации организовать нападения чет на железную дорогу Ниш — Салоники, с тем чтобы отрезать Сербию от источников снабжения. Деньги на организацию и вооружение чет должен был давать Тарновский.

Соответствующие инструкции были направлены и австрийскому военному агенту в Болгарии. Радославов обещал Тарновскому полностью выполнить все указания Австро-Венгрии².

Известие о разрыве отношений между Австро-Венгрией и Сербией вызвало радость в болгарских правящих кругах. Радославов 26 июля выразил Тарновскому надежду, что ещё в этот день вечером придёт известие о занятии австрийскими войсками Белграда³.

¹ См. ОУАР, В. VIII, № 10341, 10366, 10389, 10421.

² См. ОУАР, В. VIII, № 10462, 10550, 10557, 10623, 10760, 10766, 10840, 10850, 11006.

³ См. ОУАР, В. VIII, № 10765, 10767, 10920.

28 и 30 июля Тарновский сообщал о том, что Радославов, Геннадиев и военный министр Бояджиев подготовили четы к нападению на Салоникскую железную дорогу и готовы немедленно приступить к действиям¹. Добавим ещё к этому, что шеф болгарской тайной полиции помогал австрийским властям в деле преследования лиц, подозреваемых в причастности к сараевскому убийству².

XI

В связи с изменившейся после сараевского убийства обстановкой Австро-Венгрия вновь стала добиваться болгаро-турецкого союза. По указанию Австро-Венгрии великий визирь 15 июля заверил болгарского посланника в Константинополе Тошева, что в случае войны с Сербией Болгария может не опасаться Турции³.

В ответ на это Радославов 23 июля телеграфировал Тошеву: «Поручаю вам сообщить великому визирю, что если между Сербией и Австро-Венгрией вспыхнет война и Болгария сочтет возможным вмешаться, она это делает после предварительного соглашения с Турцией»⁴.

В конце июля Болгарии из Вены было приказано вновь начать переговоры с Турцией о союзе, и болгарское правительство тотчас же отправило Тошеву соответствующие инструкции⁵.

Итак, перед самым возникновением первой мировой войны Болгария была готова в союзе с Австро-Венгрией и Германией броситься на Сербию и только ждала для этого сигнала. Официально же болгарское правительство уверяло всех, что оно сохранит нейтралитет⁶.

¹ См. ОУАР, В. VIII, № 10922, 11097.

² См. ОУАР, В. VIII, № 9960, 10926.

³ См. ОУАР, В. VIII, № 10284.

⁴ «Обвинительный акт...», стр. 39.

⁵ См. ОУАР, В. VIII, № 11096, 11181, 11186, 11193.

⁶ См. МОЭИ, с. III, т. V, № 147, 151, 198, 251, 261.

XII

Фердинанд и преданное ему правительство Радославова направляли внешнюю политику Болгарии в угоду интересам австро-германских империалистов; они совершенно не считались с ясно выраженной волей подавляющего большинства болгарского народа, желавшего жить в мире и дружбе со своими соседями и со своей освободительницей — Россией. Следствием пагубной политики этих немецких агентов было присоединение Болгарии в первой мировой войне к австро-германскому блоку. Именно в рассматриваемый нами период Болгария стала, по определению товарища Сталина, «опорой немецкого империализма на Балканах»¹, каковой она оставалась вплоть до 9 сентября 1944 г.

¹ Приказ товарища Сталина от 9 сентября 1944 г., „Правда“ от 10 сентября 1944 г.

В. Д. Королюк

ГОСУДАРСТВО ГОТШАЛКА (XI В.)

I

ремя Готшалка (1031—1066) было временем первой решительной попытки создания среди прибалтийского славянства сильного и централизованного государства, расположенного на территории северо-западной ветви бодричей (ободритов), в непосредственной близости от саксов и датчан, сыгравших впоследствии такую крупную роль в его судьбе.

К сожалению, литература вопроса не велика. Во всяком случае нет ни одной монографии, специально посвящённой времени Готшалка.

Известный русский славист Гильфердинг в своём уже сильно устаревшем труде¹, хотя и сохраняющем значение главным образом благодаря добросовестному и внимательному изучению источников, успел коснуться лишь начала царствования Готшалка. Его попытка, привести это событие в связь с кирилло-мефодиевой проповедью вызывает большое сомнение, поскольку ни один источник не даёт оснований предполагать что-либо подобное. В этом случае Гильфердинг остаётся верным себе и тому панславистскому поколению русских славистов, которые смешивали два принципиально разных понятия: славянство и православие. В остальном он ограничивается лишь добросовестным пересказом источников.

¹ См. *А. Ф. Гильфердинг, История балтийских славян, Собрание сочинений, т. IV, Спб. 1874.*

В основном тот же характер добросовестного пересказа носят сочинения польского историка Павинского¹ и немецкого историка Гизебрехта².

Все эти авторы, следуя за ходом рассказа источника, ограничиваются лишь внешним описанием событий, не касаясь тех изменений, которые, естественно, должны были наступить в бодритском обществе в результате деятельности Готшалка.

Источников, сообщающих о времени государства Готшалка, лишь два: «История Гамбургского архиепископства» Адама Бременского³ и «Славянская хроника» Гельмольда⁴.

Первый из них был современником событий и, как видно из его хроники, стоял довольно близко к архиепископу Адальберту, сыгравшему крупную роль в церковной политике Готшалка. Источником Адаму Бременскому послужили, по его собственным словам, рассказы датского короля Свена Эстритзона.

Немецкий историк и палеограф Ваттенбах отмечает, что Адам сумел использовать богатую Бременскую библиотеку и архив Бременской церкви. Писать он начал после смерти архиепископа, хотя материал собирал и до того⁵.

Естественно, что с показаниями этого почти единственного источника приходится серьёзно считаться, но к его сведениям следует подходить с осторожностью, имея в виду его тенденциозность.

Описывая минувшие события под впечатлением славянского восстания, Адам расценивает последовавшие несчастья как кару небес за грехи, за раздоры, но главное, за жадность саксов и за их пренебрежение к проповеди

¹ См. А. И. Павинский, Прибалтийские славяне (историческое исследование), Спб. 1871.

² См. L. Giesebrecht, *Wendische Geschichten aus dem Jahren 780 bis 1182*, B. II, Berlin 1843.

³ Adam, *Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum*, Hannoverae 1846.

⁴ Helmold, *Presbyteri Chronica Slavorum ex recensione J. M. Lapenbergii*, Hannoverae 1868.

⁵ См. W. Wattenbach, *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts*, B. II, Berlin 1894, S. 81.

слова божия у славян. «Не обращали внимания несчастные, что большой опасностью заплатят за свои страсти, так как христианство в Славонии сначала взволновали жадностью, потом жестокостью принудили подчиненных к восстанию, и теперь спасение тех, которые хотели верить, считают маловажным, заботясь только о деньгах. И вот, по справедливому суждению божьему мы видим, что верх над нами берут те, которые с соизволения божья были укреплены в том, чтобы через них подвергнуть бичеванию нашу несправедливость»¹.

Стоящий близко к архиепископу Адальберту Адам должен был больно переживать те несчастья, которые обрушились на Бремен по милости саксов. В борьбе с ними истощались архиепископские ресурсы, пустела казна, план независимого патриархата становился неосуществимой мечтой. Виновницей всех этих несчастий Адам считает жадность саксов.

Перед нами всё время противопоставление: «и тогда и сейчас герцог и епископ различным образом трудились ради народа Вендов, а именно: герцог — из-за дани, епископ же — для увеличения служащих христианства», — и затем: «мне кажется, что стараниями священников христианская религия там давно уже восторжествовала, если бы обращению народа не препятствовала жадность князей»².

Указывая на жадность саксов, Адам не скрывает способа взимания дани со славян, а из всего его рассказа о Готшалке совсем не следует, чтобы последний был обязан платить или уплачивал дань саксонским герцогам. Очевидно, «жадность» саксов следует понимать как основное побуждение их политики. Цель же Адама не столько осудить и уже во всяком случае не разоблачить «народ избранный», сколько указать пути исправления. Недаром, говоря о саксах, он сплошь и рядом употребляет выражение «мы».

Как ни странно, Гельмольд, человек саксонской ориентации и враждебный Бременской епархии, целыми гла-

¹ *Adam*, III, § 22.

² *Ibidem*, § 69.

вами переписывает «Историю» Адама, лишь частично дополняя её другими сведениями и тем самым часто впадая в противоречие с самим собой.

Об Адальберте Гельмольд пишет так: «Этот муж (Адальберт. — В. К.), великолепный и всесильный в королевстве, так как могущественнейший император Генрих, сын Конрада, и папа Лев были благосклонны к нему и во всем согласны с его волей, был наделен во всех государствах, именно: Дании, Швеции, Норвегии, авторитетом архиепископа и полномочием папского легата. Но, не удовлетворяясь этим, он хотел достичь чести патриархата таким образом, чтобы в пределах своей епархии установить 12 епископств, о чем рассказывать излишне, так как мудрейшим это казалось неясностью, а некоторым — безумием»¹.

Столетие отделяет Гельмольда от описываемых им событий. В рассказе же о них он в основном повторяет Адама. Кроме того, точность его сведений, особенно о раннем периоде, вызывает много сомнений.

II

Первые известия о возникновении племенных федераций лютичей и расположенных несколько западнее бодричей относятся к IX—X вв. Федерации эти в то время уже объединяли часть полабских племён, хотя ни о каком прочном объединении говорить ещё нельзя. С моментом вступления на императорский трон первого представителя саксонской династии Генриха Птицелова связывается начало немецкой наступательной политики на славян. В 927 г. Генрих переходит Эльбу и нападает на стодорян, а уже в середине века подчиняет значительную часть полабского славянства. Однако итальянские неудачи Оттона совершенно изменили ситуацию. Вспыхивает восстание славян. Освободившиеся из-под немецкого ига бодричи совершают набег на Гамбург и предают его пламени. Неоднократные походы Оттона III в 90-х годах X в. не приносят никаких ощутительных

¹ *Helmold, I, § 22.*

результатов, так что около 1000 г. полабские славяне оказываются такими же независимыми, как и 200 лет перед тем. Но борьба объединила их. Возникли и оформились бодрицкая и лютицкая федерации¹.

Лютицкий союз дальнейшего внешнего и неустойчивого соединения племён не пошёл, и центральная власть тут не получила никакого развития². У бодричей дело обстояло иначе. Источники упоминают уже при Карле Великом о могущественных князьях бодричей: Вильчане, Драще, Славомире, Чедроге. Во второй половине X в. вновь упоминаются их князья, уже стоящие во главе всего союза: Биллут, Мстивой, Мстислав. Сила их, вероятно, опирается преимущественно на дружину. Разумеется, роль такого князя, как, например, Мстивой, окружённого могучей дружиной в тысячу всадников³, существенно отличается от роли старого племенного вождя. Народное вече как функционирующий наряду с князем орган власти исчезает, появляясь вновь лишь в моменты междоусобий⁴.

Начало XI в. характеризуется почти полной самостоятельностью и усилением Саксонии при Бернгарде I и Бернгарде II и новым ослаблением славян. Христианство, находившееся в упадке с 1000 г., в 20-х годах XI в. вновь оживает у бодричей. На этой почве лютичи вступают в борьбу с бодрицким князем Мечиславом.

В конце 30-х годов XI в. древнюю федерацию бодрицких племён возглавляют три князя: Анадрог, Гней и Удо. «И вот, архиепископ часто посещал Гамбургскую митрополию, ибо в это время доблестью короля Кнута и герцога Бернгарда за Эльбой был прочный мир, так как и император усмирил Вендов войной. Князья их Гней и Анадрог были язычники, третий же, Удо, сын Мстивоя, — плохой христианин (*male christianus*)», — рассказывает Адам⁵. Приблизительно то же самое сообщает и Гельмольд.

¹ См. М. Любавский, История западных славян, М., 1918, стр. 30—32.

² См. там же, стр. 36.

³ См. там же, стр. 40—41.

⁴ См. там же.

⁵ *Adam*, II, § 64.

Обращает на себя внимание порядок перечисления у Адама участвующих в событиях лиц и загадочное его выражение: «Udo, male christianus». Что касается первого, ясно, что порядок, принятый Адамом, исходит из значения и роли этих лиц в разыгравшихся событиях: Кнут — Бернгард — Конрад. Теперь остаётся выяснить, что собственно могло означать: «Udo, male christianus». У Адама дальше говорится: «Поэтому же из-за своей жестокости он (Удо. — В. К.) был убит каким-то саксонским перебежчиком. Он имел сына Готшалка, который в то время в монастыре герцога в Люнебурге обучался наукам у готского епископа Готшалка, заботящегося об этом убежище»¹. Непонятно, в какой связи могла стоять жестокость Удо к саксонскому перебежчику и почему не кто иной, как саксонский перебежчик, является орудием наказания за жестокость Удо. Словно угадывая возникающее недоумение или думая разрешить своё собственное, Гельмольд прибавляет — «непредвиденно», и вся фраза приобретает такой вид: «Поэтому же по причине своей жестокости он был непредвиденно убит каким-то саксонским перебежчиком»². На подозрение наводит и умаляющее «каким-то», употреблённое Адамом. Ещё раз обратимся к нему: «И вот он (Готшалк. — В. К.), узнав о смерти отца, движимый гневом и яростью, отбросив с верой науки, схватил оружие и, перейдя реку, соединился с врагами господ Вендами. Нападая с их помощью на христиан, много тысяч саксов убил он, как говорят, мстя за отца»³. Гельмольд ещё более сгущает краски: «И такие поражения нанес (Готшалк — В. К.) христианскому народу, что жестокость его превзошла все меры. И ничего не оставалось в области гользатов, штурмаров и тех, которые называются дитмаршами, что избежало бы руки его, кроме тех известнейших крепостей — Итецгое и Мекленбург. Туда удалились некоторые вооруженные с женами, детьми и имуществом, каковые и уцелели от разрушения»⁴. Разыгравшиеся события в хронике Адама

¹ *Adam*, I, § 64.

² *Hel'mold*, I, § 19.

³ *Adam*. II, § 64.

⁴ *Hel'mold*, I, § 19.

заканчиваются следующим образом: «Наконец, Бернгард — герцог (саксонский. — В. К.), схватив его (Готшалка. — В. К.), словно князя разбойников, держал под стражей, но, полагая, что это муж — храбрый, присоединив его к себе союзом, отпустил. Он пошел к королю Кнуту и, отправившись с ним в Англию, оставался там долгое время»¹. Почти теми же самыми словами заканчивает рассказ и Гельмольд.

Обращают на себя внимание противоречия в сообщениях источников: с одной стороны, великодушный поступок герцога, освобождающего Готшалка из плена и заключающего с ним союз, а с другой — побег Готшалка к Кнуту.

Подводя итоги всему вышеизложенному, приходится согласиться, что ни убийство Удо, ни побег его сына не объяснены в источниках. Наконец, ещё одно замечание. Причиной убийства Удо гораздо естественнее было бы считать не его жестокость, неизвестно каким образом задевавшую саксов, а скорее попытку славянского князя добиться от них независимости.

Усиление Саксонии, которая играет в то время уже решающую роль в проблеме прибалтийского славянства, заставляет Готшалка искать опоры в других странах и в первую очередь в Дании, с которой бодрецкий князь был связан узами родства. Вот почему Готшалк ищет убежища у Кнута.

К этому времени бодрецкая федерация самим ходом исторического процесса была подготовлена к возникновению государственности. В связи с этим находится и попытка Удо добиться независимости от немцев. Понятна и его жестокость, поскольку старая родо-племенная знать не могла не оказать попытке усиления центральной власти самого ожесточённого сопротивления. Любопытно, что убийство Удо сопровождается народным движением против саксов и христианского духовенства, выразившимся в языческой реакции, с которой династия со времён Мстивоя не имела ничего общего. В этой реакции можно предполагать два социальных мотива: народное вос-

¹ Adam, II, § 64.

стание против христианства и борьбу родовой знати против усиливающейся центральной власти.

Таким образом, в целом сложившаяся ситуация выглядит следующим образом: «непредвиденное» убийство Удо «каким-то» саксонским «перебежчиком» приобретает серьёзный характер хорошо рассчитанной и далеко идущей саксонской интриги, направленной против датского влияния. В ней наряду с герцогом участвует и христианская церковь. Поэтому-то Удо назван «*male christianus*». А что касается противоречия между саксами и церковью, которые подчеркнуты у Адама, то даже признавая их реальным фактом, едва ли можно усматривать за ними причины каких-либо серьёзных принципиальных столкновений.

Происшедшие после убийства Удо события Гельмольд описывает следующим образом. Однажды, когда Готшалк, бежав из школы, стал во главе восстания, рыская по разрушенной им стране, он ужаснулся собственной жестокости и, охваченный «печалью сердца», решил оставить месть. Отделившись от товарищей и оставшись наедине с собой, неожиданно встречает он сакса, которому раскрывает своё намерение и просит объявить его своему народу, предлагая встречу для заключения союза и мира. «Но они (саксонские начальники. — В. К.) не пожелали, предполагая коварство, благоприятное для засады»¹. И непосредственно за этим следует описанный у Адама отрывок о пленении Готшалка.

Пребывание Готшалка в саксонском монастыре, очевидно, преследовало не только воспитательные цели. Если принять во внимание антисаксонскую позицию его отца, правильнее, пожалуй, было бы считать Готшалка заложником. В таком случае побег его из монастыря представляется самостоятельным событием, лишь случайно совпадающим с гибелью Удо. Последнее обстоятельство ставит Готшалка во главе вспыхнувшего языческого движения, хотя славянский князь имел достаточно времени, чтобы убедиться в силе христианства и невозможности единоборства с Саксонией. Попытка Готшалка договориться

¹ *Helmold*, I, § 19.

с герцогом, сломить язычество, а затем добиться независимости, опираясь на датчан, с которыми он через мать имел и родственные связи, не имела успеха. Таким образом, загадочный побег Готшалка к Кнуту теперь легко находит своё объяснение. С этого времени (1031) имя Готшалка надолго исчезает из источников.

Что же происходит в это время у бодричей? Адам об этом сообщает следующее: «За Эльбой, как и во всем королевстве, был прочный мир. Князья славян Анадрог, Гней и Ратибор, с миром придя в Гамбург, герцогу и епископу служили»¹. Таким образом, на месте Готшалка оказывается саксонский ставленник — князь Ратибор, верный слуга герцога и епископа. Дальнейшая его политика, считающаяся лишь с саксонской гегемонией, подтверждает мысль о падении датского влияния среди славян. Ратибор выступает открытым противником датчан. Начинается война. В битве с датчанами погибает сначала сам Ратибор, затем, как передаёт Адам, все 8 его сыновей, «пытавшихся мстить за отца»². В это же время герцог Бернгард женит своего старшего сына Ордульфа на дочери норвежского короля Магнуса, а саксы участвуют в решающей битве со славянами вблизи Шлезвига (1044). В этот переломный момент на сцене вновь появляется Готшалк.

III

Ставший за это время датским ярлом, прославленный подвигами и заслуживший дочь датского короля, Готшалк с успехом использовал создавшуюся благоприятную ситуацию, чтобы захватить власть. «В то же самое время, — рассказывает Адам, — Готшалк, возвратившись из Англии после смерти Кнута и его сыновей, пришел враждебный против Славонии, нападая на всех и внушая язычникам великий страх. О его храбрости и могуществе, которое он имел над варварами, мы расскажем ниже»³. Гельмольд, описывая те же самые события, передаёт нам ещё более

¹ *Adam*, II, § 69.

² *Ibidem*, § 75.

³ *Ibidem*.

любопытный эпизод: «И вот после смерти Кнута возвратился Готшалк на родину. И найдя наследство свое захваченным какими-то тиранами, решил бороться и, сопутствуемый победой, полностью получил владение с княжеской властью»¹. В приведённом отрывке сомнительны два обстоятельства: во-первых, факт, что власть даётся ему лишь в тяжёлой борьбе с язычниками, во-вторых, странные выражения источника: «свое наследство» и «тираны». Ведь если понимать «наследство» в прямом смысле слова, то положение, которого добился Готшалк, во много раз превосходило наследство, полагающееся ему после смерти отца. Только согласившись с тем, что попытка объединения бодричей была предпринята им ещё перед побегом к Кнуту, можно разрешить это недоразумение. Очевидно, после возвращения Готшалку пришлось столкнуться не только с саксами, но и со всей родовой знатью, которую Гельмольд объединяет под одним общим именем «тираны». Первоначальная попытка христианизации объяснит в таком случае и упорное сопротивление, какое оказали ему славяне. Это подтверждает тот факт, что в 1031 г. саксы и язычники действуют в одном направлении.

Церковная политика Готшалка имела существенное значение, так как христианизация населения была одним из средств для установления прочной центральной власти. Об этом же сообщает и Адам: «За Эльбой и в Славонии дела наши в этом шли очень успешно. Ибо Готшалк, о котором говорилось выше, муж, прославленный благоразумием и храбростью, взяв в жены дочь короля датчан, так усмирил славян, что его, словно короля, боялись, принося дани и прося мира с соседями»².

С этого времени хронисты не упоминают имён других каких-либо князей наряду с именем Готшалка. Далее Адам Бременский сообщает: «В течение этого времени наш Гамбург имел мир, и Славония была полна священниками и церквями. Ибо Готшалк, муж религиозный и боящийся бога, о Гамбурге, словно о матери, заботился,

¹ *Helmold*, I, § 20.

² *Adam*, III, § 18.

в каковой обычно часто приглашался для уплаты дани. В названной Славонии никто когда-либо не правил могущественнее и не был таким пылким проповедником христианской веры»¹. Нельзя не подчеркнуть эту трогательную заботу князя о Гамбурге, двойное упоминание о котором на протяжении всего двух только строчек должно говорить само за себя. А о том, что заботливость эта была, вероятно, довольно дорогим удовольствием, свидетельствует тот факт, что Готшалк «часто приглашался для уплаты дани». Тем не менее не приходится отрицать, что зависимость от этой кафедры приносила Готшалку какую-то существенную выгоду. Гамбург и в дальнейшем продолжает играть самую серьёзную роль в его политике.

Тесные отношения завязываются между Готшалком и архиепископом Адальбертом, упорным противником саксонских Биллингов. Очевидно, этого требовали не только интересы задуманной им христианизации, но и политический расчёт: «Архиепископ, — продолжает Адам, — заботясь о новых посевах церкви, посылает к мудрому князю мужей из своих епископов и пресвитеров, которые обращали бы дикие народы в христианство... Кроме того, когда он сам приходил (в Гамбург. — В. К.), приглашая туда того же князя Готшалка на совещание, сильно поощряя его, чтобы твердо довел до конца начатый для Христа труд»².

Опираясь на архиепископскую поддержку и рассчитывая на датскую помощь, Готшалк уверенно продолжает начатое дело. «И уже послано было во все провинции за священниками и служителями слова, кои наполняли бы грубые умы язычников учением веры», так что «провинция (Славия. — В. К.) наполнилась церквями, церкви же священниками»³ — в упоении повторяет вслед за Адамом Гельмольд. О том значении, которое придавалось князем христианской пропаганде, свидетельствует любопытное известие источников: «Был он мужем великой пре-

¹ *Adam*, III, § 18.

² *Ibidem*, § 20.

³ *Helmold*, I, § 20.

данности и настолько погруженным в божественные дела, что часто сам с ободряющими речами обращался в церкви к народу, а именно, желая передать яснее, славянскими словами, то, что епископами и пресвитерами говорилось туманно»¹. Эта интересная попытка предпринять серьёзное и окончательное обращение заслуживает тем большего внимания, что церковная политика князя считалась не только со складывающейся международной обстановкой, но и была одним из действенных средств борьбы с родо-племенной знатью.

Источники лишь в самой малой степени касаются внутреннего состояния молодого славянского государства. О его церковном устройстве там говорится следующее: «И вот, — рассказывает Гельмольд, — в то самое время, как милосердием божьим и доблестью благочестивейшего мужа Готшалка положение церкви и почитание священников в Славии вновь укрепилось, по смерти епископа Абелина Ольденбургская церковь разделалась на три епископства»². В Ольденбурге появился епископ Эзон, в Магнополе — Иоанн Шотландский, в Рацесбурге — Аристон³. «Тогда же отдельными городами воздвигались общины святых мужей, живущих в качестве каноников, а также (общины) монахов и монахинь, как свидетельствуют те, кто в Любеке, Ольденбурге, Рацесбурге, Ленчине и других городах видели отдельные (из них. — В. К.). В Мекленбурге же, который является главным городом бодричей, как передают, были три конгрегации служащих богу»⁴. Повидимому, клир был достаточно многочисленным, и это тяжёлым бременем ложилось на плечи славянского населения.

Политика христианизации характеризует лишь одну сторону изменений, происшедших в бодричком обществе в правление Готшалка. Эта политика была самым тесным образом связана с борьбой Готшалка против язычества и против связанной с ним социальной системы родо-племенного строя. В хрониках теперь уже нет больше упоминаний

¹ *Adam*, III, § 19; *Helmold*, I, § 20.

² *Helmold*, I, § 22.

³ См. *Adam*, III, § 20.

⁴ *Helmold*, I, § 20.

о вечевых собраниях. Вместе с тем из источников совершенно исчезают имена других князей. Судя по сообщениям хронистов, славянский князь правил единолично. Повидимому, уничтожение родовой знати произошло решительно и окончательно. Вместе с бодричкой родовой знатью гибли старые, языческие традиции.

При помощи какой силы удерживалось и с помощью какого административного аппарата управлялось это государство, простиравшееся от берегов Эльбы и до реки Пены? Напряжённая обстановка на западной границе страны и непрерывные войны на Востоке, борьба с родовой знатью и язычеством требовали прочной администрации и хорошо организованной военной силы. Такой силой могла быть лишь окружающая князя постоянная и зависимая от него дружина. О существовании подобной дружины в это время можно догадываться на основании одного беглого замечания Гельмольда по поводу описываемого им междоусобия у лютичей: «Ротари и доленчане, которые сражались из-за славы, позором своего поражения в высшей мере угнетенные, обратились за помощью к сильнейшему королю датчан и герцогу саксонскому Бернгарду, а также к Готшалку, князю ободритов, к каждому с войсками его и наняли такое множество за собственные средства на шесть недель»¹. Этот коротенький отрывок свидетельствует ещё и о многочисленности дружины. При описании славяно-датской войны Саксон Грамматик упоминает о конном войске князя Генриха, сына Готшалка. Очевидно, конной была и дружина Готшалка. Насколько серьёзной силой была эта дружина, можно судить хотя бы по тому, что Готшалк чувствует себя достаточно прочно, для того чтобы повести борьбу с язычниками — лютичами — и подавлять внутреннюю оппозицию, не прибегая к чужой помощи.

Источники не сообщают, каким способом содержалась многочисленная княжеская дружина. Но, поскольку доходы государства состояли из дани, приносимой населением, о которой мы имеем, правда, лишь самое беглое указание у Адама², можно предполагать, что содержание дружины

¹ *Helmold*, I, § 21.

² См. *Adam*, III, § 18.

шло именно за этот счёт. Государство Готшалка было дофеодалным, напоминающим Киевскую Русь, когда крестьянство ещё сохраняет свою свободу, а система ленных пожалований выражена в даях. Новая администрация вербовалась, очевидно, из среды дружинников. Так возникла новая служилая знать, целиком зависимая только от воли князя.

IV

Готшалку удаётся подчинить часть лютичей: «И вот все народы славян, которые входили в Гамбургскую диоцезу, под этим князем приняли христианскую веру, т. е. вагры или рареги, или полабы, также глиняне, варнабы, хижане и череспеняне, до реки Пены»¹. Следовательно, в составе его государства оказываются два лютицких племени — хижане и череспеняне. Так по крайней мере утверждают источники, хотя о самом завоевании хижан и череспенян их сообщения туманны.

В это время воинственная лютицкая федерация распадается на два лагеря, враждующих из-за власти: доленцы и ратары, поддержанные к тому же хижанами, с одной стороны, череспеняне — с другой. Несмотря на такой перевес сил на стороне противников, череспенянам трижды удаётся выйти из войны победителями². Такие сведения сообщает Адам. Гельмольд даёт несколько иную расстановку сил: доленцы и ратары — один лагерь, хижане и череспеняне — другой³.

Не примирившись с поражением, «те, которые были побеждены, привели князя Готшалка и герцога Бернгарда и короля датчан, приглашенных на помощь против врагов, и колоссальное войско трех королей содержали своими податями в течение 7 недель, ожесточенно сражаясь с череспенянами. Много тысяч славян, таким образом, было убито, еще больше уведено в плен. Наконец, череспеняне, предложив королям 15 тысяч талантов, заключили мир»⁴.

¹ *Adam*, III, § 19.

² См. *Adam*, III, § 21.

³ См. *Helmold*, I, § 21.

⁴ *Adam*, III, § 21.

Порядок перечисления участвующих лиц (князь — герцог — король)¹, очевидно, установлен по степени участия и значению этих лиц в разыгравшихся событиях, причём первое место принадлежит Готшалку.

Участие в экспедиции датчан должно было сыграть нейтрализующую роль по отношению к саксам, так как Готшалку отделаться от их участия не представлялось возможным. Косвенно эту чисто формальную сторону участия саксов и датчан подтверждает следующее место у Адама: «Наши вернулись с триумфом, никакой речи не было о христианстве, победители стремились только к добыче»². Следовательно, ни о чём большем, чем обычный грабёж, с их стороны не могло быть и речи. И следующая, 22-я, глава хроники Адама говорит о жадности саксов. Новый свет на сложившуюся ситуацию проливают сообщения Гельмольда, продолжающего рассказ этот таким образом, что характер действия саксов и Готшалка категорически противопоставляются друг другу: «И вот да будет прославлен и достоин всяческой похвалы достойнейший тот Готшалк, который, выйдя из среды варваров, восстановил с полным усердием любви в своем народе дар веры и благодать христианства. И да устыдятся представители саксонской аристократии, которые, происходя от христианских предков и взлелеянные на лоне святой матери церкви, оказались всегда бесплодными и нерадеющими к делу божьему»³. Для славянского князя в этот момент дело шло о расширении и укреплении границ государства до самой Пены, а также о христианизации завоёванного края.

Подробности происходившей борьбы источники обходят молчанием.

Дружба с Адальбертом определила внешние позиции молодого государства — антисаксонское направление его политики. Датские связи составляли вторую опору Готшалка. Пока обе эти силы были прочны, Готшалк мог чувствовать себя в безопасности от саксонских притязаний.

¹ См. *Helmold*, I, § 21.

² *Adam*, III, § 21.

³ *Helmold*, I, § 21.

ний. Но вот наступил переломный 1059 год. Смерть старого Бернгарда и вступление на престол его старшего сына Ордульфа изменили международное положение Бодрицкого княжества. Братья Ордульф и Герман, поделив отцовское наследство, начали новую агрессивную политику. Известный политический антагонизм между Гамбургом и Биллингами существовал и при старом герцоге, но теперь все противоречия разом вскрылись и привели к открытому столкновению. Вот что сообщает Адам: «После его (Бернгарда. — В. К.) смерти сыновья его Ордульф и Герман получили его наследство, сопряженное со злом для Бременской церкви. Ибо они, помня древнюю ненависть, как отец их, тайно доставляют той же церкви много мучений и решают открыто напасть в злости на епископа и всю челядь в церкви»¹. Всё это противопоставляется 40-летнему мудрому и осторожному правлению Бернгарда. Причины этого столкновения коренились не только в той антиаристократической политике, которую вёл Адальберт в империи, но и в его попытке основать в Саксонии независимое и прочное феодальное владение.

Критическим оказался 1066 год — год падения Адальберта. Мстительная рука саксов настигает Бремен. Связывая эти события с гибелью Готшалка, Адам коротко замечает: «Это первое разорение наше случилось в Бременской епархии. За Эльбой также пришло великое мщение, так как уже князь Готшалк был убит в это время язычниками, которых он пытался сам обратить в христианство»². Получается, что, с одной стороны, Готшалк расплачивался теперь за свою дружбу с Адальбертом, за свою независимую и враждебную саксам политику, а с другой стороны, что он гибнет от руки восставших славян-язычников, которые обрушиваются вслед за тем на христианскую церковь и сметают её совершенно. Расправа приобретает порой бессмысленно жестокий характер. Так погиб захваченный в Мекленбурге епископ Иоанн, у которого предварительно отрубили руки и ноги, а голову

¹ *Adam*, III, § 42.

² *Ibidem*, § 49.

его «варвары, прибыв к шесту в знак победы, принесли в жертву богу своему Радигостю. Это произошло в столице славян Ретре 10 ноября»¹. Центр языческого заговора оказывается в Ретре, в земле лютичей, с которыми Готшалк ещё недавно вёл упорную и продолжительную борьбу.

Одержав победу, славяне «разорили огнем и мечом всю Гамбургскую провинцию. Прочие все штурмары и гользаты были перебиты, либо уведены в плен. Крепость Гамбург была разрушена до основания и в поругание спасителя нашего даже кресты были разрушены язычниками»². Но Гельмольд сообщает ещё одну интересную подробность этих первых славянских походов: «В то же самое время Шлезвиг, который по-иному называется Гейдиб, заэльбский город, который расположен на границе королевства Датского, богатейший и многолюдный, неожиданным нападением варваров был уничтожен до основания»³. Любопытно само направление славянских походов в сторону Гамбурга и в сторону Дании.

Гельмольд называет нам имя виновника происшедших событий, имя человека, возглавившего первоначально языческое движение. Впрочем, почти ничего, кроме имени. Загадочна сыгранная им политическая роль, не менее загадочна быстро наступившая смерть: «Виновником этого избиения был, как говорят, Блуссо, который имел сестру Готшалка и, вернувшись домой, он сам был убит»⁴. Что вождь восстания, направивший славян на Гамбург и датчан, принадлежал к ближайшему окружению Готшалка, — это ясно. Зато в высшей степени непонятны причины, приведшие его к гибели.

После смерти Готшалка в организации высшей власти государства не произошло больших изменений, за исключением уничтожения церкви. «И вот после смерти Готшалка, мужа доброго и попечителя бога, перешло наследство его княжества к сыну его Буте»⁵. Таким образом,

¹ *Helmold*, I, § 23.

² *Adam*, III, § 50; *Helmold*, I, § 24.

³ *Helmold*, I, § 24.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Ibidem*, § 25.

порядок престолонаследия остаётся в силе — во главе государства становится старший сын погибшего князя, а военные походы возглавляются его шурином Блуссо. Правда, направление походов выдаёт просаксонскую тенденцию нового правительства. Вместе с тем уже имеются новые власти, появляется новая столица — Ретра. И тут, сначала как-то загадочно, погибает Блуссо, затем следует изгнание Буто. Обратим внимание на причины его неудач и постоянной ненависти к нему славянского населения: «Однако положение Буто все время оставалось негвердым, — говорит Гельмольд, теперь уже наш единственный источник, — и не могло полностью укрепиться, потому что рожденный от отца христианина и будучи другом князей, он считался у народа своего предателем»¹. У саксов же ищет он помощи после своего свержения. Это подчёркивается у Гельмольда тем, что, в то время как младший брат Генрих спасается бегством в Данию, «старший Буто склонился к бардам, прося помощи у саксонских князей, которым всегда был предан и верен его отец»². Если в отношении отца последняя фраза является явной передержкой, то в отношении сына она, повидимому, раскрывает истинный смысл вещей.

Чем более углубляешься в события, тем большее количество нитей, связывающих катастрофу княжения Готшалка с Саксонией, открывается перед нами. С одной стороны, языческий заговор, имеющий центром своим Ретру и всё время усиливающийся по мере разоблачения просаксонской политики нового правительства, с другой — заговор в семье самого князя, нити от которого приводят нас прямо в Саксонию. Этот дворцовый заговор тем более понятен, что сам Буто имел, повидимому, реальные основания опасаться за своё право престолонаследия. Младший брат его, Генрих, происходивший из королевского датского рода, имел больше прав на престол.

Истинные обстоятельства гибели Готшалка навсегда останутся тайной, но самый факт, что в семье князя были готовы к его гибели, что после его смерти не было никакой

¹ *Helmold*, I, § 25.

² *Ibidem*.

растерянности, наоборот, языческое восстание было возглавлено и направлено в определённую сторону (против Гамбурга и датчан), — достаточное свидетельство не только существования самого дворцового заговора, но и его определённой зрелости. Заговорщики могли рассчитывать, очевидно, прежде всего на саксонскую помощь. Одно коротенькое сообщение Гельмольда, воспользовавшегося тут Адамом, как нельзя лучше объясняет положение: «И вот, муж, во всем веке известный, из-за верности богу и предательства князей был убит варварами, которые сами стремились отложиться от веры»¹. Истинные виновники гибели государства Готшалка — налицо. Источник говорит, что Готшалк погибает «из-за верности богу».

Так в третий раз на протяжении трёх десятков лет языческая реакция и «предательство князей», эти две столь противоположные друг другу силы, оказываются работающими в одном и том же направлении — против молодого славянского государства. И опять саксонская политика ведёт к полной ликвидации датского влияния. Сомкнулись ли когда-нибудь обе эти силы в полном смысле слова — неизвестно. Об этом можно лишь только догадываться, и, может быть, следует в Блуссо искать посредствующее звено. Во всяком случае отметим, что источники на первых порах не упоминают ни об одной попытке со стороны нового правительства Бутто подавить языческое восстание.

Саксам, однако, не удалось извлечь непосредственных выгод из затеянной ими интриги. По мере того как новые власти компрометировали себя близостью к немцам в глазах языческой реакции, вырастала роль Ретры и падало значение Бутто. Правда, ожесточённая борьба с ним и с саксонскими князьями настолько истощила её, что и она вскоре теряет гегемонию, которая теперь переходит к руянам. Но это не меняет существа дела. Вот как сообщают о саксонских неудачах Адам и Гельмольд: «Герцог Ордульф, в тщетной надежде воюя в течение 12 лет, которые он прожил после отца, против славян, никакой

Helmold, I, § 22.

никогда не мог одержать победы и столько раз побежденный язычниками был осмеян даже своими»¹. И тем не менее произошла катастрофа. Из глубины веков встает перед нами эта страшная трагедия, приведшая к гибели попытку основать на самом краю славянского мира прочное и централизованное государство и открывшая дальнейший путь на восток немецкому наступлению.

¹ *Adam*, III, § 50; *Helmold*, I, § 24.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. Я. Тиманская

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА (1868—1921)

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ФОНДОБРАЗОВАТЕЛЕ

1857 г. в Москве под председательством М. П. Погодина возник кружок, который ставил себе целью оказание помощи угнетённым братским славянским народам. Из этого кружка вырос Московский славянский благотворительный комитет, членами которого состояли многие научные и общественные деятели Петербурга.

В 1867 г. на открывшуюся в Москве Всероссийскую этнографическую выставку приехала делегация западных и южных славянских учёных и общественных деятелей. Приём, оказанный славянской делегации, вылился в демонстрацию обоюдных симпатий. Члены Московского славянского благотворительного комитета в Петербурге создали специальный распорядительный комитет для организации достойного приёма славянских гостей. Когда гости уехали, комитет постановил оформить своё существование в качестве С.-Петербургского отдела Московского славянского благотворительного комитета.

Первое заседание Петербургского отделения состоялось 7 мая 1868 г. в доме Н. А. Киреева. Общее число членов не превышало тогда 10 человек. Через год их было уже 240.

Московский славянский благотворительный комитет и его отделения первоначально находились в ведении Министерства иностранных дел и не имели утверждённого установленным порядком устава. В декабре 1875 г. они были переданы в ведение Министерства внутренних дел, и им предложено было выработать свои уставы.

Выработанный Петербургским отделением устав был утверждён Министерством внутренних дел 1 мая 1877 г., и с этого момента оно существовало самостоятельно под названием «С.-Петербургское славянское благотворительное общество». В своей деятельности оно поддерживало тесную связь с Московским славянским благотворительным обществом и его председателем И. С. Аксаковым.

После Берлинского конгресса (июнь—июль 1878 г.) И. С. Аксаков резко высказывается против изменений, внесённых в Сан-Стефанский договор в ущерб интересам России и славянских народов Балканского полуострова. Речь И. С. Аксакова в Московском университете послужила поводом к закрытию Московского славянского

благотворительного общества (21 июля 1878 г.). Несмотря на неоднократно подаваемые прошения, правительство не разрешило возобновить его деятельность.

В 1899 г., по ходатайству председателя С.-Петербургского общества графа И. П. Игнатьева, в Москве было создано отделение Петербургского общества под названием «Попечительство над учащимися в Москве славянами». Совет Петербургского общества давал Попечительству максимум самостоятельности. Попечительство обязано было только представлять Петербургскому обществу отчёты о своей деятельности. В 1912 г. Совет Общества предложил Попечительству расширить свою деятельность, преобразовав себя в отделение С.-Петербургского славянского благотворительного общества либо даже в самостоятельное общество, но руководители Попечительства отказались, мотивируя это недостатком средств и отсутствием в обществе интереса к его деятельности.

В 1900 г. Министерство внутренних дел утвердило новый устав С.-Петербургского славянского благотворительного общества. Изменения касались главным образом системы выборов руководящего состава Общества.

В 1921 г. С.-Петербургское славяское благотворительное общество вошло в ведение Российской Академии наук под наименованием Научное славянское общество. В 1923 г. оно было ликвидировано.

Председателями С.-Петербургского славянского благотворительного общества были:

А. Ф. Гильфердинг — 1869—1872

И. П. Корнилов — 1872—1876

князь А. И. Васильчиков — 1876—1878

А. А. Киреев — 1878—1879

К. Н. Бестужев-Рюмин — 1880—1882

(товарищем председателя при нём был Ф. М. Достоевский)

Н. П. Дурново — 1883—1888

граф Н. П. Игнатьев — 1888—1908

сенатор А. А. Нарышкин — 1908—1912

генерал от инфантерии П. Д. Паренсов — 1912—1914

академик А. И. Соболевский — 1914—1920.

II. СПРАВКА ПО ИСТОРИИ ФОНДА И ЕГО СОСТАВУ

Фонд С.-Петербургского славянского благотворительного общества после Великой Октябрьской социалистической революции хранился в 1-м отделении Историко-культурной секции ЕГАФ. 15 июня 1926 г. он поступил в Ленинградский областной исторический архив в неразобранном виде, без описей, всего 197 связок. В 1937 г. фонд был систематизирован в хронологическом порядке и в 1938 г. описан.

Всего по описи числится 1796 единиц хранения за 1868—1918 гг. Часть фонда хранится в архиве Академии наук (93 единицы хранения) за 1876—1920 гг.

III. СОДЕРЖАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА

Большое отражение в сохранившихся материалах фонда нашли документы об организации, структуре, личном составе Общества и его взаимоотношениях с другими славянскими обществами. К этому разделу относятся следующие группы материалов:

исторические справки о возникновении и деятельности Общества, проекты уставов, переписка о причинах, вызвавших изменение устава Общества;

отчёты о деятельности Общества, протоколы заседаний Общества за 1875—1920 гг. (большинство протоколов хранится в архиве Академии наук);

письма и докладные записки выдающихся членов Общества по вопросам деятельности Общества и его взаимоотношений с другими славянскими обществами (имеются письма И. С. Аксакова, академика К. Я. Грота, графа Н. П. Игнатьева, А. А. Башмакова, А. П. Скугаревского, В. Н. Кораблёва и др., имеется письмо композитора Э. Ф. Направника с благодарностью за избрание его в члены Общества);

письма разных лиц руководящим членам Общества по различным, часто личным вопросам (в этой группе документов имеется письмо-автограф Д. И. Менделеева графу Н. П. Игнатьеву);

переписка о принятии в члены Общества, списки членов Общества за разные годы (в списках членов Общества за 1873 г. значатся Ф. М. Достоевский и А. Г. Рубинштейн).

Ф. М. Достоевский состоял членом Общества с 1873 г. до конца своей жизни. Имеются документы об избрании Ф. М. Достоевского в члены Совета и в товарищи председателя Общества в декабре 1879 г., указания на то, что текст адреса Александру II к 25-летию юбилею его царствования составлен Достоевским.

• •
•

С момента возникновения и в продолжение почти всех лет своего существования Общество занималось изданием книг, брошюр и сборников по славяноведению, русско-славянских и славяно-русских словарей и периодических изданий: «Известий СПб славянского благотворительного общества» (1883—1888), «Славянских известий» (1889—1891) и «Славянского обозрения» (с 1892 г.). К документам, отразившим издательскую деятельность Общества, относятся:

переписка о создании Издательской комиссии, проект программы действий этой комиссии;

протоколы заседаний Издательской комиссии за разные годы (на заседаниях обсуждались вопросы осуществления и распространения славянских сборников, словарей, периодических и других изданий общества);

краткий очерк деятельности Издательской комиссии за первые восемь лет её существования (1869—1877);

списки книг и словарей, изданных Обществом.

* *
*

Благотворительная деятельность Общества выражалась в материальной поддержке молодых славян, приехавших в Россию для получения высшего образования, в оказании помощи славянам, переселившимся в Россию, а также в помощи заграничным славянам, пострадавшим от недорода, наводнения или других стихийных бедствий. Эту отрасль деятельности Общества характеризуют следующие документы:

переписка об оказании помощи славянам, пострадавшим от стихийных бедствий;

прошения приехавших в Россию славян об оказании им помощи;

списки лиц, получивших образование за счёт Общества;

переписка о создании студенческого общежития, убежища для нуждающихся славян и других мероприятий, проводимых Обществом с целью улучшения бытовых условий приезжающих в Россию славян;

отчёты Попечительства над учащимися в Москве славянами и другие документы.

* *
*

Одной из основных задач, осуществляемых Обществом на протяжении всех лет его существования, было налаживание культурных связей с западными и южными славянскими народами. Эта деятельность нашла отражение в следующих материалах:

переписке о помощи учёным, издателям, славянским обществам и организаторам кружков по изучению русского языка за границей;

переписке о бесплатной рассылке русских книг и периодических изданий в славянские школы, клубы, кружки;

переписке о приёме славянских делегаций и экскурсий, прибывающих в Россию;

переписке о чествовании памяти Яна Гуса и других славянских деятелей;

переписке об устройстве православной церкви в Праге, в которой отражено активное участие в этом деле И. С. Аксакова, А. Ф. Гильфердинга и художников Владимира Маковского и Илариона Прянишникова.

В фонде имеются тексты болгарских народных песен, переложённых на ноты.

* *
*

Деятельность Общества достигла наибольшего размаха в годы борьбы славян Балканского полуострова за свою независимость (1875—1878). О роли и участии Общества в этой борьбе имеются следующие материалы:

брошюры, статьи, речи, посвящённые восстанию славян на Балканском полуострове (в этой группе документов имеется стихотворение «По поводу резни в Болгарии» за подписью Ивана Тургенева,

имеются тексты речей И. С. Аксакова, посвящённые освободительной деятельности славян, и др.);

переписка о сборе средств для организации помощи повстанцам (имеются сведения об участии в этой кампании профессора Д. И. Менделеева, скульптора М. М. Антокольского и других выдающихся лиц);

отчёты уполномоченных Общества на Балканском полуострове об организуемой ими помощи пострадавшим славянам;

переписка о снаряжении и отправке в Сербию русских добровольцев и о руководстве добровольческим движением (имеются телеграммы генерала М. Г. Черняева, донесения генерала Дандевилля, посланного Обществом в Белград для контроля над русскими добровольцами, письма участников освободительного движения и другие документы);

списки добровольцев (имеются сведения об участии в добровольческом движении художника Маковского).

* *
*

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, и в годы самой войны (1914—1918) деятельность Общества вновь вышла из своих обычных, повседневных рамок. В сохранившихся за эти годы материалах имеется:

переписка о сборе пожертвований и организации помощи деньгами, вещами и медикаментами славянским государствам, воевавшим в 1912 г. с Турцией;

переписка о мероприятиях, проводимых Обществом с целью укрепления на Балканах идей общности славянских интересов, против усиливающегося в Болгарии влияния Германии (имеется текст воззвания Общества к болгарскому народу в августе 1913 г., в котором говорится: «В 1877 г. прозвучали победные звуки вашего освобождения и дарования вам самостоятельной жизни, довершенных и закрепленных славянской Россией... Братья-болгары, обращаемся к вам с горячим братским приветом... Всмотритесь в то, что было и что мы видим теперь. Тогда единение с Россией и славянством привело угнетенных болгар к самостоятельному государству, русская и болгарская кровь, пролитые вместе, взрастили дерево, обещающее стать могучим!.. Сбросьте духовные иноземные оковы! С Россией и славянством! Вот путь. Иного нет. Услышьте голос братской крови!»).

Большой интерес представляют документы, отражающие деятельность двух санитарных отрядов, созданных Обществом в 1914 г. и действовавших в годы первой мировой войны на территории Сербии и Черногории.

Имеются письма, донесения, отчёты медицинских работников, фотографии лазарета доктора Чаброва и др.

* *
*

Документальные материалы фонда отражают также деятельность Общества в области распространения в России знаний о славянском мире. Сюда относятся следующие группы документов:

программы и конспекты докладов по славяноведению, ставившихся на заседаниях Общества;

программы и конспекты общедоступных популярных лекций по славяноведению;

программы доклада В. Г. Жуковского на тему «Современные общественные течения в Чехии», докладов И. С. Пальмова на темы «Нравственный образ Иоанна Гуса» и «Из недавнего прошлого Галичины (под австрийским владычеством)», доклада генерал-лейтенанта Н. Д. Груева, сделанного в 1915 г. на тему «Современная Болгария» (из личных воспоминаний и наблюдений), доклада А. А. Башмакова на тему «Реймский собор и возрождение славянства» и др.;

газетные вырезки с отчётами о лекциях и докладах, устраиваемых Обществом;

переписка об учреждении премий за лучшие сочинения по славяноведению;

программы, отчёты, речи, письма и телеграммы, вырезки из газет о юбилеях, торжественно проводимых Обществом (о юбилее, посвящённом памяти славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, о праздновании девятисотлетия крещения Руси, двадцатипятилетия освобождения славян Балканского полуострова и ряде других юбилеев).

* *
*

Хозяйственно-финансовая деятельность Общества нашла отражение в следующих документах:

в сметах доходов и расходов Общества за разные годы;

в ведомостях о состоянии кредитов;

в ведомостях на выдачу жалования служащим Общества;

в переписке о капиталах, завещанных разными лицами в пользу Общества;

в документах к отчётам уполномоченных Общества;

в журналах Ревизионной комиссии;

в описях имущества Общества.

* *
*

Часть фонда С.-Петербургского славянского благотворительного общества, хранящаяся в архиве Академии наук, содержит в себе следующие документальные материалы:

протоколы заседаний Общества;

архив редакции «Известий С.-Петербургского славянского благотворительного общества» с рукописями К. Н. Бестужева-Рюмина, К. Я. Грота, П. А. Кулаковского, А. И. Соболевского и др.;

альбомы с фотографиями деятелей Общества и участников войны на Балканском полуострове.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сборник «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1862—1883 гг.», Спб. 1883.

2. *Ф. М. Истомин*, Краткий очерк деятельности С.-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868—1893 гг., Спб. 1893.

3. Уставы, отчёты, протоколы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<u>Готье Ю. В.</u> , академик — Образование сербского государства	5
<i>Пичета В. И.</i> , академик — Образование Польского государства	45
<i>Неедлы Э. Р.</i> , академик — Возникновение Чешского государства	74
<i>Тихомиров М. Н.</i> , член-корреспондент Акад. наук СССР — Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времён до половины XVII в.	125
<i>Пичета В. И.</i> , академик — Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683 гг.)	202
<i>Богоявленский С. К.</i> , член-корреспондент Акад. наук СССР — Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв.	241
<i>Никитин С. А.</i> — Дипломатические отношения России с юж- ными славянами в 60-х годах XIX в.	262
<i>Гринберг С. Ш.</i> — Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны (1912—1914 г.г.)	291
<i>Королюк В. Д.</i> — Государство Готшалка (XI в.)	336
<i>Приложение</i>	
<i>Тиманская Л. Я.</i> — Государственный исторический архив Ле- нинградской области	359

Редактор *Железнова*

Художники книги *И. Костылев и Н. Седельников*

Подписано к печати 16 мая 1947 г.
Тираж 20 000 экз. А02689.
Объем 23 п. л. Цена 10 р. Заказ № 7083.

1-я Образцовая типография треста
«Полиграфкинг» Огиза
при Совете Министров СССР.
Москва, Валуевая, 28.

10p.

СЛОВА
ПРОСТОПИСИВАЊА
1947